

Archeology
культура семантика
историографи:

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация

образовательное пространство
межкультурная коммуникация

Psychology
образовательное пространство
лингвокультурология

дискурс
SibScript
человек
концепт
Linguoculturology
лингвистика
толерантность

Literature studies
адаптация
билингвизм

linguistic picture of the world
SibScript
лингвистика
лингвокультурология
билингвизм

Archeology
лингвокультурология
билингвизм

образовательное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство

Archeology
поликультурное пространство
поликультурное пространство

linguistic picture of the world
Archeology
лингвистика
лингвокультурология

Psychology
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 28 No 2
2026

СИБ Скрипт

ТОМ 28 № 2
2026

Archeology
лингвистика
лингвокультурология

Psychology
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

Psychology
лингвистика
лингвокультурология

Archeology
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

Archeology
лингвистика
лингвокультурология

Psychology
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

Archeology
лингвистика
лингвокультурология

Psychology
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

History
лингвистика
лингвокультурология

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 4 уровень.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the fourth level.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyayeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Перед вами – очередной номер нашего журнала, который, как мне кажется, отражает достаточно сложные тенденции современной психологической науки: стремление удержать в фокусе одновременно внутренний мир личности и тот стремительно меняющийся социальный, технологический и культурный контекст, который этот мир формирует и деформирует. Данный выпуск представляет достаточно широкий спектр научных статей, в которых фундаментальные когнитивные механизмы соседствуют с острыми социальными вызовами, а классические психоаналитические концепции встречаются с анализом цифровых устройств и инновационных элит. Номер специально структурирован вокруг четырех ключевых разделов, чтобы показать возможность современной психологии к диалогу между разными парадигмами. Мы видим, как когнитивные исследования смыкаются с педагогической практикой (рабочая память и готовность к экзамену), как социальный контекст проникает в психосемантику, а культурные различия модифицируют базовые личностные черты.

Открывает номер раздел, посвященный исследованиям **когнитивной сферы и психосемантического пространства личности**. Статья В. В. Калиты и Я. И. Флах об образе мира волонтеров с разной мотивацией актуализирует важную проблему о том, что даже в альтруистической деятельности семантические слои у внутренне и внешне мотивированных людей различаются кардинально. Это не просто академический интерес авторов, сделанные выводы указывают направление к эффективному управлению человеческими ресурсами в некоммерческом секторе. Особого внимания заслуживает систематический обзор А. В. Микляевой и К. И. Долженко о влиянии типа цифрового устройства на креативность, убедительно показывающих, что планшет, смартфон или ноутбук – не просто инструменты, это средства работы с информацией, меняющие стратегии мышления пользователя. В эпоху тотальной цифровизации этот вывод переводит вопрос эргономики в ранг эпистемологии. Завершают раздел работа С. А. Миронец о связи зрительно-пространственной рабочей памяти и саккадической системы глаза, обобщающая фундаментальные нейрофизиологические механизмы (саккадическая система, мозжечок) с прикладным аспектом обучения детей, и исследование И. А. Филенко с соавторами об инновационном потенциале молодежи, в котором следует отметить дифференциальный подход к пониманию инновационности как сложного сочетания личностных черт, которые можно и нужно диагностировать.

Раздел **Личность и социальный контекст** посвящен влиянию макросоциума на микромир личности. Статья Н. В. Волынички о дискриминационных установках и механизмах оправдания ксенофобии сегодня может рассматриваться почти как клинический диагноз социуму. Автор не просто констатирует наличие

предрасудков, но вскрывает сложную структуру социально-психологических факторов, определяющую дискриминацию нормы для носителя. Достаточно редкая по замыслу работа Н. Б. Карабущенко и П. П. Карабущенко о психологической модели научно-инженерной и IT-элиты России поднимает актуальный вопрос: как распознавать и воспитывать тех, кто будет определять технологический суверенитет страны? Это не элитизм, а ответ на реальный запрос экономики. В связке двух следующих статей: И. В. Нехорошевой и Н. С. Крамаренко об экономическом сознании и эгоизме, а затем М. С. Яницкого с соавторами об отношении к правилам этикета, речь идет о ценностно-смысловой регуляции поведения. Именно через такие на первый взгляд бытовые вещи (этикет) или острые дилеммы (эгоизм в экономике) и проявляется подлинная самоактуализация личности.

Раздел **Психология здоровья и адаптации** представляют исследования о границах нормы и механизмах выживания в недружелюбной среде. Г. Г. Буторин предлагает культурный взгляд на темную триаду, показывая, как индивидуализм и коллективизм по-разному окрашивают проявления нарциссизма, психопатии и макиавеллизма. Это важное предупреждение против кросс-культурной слепоты в клинической практике. Ретроспективный анализ, проведенный У. А. Токарь и Т. В. Капустиной о раннем детском опыте у людей с патологическим перфекционизмом, обнажает корни того самого перфекционизма, который разрушает здоровье личности. В статье Н. В. Филипповой и соавторов предлагается комплексный обзор системы механизмов адаптации – от психологических защит до антиципационной состоятельности. Это редкая попытка собрать разрозненные конструкты (копинги,

защиты, предвосхищение) в единую функциональную систему. Для практикующих психологов этот текст может стать методологической опорой.

Раздел **Психолого-педагогические проблемы в образовательной деятельности** открывается оригинальным и важным исследованием Е. Ю. Брель и Е. О. Зяtkовой о гелотофобии (боязни насмешек) в вузе. Студенческая среда не так дружелюбна, как представляется, и этот страх напрямую блокирует учебную мотивацию у достаточно большого количества студентов. Коллектив авторов под руководством Т. Г. Бохан предлагает транспективный анализ критериев успешности обучения – сам термин указывает на выход за рамки простой

успеваемости. Следующая за этим исследованием работа А. В. Котельниковой с соавторами о психологической готовности к ЕГЭ раскрывает типологию старшеклассников и, что особенно ценно, их неосознаваемые ресурсы, указывающие на глубину проблемы тревожности выпускников средних школ. Завершает номер статья С. Н. Сорокоумовой и Э. Н. Лариковой о готовности будущих дефектологов к работе в новых и приграничных регионах России, фокусирующая внимание не просто на компетенциях, а прежде всего на личностной зрелости и готовности работать в условиях неопределенности и повышенного риска – профессиональное качество, которое сегодня становится ключевым для всех специалистов отечественной прикладной психологии.

Дорогие коллеги! Приглашаю вас к вдумчивому чтению и научной дискуссии. Мы надеемся, что представленные работы не только обогатят научный дискурс, но и найдут практическое применение в работе психологов, педагогов и всех, кто интересуется психологией.

С уважением и верой в силу научного знания, главный редактор А. В. Серый

Dear readers and authors!

This latest issue brings together two complex focal points in contemporary psychological science: the inner world of the individual and the outer reality of rapidly changing social, technological, and cultural contexts. As always, we invite you on an insightful journey through a wide range of scientific articles: from fundamental cognitive mechanisms to the most pressing social challenges and from classical psychoanalytic concepts to digital ecology and innovative elites. Just as contemporary psychology moves seamlessly between paradigms, this issue of Sibsript is structured as a powerful synergy of four sections. You will see how cognitive research intersects with such applied pedagogical matters as working memory and academic performance, how social context turns into psychosemantics, and how cultural diversity shapes personality.

The journal welcomes you with a section of **cognitive and psychosemantic studies**. V. V. Kalita and Ya. I. Flakh investigate the motivation behind social volunteering, proving that altruists driven by different internal and external reasons exhibit distinct worldview semantics. What began as a purely academic interest has paved the way for more effective HR management in the non-profit sector. A. V. Miklyaeva and K. I. Dolzhenko's review proves that human creativity depends on the type of digital device used. In this regard, tablets, smartphones, and laptops are not just digital tools but means of data processing that define the user's thinking strategies. In the era of total digitalization, this conclusion raises the issue of ergonomics to the rank of epistemology. S. A. Mironets studies the correlation between visual-spatial working memory and the saccadic system of the human eye. The author summarizes the fundamental neurophysiology of the saccadic system and the cerebellum with the applied aspect of children's learning capabilities. I. A. Filenko et al. study the innovative potential of youth, understanding innovation as a complex combination of personality traits that can and should be diagnosed.

The section of **Personality in Social Context** focuses on the way the macrosocium influences the microcosm. N. V. Volynchik's research on discriminatory attitudes and the justification of xenophobia serves as a clinical diagnosis to the modern society. What we see as social or ethnic prejudice is in fact a complex structure of socio-psychological factors that determine the deviation of the norm. N. B. Karabushchenko and P. P. Karabushchenko attempt at modelling the psychology of Russia's scientific, engineering, and IT elite. Again, the theoretical research is an introduction to a relevant practical

issue: how are we to educate the future generation of specialists who are to bring the country to its technological independence? Early detection of engineering potential is not about elitism, but a direct response to economic demand. The value-semantic regulation of social behavior depends on the correlation between economic consciousness and selfishness (I. V. Nekhorosheva & N. S. Kramarenko), as well as on the social attitudes to etiquette (M. S. Yanitskiy et al.). In fact, the true self-actualization manifests itself through such seemingly mundane things (etiquette) or acute dilemmas (egoism in economics).

The next set of articles deals with the **psychology of health and coping**. The authors investigate the boundaries of the norm and survival mechanisms in an unfriendly environment. G. G. Butorin warns against cross-cultural blindness in clinical practice, offering a cultural perspective on the Dark Triad (narcissism, psychopathy, and Machiavellianism), which depends on individualism or collectivism. A retrospective analysis by U. A. Tokar and T. V. Kapustina studied the early childhood experiences of patients with pathological perfectionism to expose the roots of this destructive condition. N. V. Filippova et al. review the system of coping mechanisms, from psychological defenses to anticipatory viability. Their research is a unique attempt to assemble disparate constructs (coping, protection, anticipation) into a single functional system, which provides a strong methodological support to practicing psychologists.

The last section covers a wide range of **psychological and pedagogical issues in education**. E. Yu. Brel and E. O. Zyatkova describe how gelotophobia (the fear of being ridiculed in public) undermines learning motivation at university. T. G. Bokhan et al. performed a trans-perspective analysis of academic

success and its criteria, proving that the phenomenon is far beyond simple academic performance. A. V. Kotelnikova et al. classified high school students by their psychological readiness for the Unified State Exam. Their study on unconscious resources indicate anxiety as an urgent problem among high school graduates.

S. N. Sorokoumova and E. N. Larikova worked with students of speech pathology to evaluate their readiness to practice in frontier regions, where uncertainty and increased risk environment demand personal maturity, a key professional quality for young psychologists.

Dear colleagues, we believe that the articles you will find in this issue will spark a fruitful scientific discussion. We trust they will enrich your professional discourse and find meaningful practical application in psychology and education.

With respect and faith in the power of scientific knowledge,

Editor-in-Chief Andrey V. Seryy

Исследования когнитивной сферы и психосемантического пространства личности

- Особенности семантического слоя образа мира добровольцев (волонтеров) с внутренними и внешними мотивами деятельности
Калита В. В., Флах Я. И. 179
- Влияние типа цифрового устройства на продуктивность и стратегии решения творческих задач: систематический обзор исследований
Микляева А. В., Долженко К. И. 192
- Роль саккадической системы в зрительно-пространственной рабочей памяти и зрительном внимании
Миронец С. А. 217
- Дифференциально-психологический анализ компонентов инновационного потенциала студенческой молодежи
Филенко И. А., Атаманова И. В., Богомаз С. А., Галажинский Э. В. 232

Личность и социальный контекст

- Дискриминационные установки и поведенческие паттерны в контексте ксенофобии: роль социально-психологических факторов и механизмов оправдания
Волынчик Н. В. 252
- Практическая апробация психологической модели научно-инженерной и IT-элиты России
Карабущенко Н. Б., Карабущенко П. П. 265
- Особенности экономического сознания личности в зависимости от уровня эгоизма
Нехорошева И. В., Крамаренко Н. С. 279
- Отношение к правилам этикета как фактор ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности
Яницкий М. С., Гарибян И. А., Серый А. В. 293

Психология здоровья и адаптации

- Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма и проявлений темной триады личностных черт в разных культурных контекстах
Буторин Г. Г. 303
- Ретроспективная оценка раннего детского опыта отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом
Токарь У. А., Капустина Т. В. 312
- Психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационная состоятельность как система механизмов психологической адаптации: комплексный обзор от истории к современности
Филিপцова Н. В., Ледванова Т. Ю., Антонова А. А., Барыльник Ю. Б. 326

Психолого-педагогические проблемы в образовательной деятельности

- Проблема критериев успешности обучения студентов в вузе: трансспективный анализ
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Силаева А. В., Терехина О. В. 340
- Особенности проявления гелотофобии в студенческой среде вуза
Брель Е. Ю., Зятькова Е. О. 361
- Психологическая готовность старшеклассников к единому государственному экзамену: типология, осознаваемые и неосознаваемые ресурсы
Котельникова А. В., Сыркин Л. Д., Зенцова Н. И. 372
- Личностная готовность будущих дефектологов к работе в новых и приграничных регионах России
Сорокоумова С. Н., Ларикова Э. Н. 385

Cognitive Studies and Psychosemantic Personal Space

Worldview Semantic Stratum in Volunteers with Intrinsic and Extrinsic Motivations Kalita V. V., Flakh Ya. I.	179
Impact of Digital Devices on Performance and Creative Problem Solving: A Review Miklyaeva A. V., Dolzhenko K. I.	192
Saccadic System in Visuo-Spatial Working Memory and Visual Attention Mironets S. A.	217
Innovative Potential in University Students: Differential Psychological Analysis Filenko I. A., Atamanova I. V., Bogomaz S. A., Galazhinsky E. V.	232

Personality in Social Context

Discriminatory Attitudes and Behavioral Patterns in Xenophobic Context: Socio-Psychological Factors and Justification Mechanisms Volynchik N. V.	252
Testing the Psychological Model of Russian Scientific, Engineering, and IT Elite Karabushchenko N. B., Karabushchenko P. P.	265
Effect of Egoism on Economic Consciousness Nekhorosheva I. V., Kramarenko N. S.	279
Etiquette Attitudes as Predictors of Value-Meaning Systems and Self-Actualization Yanitskiy M. S., Garibyan I. A., Seryy A. V.	293

Psychology of Health and Adaptation

Individualism / Collectivism vs. Dark Triad in Different Cultural Contexts Butorin G. G.	303
Early Childhood Family Experiences in Individuals with Pathological Perfectionism Tokar U. A., Kapustina T. V.	312
Psychological Defenses, Coping Strategies, and Anticipatory Consistency as Psychological Adaptation System: A Chronological Review Filippova N. V., Ledvanova T. Yu., Antonova A. A., Barylnik Yu. B.	326

Psychology and Pedagogy of Education

Success Criteria in University Education: A Transpective Analysis Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Silaeva A. V., Terekhina O. V.	340
Gelotophobia in University Students Brel E. Yu., Zyatkova E. O.	361
Psychological Readiness for Unified State Exam in High School Students: Typology, Conscious and Unconscious Resources Kotelnikova A. V., Syrkin L. D., Zentsova N. I.	372
Personal Readiness of Pre-Service Speech Pathologists for Professional Activity in Russia's New Frontier Regions Sorokoumova S. N., Larikova E. N.	385

оригинальная статья

eLibrary EDN: XWARIF

Особенности семантического слоя образа мира добровольцев (волонтеров) с внутренними и внешними мотивами деятельности

Калита Виталий Владимирович

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4054-4425

<https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>

Scopus Author ID: 57222040103

Флах Яна Игоревна

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4968-6600

<https://orcid.org/0009-0002-8284-6837>suivre@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена большой социальной значимостью добровольческой (волонтерской) деятельности, появлением и развитием новых направлений помощи, а также активным вовлечением в добровольчество (волонтерство) широкого круга людей. Цель – изучить особенности образа мира и образа жизни добровольцев (волонтеров) на уровне семантического слоя и выявить специфические особенности в представлениях образа мира добровольца (волонтера) в группах респондентов с разными мотивами участия в добровольческой (волонтерской) деятельности. Для определения специфики представлений образов использованы семантические дифференциалы с биполярным набором шкал В. П. Серкина. Для определения мотивов участия в деятельности применялась авторская анкета. Обработка результатов осуществлялась методом расчета семантических универсалий по 90 % интервалу, статистическим непараметрическим критерием определения различий между группами (U-критерий Манна-Уитни), коэффициентом корреляции Пирсона, факторным анализом. Выборку составили 197 добровольцев (волонтеров): 42 мужчины (21,3 %) и 155 женщин (78,7 %), осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации в составе благотворительных организаций и самостоятельно. Средний стаж деятельности по выборке составляет 4,6 года, средний возраст респондентов – 35 лет. Сбор данных осуществлялся путем заполнения методик в Google Forms. По результатам исследования определены мотивы участия в добровольчестве (волонтерстве). Большинство участников исследования имеют в основе деятельности внутреннюю мотивацию (56,35 %, n = 111), представленную духовно-нравственными ценностями и направленностью на самореализацию. Внешняя мотивация определена у 43,65 % (n = 86) респондентов; к внешним мотивам были отнесены социальная направленность, мотивы благополучия в стране и мире, фактор нематериальной благодарности. Выявлены и описаны семантические универсалии и факторные структуры по группе респондентов в целом. *Образ добровольца (волонтера)* характеризуют факторы: опытный – эффективный, равнодушный – гуманный, активный – решающий проблемы, ответственный – выполняющий; *образ жизни* волонтера представлен факторами: уважительный – нравственный, насыщенный – интересный, открытый – веселый; *деятельность* волонтера составили факторы: одобряемая – добровольная, разнообразная – значимая, легальная – коммуникабельная, социальная – активная. Выявлены статистически значимые различия в семантическом слое описания образа мира и образа жизни в группах добровольцев (волонтеров) с внутренней и внешней мотивацией. Участники исследования, имеющие внешнюю мотивацию, чаще характеризуют *образ добровольца (волонтера)* стремлением к внутренней гармонии и свободе; *образ жизни* – направленным на профессиональную самореализацию и активную жизнедеятельность; а собственную *деятельность* оценивают как интенсивную. Для участников исследования с внутренней мотивацией в описании *образа добровольца (волонтера)* более значимыми являются альтруистические ценности, определяющие их направленность на принятие других людей, стремление к профессиональной самореализации; *образ жизни* характеризуется ценностями общения и жизнерадостностью; *деятельность* представлена разнообразием и высокой вовлеченностью в нее. Респонденты с внутренней мотивационной составляющей чаще связывают свой образ с такой характеристикой, как *умелый*; респонденты с преобладанием внешних мотивов деятельности чаще связывают свой образ с понятием *ответственный*.

Ключевые слова: волонтер, добровольчество, образ мира, семантический слой образа мира, образ жизни, внешняя мотивация, внутренняя мотивация

Цитирование: Калита В. В., Флах Я. И. Особенности семантического слоя образа мира добровольцев (волонтеров) с внутренними и внешними мотивами деятельности. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 179–191. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-179-191>

Поступила в редакцию 04.08.2025. Принята после рецензирования 02.10.2025. Принята в печать 06.10.2025.

original article

Worldview Semantic Stratum in Volunteers with Intrinsic and Extrinsic Motivations

Vitaliy V. Kalita

Razumovsky Moscow State University of Technology and Management

(First Cossack University), Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4054-4425

<https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>

Scopus Author ID: 57222040103

Yana I. Flakh

Razumovsky Moscow State University of Technology and Management

(First Cossack University), Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4968-6600

<https://orcid.org/0009-0002-8284-6837>

suivre@yandex.ru

Abstract: Volunteering holds great social significance. As more people get involved, social volunteering becomes increasingly diverse. The study explores the semantic stratum in the image of the world and the lifestyle of volunteers with different extrinsic and intrinsic motives. The specific representation of images was studied using the method of semantic differentials with a bipolar set of scales (V. P. Serkin). A specialized questionnaire was used to determine the motives for participation in social volunteering. The results were processed using the method of calculating semantic universals (90% interval) and a statistical nonparametric criterion for determining differences between groups (the Mann–Whitney U-test, the Pearson correlation coefficient, factor analysis). The sample consisted of 197 volunteers with an average age of 35, including 42 men (21.3%) and 155 women (78.7%), members of charitable organizations and independent volunteers for an average of 4.6 years. The data were collected via Google Forms. Most participants demonstrated intrinsic motivation (56.35%; n = 111), represented by spiritual and moral values and a focus on self-realization. Extrinsic motivation was identified in 43.65% (n = 86): social orientation, national and global well-being, and non-material gratitude. Semantic universals and factor structures were identified and described for the entire group of respondents. A volunteer was described as experienced, efficient, caring, humane, active, problem-solving, responsible, and fulfilling. Their lifestyle was represented by the following factors: respectful – moral, intense – interesting, open-minded – cheerful. The activity of a volunteer was composed of such factors as approved – voluntary, diverse – significant, legal – sociable, social – active. The semantic strata differed between volunteers with intrinsic and extrinsic motivation. Externally motivated volunteers focused on the desire for inner harmony and freedom as central to the image of a volunteer, and professional self-realization and an active life for volunteering as a way of life. They evaluated their own activity as intensive. The participants with intrinsic motivation mentioned altruistic values in describing the image of a volunteer, accepting other people and striving for professional self-realization. They characterized lifestyle by values of communication and cheerfulness. The activity was represented by diversity and high involvement. The respondents with intrinsic motivation were more likely to associate their image with such a characteristic as skillful. Those with extrinsic motives tended to associate it with the concept of responsibility.

Keywords: volunteer, volunteering, world image, semantic layer of the world image, lifestyle, external motivation, internal motivation

Citation: Kalita V. V., Flakh Ya. I. Worldview Semantic Stratum in Volunteers with Intrinsic and Extrinsic Motivations. *SibScript*, 2026, 28(2): 179–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-179-191>

Received 4 Aug 2025. Accepted after peer review 2 Oct 2025. Accepted for publication 6 Oct 2025.

Введение

В условиях нестабильной политической и экономической ситуации добровольческая (волонтерская) деятельность является востребованной и необходимой обществу. В нашей стране данный вид деятельности активно развивается, появляются новые объекты и формы помощи. Согласно Указу Президента от 25.04.2022 № 231¹ в рамках Десятилетия науки и технологий (2022–2031 гг.) была утверждена инициатива научного волонтерства, в которой на сегодняшний день задействовано более 40 тыс. добровольцев (волонтеров)². С. В. Фурсов определяет научное добровольчество (волонтерство) как добровольную деятельность граждан, не имеющих профессиональной подготовки в области науки, в форме безвозмездной помощи ученым в их научной деятельности [Фурсов 2023]. В добровольчество (волонтерство) вовлекается все более широкий круг людей, в том числе школьники и студенты. Актуальной становится проблема изучения феномена волонтерства изнутри, со стороны ее активных участников. Это позволит раскрыть смысл происходящего и с учетом видения этого процесса глазами самих добровольцев (волонтеров) составить более объемную картину данного феномена. Результаты подобного рода исследований в области психологии помогут в составлении программ в целях привлечения людей в добровольчество (волонтерство), их удержания и поддержки в осуществляемой деятельности. Исследование понимания особенностей психической деятельности добровольцев (волонтеров) указывает на необходимость изучения ее отношений с внешней практической деятельностью. Понимание природы такого интегрального психологического феномена, как образ мира, нуждается в изучении его отношений не с одной отдельно взятой деятельностью, а со всей системой реализуемых субъектом деятельностей, в которой функционирует образ мира, развивается и изменяется, при этом именно с его индивидуальным образом жизни [Шуныкова 2011].

В рамках гуманитарных наук образ добровольца (волонтера) изучается с разных позиций. Исследованию внешних представлений об образе добровольцев (волонтеров) посвящены работы,

направленные на изучение внешних представлений об образе людей, вовлеченных в добровольчество (волонтерство), их эмоциональных характеристиках, специфики ментальной репрезентации образа, динамики представлений образа волонтера в группах людей разных поколений [Васильева, Чумаков 2023; Егоркина, Володин 2021; Звездина и др. 2017; Ракитская, Кузнецова 2021]. Исследования личности людей, вовлеченных в добровольческую (волонтерскую) деятельность, представлены в работах [Азарова, Яницкий 2008; Бархаев 2010; Кудринская 2007; Певная 2015; Попова, Мазанова 2021; Стегний, Никонов 2018], в которых рассмотрены психологические детерминанты, смысловая и мотивационная сферы, эффекты от участия в добровольческой (волонтерской) деятельности.

Изучение образа мира и образа жизни представлено в работах ряда авторов, посвятивших свои исследования выявлению и описанию специфических особенностей образа мира специалистов разных профессиональных групп [Абдуллаева 2021; Артемьева и др. 1983; Пономаренко 2003; Серкин 2007; 2020; Шуныкова 2011]. Исследований, направленных на совместное изучение образа мира и образа жизни людей, являющихся активными участниками добровольчества (волонтерства), на сегодняшний день не обнаружено.

Одним из основных направлений в области изучения добровольчества (волонтерства) является исследование мотивационной составляющей. В соответствии с идеями А. Н. Леонтьева, мотив определяется как непосредственное психологическое проявление потребности. Потребность представляет собой абстрактное обобщение, которое проявляется в определенных мотивах и реализуется через них. Мотив призван удовлетворить потребности личности, побуждает и направляет деятельность и придает ей личностный смысл. Как бы вторично из личностного мотива он становится мотивом деятельности. В психологии мотив является субъективной реальностью или частью психологического образа мира, который призван выполнять особые функции; как и потребности, мотивы являются проявлением

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий. Указ Президента РФ от 25.04.2022. № 231. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 03.02.2025).

² Научное волонтерство: Исследуйте мир вместе с нами! URL: <https://science.dobro.ru/?ysclid=mccweizg1p151486364/> (дата обращения: 03.02.2025).

направленности личности и имеют собственную иерархию [Леонтьев 2004].

М. С. Яницкий и А. В. Серый выделяют три психологических уровня системы личностных смыслов: индивидуальный, личностный и смысложизненный, формируемые посредством механизмов интериоризации, идентификации и интернализации. Результатом действия этих механизмов в отношении объектов и явлений динамически изменяющейся реальности являются актуальная потребность, порождающая мотив; личностная ценность как ориентир деятельности и оценка как итог ценностного отношения и актуализация смысла [Яницкий, Серый 2024].

Для психологии обширным исследовательским пространством является большое разнообразие и динамика присутствующих у человека мотивов [Леонтьев 2004].

В социологической и психологической науках мотивы добровольческой (волонтерской) деятельности активно изучаются отечественными и зарубежными авторами [Азарова, Яницкий 2008; Балер 2024; Болдырева и др. 2019; Землянская 2022; Игнатова, Митина 2024; Капустина 2018; Кретова 2015; Кудринская 2007; Майкова, Данилова 2022; Мартынова и др. 2019; Паршина 2016; Попова, Мазанова 2021; Faletahan et al. 2021; Garai-Fodor et al. 2021; Morse et al. 2022; Schulhoff, Dukehart 2025; Shagurova et al. 2016; Susanti et al. 2023]. Исследователи определяют несколько видов мотивации: внешняя мотивация, направленная на приобретение практического опыта, полезных знаний, развитие коммуникативных навыков, стремление снизить налоги; внутренняя мотивация, которая определяется осознанием своей полезности для общества, желанием помочь и быть нужным, а также направленностью на самореализацию и личностный рост.

Е. С. Азарова и М. С. Яницкий отмечают прагматичный характер участия в добровольчестве (волонтерстве), представленный такими мотивами, как получение практического опыта, обретение новых друзей, возможность принести пользу другим людям, сделать свою жизнь интересней [Азарова, Яницкий 2008].

Важным мотивационным фактором является коммуникативная составляющая и фактор значимости отношений внутри добровольческой (волонтерской) группы, т. е. принадлежность к определенной группе людей, общение с интересными людьми [Boezeman, Ellemers 2014].

По мнению ряда исследователей, мотивацию волонтеров в определенной степени определяют разные виды вознаграждений, получаемых в результате осуществления добровольческой (волонтерской) деятельности; выделяют следующие разновидности вознаграждений: практические – получение знаний и навыков; социальные – коммуникация и социальная интеграция; духовные – открытие духовной стороны жизни; психофизические – укрепление психологического и физического здоровья, профилактика депрессии; развитие альтруистических качеств – терпение, честность, человечность [Кретова 2015; Кудринская 2007; Паршина 2016].

Определено различие мотивации в зависимости от возрастной категории добровольцев (волонтеров): для молодых людей более значимой мотивацией выступает саморазвитие, обретение навыков и опыта, тогда как у людей пожилого возраста ведущей мотивацией является чувство долга, нужности и значимости в обществе [Корнеева 2015].

В. А. Якунина рассмотрела исследования, посвященные изучению мотивов участия в добровольческой (волонтерской) деятельности у добровольцев (волонтеров) «серебряного» возраста, и определила в качестве главенствующих мотивов потребность в общении и потребность быть полезным обществу [Якунина 2023].

Е. G. Clary и M. Snyder выделили шесть основных мотивов добровольческой (волонтерской) деятельности: ценности, понимание, социальный мотив, карьера, защитный мотив и самосовершенствование. Авторы отмечают, что ни одна из обозначенных выше мотиваций не может быть рассмотрена отдельно друг от друга, т. к. добровольцы (волонтеры) упоминают не один мотив своей деятельности, а несколько, и в основании одного и того же фактора мотивации могут лежать как альтруистические, так и эгоистические установки [Clary, Snyder 1999].

К мотивационным факторам добровольчества (волонтерства) относят ценности, понимание, развитие, карьеру, стимулы, государственную поддержку, социальные и демографические факторы [Susanti et al. 2023]. М. Garai-Fodor et al. выявили связь мотивации к волонтерской деятельности с индивидуальными ценностями добровольцев (волонтеров) [Garai-Fodor et al. 2021]. Исследователи отмечают, что добровольцы (волонтеры) с высокой мотивацией к добровольческой (волонтерской) деятельности и пониманием ценности такой деятельности испытывают удовлетворение и сообщают о значительно

более низком уровне выгорания, нежели добровольцы (волонтеры) с низкой мотивацией к такой деятельности [Morse et al. 2022]. Отмечается тот факт, что призывание к добровольческой (волонтерской) деятельности, обусловленное мотивацией, позволяет добровольцам (волонтерам) испытывать самоудовлетворение и жить осмысленной жизнью, занимаясь такой деятельностью [Faletehan et al. 2021].

Несмотря на большое количество работ по изучению ценностно-мотивационной сферы личности добровольца (волонтера), исследования в данном направлении сохраняют свою актуальность. Информация о характере мотивации людей, вовлеченных в добровольчество (волонтерство), позволит более эффективно регулировать добровольческую (волонтерскую) деятельность в рамках специализированных некоммерческих организаций, поможет в разработке поддерживающих социально-психологических программ, в том числе с целью повышения удовлетворенности деятельностью среди добровольцев (волонтеров).

Цель – изучить особенности образа мира и образа жизни добровольцев (волонтеров) на уровне семантического слоя и выявить специфические особенности в представлениях образа мира добровольца (волонтера) в группах респондентов с разными мотивами участия в добровольческой (волонтерской) деятельности.

Методы и материалы

Исследование семантического слоя образа мира проведено с использованием семантических дифференциалов (СД) В. П. Серкина: СД Профессионал – стимул образ добровольца (волонтера), СД Образ жизни – стимул свой образ жизни, СД Работа – стимул своя деятельность [Серкин 2007]. Семантические дифференциалы содержат от 45 до 63 пар понятий-антонимов в зависимости от методики. Респондентам предлагалось выбрать одну характеристику из каждой пары слов и оценить ее значимость по шкале от 0 до 3, где 1 – слабо выраженная характеристика, 2 – средне выраженная характеристика, 3 – сильно выраженная характеристика, 0 – характеристика не выражена.

Для определения мотивов участия в деятельности использовалась авторская анкета. Участникам

исследования предлагалось дать ответ на прямой вопрос о том, кто или что мотивирует их к участию в добровольчестве (волонтерстве). Сбор данных проводился в онлайн-формате с использованием Google Forms.

Обработка результатов осуществлялась методами расчета семантических универсалий по 90 % интервалу, факторного анализа и корреляционного анализа Пирсона.

В исследовании приняли участие 197 российских добровольцев (волонтеров), осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации в составе благотворительных организаций и самостоятельно: 42 мужчины (21,3 %), 155 женщин (78,7 %). Обычно в нашей и в других странах состав добровольцев (волонтеров) представлен неравномерно по половому признаку: женщин, занятых добровольчеством (волонтерством), гораздо больше, чем мужчин. Среднестатистическим добровольцем (волонтером) в России является женщина в возрасте 20–34 лет и старше, замужняя и трудоустроенная, имеющая высшее образование [Воробьева, Скипор 2020; Певная 2015]. Среднестатистическим американским добровольцем (волонтером) выступает женщина в возрасте 35–54 лет, с высшим образованием³.

Результаты

Результаты методик семантических дифференциалов позволили определить значимые характеристики представлений образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности и составить семантические универсалии для группы респондентов в целом (подробные данные отражены в работе [Калита, Флах 2025]). Участники исследования описывают образы большим количеством положительных характеристик с достаточно высоким весом переменных. Значимыми понятиями всех образов являются *активность* (что подтверждает стремление к полноте и насыщенности жизнедеятельности респондентов) и *ответственность* (понятие определяет наличие этических ценностей в описании образов и говорит о развитом чувстве долга участников исследования). Добровольцы (волонтеры) выделяют нравственные ценности, заключающиеся в альтруистической направленности в отношении окружающих и мира,

³ Percentage distribution of volunteers in the United States in 2017, by age and education level. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1121057/percentage-distribution-volunteers-age-education-level-us/>; Volunteer rate in the United States in 2023, by gender. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1373670/volunteer-rate-gender-us/> (accessed 3 Feb 2025).

что представлено понятием *помогающий*; их деятельность направлена на других, они стремятся расширить свой кругозор (понятие *развивающийся*) посредством осуществляемой деятельности.

Дальнейшая обработка полученных семантических универсалий проводилась с использованием факторного анализа, что позволило выделить ряд категорий, дополняющих описание образа мира, образа жизни и деятельности респондентов.

В результате обработки данных получены четыре фактора, подтверждающие 68,33 % дисперсии, которые дают следующую характеристику **образу добровольца (волонтера)**. *Опытный – эффективный*: фактор определяет участников исследования с позиции подготовленности; добровольцы (волонтеры) исследуемой группы имеют опыт и знания, они востребованы, уважаемы и являются полезными. *Неравнодушный – гуманный*: наличие у респондентов альтруистических (неравнодушный, бескорыстный, внимательный), этических (гуманный, добросовестный) качеств, а также стремления к деятельности (инициативный, работоспособный) и развитию (развивающийся). *Активный – решающий проблемы*: фактор определяет участников исследования как активных субъектов своей жизнедеятельности, умеющих решать проблемы и обладающих уверенностью в себе. *Ответственный – выполняющий*: подчеркивает компетенции и квалификацию (компетентный, квалифицированный) добровольцев (волонтеров), их способность к ведению деятельности (способный, выполняющий) в соответствии с этическими нормами (ответственность).

В описании **образа жизни** получено три фактора (62,33 % дисперсии), определяющие жизнь участников исследования следующими категориями. *Уважительный – нравственный*: в представлении респондентов их жизнь определена альтруистическими (уважительный, миролюбивый, понимающий) и этическими ценностями (ответственный, добрый). *Насыщенный – интересный*: жизнь добровольцев (волонтеров) довольно комфортная, осмысленная, насыщенная и интересная, они считают свою жизнь достойной, в ней присутствует творческая самореализация (творческий). *Открытый – веселый*: фактор позволяет охарактеризовать жизнерадостность участников исследования как позитивно воспринимаемую (веселый), направленную на принятие других людей (открытый, дружеский); они ведут активную и достаточно подвижную жизнедеятельность (активный, подвижный).

Деятельность добровольцев (волонтеров) представлена четырьмя категориями факторов (66,61 % дисперсии). *Одобрямая – добровольная*: осуществляемая деятельность является направленной на других людей (помогающая), выполняется на добровольных началах, она интересная, осмысленная и лично значимая, респонденты оценивают ее как в высокой степени удачную, востребованную и одобряемую. *Разнообразная – значимая*: деятельность респондентов является разнообразной и интенсивной, ответственной и направленной на развитие; деятельность характеризуется респондентами как высокозначимая. *Легальная – коммуникабельная*: подчеркивает официальный характер деятельности, направленность участников исследования на общение, на других людей (коммуникабельная). *Социальная – активная*: фактор свидетельствует о социальной ориентации и социальной значимости, высокой активности деятельности волонтеров.

Следующим этапом исследования стало определение мотивов участия респондентов в добровольческой (волонтерской) деятельности (табл. 1). По результатам анкетирования определено, что большая часть участников исследования имеет в основе своей деятельности внутреннюю мотивацию, выраженную у 56,35 % (n = 111) респондентов. Внешний мотив участия в деятельности выявлен у 43,65 % (n = 86).

Внутренняя мотивация представлена двумя категориями, обозначенными нами как *духовно-нравственные ценности* и *направленность на самореализацию*. В категорию *духовно-нравственные ценности* объединены такие мотивы деятельности, как альтруистическая направленность, заключающаяся в желании помочь и сделать мир лучше, добрее; чувства, принципы и убеждения, мир, настроение, состояние, духовная составляющая. В категорию *направленность на самореализацию*

Табл. 1. Распределение добровольцев (волонтеров) в зависимости от мотивов участия в деятельности
Tab. 1. Distribution of volunteers based on motivation

Мотив	n	%
Духовно-нравственные ценности	63	31,98
Социальный фактор	55	27,92
Направленность на самореализацию	48	24,37
Фактор благополучия	17	8,63
Нематериальная благодарность	14	7,10

включены следующие мотивы: я-мотивация (сам / сама мотивирую себя к деятельности), необходимость быть востребованным, нужным и полезным обществу и людям; получение нового опыта и возможностей, стремление быть добровольцем (волонтером); любопытство, любознательность и интерес к деятельности.

Внешняя мотивация обозначена тремя категориями. *Социальные факторы* – в качестве мотиваторов выступают другие добровольцы (волонтеры), семья, коллектив, благополучатели, общество, друзья. Категория *фактор благополучия* объединила следующие группы мотивов: жизнь, будущее, ситуация в стране и мире, победа. В категорию *нематериальная благодарность* включены такие мотивы, как благодарность и отзывы, участие в государственных программах, баллы и часы участия в деятельности, количество выполненных добрых дел, путешествия и экскурсии.

Для проверки гипотезы о наличии различий в совместном описании образа мира и образа жизни между группами добровольцев (волонтеров) с внутренней ($n = 111$) и внешней ($n = 86$) мотивацией был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни. В результате обработки получены статистически значимые различия на уровне $p \leq 0,05$ по ряду характеристик, входящих в состав семантических универсалий образов (табл. 2).

В результате анализа было выявлено, что для респондентов с внутренней мотивацией в описании **образа добровольца (волонтера)** в большей степени выражены такие характеристики, как равнодушный, внимательный, гуманный, развивающийся, что связано с альтруистическими ценностями и направленностью на принятие других людей, а также стремлением к развитию и самореализации. Для добровольцев (волонтеров), имеющих в основе

деятельности внешнюю мотивацию, более весомой характеристикой является понятие *уверенный*, указывающее на стремление к внутренней гармонии, свободе от противоречий и сомнений.

В описании **образа жизни** для респондентов с внутренней мотивацией более выраженной является характеристика *веселый*, что указывает на положительную оценку собственной деятельности, их жизнерадостность, на ценность общения с окружающими. У респондентов с преобладающей внешней мотивационной составляющей более значимым является понятие *активный*, что говорит о чуть большей направленности на профессиональную самореализацию, активную жизнедеятельность, характеризующуюся полнотой и эмоциональной насыщенностью.

В описании **деятельности** для респондентов с преобладающей внутренней мотивацией более весомой является характеристика *разнообразная* – респонденты вовлечены в разные виды деятельности. У респондентов с внешней мотивацией более выраженной является характеристика *интенсивная*, что позволяет предположить большую напряженность в их деятельности.

Расчет коэффициентов корреляции Пирсона позволил определить взаимосвязи характеристик образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности для двух подгрупп – с преобладанием внутренней и внешней мотивации. Составлены корреляционные структуры описания образов, по которым прослеживается сильная положительная взаимосвязь (сила связи от 0,402 до 0,779). Определены отличительные особенности между подгруппами (рис. 1, рис. 2).

В структуре корреляционных связей у добровольцев (волонтеров) с внутренней мотивацией самыми нагруженными характеристиками образов являются:

Табл. 2. Различия в описании образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности в группах добровольцев (волонтеров) с внутренней и внешней мотивацией, $p \leq 0,05$

Tab. 2. Image of a volunteer, lifestyle, and volunteering in respondents with intrinsic and extrinsic motivation, $p \leq 0.05$

Мотивация	Образ добровольца (волонтера), стимул свой образ	Образ жизни, стимул свой образ жизни	Деятельность, стимул своя деятельность
Внутренняя	равнодушный	веселый	разнообразная
	внимательный	-	-
	гуманный	-	-
	развивающийся	-	-
Внешняя	уверенный	активный	интенсивная

образ добровольца (волонтера) – умелый (n = 8), ответственный (n = 7), способный (n = 7), востребованный (n = 7); **деятельность** – помогающая (n = 7); **образ жизни** – достойный (n = 7). Образ добровольца (волонтера) охарактеризован с позиции знаний и умений, навыков и способностей, этических

качеств, связан с помогающей деятельностью, направленной на других людей и мир, во взаимосвязи с образом жизни, представленным с позиции ценностей принятия других людей и направленностью на профессиональную самореализацию, связанную с достойным образом жизни.

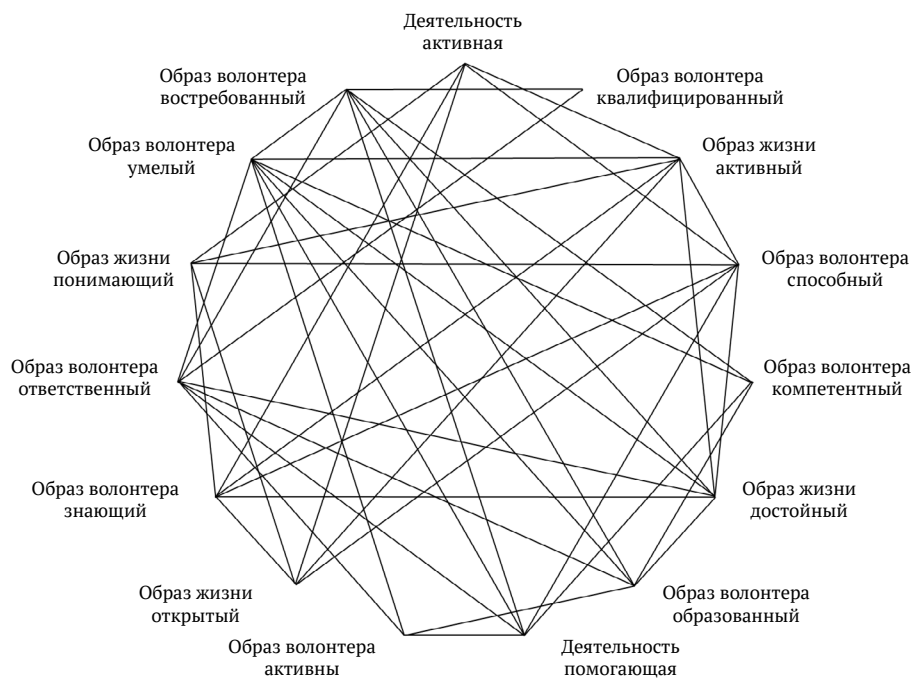

Рис. 1. Корреляционная структура взаимосвязей описания образов добровольцев (волонтеров) с внутренним мотивом участия в деятельности, $p \leq 0,01$

Fig. 1. Image of a volunteer vs. intrinsic motivation, $p \leq 0.01$

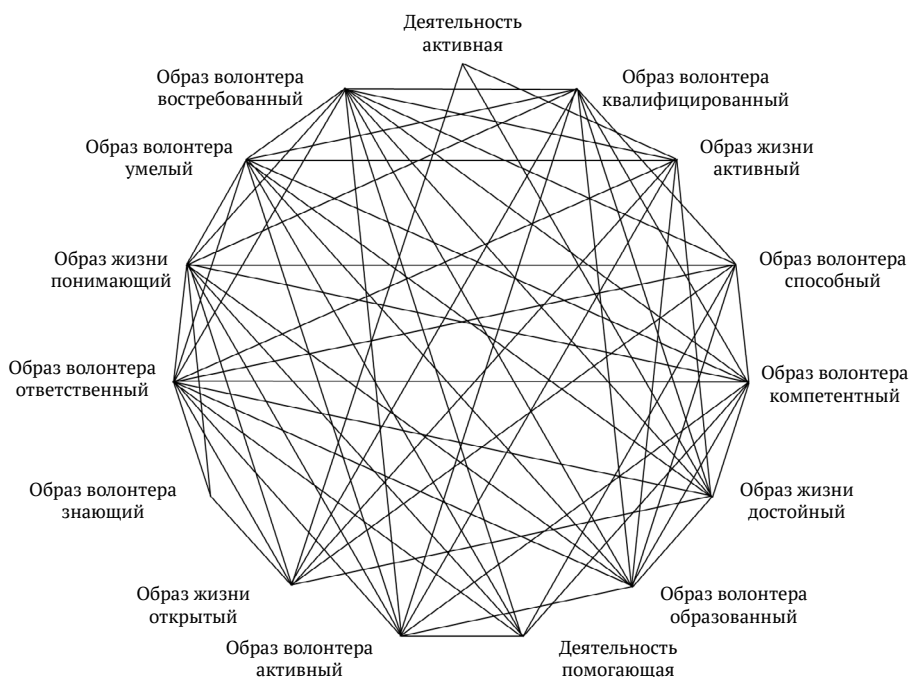

Рис. 2. Корреляционная структура взаимосвязей описания образов добровольцев (волонтеров) с внешним мотивом участия в деятельности, $p \leq 0,01$

Fig. 2. Image of a volunteer vs. extrinsic motivation, $p \leq 0.01$

Структура взаимосвязей образов у добровольцев (волонтеров) с внешней мотивацией представлена большим количеством связанных характеристик образов, коррелирующих между собой, самыми нагруженными определены: **образ добровольца (волонтера)** – ответственный (n = 13), квалифицированный (n = 12), востребованный (n = 11), компетентный (n = 10), образованный (n = 10), умелый (n = 10), способный (n = 8); **деятельность** – помогающая (n = 8); **образ жизни** – понимающий (n = 12), активный (n = 10), достойный (n = 9). Корреляционная структура взаимосвязей образов участников исследования с внешней мотивацией определяет образ добровольца (волонтера) в первую очередь с позиции этических качеств, а также образованности и квалификаций, которые связаны с помогающей деятельностью, характеризующейся ценностью принятия других людей, во взаимосвязи с образом жизни, основанны на альтруистических ценностях и направленным на профессиональную самореализацию.

Участники исследования с внутренней мотивацией чаще связывают описание образов с характеристикой добровольца (волонтера) – *умелый*; респонденты с внешней мотивацией по большей части определяют свой образ понятием *ответственный* и связывают описание с остальными характеристиками образов.

Заключение

Результатом проведенного исследования является определение специфических характеристик совместного описания семантического слоя образа мира и образа жизни в группе добровольцев (волонтеров). Образ добровольца (волонтера) характеризуется наличием у него образования, квалификаций, знаний и опыта, а также набором нравственных качеств, в состав которых входят альтруистическая направленность (указывает на ценность принятия других людей), и этических качеств. Значимыми характеристиками описания образов являются понятия *активность* (что говорит о большой направленности добровольцев (волонтеров) исследуемой группы на профессиональную самореализацию и определяет их жизнедеятельность полнотой и эмоциональной насыщенностью) и *ответственность*, определяющая наличие чувства долга и социальную сознательность участников исследования.

Определены мотивы участия в добровольчестве (волонтерстве). Ведущим мотивом для большего

числа респондентов является внутренний, представленный духовно-нравственными качествами и альтруистической направленностью, подкрепленный стремлением к самореализации. Внешний мотив представлен ориентацией на положительный пример других (добровольцев (волонтеров), коллег, семьи, друзей и соседей), социальной ответственностью.

В зависимости от мотивов участия в деятельности выявлены значимые различия в представлениях образа мира, образа жизни и деятельности в группах добровольцев (волонтеров) с внешней и внутренней мотивацией. Более значимыми характеристиками в представлениях своего образа у добровольцев (волонтеров) с внешней мотивацией является характеристика *уверенный*; их образ более свободный от внутренних сомнений и противоречий; образ жизни – *активный* – характеризует полноту и насыщенность жизни; деятельность – *интенсивная* – предполагает большую напряженность в ее осуществлении. Более значимыми характеристиками для добровольцев (волонтеров) с внутренней мотивацией в описании своего образа являются понятия *неравнодушный, внимательный, гуманный, развивающийся*, что говорит о большей значимости альтруистических ценностей; образ жизни – *веселый* – свидетельствует о большей жизнерадостности и указывает на ценность общения; в описании своей деятельности эти респонденты чаще выбирали понятие *разнообразная*, определяющее большую вовлеченность в разные виды деятельности.

В группе добровольцев (волонтеров) с внешней мотивационной составляющей имеется больше сильных корреляционных взаимосвязей в описании образа мира и образа жизни. Образ добровольца (волонтера) респонденты с внешней мотивацией дополняют большим количеством понятий и характеризуют себя в большей степени с позиции образованности, этических ценностей, профессиональной самореализации и востребованности, деятельность определяется направленностью на других людей и окружающий мир. Образ жизни усиливают нравственные качества и альтруистические ценности.

В структуре взаимосвязей образов участники исследования с внутренним мотивом деятельности дополняют свой образ с позиции умений, знаний и навыков; деятельность определяется нравственными ценностями, а свой образ жизни участники исследования характеризуют направленностью

на профессиональную самореализацию и стремлением к достойной жизни.

В качестве основного отличия в корреляционных взаимосвязях между группами можно выделить больший акцент на этические нормы, представленные ответственностью, в описании своего образа респондентами с внешней мотивацией деятельности. Участники исследования с внутренней мотивацией образ добровольца (волонтера) чаще связывают с умениями и навыками.

Результаты проведенного исследования дополняют имеющийся на сегодняшний день теоретический материал в области психологических исследований феномена добровольчества (волонтерства). Данные исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения добровольческой (волонтерской) деятельности, в исследованиях, направленных на изучение психологических особенностей различных социальных, профессиональных групп и сообществ. В практической

деятельности добровольческих (волонтерских) организаций полученные результаты могут быть применены для осуществления набора людей в добровольческую (волонтерскую) деятельность, их скорейшей адаптации в ней, а также в рамках психологического сопровождения добровольцев (волонтеров).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Абдуллаева М. М. Возможности психосемантического подхода для анализа профессиональной активности современных специалистов. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2021. № 2. С. 100–122. [Abdullaeva M. M. Possibilities of psychosemantic approach for the analysis of modern specialists' professional activity. *Lomonosov Psychology Journal*, 2021, (2): 100–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.02.06>
- Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности. *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 306. С. 120–125. [Azarova E. S., Yanitskiy M. S. Psychological determinants of volunteer's activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (306): 120–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijbnkn>
- Артемьева Е. Ю., Стрелков Ю. К., Серкин В. П. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи. *Мышление. Общение. Опыт*, отв. ред. Ю. К. Корнилов. Ярославль: ЯрГУ, 1983. С. 23–29. [Artemyeva E. Yu., Strelkov Yu. K., Serkin V. P. Description of the structures of subjective experience: Context and tasks. *Thinking. Communication. Experience*, ed. Kornilov Yu. K. Yaroslavl: YarSU, 1983, 23–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsgfxh>
- Балер М. А. Особенности и направления исследований деятельности волонтеров в Российской Федерации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 9-1. С. 83–86. [Baler M. A. Features and directions of research on volunteer activities in the Russian Federation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, (9-1): 83–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-1-83-86>
- Бархаев А. Б. Социально-психологические условия вовлечения студентов в волонтерскую деятельность как процесс освоения социальной роли. *Инновации в образовании*. 2010. № 7. С. 33–51. [Barkhaev A. B. Social and psychological conditions for inclusion of students in voluntary actions as a process of social break-in. *Innovatsii v obrazovanii*, 2010, (7): 33–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mtyrfr>
- Болдырева Н. В., Русу Д., Гришаева А. К., Ларин К. А. Роль и значение волонтерства в современной жизни в России. *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2019. Т. 10. № 2. С. 92–101. [Boldyreva N. V., Rusu D., Grishayeva A. K., Larin K. A. Role and value of volunteering in modern life in Russia. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*, 2019, 10(2): 92–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fisynt>

- Васильева И. В., Чумаков М. В. Эмоциональная составляющая образа волонтерства в представлениях студентов психолого-педагогических направлений. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2023. Т. 46. № 4. С. 248–271. [Vasileva I. V., Chumakov M. V. Emotional component of the image of volunteering in the perceptions of students in psychology and education. *Lomonosov Psychology Journal*, 2023, 46(4): 248–271. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-47>
- Воробьева А. Е., Скипор С. И. Сравнительный анализ характеристик деятельности зооволонтеров и волонтеров, помогающих людям. *Человеческий капитал*. 2020. № 9. С. 253–263. [Vorobieva A. E., Skipor S. I. Comparative analysis of characteristics of the activities of volunteers with nonhuman animals and volunteers helping people. *Human capital*, 2020, (9): 253–263. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.23>
- Егоркина С. М., Володин В. О. Образ российского волонтера в общественном сознании. *Материалы Университетской студенческой научно-практической конференции Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского*. (Калуга, 22–23 апреля 2021 г.) Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2021. С. 69–77. [Egorkina S. M., Volodin V. O. The image of a Russian volunteer in the public mind. *Materials of the University Students' Scientific and Practical Conference, Kaluga State University: Proc. Conf.*, Kaluga, 22–23 Apr 2021. Kaluga: Tsiolkovsky KSU, 2021, 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzwdcv>
- Звездина Е. Ю., Звездина Г. П., Елагина М. Ю. Особенности вербальной репрезентации образа волонтера студенческой молодежи. *Европейский журнал социальных наук*. 2017. № 7. С. 243–249. [Zvezdina E. Yu., Zvezdina G. P., Elagina M. Yu. Features of the verbal representation of the image of a volunteer by student youth. *European Social Science Journal*, 2017, (7): 243–249. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvmepc>
- Землянская А. С. Психологические особенности российского добровольчества. *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. 2022. № 1. С. 54–59. [Zemlyanskaya A. S. The psychological peculiarities of Russian volunteering. *Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute*, 2022, (1): 54–59. (In Russ.)] https://doi.org/10.52470/2224669X_2022_1_54
- Игнатова Л. Н., Митина И. Д. Волонтерство как форма проявления социальной активности. *Современные тенденции прикладных исследований в психологии, педагогике и социологии*: Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 28 мая 2024 г.) Ульяновск: УлГУ, 2024. С. 300–307. [Ignatova L. N., Mitina I. D. Volunteerism as a form of social activity. *Modern trends in applied research in psychology, pedagogy, and sociology: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Ulyanovsk, 28 May 2024. Ulyanovsk: UISU, 2024, 300–307. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlgwiv>
- Калита В. В., Флах Я. И. Образ мира и образ жизни активных участников добровольчества (волонтерства). *Психологические науки*. 2025. № 3. С. 104–121. [Kalita V. V., Flakh Ya. I. The image of the world and the image of the lifestyle of the active volunteerism participants. *Psychological Sciences*, 2025, (3), 104–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-104-121>
- Капустина А. Н. Волонтерская деятельность и ценностно-мотивационная сфера личности. *Социальная и экономическая психология*, отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: ИП РАН, 2018. Ч. 2. С. 116–123. [Kapustina A. N. Volunteer activities and value-motivational sphere of personality. *Social and economic psychology*, eds. Kovaleva Yu. V., Nestik T. A. Moscow: IP RAS, 2018, pt. 2, 116–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrihop>
- Корнеева Е. Л. Основные направления исследования волонтерской деятельности. *Психологическая наука и образование www.psyedu.ru*. 2015. Т. 7. № 1. С. 131–141. [Korneeva E. L. The main directions of research volunteer activities. *Psychological-Educational Studies www.psyedu.ru*, 2015, 7(1): 131–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tovepl>
- Кретова У. П. Психологические особенности мотивационно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2015. № 1. С. 44–54. [Kretova U. P. Psychological specifics of motivational and semantic sphere of persons involved into volunteers' activities. *Journal Collection of scientific works of KRASEC. Section "The Humanities"*, 2015, (1): 44–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhhegz>
- Кудринская Л. А. Анализ субъекта добровольческого труда через призму категорий отчуждения и свободы труда. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2007. № 2. С. 132–139. [Kudrinskaya L. A. Analysis of the subject of voluntary labor through categories of alienation and freedom of labor. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 2007, (2): 132–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgigi>

- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. 345 с. [Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl, 2004, 345. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxixlx>
- Майкова В. П., Данилова О. А. Волонтерство как фактор духовно-нравственного развития личности. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2022. № 2. С. 100–107. [Maikova V. P., Danilova O. A. Volunteering as a factor of spiritual and moral development of a person. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiye nauki*, 2022, (2): 100–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aclbep>
- Мартынова Т. Н., Гавло Е. А., Цвеклинская К. А. Социальная волонтерская деятельность студентов вуза в условиях инклюзивного образования. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 1. С. 153–159. [Martynova T. N., Gavlo E. A., Tsveklinskaya K. A. Social volunteer activity of university students in conditions of inclusive education. *Professional education in Russia and abroad*, 2019, (1): 153–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pocdls>
- Паршина Ю. В. Социализация подростков в волонтерской деятельности. *Современная психология образования: проблемы и перспективы*: Всерос. (с междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Воронеж, 20–22 октября 2016 г.) Воронеж: Научная книга, 2016. С. 302–304. [Parshina Yu. V. Socialization of teenagers in volunteer activities. *Modern psychology of education: Problems and prospects*: Proc. All-Russian (with International Participation) Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 20–22 Oct 2016. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2016, 302–304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzxjpp>
- Певная М. В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2015. Т. 135. № 1. С. 145–151. [Pevnaya M. V. The formal volunteers in Russian's NGO: Characteristics of community and management strategy. *Izvestia Ural State University. Series 1. Issues of Education, Science, and Culture*, 2015, 135(1): 145–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlochv>
- Пономаренко В. А. Предметное и идеальное в индивидуальном сознании «небожителей» и образы мира Небесного (Космонавты в космическом мире). *Мир психологии*. 2003. № 4. С. 65–80. [Ponomarenko V. A. Objective and ideal in an individual consciousness of "celestials" and images of the heaven (cosmonauts in the space world). *Mir psikhologii*, 2003, (4): 65–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywwixu>
- Попова Т. А., Мазанова А. Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтеров. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 4. С. 21–39. [Popova T. A., Mazanova A. E. Meaningfulness of life and volunteers' personal responsibility. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*, 2021, (4): 21–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-4-21-39>
- Ракитская О. Н., Кузнецова Д. А. Представления о волонтерской деятельности и социально-психологических качествах волонтеров на разных этапах профессионального обучения психологов. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 4. С. 117–130. [Rakitskaya O. N., Kuznetsova D. A. Ideas of volunteer activities and social-ychological qualities of volunteers at different stages of professional training of psychologists. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*, 2021, (4): 117–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-4-117-130>
- Серкин В. П. Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала. *Психологическая диагностика*. 2007. № 5. С. 11–29. [Serkin V. P. Development algorithm and forms specialized semantic differentials for evaluating work, profession, and professional. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2007, (5): 11–29. (In Russ.)]
- Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2020. 318 с. [Serkin V. P. *Psychosemantics*. Moscow: Iurait, 2020, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkcwix>
- Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2018. № 1. С. 146–156. [Stegniy V. N., Nikonov M. V. Motivation of volunteering. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2018, (1): 146–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvvhxf>

- Фурсов С. В. Научное волонтерство как новое направление добровольческой деятельности студентов и школьников (на примере платформы «Волонтер-натуралист»). *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 8. № 1. С. 37–45. [Fursov S. V. Scientific volunteering as a new area of volunteering activities for students and schoolchildren (by the example of the "Volunteer Naturalist" platform). *Pedagogy. Theory & Practice*, 2023, 8(1): 37–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/ped20230011>
- Шунькова С. В. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни геологов (профессионалов и студентов): дис. ... канд. психол. наук. Магадан, 2011. 218 с. [Shunkova S. V. *Professional specifics of the worldview and lifestyle of geologists (professionals and students)*: Cand. Psychol. Sci. Diss. Magadan, 2011, 218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfptgd>
- Якунина В. А. Волонтер «серебряного» возраста: социально-психологические особенности и мотивы деятельности. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2023. № 4. С. 48–52. [Yakunina V. A. Volunteer of silver age: Socio-psychological characteristics and motives of activity. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, (4): 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rboxfx>
- Яницкий М. С., Серый А. В. Ценностно-смысловые компоненты ресурсного потенциала личности. *Личность: ресурсы и потенциал*. 2024. № 1. С. 21–27. [Yanitskiy M. S., Seryu A. V. Value-semantic components of a person's resource potential. *Personality: Resources and Potential*, 2024, (1): 21–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mshyil>
- Boezeman E. J., Ellemers N. Volunteer leadership: The role of pride and respect in organizational identification and leadership satisfaction. *Leadership*, 2014, 10(2): 160–173. <https://doi.org/10.1177/1742715012467487>
- Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 1999, 8(5): 156–159. <https://elibrary.ru/gjmwh>
- Faletahan A. F., van Burg E., Thompson N. A., Wempe J. Called to volunteer and stay longer: The significance of work calling for volunteering motivation and retention. *Voluntary Sector Review*, 2021, 12(2): 235–255. <https://doi.org/10.1332/204080520X15929332587023>
- Garai-Fodor M., Varga J., Csiszárík-Kocsir Á. Correlation between generation Z in Hungary and the motivating factors to do volunteer work in a value-based approach. *Sustainability*, 2021, 13(20). <https://doi.org/10.3390/su132011519>
- Morse J. L., Dik B. J., Shimizu A. B., Reed K. A. Volunteerism and burnout: Does satisfaction of motives for volunteering protect against symptoms? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2022, 33(2): 229–241. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00257-y>
- Schulhoff A., Dukehart A. Foster grandparent programs' impact on the quality-of-life of older adult volunteers. *Healthcare*, 2025, 13(3). <https://doi.org/10.3390/healthcare13030230>
- Shagurova A. A., Efremova G. I., Bochkovskaya I. A., Denisenko S. I., Tarasov M. V., Nekrasova M. V., Potutkova S. A. Characteristics of the essence of volunteering in psychology. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, 11(15): 8572–8579. <https://elibrary.ru/xfmdrt>
- Susanti R. D., Yudianto K., Mulyana A. M., Amalia I. N. A systematic scoping review of motivations and barriers in COVID-19 volunteering among health students: The potential for future pandemic volunteers. *Journal of Multidisciplinary Healthcare*, 2023, 16: 1671–1681. <https://doi.org/10.2147/JMDH.S411896>

обзорная статья

eLibrary EDN: YOZPPK

Влияние типа цифрового устройства на продуктивность и стратегии решения творческих задач: систематический обзор исследований

Микляева Анастасия Владимировна

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

eLibrar Author SPIN: 9471-8985

<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Scopus Author ID: 53984860100

Долженко Ксения Игоревна

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

eLibrar Author SPIN: 6573-8468

<https://orcid.org/0009-0008-3586-1472>

Kseniadolzhenko@gmail.com

Аннотация: В условиях цифровой трансформации образовательной и профессиональной среды тип используемого цифрового устройства становится значимым фактором, влияющим на продуктивность и стратегии решения творческих задач. Несмотря на активное развитие эмпирических исследований в области цифровой креативности, данные о дифференцированном влиянии различных типов устройств на творческую деятельность остаются фрагментарными и требуют систематизации в рамках психолого-педагогического подхода. Цель – провести систематический анализ современных эмпирических данных о влиянии типа цифрового устройства на продуктивность и стратегии решения творческих задач, а также выявить закономерности между характеристиками устройств и продуктивностью решения творческих задач. Методологическую основу работы составляет систематический обзор отечественных и зарубежных публикаций, охватывающих период 2000–2025 гг. В анализ включены исследования, посвященные использованию мобильных телефонов, планшетных компьютеров, стационарных компьютеров и ноутбуков, устройств виртуальной и дополненной реальности. Продуктивность творческой деятельности в рамках данной статьи рассматривается как комплексный показатель, включающий количественные характеристики результативности, качественные параметры творческого продукта и показатели когнитивной устойчивости. Результаты анализа позволили установить, что различные типы цифровых устройств формируют специфические условия когнитивной деятельности и по-разному конфигурируют стратегии решения творческих задач. Сделан вывод о контекстно зависимом характере влияния цифровых устройств и необходимости разработки интегративных психолого-педагогических моделей взаимодействия *пользователь – устройство – творческая задача*.

Ключевые слова: цифровые устройства, творческая деятельность, творческая продуктивность, стратегии решения задач, когнитивные процессы, образовательные технологии, виртуальная реальность

Цитирование: Микляева А. В., Долженко К. И. Влияние типа цифрового устройства на продуктивность и стратегии решения творческих задач: систематический обзор исследований. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 192–216. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-192-216>

Поступила в редакцию 30.12.2025. Принята после рецензирования 27.01.2026. Принята в печать 09.02.2026.

review article

Impact of Digital Devices on Performance and Creative Problem Solving: A Review

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

eLibrar Author SPIN: 9471-8985

<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Scopus Author ID: 53984860100

Kseniya I. Dolzhenko

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

eLibrar Author SPIN: 6573-8468

<https://orcid.org/0009-0008-3586-1472>

Kseniadolzhenko@gmail.com

Abstract: As academic and professional environments become increasingly digitalized, the type of digital device becomes a significant factor in performance and problem solving. Despite the rapid development of empirical research in digital creativity, the differentiated effects of various device types on creative activity remain psychologically and pedagogically understudied. Creative performance is a multidimensional construct encompassing quantitative measures of efficiency, qualitative characteristics of creative output, and indicators of cognitive stability. The review addresses the impact of digital device type on performance indicators and strategies of creative problem solving. It covers domestic and international research published in 2000–2025 on the application of mobile phones, tablet computers, desktop computers, and laptops, as well as virtual and augmented reality devices. Different types of digital devices create specific cognitive conditions and differentially configure strategies for solving creative tasks. The effects of digital devices are context-dependent and require new integrative psychological and pedagogical models of interaction within the user – device – creative task system.

Keywords: digital devices, creative activity, creative productivity, problem-solving strategies, cognitive processes, educational technologies, virtual reality

Citation: Miklyaeva A. V., Dolzhenko K. I. Impact of Digital Devices on Performance and Creative Problem Solving: A Review. *SibScript*, 2026, 28(2): 192–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-192-216>

Received 30 Dec 2025. Accepted after peer review 27 Jan 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Современная эпоха характеризуется беспрецедентной цифровизацией всех сфер человеческой жизни, фундаментально трансформирующей процессы трудовой, образовательной и творческой деятельности. Переход к повсеместному использованию цифровых технологий формирует новую когнитивную экосистему, в которой структура внимания, способы внешней фиксации мыслительных операций и стратегии координации деятельности перераспределяются между человеком и цифровыми устройствами, которыми он пользуется. В работах Н. Дж. Карра продемонстрировано, что цифровая среда не просто предоставляет новые инструменты, но изменяет саму природу когнитивной структуры деятельности и паттерны переработки информации, требуя кардинального переосмысления традиционных подходов к организации интеллектуальной деятельности [Carr 2010]. Аналогично, Ш. Тёркл показала, что современный пользователь функционирует в условиях сложной мультимедийной среды, характеризуемой

постоянными переключениями между различными типами цифровых устройств, что порождает феномен *привязанного к сети существования* и сопряженную с ним динамику фрагментации внимания [Turkle 2011].

Стремительный рост разнообразия цифровых устройств и их повсеместное проникновение в профессиональную и образовательную среду делает выбор типа устройства критически важным для достижения максимальной эффективности когнитивной деятельности. По данным Дж. Нильсена и Р. Будиу, тип устройства и его ограничения (размер экрана, способы ввода, контекст использования) становятся факторами, определяющими не только количественные метрики эффективности выполнения задач (такие как время и успех выполнения задач, частоту ошибок), но и качественные характеристики мыслительных процессов – стратегии навигации, распределение и устойчивость внимания. Эти различия могут опосредованно отражаться

на глубине переработки информации [Nielsen, Budiu 2012]. П. Доуриш показал, что форматы данных и структуры программного обеспечения обладают «материальными» характеристиками, которые ограничивают и направляют пользовательские практики [Dourish 2017]. Эти свойства не жестко детерминируют когнитивные стратегии, но соучаствуют в их формировании – от распределения внимания до паттернов навигации, планирования и внешней фиксации идей. П. Доуриш предлагает концепцию *воплощенного взаимодействия* (*embodied interaction*), согласно которой (в противовес взгляду на интерфейс как на абстрактный набор задач) полноценное взаимодействие с цифровыми системами укоренено в физическом и социальном опыте пользователя, становясь «прозрачным» и непосредственным, подобно взаимодействию с физическими объектами [Dourish 2001]. Следовательно, тип устройства и его «материальные» характеристики влияют на когнитивную стратегию взаимодействия *пользователь – устройство* для повышения продуктивности определенного вида деятельности в цифровой среде.

Настоящий обзор опирается на интеграцию взаимодополняющих теоретических подходов к пониманию взаимодействия человека с цифровыми устройствами и специфики креативной деятельности. Теория когнитивной эргономики, разработанная Д. А. Норманом, утверждает взаимную детерминацию когнитивных процессов и характеристик устройств – их возможностей для действий, ограничений и механизмов обратной связи. Это делает дизайн интерфейса не просто средством, но активным компонентом когнитивного цикла [Norman 2013]. Концепция распределенного познания Э. Хатчинса расширяет это понимание, трактуя мышление как систему, распределенную между человеком, внешними средствами и социальными практиками. Современная ситуация развития цифровых технологий в рамках идеи, изложенной в этой концепции, делает параметры интерфейса и цифровой среды критическими элементами когнитивного цикла. В контексте нашего исследования это означает, что характеристики устройств становятся неотъемлемой частью когнитивной системы, опосредуя стратегии решения задач [Hutchins 1995]. В дополнение парадигма воплощенного познания (*embodied cognition*) в интерпретации Э. Кларка подчеркивает, что моторно-перцептивные контуры взаимодействия с устройством структурируют когнитивные репрезентации и стратегии решения задач,

включая творческие [Clark 2008]. На основании этого можно сделать вывод о том, что физическое взаимодействие с различными типами интерфейсов (тачскрин, клавиатура, стилус) порождает качественно различные когнитивные траектории.

Классической теоретической основой для понимания механизмов влияния цифровых устройств на продуктивность деятельности и когнитивную нагрузку является ресурсная модель внимания (*Capacity model of attention*), разработанная Д. Канеманом. Согласно данной модели, внимание представляет собой единый и ограниченный ресурс, гибко распределяемый между когнитивными задачами. Ключевым аспектом этой теории является концепция общего пула ресурсов (*Capacity pool*) – неспецифического резерва умственной энергии, объем которого варьируется в зависимости от уровня физиологического возбуждения (*Arousal*) [Kahneman 1973]. Данная модель позволяет объяснить систематические различия в когнитивной нагрузке при варьировании плотности интерфейсных элементов, модальности ввода и требуемой частоты переключения между задачами.

В исследованиях творчества в цифровом контексте (так называемой *цифровой креативности* [Sidiq et al. 2025]) сегодня доминирующую роль играет концепция креативности как способности генерировать новые и полезные идеи с опорой на классические модели Дж. П. Гилфорда [Guilford 1956], предложившего различие дивергентного и конвергентного мышления, и Э. П. Торранса [Torrance 1966; 1974], разработавшего операциональные критерии их оценки. Дивергентное мышление оценивается через показатели беглости, гибкости, оригинальности и разработанности. Конвергентное мышление характеризуется способностью к логическому анализу, точностью нахождения единственно правильного решения и скоростью достижения результата. Современные системные модели – компонентная модель Т. М. Амабайл [Amabile 1983; 1996] и системная модель М. Чиксентмихайи [Csikszentmihalyi 1996] – интегрируют мотивационные, экспертные и социокультурные факторы, показывая, что креативность возникает на стыке индивидуальных способностей, доменной компетентности и контекстуальных условий. Нейрокогнитивные исследования [Benedek et al. 2014; Jung et al. 2013] уточняют нейрофизиологический механизм этого процесса, раскрывая динамическую координацию между дефолт-системой (генерация идей),

фронтально-париетальными сетями и сетью исполнительного контроля (оценка и селекция идей), что соответствует представлениям о переключении между дивергентными и конвергентными режимами.

Современная цифровая экосистема характеризуется разнообразием устройств, каждое из которых обладает уникальными характеристиками, определяющими их влияние на когнитивную деятельность. Эмпирические исследования, в частности работы А. Оуласвирта и соавторов, демонстрируют значимые различия в паттернах внимания и глубине когнитивного вовлечения при взаимодействии со смартфонами [Oulasvirta 2005; Oulasvirta et al. 2012]. Однако С. Саид-Метвали и др. отмечают, что исследования креативности сосредоточены на традиционных методах оценки [Said-Metwaly et al. 2017], в то время как работы, посвященные изучению влияния типа устройства на особенности творческой деятельности и креативности, достаточно мало представлены в современной научной литературе, а большая часть из них, как отмечено в статье О. М. Юсуфа, сосредоточена на изучении влияния смартфонов / мобильных телефонов именно в процессе обучения [Yusuf et al. 2015]. В контексте разработки цифровых образовательных сред Д. Тан Ай Лин с коллегами связывают данный феномен со сложной и многомерной природой креативности и творческой деятельности [Tan Ai Lin et al. 2018]. Именно поэтому центральная проблема настоящего обзора заключается в систематизации влияния различных типов цифровых устройств на показатели продуктивности и стратегии творческой деятельности. Теоретические основы, описанные выше, позволяют создать типологию цифровых устройств по когнитивно-эргономическим параметрам, которые включают четыре основных типа цифровых устройств: 1) мобильные телефоны; 2) планшетные компьютеры; 3) стационарные компьютеры и ноутбуки; 4) устройства виртуальной и дополненной реальности. Каждый тип цифровых устройств формирует собственную когнитивную экосистему. Ключевыми параметрами для анализа могут являться фактор, интерфейсные решения и типичные сценарии использования [Hooper, Berkman 2011], а также параметры когнитивной нагрузки различных интерфейсов [Plaisant et al. 2016].

Цель работы – провести систематический анализ современных эмпирических данных о влиянии типа цифрового устройства на продуктивность

и стратегии решения творческих задач, а также выявить закономерности между характеристиками устройств и продуктивностью решения творческих задач.

В отличие от предшествующих обзоров, фокусированных преимущественно на сравнении отдельных пар платформ, настоящая статья предлагает комплексный анализ всего спектра современных устройств, включая системы виртуальной и дополненной реальности, в рамках которого предполагается решение комплекса научных задач, направленных на систематизацию и обобщение эмпирических данных о влиянии цифровых устройств на творческую деятельность:

- 1) систематизация эмпирических данных о влиянии различных типов устройств на количественные и качественные показатели творческой продуктивности;
- 2) выявление особенностей стратегий решения творческих задач в зависимости от типа используемого цифрового устройства;
- 3) анализ модераторных факторов, определяющих продуктивность использования конкретных типов цифровых устройств.

Методы и материалы

В качестве основного метода исследования был использован систематический обзор научной литературы, направленный на анализ эмпирических и обзорных работ, посвященных влиянию типа цифрового устройства на продуктивность и стратегии решения творческих задач. В обзор были включены публикации, вышедшие в период с 2000 по 2025 г., что позволило охватить современные теоретические и эмпирические подходы к изучению цифровой креативности в образовательном и профессиональном контексте.

Поиск литературных источников осуществлялся с использованием комбинированных ключевых слов, отражающих проблематику исследования (*creativity, creative problem solving, digital devices, smartphone, tablet, personal computer, virtual reality* и др.), а также их русскоязычных эквивалентов. Дополнительно проводился анализ списков литературы ключевых публикаций. Основными источниками данных выступили такие базы, как Google Scholar, PubMed и eLIBRARY. Отбор публикаций проводился на русском и английском языках в 2025 г. и включал скрининг по названию, аннотации и ключевым словам.

Критериями включения являлись рецензируемые эмпирические исследования (обзоры и научные монографии), фокусирующиеся на влиянии типа цифрового устройства на продуктивность творческой деятельности и / или стратегии ее реализации, с операционализированными показателями продуктивности и участием подростков или взрослых испытуемых. В результате применения данных критериев из предварительного массива более чем 200 публикаций был сформирован аналитический корпус из 93 исследований. Источники, использованные в разделе Введение, выполняли функцию теоретического обоснования и не включались в сравнительный анализ.

Таким образом, проведенный систематический обзор опирается на репрезентативный массив современных исследований и позволяет выявить устойчивые и контекстно зависимые эффекты влияния различных типов цифровых устройств на продуктивность и стратегии творческой деятельности.

Результаты

Влияние различных типов цифровых устройств на показатели продуктивности творческой деятельности

В контексте настоящего обзора продуктивность творческой деятельности рассматривается как интегральная характеристика эффективности выполнения задач, включающая:

- количественные метрики продуктивности (скорость выполнения задач, объем обработанной информации, беглость генерации идей);
- качественные параметры творческого продукта (оригинальность, разработанность, гибкость решений);
- показатели когнитивной устойчивости (резистентность к прерываниям, длительность поддержания концентрации внимания, эффективность восстановления контекста задачи после отвлечений).

Мобильные телефоны / смартфоны

Современные научные исследования свидетельствуют о неоднозначном характере влияния использования смартфонов на творческую деятельность, которое проявляется в выраженной дихотомии позитивных и негативных эффектов. С одной стороны, мобильные устройства обеспечивают беспрецедентные возможности для групповой работы, оперативного обмена идеями и многоканального творческого

самовыражения. С другой стороны, они остаются одним из ключевых источников когнитивной фрагментации – нарушения целостности и последовательности мыслительных процессов, обусловленного хаотичным потреблением информации.

Эмпирические исследования демонстрируют отсутствие единого мнения относительно влияния смартфонов на базовые творческие способности. Серия корреляционных исследований Дж. А. Олсон и соавторов на трех независимых выборках выявила неустойчивый характер связи между интенсивностью смартфон-использования и дивергентным мышлением: если первое исследование зафиксировало отрицательную корреляцию, то во втором и третьем она оказалась менее выраженной. Авторы заключили, что частое обращение к мобильному устройству может способствовать незначительному снижению дивергентного мышления независимо от демографических характеристик выборки, однако это не является прямым доказательством причинно-следственной связи [Olson et al. 2022]. Данные выводы согласуются с результатами других исследований, в которых не было обнаружено значимой взаимосвязи между использованием смартфона и продуктивностью дивергентного мышления [Linares, Sellier 2021; Rodríguez et al. 2020] либо были обнаружены противоречивые результаты: отрицательная корреляция с дивергентным мышлением, но положительная – с реальными творческими достижениями в повседневной жизни [Upshaw et al. 2022]. Исследование 105 южноафриканских студентов, проведенное Р. Киобе с коллегами, продемонстрировало, что смартфоны способны поддерживать креативную учебную среду при условии осознанного персонального использования, влияя при этом на параметры творческого продукта [Kyobe et al. 2022].

Противоречивость полученных результатов может объясняться недостаточной дифференциацией паттернов взаимодействия со смартфоном. М. Мюллер и К. Монтаг на выборке 509 пользователей установили отсутствие негативной взаимосвязи между показателями чрезмерного использования смартфона и беглостью генерации идей в задачах на дивергентное мышление. Однако ученые выделили специфические паттерны «проблемного использования» – пассивный скроллинг контента, бессистемное переключение между приложениями и навязчивую проверку уведомлений – как факторы, избирательно подавляющие креативность независимо от общего времени использования

[Müller, Montag 2024]. Эти данные корреспондируют с результатами А. Оуласвирта и коллег, показавших, что взаимодействие со смартфоном характеризуется паттерном «коротких всплесков» внимания, равномерно распределенных в течение дня, что сопровождается падением общей продуктивности деятельности [Oulasvirta et al. 2012]. В лонгитюдном исследовании Е. Дьюк и К. Монтэг установили, что ежедневные прерывания, генерируемые смартфонами, значимо снижают самооцениваемую продуктивность через механизм фрагментации внимания, при этом симптомы смартфон-зависимости выступают предиктором снижения эффективности когнитивной деятельности [Duke, Montag 2017].

М. Либхерр и соавторы в теоретическом моделировании разграничили немедленное и долгосрочное воздействие смартфонов на внимание, ингибиторный контроль и рабочую память [Liebherr et al. 2020]. Эти когнитивные функции, включая внимание, исполнительные функции, такие как когнитивный контроль, и рабочую память, играют центральную роль в процессах творческого мышления, например в дивергентном мышлении. Л. Ченг и Х. Хи предложили модель модулируемой медиации, объясняющую связь смартфон-аддикции с креативностью у китайских студентов. Анализ продемонстрировал, что зависимость от смартфона воздействует на творческое мышление опосредованно – через депрессию и нарушения эмоциональной регуляции, причем негативный эффект усиливается у лиц с низкой саморегуляцией и высокой тревожностью [Cheng, Xie 2025]. Теоретическое обобщение Дж. Ару и Д. Розгонюк постулирует, что постоянная доступность внешней информации редуцирует необходимость в глубокой внутренней обработке данных, критически важной для инкубационной фазы творческого процесса [Aru, Rozgonjuk 2022]. Смартфон формирует когнитивную экологию «мелкой обработки», препятствующую образованию отдаленных ассоциаций и рефлексивному анализу – ключевым компонентам инсайта.

Отдельного внимания заслуживает динамика влияния социальных сетей на творческую деятельность. Й. Кюнел и коллеги обнаружили, что связь между использованием социальных сетей и творческой производительностью становится положительной лишь по истечении одного часа после завершения взаимодействия, тогда как непосредственно в процессе использования она остается отрицательной. Авторы предполагают, что при генерации идей

социальные сети могут ограничивать творческое мышление, однако отсроченный обмен междисциплинарным опытом через эти платформы может оказаться продуктивным на этапе отбора идей [Kühnel et al. 2020]. В профессиональном контексте социальное, когнитивное и гедонистическое использование корпоративных социальных сетей способно стимулировать творческое мышление сотрудников [Zhou et al. 2022].

Планшетные компьютеры / планшеты

В последние годы планшетные компьютеры рассматриваются как самостоятельный класс цифровых средств, обладающих специфическими когнитивными возможностями, потенциально влияющими на продуктивность творческой деятельности. В отличие от смартфонов, характеризующихся высокой фрагментированностью внимания, и стационарных компьютеров, ориентированных преимущественно на аналитическую обработку информации, планшеты занимают промежуточную позицию, сочетая мобильность, визуальную непосредственность и тактильное взаимодействие с пользователем.

Современные эмпирические данные указывают на дифференцированное влияние планшетов на ключевые компоненты креативности. Экспериментальное исследование процессов генерации идей (идеации) по сравнению с эскизированием ручкой и бумагой при решении задачи генерации концепций в инженерном проектировании, проведенное М. Дас с коллегами с использованием iPad, демонстрирует, что использование планшетных устройств модифицирует когнитивные стратегии генерации идей, в частности динамику переходов между концептами и ассоциативными кластерами, что проявляется в изменении паттернов концептуального «сцепления» в задачах дивергентного мышления [Das et al. 2025]. Подобные эффекты интерпретируются в рамках когнитивно-процессуального подхода как результат снижения дистанции между внутренней репрезентацией идеи и ее внешней экстернализацией.

Метааналитический обзор З. Заремохзабие с коллегами подтверждает наличие умеренного, но устойчивого положительного эффекта использования образовательных технологий, в том числе на базе планшетов, на показатели креативной продуктивности в образовательных и дизайн-контекстах. Технологии не только облегчали понимание материала, но и побуждали студентов выражать свои идеи,

развивать концепции и создавать более сложные и оригинальные продукты, при этом длительность и структурированность использования устройства выступали ключевыми модераторами продуктивности. Кроме того, результаты показывают, что больше всего подвержены влиянию образовательных технологий беглость, гибкость и оригинальность идей [Zaremohzabieh et al. 2025]. Аналогичные данные были получены в исследованиях мультимедийного обучения с использованием планшетов, проведенных Х. Ч. Ким с коллегами в Корее, где использование планшетов ассоциировалось с ростом оригинальности идей и их разработанности. Установлено, что применение данного устройства в классе развивает навыки сотрудничества, которые улучшают понимание пройденного материала учащимися и способствуют их творческому развитию, т.к. позволяют им лучше выражать и передавать свои идеи [Kim et al. 2016].

Исследования последних лет демонстрируют, что использование планшетов может способствовать более высокому уровню креативной продуктивности за счет их уникальной комбинации мультимодальных интерфейсов – графического, тактильного и жестового. Так, в области промышленного дизайна долгосрочное исследование М. Эванса и Н. Алдой, направленное на изучение использования планшетных ПК для создания эскизов, показало, что цифровые технологии эскизирования оказывают значительное положительное влияние на генерацию дизайнерских идей. Авторы связывают этот эффект с особенностями ручного ввода и мультитач-взаимодействия, которые позволяют участникам более интуитивно моделировать мыслительные процессы [Evans, Aldoy 2016].

Качественное исследование У. И. О'Бирна и его коллег продемонстрировало, что использование планшетов для создания покадровой анимации в рамках проектной деятельности способствует развитию дивергентного мышления у будущих педагогов. Участники исследования, получившие минимальные инструкции по использованию технологии, активно интегрировали философию дизайн-мышления в свой творческий процесс, что привело к генерации более оригинальных и разнообразных идей при решении поставленных задач [O'Byrne et al. 2018]. Этот результат согласуется с когнитивно-процессуальным подходом, согласно которому тактильный интерфейс и непосредственность обратной связи планшета сокращают дистанцию между

зарождением идеи и ее материализацией, облегчая исследование множественных решений.

В сфере визуального искусства эмпирические данные подчеркивают роль планшетов в трансформации совместного творчества. Сравнительное исследование М. Сакра, в котором анализировалось рисование в парах детей 5–6 лет на iPad и на бумаге, выявило существенные различия в семиотических ресурсах и динамике взаимодействия. На iPad процесс рисования характеризовался большей отзывчивостью, меньшей зависимостью от предварительного планирования и большей открытостью к совместному исследованию новых идей [Sakr 2019]. Это позволяет предположить, что сенсорный интерфейс и возможности приложений могут формировать особую среду, которая поощряет экспериментальный и совместный характер творчества, в отличие от более индивидуализированного и культурно обусловленного процесса рисования на бумаге.

Влияние планшетных компьютеров на творческую продуктивность продолжает изучаться в различных контекстах, при этом эмпирические данные указывают как на потенциал, так и на специфические ограничения этих устройств. Применение планшетов в музыкальном творчестве раскрывает более сложную картину. Исследование Э. Хувийнена и Х. Раутанен, сравнивавших групповое создание звуковых ландшафтов детьми 10–12 лет с использованием iPad (с приложением GarageBand) и традиционных музыкальных инструментов, показало, что планшеты могут трансформировать паттерны взаимодействия. В группах, использовавших традиционные инструменты, процесс был более импровизационным, мультимодальным и сопровождался признаками группового потока. В то время как в группах с iPad преобладало параллельное, более абстрактное планирование, с меньшим количеством непосредственного музыкального взаимодействия и признаков коллективного вовлечения [Huovinen, Rautanen 2020]. Это указывает на то, что креативный потенциал планшета сильно зависит от конкретной задачи, программного обеспечения и контекста использования: в некоторых случаях цифровые инструменты могут непреднамеренно смещать фокус с непосредственного творческого акта на предварительное концептуальное планирование.

Таким образом, современные исследования подтверждают, что планшеты являются не нейтральным инструментом, а активным медиатором, который

перестраивает когнитивные и социальные процессы творчества. Их влияние на продуктивность – будь то генерация идей, визуальное или музыкальное творчество – неоднозначно и опосредовано целым рядом факторов, включая дизайн используемого программного обеспечения, структуру задачи и особенности групповой динамики. Для максимизации положительного эффекта необходимы не только дальнейшие эмпирические изыскания, но и целенаправленное проектирование образовательных и профессиональных сред, учитывающее специфические аффордансы планшетных компьютеров.

Стационарные компьютеры / ноутбуки

Стационарные персональные компьютеры и ноутбуки представляют собой класс цифровых устройств, функционально и эргономически ориентированных на продолжительную целенаправленную деятельность, что определяет их специфическое влияние на продуктивность творческих процессов. В отличие от мобильных платформ, данные устройства характеризуются более стабильной рабочей средой, расширенными возможностями многозадачной обработки информации и меньшей ассоциированностью с контекстами фрагментированного использования, что потенциально снижает когнитивную нагрузку, связанную с переключением внимания, в процессе выполнения сложных творческих задач.

С позиции количественных метрик продуктивности данные, проанализированные в аналитическом обзоре К. Танг и коллег, демонстрируют, что использование цифровых технологических продуктов на базе компьютеров способствует повышению беглости генерации идей у студентов, при этом эффект наиболее выражен в условиях структурированной образовательной среды [Tang et al. 2022]. Метааналитическое исследование М. Лю с соавторами, охватившее широкий спектр эмпирических работ, подтверждает позитивное влияние мультимедийных технологий на оригинальность, детализацию творческих идей и общую креативность, при этом эффект менее выражен в отношении беглости и гибкости [Liu et al. 2022]. Важно отметить, что в исследовании индивидуальных различий М. Мюллер и К. Монтаг выявили положительные связи между объективно зафиксированными показателями беглости идей и переменными использования ноутбука, планшета или настольного ПК [Müller, Montag 2024], что связано с тем, что стационарные устройства – персональные компьютеры

и ноутбуки – ассоциируются с более богатой генерацией идей в сравнении с мобильными устройствами, что объясняется меньшей вероятностью отвлечений и более высокой когнитивной вовлеченностью. Установлены когнитивные и поведенческие различия между пользователями, ориентированными на компьютеры, и теми, кто преимущественно использует смартфоны, причем первая группа демонстрирует более высокие показатели продуктивности в задачах, требующих глубокой обработки информации, включая устойчивое внимание, эмоциональную регуляцию и творческое мышление.

Качественные параметры творческого продукта при использовании персональных компьютеров характеризуются повышенной разработанностью и гибкостью решений. Э. О. Беречки и А. Карпати провели множественное кейс-исследование учителей-экспертов по интеграции цифровых технологий и установили, что компьютерные инструменты облегчают создание цифровых продуктов и поддерживают творческие процессы, при этом преподаватели отмечают расширение возможностей для экспериментирования и итеративной доработки творческих продуктов [Bereczki, Kárpáti 2021]. Исследование Б. Ванг и П. Ли в контексте STEM-образования продемонстрировало, что цифровые инструменты и педагогические модели обучения на базе компьютеров оказывают статистически значимое влияние на развитие навыков творческого мышления студентов, причем эффект усиливается при использовании интерактивных и коллаборативных платформ [Wang, Li 2024]. Г. Р. Олдхам и Н. Д. Сильва в своем исследовании влияния цифровых технологий на генерацию и реализацию творческих идей в рабочей среде установили, что компьютеры облегчают не только процесс создания идей, но и их последующую реализацию через доступ к инструментам проектирования, моделирования и прототипирования [Oldham, Silva 2015]. Влияние ПК и ноутбуков на качественные параметры творческого продукта также носит амбивалентный характер. В исследовании Н. Боннардель и Ф. Зенасни показано, что, с одной стороны, использование специализированных программных средств расширяет выразительные возможности создателя, повышая оригинальность и разработанность решений за счет мощных инструментов визуализации и моделирования, с другой – чрезмерная структурированность интерфейсов и высокая инструментальная сложность могут сдерживать гибкость

мышления, смещая когнитивный фокус с генерации идей на освоение функционала неизвестного программного обеспечения [Bonnardel, Zenasni 2010].

Показатели когнитивной устойчивости при работе с персональными компьютерами демонстрируют противоречивые результаты в зависимости от паттернов использования. А. Буньяк и соавторы изучали взаимодействие между когнитивной поглощенностью технологией и цифровой перегрузкой у работников гиг-экономики и обнаружили, что глубокая вовлеченность в работу с компьютером может способствовать креативности, однако при избыточных цифровых требованиях возникает эффект выгорания, снижающий творческую продуктивность [Bunjak et al. 2021]. Эти различия можно связать с особенностями интерфейса: настольные системы фасилитируют линейное и иерархическое мышление, тогда как мобильные платформы поощряют фрагментированное и реактивное взаимодействие.

Однако влияние на творчество не является однозначно позитивным и зависит от типа задачи и навыков пользователя. Исследование П. А. Мюллера и Д. М. Опенхаймера показало, что при конспектировании лекций от руки, а не на ноутбуке, студенты лучше усваивали и реструктурировали информацию, что является ключевым моментом для последующей творческой переработки. Авторы связывают это с более глубокой когнитивной обработкой при ручном письме [Mueller, Oppenheimer 2014]. Крупные образовательные инициативы, такие как программа «Один ноутбук на ребенка» (OLPC), дают важные данные о контекстуальной зависимости эффектов. Масштабная оценка этой программы в Перу, проведенная Дж. Кристиа и коллегами, не выявила значимого влияния на академические навыки, включая творческие аспекты, при этом эффекты на общие когнитивные навыки оказались положительными [Cristia et al. 2017]. Это свидетельствует о том, что само по себе наличие технологии без продуманной педагогической интеграции и методической поддержки, направленной именно на развитие креативности, является недостаточным условием.

Таким образом, стационарные компьютеры и ноутбуки представляют собой мощный, но инструментально-опосредованный ресурс для творчества. Их потенциал в повышении продуктивности творческой деятельности реализуется максимально полно при выполнении сложных, многоэтапных проектов, требующих работы с большими объемами

информации, глубокой проработки деталей, а также при условии развитых навыков саморегуляции и целеполагания у пользователя.

Устройства виртуальной и дополненной реальности

Технологии виртуальной (Virtual Reality, VR) и дополненной реальности (Augmented Reality, AR) формируют относительно новый класс цифровых устройств, активно исследуемых в контексте повышения продуктивности творческих процессов и продуктивности креативной деятельности.

Количественные метрики продуктивности при использовании VR- и AR-устройств демонстрируют наиболее значительные эффекты среди всех типов цифровых технологий. Ю. С. Чанг и коллеги в экспериментальном исследовании влияния виртуальной реальности на креативность дизайнера и дизайн-мышление установили, что иммерсивные VR-среды оказывают значительное и положительное влияние на процесс творческого проектирования (в частности, на этапы проектирования и планирования, тестирования и модификации, обдумывания и обмена информацией), а также оригинальность и новизну результатов творческого проектирования [Chang et al. 2022]. С. Янг и коллеги провели комплексное сравнительное исследование с использованием ЭЭГ-анализа и поведенческих метрик, где сравнивались две группы респондентов в условиях иммерсивной виртуальной реальности либо в условиях работы с бумагой и карандашом. Результаты демонстрируют, что участники в условиях иммерсивной виртуальной реальности поддерживали более стабильную концентрацию внимания, а также повышали скорость выполнения творческих задач при одновременном улучшении качества решений [Yang et al. 2018]. Х. Т. Хуан и Ю. Ш. Чанг в нейрopsихологическом исследовании эффектов виртуальной реальности на творческую производительность и эмоции с использованием анализа мозговых волн установили, что VR-среды индуцируют оптимальное состояние когнитивного возбуждения, способствующее как количественному увеличению генерируемых идей, так и качественному улучшению творческих решений, в том числе детализации, яркости и новизны творческих результатов [Huang, Chang 2023]. Ц. Лу и коллеги исследовали влияние VR- и смешанной реальности на творческую производительность будущих учителей и выявили, что расширение сцены в дизайне инструкций посредством иммерсивных технологий значительно повышает

объем обработанной информации и беглость креативных идей [Lu et al. 2022].

Качественные параметры творческого продукта при использовании VR- и AR-устройств характеризуются исключительно высокими показателями оригинальности, разработанности и гибкости решений. К. Ичимура в экспериментальном исследовании влияния виртуальной реальности и пространственной открытости среды на дивергентное мышление установил, что группа, применявшая VR-среды с высокой степенью пространственной открытости, имела более высокие показатели беглости, оригинальности и гибкости, чем группа, использовавшая компьютерный экран [Ichimura 2023]. С. Обейд и Х. Демиркан на выборке 42 студентов изучали влияние виртуальной реальности на креативность процесса проектирования в базовых дизайнерских студиях и обнаружили, что VR-технологии значительно повышают состояние потока (*flow state*), мотивацию и пространственные способности студентов, при этом студенты демонстрируют более высокий уровень разработанности творческих концептов [Obeid, Demirkan 2020]. Й. И. Ванг и коллеги в исследовании эффектов виртуальной реальности на творческую производительность и воспринимаемую иммерсию с использованием ЭЭГ-анализа установили, что повышенное чувство погружения положительно коррелирует с показателями гибкости мышления и способностью генерировать разнообразные категории решений [Wang et al. 2022]. Ч. Гун и коллеги исследовали влияние VR-стимулов на креативность дизайнера в процессе идеации, установив, что виртуальная реальность способствует повышению креативности, генерации более гибких и адаптивных решений за счет снижения когнитивных барьеров и стереотипных паттернов мышления. Однако стимулы виртуальной реальности потенциально могут привести к формированию фиксационного поведения, включая ощущение застревания в виртуальной среде и неспособность выйти из этого состояния [Gong et al. 2024].

Показатели когнитивной устойчивости при использовании VR- и AR-устройств демонстрируют преимущественно позитивные эффекты с определенными оговорками. Ю. Ч. Чен и коллеги в исследовании влияния VR-приложений на креативность, опосредованную когнитивной нагрузкой, в инженерном проектировании установили, что иммерсивные среды повышают устойчивость когнитивных процессов и резистентность к прерываниям, однако

при чрезмерной когнитивной нагрузке эффекты могут инвертироваться [Chen et al. 2022]. Ю. Дж. Линь и Х. Ван, изучая использование виртуальной реальности для развития творческой самооэффективности и внутренней мотивации в классе, обнаружили, что VR-среды способствуют длительному поддержанию концентрации внимания за счет повышения вовлеченности и снижения отвлекающих факторов, однако их эффективность в творческом производстве, а также в собственной компетентности при столкновении с негативной обратной связью существенно не изменилась [Lin, Wang 2021]. К. Ронг и коллеги исследовали влияние AI и VR-технологий на концентрацию и креативность студентов, установив, что VR-среды значительно улучшают показатели устойчивости и концентрации внимания при выполнении творческих задач [Rong et al. 2022]. Э. Греч и коллеги в исследовании расширенного AI-опыта в контексте Индустрии 5.0 продемонстрировали, что VR-технологии в сочетании с искусственным интеллектом создают оптимальные условия для поддержания совместного творчества, когнитивного потока и минимизации прерываний в процессе творческой деятельности [Grech et al. 2023]. Систематический обзор С. Буржуа-Бугрин и коллег обобщает влияние иммерсивных виртуальных сред на индивидуальную и коллективную креативность, демонстрируя, что VR-технологии способствуют повышению творческой продуктивности на индивидуальном и коллективном уровнях, а также доставляют удовольствие и радость [Bourgeois-Bougrine et al. 2022]. Х. Ю и Ц. Ван в систематическом литературном обзоре усиления креативности студентов колледжей через VR-технологии синтезировали данные 16 исследований и подтвердили устойчивые позитивные эффекты при использовании виртуальной реальности на все ключевые аспекты творческой продуктивности, описываемые в рамках модели дивергентного мышления Дж. Гилфорда. Особое внимание уделяется роли оптимального психологического состояния потока (*flow state*) и когнитивного вовлечения как механизмов, обеспечивающих эффективность творческого процесса в виртуальных средах [Yu, Wang 2025].

Таким образом, совокупность эмпирических данных свидетельствует о дифференцированном, но преимущественно позитивном влиянии различных типов цифровых устройств на продуктивность творческой деятельности. Устройства виртуальной и дополненной реальности показывают наиболее

выраженные эффекты на все три аспекта творческой продуктивности, особенно в задачах, требующих пространственного воображения, визуального мышления и интенсивной когнитивной вовлеченности. Кроме этого, для оптимизации творческих результатов является важным тщательное управление когнитивной нагрузкой и пользовательским комфортом.

Различия в стратегиях решения творческих задач на различных типах цифровых устройств

В современной когнитивной психологии творчества цифровое устройство целесообразно рассматривать не как нейтральный инструмент творческой деятельности, ведь они активно конфигурируют когнитивные стратегии решения креативных задач через специфические интерфейсные решения, модальности взаимодействия и технические ограничения [Antonczak, Burger-Helmchen 2022], в том числе в контексте мультимодального обучения в раннем детстве [Tang et al. 2024].

Современные эмпирические исследования демонстрируют существенные различия в паттернах творческого проблем-солвинга в зависимости от типа используемого устройства, что подтверждается множественными сравнительными и экспериментальными работами. Специфика аппаратно-программной архитектуры каждого класса устройств создает уникальный набор аффордансов (возможностей действия) и ограничений, которые перенастраивают баланс между дивергентными и конвергентными процессами, глубиной проработки, устойчивостью внимания и способом внешней репрезентации идеи, которые детерминируют как количественные показатели творческой продуктивности, так и качественные характеристики генерируемых решений. Портативность, форм-фактор, режимы ввода (сенсор, клавиатура / мышь, контроллеры, трекинг тела), «экология» интерфейса (уведомления, многозадачность, шаблоны, поисковая доступность), а также уровень иммерсивности и социальная встроенность устройства систематически сдвигают стратегии решения творческих задач – от быстрых генеративных набросков к длительному построению сложного продукта [Sookkaew et al. 2025], в то время как в профессиональном образовании, например в архитектуре, применение гибридных цифровых инструментов модифицирует когнитивные процессы проектирования [Al-Rqaibat et al. 2025].

Мобильные телефоны / смартфон

Эмпирические данные демонстрируют амбивалентную роль смартфонов в конфигурации творческих когнитивных процессов. Смартфон чаще всего «прививает» стратегию быстрого захвата идеи: короткие циклы генерации, поиск вдохновения, моментальная фиксация (заметки / фото / голос), оперативное тестирование вариантов и социальная сверка через мессенджеры. Именно поэтому мобильные устройства обеспечивают уникальные условия для быстрой генерации идей и дивергентного мышления благодаря портативности, мгновенному доступу к информационным ресурсам и созданию пространства «творческой свободы» (*creative slack*) [Antonczak, Burger-Helmchen 2022]. С. Чой с коллегами в экспериментальном исследовании выявили две основные когнитивные стратегии генерации креативных идей с помощью телефона: эффект спонтанности как внутренний механизм и эффект воспринимаемой свободы как внешний механизм [Choi et al. 2023]. Д. Суккаев с коллегами в комплексном анализе доказал, что смартфоны обеспечивают быструю совместную работу и доступ к проектам, трансформируя рабочие процессы в сфере дизайнера, что позволяет эффективнее сотрудничать и получать более креативные решения [Sookkaew et al. 2025]. Таким образом, смартфоны как инструмент творческой деятельности также продуктивно поддерживают фазу первичного «мозгового штурма» и обеспечивают базу для социального обмена идеями.

Одновременно с этим смартфон задает и противоположный когнитивный профиль: маленький экран, интерфейс «в одну задачу за раз», высокая плотность стимулов и уведомлений формируют стратегию поверхностной навигации и частого контекстного переключения [Nielsen, Budiu 2012; Oulasvirta et al. 2012]. Интерфейс мобильных приложений, ориентированный на скроллинг, поощряет пассивное потребление. В контексте творчества это выражается в ослаблении «способности к концептуальным скачкам» и междисциплинарной интеграции. Вместо активного поиска и структурирования информации пользователь смартфона склонен к «социальной разгрузке» – делегированию решения задачи внешним источникам или поисковым алгоритмам без глубокой рефлексии [Gerlich 2025]. Второй из наиболее значимых угроз для творческого проблем-солвинга является гипотеза «утечки мозгов» (*brain drain*). Экспериментально подтверждено, что само наличие смартфона в поле зрения (даже

в выключенном состоянии) снижает доступный объем рабочей памяти. Когнитивный ресурс расходуется на подсознательное подавление импульса проверить устройство [Ward et al. 2017]. Для творческого процесса, требующего максимальной концентрации для синтеза отдаленных ассоциаций, этот «фоновый шум» становится критическим барьером.

Таким образом, смартфоны конфигурируют специфическую стратегию творческого проблем-солвинга: быстрая, гибкая, коллаборативная генерация множества вариантов при существенном дефиците углубленной конвергентной обработки и синтеза.

Планшетные компьютеры / планшеты

Планшетные устройства занимают промежуточную позицию между мобильными и стационарными платформами, предлагая качественно иную конфигурацию творческих стратегий.

Сенсорный интерфейс и поддержка стилуса обеспечивают непосредственность тактильного взаимодействия с креативным материалом, что особенно значимо для визуально-пространственных задач в дизайне, искусстве и STEM-образовании. Исследования в области когнитивной нагрузки показывают удивительный парадокс: рисование пальцем на планшете часто приводит к более оригинальным результатам в творческих тестах (например, в тесте Торренса), чем использование стилуса. Механизм этого явления кроется в проприоцепции. Использование пальца усиливает тактильную и кинестетическую обратную связь, что, согласно теории когнитивной нагрузки, снижает ресурсы, затрачиваемые на моторный контроль. В результате больше ресурсов мозга направляется на генерацию необычных идей. Напротив, стилус на гладком стекле планшета часто создает эффект «скольжения», что снижает проприоцептивную точность. Мозгу приходится тратить дополнительные усилия на компенсацию этого скольжения, что может ограничивать полет фантазии, особенно у детей, чьи моторные программы еще не автоматизированы [Bitu et al. 2022]. Однако для взрослых и профессионалов стилус становится инструментом высокой точности, позволяющим реализовать сложные конвергентные задачи [Kim et al. 2015]. Это прямое взаимодействие снижает когнитивную нагрузку, связанную с освоением интерфейса, позволяя учащимся сосредоточиться на творческом процессе.

С когнитивной точки зрения решение творческих задач на планшетах вовлекает классические фазы

проблемного мышления: понимание проблемы, планирование, реализацию и оценку решения. Важно отметить, что выполнение задач на планшетах и в аналоговом формате задействует сходные базовые когнитивные ресурсы, что свидетельствует о возможности переноса стратегий между модальностями [Schäfer et al. 2024]. Это означает, что навыки творческого мышления, развиваемые на планшетах, могут успешно применяться и в других контекстах.

Цифровое игровое обучение на планшетах активно способствует развитию исследовательских и игровых стратегий, таких как опробование альтернатив и проверка гипотез, что укрепляет креативное мышление, трансфер знаний и критическую рефлексию даже у детей младшего возраста [Behnamnia et al. 2020]. Игровой формат снижает страх ошибки и создает безопасную среду для творческого экспериментирования, что является ключевым фактором развития дивергентного мышления.

Ключевое преимущество планшетов – их способность фасилитировать коллаборативные формы творческой деятельности. В исследовании М. Доманчина с коллегами изучалось совместное использование планшетов в малых группах. Было доказано, что такое взаимодействие создает условия для коллаборативного конструирования смысла, когда учащиеся комбинируют множественные ресурсы – 3D-визуализации, предварительные знания, нарративы, видео и даже телесную репрезентацию – для совместной разработки решений и объяснений [Domanchin et al. 2025]. Этот социальный аспект творческой деятельности особенно важен, поскольку креативность в современном мире все чаще является коллективным феноменом. Также образовательные среды с поддержкой планшетов, включая интерактивные классы и смешанное обучение на основе творческого решения проблем (Creative Problem Solving, CPS), используют устройства для экстернализации идей, обмена промежуточными решениями и получения быстрой обратной связи, что повышает стратегическую гибкость и навыки творческого решения задач [Kim et al. 2016]. Возможность мгновенно делиться результатами творческой работы и получать конструктивную критику от сверстников и педагогов создает динамичный цикл творческого совершенствования.

Творческое решение задач на планшетных компьютерах характеризуется практико-ориентированным, визуально поддерживаемым исследованием,

интеграцией инструментов измерения, рисования и моделирования, а также богатыми возможностями для сотрудничества и обратной связи. С психологической точки зрения планшетные технологии снижают барьеры между мыслью и действием, способствуют экстернализации творческого процесса, поддерживают состояние потока и создают условия для социального конструирования инновационных решений.

Стационарные компьютеры / ноутбуки

Стационарные компьютеры и ноутбуки традиционной конфигурации остаются «золотым стандартом» для сложных форм творческой деятельности, требующих устойчивого внимания, мультизадачности и использования профессионального программного обеспечения. Эмпирические данные демонстрируют, что именно эти устройства обеспечивают наивысшие показатели оригинальности, проработанности творческих продуктов.

Специфика конфигурации творческих стратегий на стационарных устройствах определяется несколькими факторами: большой размер экрана позволяет синхронно удерживать в поле зрения множественные элементы задачи; прецизионные устройства ввода (клавиатура, мышь) обеспечивают точность манипуляций; вычислительная мощность поддерживает работу с ресурсоемкими творческими приложениями. Так, классические эксперименты М. Червински с коллегами и последующие работы К. Эндрюса с соавторами показали, что пользователи многоэкранных конфигураций быстрее решают комплексные задачи, реже теряют контекст и демонстрируют более устойчивые показатели когнитивного контроля [Andrews et al. 2010; Czerwinski et al. 2003]. Большой экран позволяет одновременно удерживать в поле зрения несколько элементов задачи, что критически важно для процессов интеграции идей и формирования сложных творческих решений.

Исследования подтверждают наличие специфических метастратегий, свойственных именно пользователям стационарных систем. Дж. Фрих и коллеги выделили у креативных профессионалов, использующих сложные программные пакеты, стратегии *исследования границ (margins)* и *сдвига перспективы (view-shifts)* [Frich et al. 2019]. Реализация подобных стратегий в условиях работы на компьютере часто сопряжена с необходимостью координации нескольких представлений задачи

и контекстов (например, различных фрагментов проекта, визуализаций или данных), что на практике поддерживается многооконными интерфейсами и распределением информации на нескольких экранах. Это подтверждает теорию распределенного познания: внешняя среда компьютера берет на себя часть нагрузки по хранению промежуточных результатов, освобождая ресурсы мозга для синтеза идей. Стационарные компьютеры поощряют эпистемические действия по организации цифровой среды: создание папок, маркировка файлов, использование нескольких мониторов. Это не просто административная работа, а способ экстернализации ментальных моделей задачи. В исследовании, проведенном М. Сунь с соавторами, подчеркивается, что инструменты для когнитивного картирования на основе компьютерных технологий помогают развивать стратегии дивергентного мышления (ассоциацию, декомпозицию, рекомбинацию), повышая беглость, гибкость и оригинальность идей [Sun et al. 2019]. Структурированная визуальная организация мыслительного процесса позволяет учащимся отслеживать связи между идеями и обнаруживать неочевидные решения.

Стационарные компьютеры конфигурируют стратегию творческого проблем-солвинга, характеризующуюся углубленной обработкой, систематическим подходом и высокой степенью конвергентного синтеза.

Устройства виртуальной и дополненной реальности
VR- и AR-устройства представляют собой наиболее радикальный сдвиг в конфигурации творческих когнитивных стратегий, обеспечивая воплощенные, иммерсивные и пространственно-насыщенные среды для креативного проблем-солвинга. Внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности фундаментально меняет архитектуру творческого мышления, осуществляя переход от символических операций к сенсомоторным. Ключевым психологическим механизмом здесь выступает феномен воплощенного познания (*embodied cognition*): когнитивные процессы перестают быть изолированными операциями мозга и становятся распределенными между телом и окружающей средой.

Ключевым механизмом является поддержка пространственного мышления, визуализации и манипуляции с трехмерными объектами в «естественном» режиме взаимодействия. Одна из ключевых особенностей применения – эффект присутствия

и погружения, который снижает когнитивную нагрузку и высвобождает ресурсы рабочей памяти для исследовательской деятельности и генерации идей. Исследования демонстрируют, что по сравнению с неиммерсивными трехмерными средами или традиционными планшетными форматами полное погружение в виртуальную реальность способствует более продуктивному творческому мышлению и решению проблем [Chen et al. 2024; Papanastasiou et al. 2018; Yu, Wang 2025]. Важным стратегическим преимуществом VR- и AR-сред является возможность естественной манипуляции трехмерными объектами: обучающиеся могут перемещать, вращать и масштабировать виртуальные объекты, получая мгновенную визуальную обратную связь. Такое взаимодействие поддерживает проверку гипотез, уточнение идей и гибкую смену стратегий решения задач [Araiza-Alba et al. 2020].

Несмотря на общность иммерсивного подхода, виртуальная и дополненная реальность обладают специфическими характеристиками, влияющими на стратегии решения творческих задач. Виртуальная реальность обеспечивает полное погружение и воплощенное взаимодействие, особенно эффективна для развития пространственного мышления, способствует более высокому уровню завершения сложных проблемных задач и успешному переносу решений на физические задачи. Например, в исследовании М. Янг и коллег, посвященном экспериментальному сравнению процесса создания концептуальных карт в VR и на стационарном ПК, было выявлено фундаментальное различие в стратегиях решения задач. В VR-среде участники больше фокусировались на самом процессе решения проблемы и использовали 3D-пространство для создания объемных ментальных моделей. VR получил более высокие оценки вовлеченности и социального присутствия. Пользователи персональных компьютеров тратили значительную часть ресурсов на организацию карты и устранение перекрытий элементов, что свидетельствует о преобладании стратегий структурирования над стратегиями поиска решений [Yang et al. 2025]. Дополненная реальность, в свою очередь, интегрирует виртуальные объекты в реальный контекст, что поддерживает исследование реальной среды, отладку решений и многократную практику на аутентичных задачах [Fadillah, Siregar 2025].

Однако иммерсивные среды создают и специфические когнитивные вызовы: повышенную

когнитивную нагрузку и трудности восстановления контекста после прерываний. Эффективность VR / AR для творческих задач критически зависит от качества интерфейсного дизайна, комфорта пользователя и баланса между иммерсивностью и когнитивной стабильностью.

VR- и AR-устройства конфигурируют стратегию творческого проблем-солвинга, характеризующуюся пространственной воплощенностью, контекстуальной насыщенностью, коллаборативной синхронизацией и высоким уровнем когнитивной вовлеченности, но требующую тщательного управления когнитивной нагрузкой.

Обсуждение

Сравнительный анализ возможностей и ограничений цифровых устройств

На основе анализа эмпирических данных можно сделать вывод о том, что не существует универсального «лучшего» устройства для творчества. Эффективность когнитивных стратегий зависит от соответствия аппаратно-программных возможностей устройства в конкретной фазе творческого процесса. Для фазы инициации и поиска вдохновения оптимально использование смартфонов как инструментов микрокреативности. Для минимизации эффекта когнитивного истощения рекомендуется физическое удаление устройства в периоды глубокой концентрации. Для фазы визуализации и первичного моделирования больше всего подходят планшеты, которые обеспечивают наилучший баланс тактильной связи и свободы действий. Использование пальца вместо стилуса на начальных этапах может способствовать большей оригинальности идей. Для фазы сложного синтеза и профессиональной проработки наилучшим решением является использование стационарных систем с большими или множественными мониторами, которые создают условия для реализации сложных творческих решений, обеспечивая экстернализацию ментальных моделей. Для пространственных и инженерных задач подходит использование VR-технологий, позволяющих снизить нагрузку на пространственное воображение, перемещая процесс решения задачи из плоскости символов в плоскость сенсомоторных манипуляций (табл.). В целом цифровая трансформация творческой деятельности требует от субъекта развития метакогнитивных навыков – способности осознанно выбирать инструмент, который в данный

Табл. Особенности применения разных типов устройств для решения творческих задач
Tab. Applying different types of digital devices to creative tasks

Класс устройства	Доминирующий аффорданс	Когнитивный фокус	Способ репрезентации идеи	Основной риск
Смартфоны	Моментальный доступ и портативность	Дивергентная генерация, спонтанность	Микрофиксация (заметки, фото)	Когнитивное истощение
Планшеты	Тактильная непосредственность	Визуально-пространственное моделирование	Эскизирование, 3D-манипуляция	Ограничение моторных программ стилусом
ПК / Ноутбуки	Многооконность и точность ввода	Конвергентный синтез, проработка	Сложные иерархические структуры	Потеря спонтанности, жесткая фиксация
VR- и AR-системы	Пространственное погружение	Сенсомоторное исследование	Воплощенное 3D-конструирование	Высокая сенсорная нагрузка

момент наилучшим образом сконфигурирует его когнитивные ресурсы для достижения инновационного творческого результата.

Модерирующие факторы продуктивности творческой деятельности на различных типах цифровых устройств

В современной психологической литературе цифровая креативность рассматривается не просто как перенос традиционных форм творческой деятельности в виртуальную среду, но как сложный социотехнический процесс, в котором технологии выступают активным медиатором когнитивного развития. Под цифровой креативностью понимается генерация новых и ценных идей или продуктов, опосредованная цифровыми инструментами, требующая синергии когнитивных, социально-эмоциональных и технических компетенций в коллаборативных средах [Samper-Márquez, Oropesa-Ruiz 2025].

Продуктивность творческой деятельности в таких условиях не является универсальной характеристикой, а определяется сложной системой модерирующих факторов, включающих особенности самого устройства, характеристики пользователя, контекстуальные условия и системы поддержки. Современные эмпирические исследования демонстрируют значительную вариативность влияния различных типов цифровых устройств на творческую продуктивность в зависимости от этих модераторов. Понимание механизмов модерации является критически важным для оптимизации цифровой креативности как в образовательных, так и в профессиональных контекстах.

Цифровая самооффективность, креативность и грамотность

В теоретической модели Р. Тао и коллег творческая продуктивность рассматривается как результат сложного взаимодействия трех уровней: личностных характеристик, когнитивных механизмов и внешних факторов [Тао et al. 2025], в результате чего возникают новые и значимые произведения [Glăveanu, Kaufman 2020; Rhodes 1961; Runco 2007; Sternberg, Karami 2022]. При этом центральное место в данной концепции занимает креативная самооффективность – это субъективная уверенность индивида в своей способности генерировать креативные идеи или решения [Puente-Díaz 2016; Tierney, Farmer 2002; Тао et al. 2025]. Данный конструкт дифференцируется на две формы: стабильную (личностная креативная самооффективность), отражающую стабильную и устойчивую веру в свои творческие способности, и динамичную креативную самооффективность, зависящую от ситуационных факторов, таких как окружающая среда и эмоциональное состояние [Тао et al. 2025; Van Diemen et al. 2020]. Взаимодействие самооффективности с цифровой средой порождает феномен цифровой самооффективности, который выступает частичным медиатором между цифровыми инструментами и производительностью деятельности личности [Sun, Yoon 2025].

Пользователи с более высоким уровнем цифровой самооффективности и цифровых знаний с большей вероятностью извлекают пользу из инструментов цифрового творчества, поскольку уверенность и навыки опосредуют положительное влияние технологий на творческое самовыражение

[Barreda-Coaquira et al. 2025; Shao et al. 2021]. Исследование А. Барреда-Коакира и коллег продемонстрировало, что интеграция цифровых приложений оказывает значительный эффект на творческое выражение студентов визуальных искусств, причем этот эффект усиливается при высоком уровне цифровой компетентности пользователей [Barreda-Coaquira et al. 2025]. Исследование Дж. Гуань и соавторов выявило сложные взаимосвязи между использованием мобильных телефонов и генерацией творческих идей у студентов колледжей, при этом критическое мышление и творческая самоэффективность выступают в роли модулирующих переменных. Студенты с развитым критическим мышлением и высокой творческой самоэффективностью способны более продуктивно использовать мобильные устройства для развития творческих способностей, преобразуя цифровые инструменты в ресурсы для инновационного мышления [Guan et al. 2024].

Цифровая грамотность выступает в качестве модератора, определяющего способность индивида эффективно синтезировать цифровые ресурсы для создания новых смыслов [Santoso et al. 2019]. В высокотехнологичных отраслях, таких как телекоммуникации, цифровая грамотность значительно усиливает связь между инновационным рабочим поведением и результативностью [Arifin et al. 2024]. Технологическая готовность, являющаяся структурным компонентом цифровой грамотности, представляет собой психологическую предрасположенность к принятию и использованию новых технологий для достижения целей [Parasuraman 2000]. Данный фактор модулирует влияние цифрового лидерства на инновационное поведение сотрудников. Лица с высокой технологической готовностью склонны воспринимать цифровые инструменты как ресурс, а не как угрозу, что усиливает их инновационную самоэффективность и способствует обмену знаниями, а также оказывает значительное влияние на креативность сотрудников [Yang et al. 2025].

Однако использование цифровых технологий несет в себе риски эмоционального истощения. В этом контексте осознанность выступает критическим модератором. Согласно теории сохранения ресурсов, осознанность позволяет индивиду перенаправлять когнитивные ресурсы от стрессовых реакций на технические сбои к состоянию профессионального процветания, что, в свою очередь, стимулирует креативность [Tu et al. 2025].

Возраст, опыт и мотивационные факторы

Возрастные характеристики пользователей существенно модулируют влияние цифровых устройств на творчество. Например, метааналитические данные, представленные в исследовании К. Пенг, подтверждают, что вмешательства, направленные на развитие творческого мышления через цифровые и научные методы, наиболее эффективны именно в раннем детстве [Peng et al. 2025]. Для «цифровых аборигенов» использование мобильных устройств для ввода текста становится автоматизированным навыком, что потенциально освобождает когнитивные ресурсы для решения высокоуровневых задач, в том числе творческих [Viviani et al. 2025]. Однако длительное пребывание перед экраном в раннем возрасте ассоциируется с задержками в развитии исполнительных функций и языковых навыков, что опосредованно влияет на творческое мышление [Liu et al. 2021]. Таким образом, более молодые пользователи и представители цифрового поколения обычно быстрее адаптируются к новым устройствам, в то время как пользователи старшего возраста или с меньшим опытом могут нуждаться в дополнительной поддержке.

Мотивация, творческая идентичность и самооценка также модулируют влияние использования устройств на креативность. В исследовании М. Х. Нгуен и коллег изучались факторы, способствующие развитию цифровой креативности среди вьетнамских старшеклассников. Было выявлено, что цифровое самообучение положительно связано с цифровой креативностью, но этот эффект значительно усиливается при наличии поддержки со стороны родителей и учителей. Применение концептуальной рамки Serendipity-Mindsponge-3D показало, что внутренняя мотивация и познавательное любопытство выступают ключевыми медиаторами между доступом к цифровым устройствам и развитием творческих способностей [Nguyen et al. 2023]. О. Каплан и коллеги, анализируя данные Programme for International Student Assessment (PISA) с использованием метода сопоставления показателей склонности, обнаружили, что интеграция цифровых технологий оказывает незначительное положительное влияние на навыки творческого мышления студентов, однако величина этого эффекта варьируется в зависимости от мотивационных установок и предшествующего опыта использования технологий [Kaplan et al. 2025].

Зависимость от устройств и чрезмерное использование

Чрезмерное или аддиктивное использование смартфонов ассоциируется со снижением творческого мышления, повышением уровня депрессии и нарушением исполнительных функций, главным образом среди подростков и студентов колледжей. Особенно значимым является открытие нейрочисловых исследований: чрезмерное или аддиктивное использование смартфонов способствует возникновению депрессии [Cheng, Xie 2025], а также коррелирует со снижением активности мозговых структур, ответственных за креативность, что опосредованно влияет на уменьшение оригинальности идей [Li et al. 2022].

Ц. Ванг и коллеги выявили дифференцированные взаимосвязи между зависимостью от мобильных телефонов и научной vs. художественной креативностью у подростков, при этом самооценка и творческая идентичность выступают медиаторами этих отношений. Результаты показали, что зависимость от смартфонов оказывает более выраженное негативное влияние на научную креативность по сравнению с художественной [Wang et al. 2025]. В. Ли с соавторами продемонстрировали, что зависимость от смартфонов негативно влияет на креативность китайских студентов колледжей через последовательное цепное опосредование депрессией и исполнительными функциями [Li et al. 2025]. Нейровизуализационное исследование Х. Ли и коллег выявило снижение активности мозга и функциональной связности во время генерации творческих идей у индивидов с зависимостью от смартфонов, что указывает на нейрочисловые механизмы негативного влияния чрезмерного использования устройств на творчество [Li et al. 2022].

Дж. Гу и соавторы в рамках модулируемой медитации обнаружили, что зависимость от смартфонов влияет на креативность студентов колледжей через негативные эмоции, при этом воспринимаемая социальная поддержка выступает модератором этих отношений [Guo et al. 2025]. В обзоре когнитивных эффектов использования смартфонов Дж. Ару и Д. Розгонюк отмечают, что постоянное использование устройств снижает ментальное усилие, необходимое для творческих процессов, и уменьшает способность к глубокому, рефлексивному мышлению [Aru, Rozgonjuk 2022]. Л. Ченг и Х. Хи выявили модулируемую медиационную модель, связывающую зависимость от смартфонов с креативностью

китайских студентов, подчеркивая важность саморегуляции и метакогнитивных стратегий в предотвращении негативных эффектов чрезмерного использования устройств [Cheng, Xie 2025].

Образовательная среда и педагогическая интеграция

Влияние цифровых устройств на креативность в высокой степени зависит от контекста использования. В образовательных условиях интеграция цифровых инструментов наиболее эффективна, когда она согласована с педагогическими стратегиями, способствующими автономии, сотрудничеству и рефлексии.

Исследование Ч. Тан и коллег в систематическом обзоре литературы показало, что улучшение студенческой креативности через цифровые технологические продукты требует тщательной педагогической интеграции, включающей четкие учебные цели, структурированную поддержку и возможности для самостоятельного исследования [Tang et al. 2022]. Э. О. Беречки и А. Карпати в множественном кейс-исследовании экспертных учителей по интеграции цифровых технологий выявили, что убеждения педагогов относительно роли технологий в обучении существенно влияют на то, как устройства используются для развития креативности. Учителя, которые рассматривают цифровые инструменты как средства для исследования, экспериментирования и выражения, а не просто как средства передачи информации, более успешны в развитии творческого мышления учащихся [Berezki, Kárpáti 2021]. Метаанализ З. Заремохзабие с коллегами эффектов интервенций образовательных технологий на творческое мышление в образовательных условиях показал общий положительный эффект, при этом эффект значительно варьировался в зависимости от образовательного уровня, типа технологии и продолжительности интервенции. Наибольшая эффективность наблюдалась в условиях, где технологии интегрированы в систематические, долгосрочные педагогические подходы [Zaremozhzabieh et al. 2025]. Б. Ванг и П. Ли исследовали влияние цифровой креативности в STEM-образовании, подчеркивая роль цифровых инструментов и педагогических моделей обучения в развитии навыков творческого мышления студентов. Результаты показали, что сочетание проблемно-ориентированного обучения с использованием цифровых устройств значительно

превосходит традиционные подходы в развитии креативности в STEM-дисциплинах [Wang, Li 2024]. Исследование Ю. Чен и Ц. Дин эффектов цифровизации в дошкольном образовании на творческое и когнитивное развитие детей показало, что положительные эффекты цифровых устройств значительно усиливаются, когда педагоги применяют целенаправленные стратегии поддержки творческого исследования [Chen, Ding 2024].

А. С. Дзикри и соавторы подчеркивают важность создания технологически обогащенных образовательных сред для развития креативности, отмечая, что эффективность таких сред зависит от цифровой компетентности учителей, институциональной гибкости и равного доступа к технологиям, целенаправленного педагогического проектирования и системной поддержки [Dzikri et al. 2025]. К. Филдинг и К. Мурсия в систематическом обзоре исследований, связывающих цифровые технологии с креативностью детей младшего возраста, отмечают, что включение цифровых технологий в программы раннего обучения дает детям возможность развивать и демонстрировать свои творческие способности при наличии соответствующих условий и поддержки со стороны учителей [Fielding, Murcia 2022].

Современные эмпирические данные убедительно демонстрируют, что продуктивность творческой деятельности на цифровых устройствах не является фиксированной характеристикой, а формируется динамической системой модулирующих факторов. Понимание этих модераторов и их взаимодействий является критически важным для оптимизации использования различных типов цифровых устройств – от смартфонов и планшетов до стационарных компьютеров и систем виртуальной реальности – в образовательных и профессиональных контекстах. Преднамеренная интеграция устройств с учетом характеристик пользователя, контекстуальных условий и систем поддержки может максимизировать творческий потенциал цифровых технологий.

Заключение

Проведенный систематический обзор научной литературы убедительно демонстрирует, что цифровые устройства не могут рассматриваться как нейтральные средства реализации творческой активности. Напротив, они выступают активными когнитивными медиаторами, трансформирующими структуру,

динамику и продуктивность творческого процесса за счет специфических аффордансов, форм взаимодействия и режимов когнитивной нагрузки. Полученные данные позволяют утверждать, что тип используемого цифрового устройства оказывает дифференцированное влияние на отдельные фазы творческой деятельности и связанные с ними когнитивные стратегии.

Анализ эмпирических исследований выявил выраженную функциональную специализацию различных классов устройств. Смартфоны демонстрируют наибольшую эффективность на ранних этапах творческого процесса – в фазах инициации, поиска идей и вдохновения, а также в контексте социального обмена и микрокреативных практик. Вместе с тем их постоянная доступность и высокая прерываемость деятельности сопряжены с рисками когнитивной фрагментации, поверхностной обработки информации и снижения глубины концептуальной проработки. Планшетные компьютеры занимают промежуточное положение между мобильными и стационарными устройствами, обеспечивая оптимальные условия для визуализации, эскизирования и перехода от замысла к его первичной реализации. Тактильная непосредственность интерфейса и возможность прямой манипуляции визуальными репрезентациями способствуют снижению когнитивных барьеров и поддерживают коллаборативные формы творчества, особенно в дизайнерских, образовательных и проектных контекстах. Стационарные компьютеры и ноутбуки сохраняют статус ключевого инструмента для этапов сложного синтеза, аналитической переработки и конвергентной доработки творческих решений. Их использование ассоциировано с более высокой когнитивной устойчивостью, возможностью оперирования многоуровневыми иерархическими структурами данных и поддержанием длительной концентрации внимания, что делает их незаменимыми при решении комплексных творческих задач. Особое место в структуре цифровой креативности занимают системы виртуальной и дополненной реальности, которые обеспечивают качественный сдвиг от преимущественно символических операций к сенсомоторным и воплощенным формам мышления. Иммерсивные среды демонстрируют наивысшую эффективность в задачах, требующих пространственного воображения, телесного взаимодействия и реконфигурации когнитивных представлений, однако их потенциал

реализуется лишь при оптимальном балансе когнитивной нагрузки.

Ключевым обобщающим выводом исследования является отсутствие универсального «идеального» цифрового устройства для творческой деятельности. Продуктивность творческой деятельности в цифровой среде носит выражено контекстно зависимый характер и определяется системой модулирующих факторов, среди которых ведущую роль играют цифровая самоофективность пользователя, уровень цифровой грамотности, возрастные особенности, индивидуальные когнитивные стили, а также характер педагогической и профессиональной интеграции технологий.

В условиях ускоренной цифровой трансформации принципиально важной становится не столько техническая компетентность, сколько развитие метакогнитивных навыков – способности осознанно выстраивать индивидуальную экосистему цифровых инструментов и гибко переключаться между различными устройствами в соответствии с когнитивными требованиями конкретной фазы творческой задачи.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегративных моделей взаимодействия в системе *пользователь – устройство –*

творческая задача, учитывающих динамику смены цифровых сред, распределение когнитивной нагрузки и долгосрочные эффекты цифровых практик на развитие творческого потенциала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Вклад в будущее», договор целевого поступления – пожертвования № КИП-05/25 от 20.04.2025.

Funding: This work was supported by the Charitable Foundation of Contribution to the Future (targeted donation agreement no. KIP-05/25, April 20, 2025).

Литература / References

- Al-Rqaibat S., Al-Nusair S., Bataineh R. Enhancing architectural education through hybrid digital tools: Investigating the impact on design creativity and cognitive processes. *Smart Learning Environments*, 2025, 12. <https://doi.org/10.1186/s40561-025-00370-9>
- Amabile T. M. *Creativity in context: Update to the social psychology of creativity*. Boulder, CO: Westview Press, 1996, 317.
- Amabile T. M. *The social psychology of creativity*. New York: Springer-Verlag, 1983, 245.
- Andrews K., Endert A., North C. Space to think: Large high-resolution displays for sensemaking. *CHI '10: CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, Atlanta, Georgia, 10–15 Apr 2010. New York: Association for Computing Machinery, 2010, 55–64. <https://doi.org/10.1145/1753326.1753336>
- Antonczak L., Burger-Helmchen T. Creativity on the move: Nexus of technology, slack and social complexities. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2022, 8(2). <https://doi.org/10.3390/joitmc8020064>
- Araiza-Alba P., Keane T., Chen W. S., Kaufman J. Immersive virtual reality as a tool to learn problem-solving skills. *Computers & Education*, 2020, 164: 1–33. <https://doi.org/10.31234/osf.io/q857x>
- Arifin A. H., Fitriyani F., Matriadi F., Nurainun N. The influence of creative self-efficacy on employee performance through innovative work behavior as mediating and digital literacy as moderating. *International Journal of Social Science and Human Research*, 2024, 07(01). <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v7-i01-04>
- Aru J., Rozgonjuk D. The effect of smartphone use on mental effort, learning, and creativity. *Trends in Cognitive Sciences*, 2022, 26(10): 821–823. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2022.07.002>
- Barreda-Coaquira A., Chata-Condori S., Malaga-Pinto G. L., Flores M. M. M., Sanga G. L. L. Integración de aplicaciones digitales y su efecto en la expresión creativa en estudiantes de artes visuales. *Revista Minerva*, 2025, 6(17): 82–92. <https://doi.org/10.47460/minerva.v6i17.197>

- Behnamnia N., Kamsin A., Akmar M., Ismail B., Hayati A. The effective components of creativity in digital game-based learning among young children: A case study. *Children and Youth Services Review*, 2020, 116. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.105227>
- Benedek M., Beaty R., Jauk E., Koschutnig K., Fink A., Silvia P. J., Dunst B., Neubauer A. C. Creating metaphors: The neural basis of figurative language production. *NeuroImage*, 2014, 90(100): 99–106. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2013.12.046>
- Bereczki E. O., Kárpáti A. Technology-enhanced creativity: A multiple case study of digital technology-integration expert teachers' beliefs and practices. *Thinking Skills and Creativity*, 2021, 39. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100791>
- Bitu F., Galinon-Méléne C., Molina M. Modifying sensory afferences on tablet changes originality in drawings. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.806093>
- Bonnardel N., Zenasni F. The impact of technology on creativity in design: An enhancement? *Creativity and Innovation Management*, 2010, 19(2): 180–191. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8691.2010.00560.x>
- Bourgeois-Bougrine S., Bonnardel N., Burkhardt J.-M., Thornhill-Miller B., Pahlavan F., Buisine S., Guegan J., Pichot N., Lubart T. Immersive virtual environments' impact on individual and collective creativity. *European Psychologist*, 2022, 27(4). <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000481>
- Bunjak A., Černe M., Popovič A. Absorbed in technology but digitally overloaded: Interplay effects on gig workers' burnout and creativity. *Information & Management*, 2021, 58(8). <https://doi.org/10.1016/j.im.2021.103533>
- Carr N. G. *The shallows: What the Internet is doing to our brains*. New York: W. W. Norton & Company, 2010, 158.
- Chang Y.-S., Kao J.-Y., Wang Y.-Y. Influences of virtual reality on design creativity and design thinking. *Thinking Skills and Creativity*, 2022, 46. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2022.101127>
- Chen S.-J., Chen C.-Q., Shan X.-F. The effects of an immersive virtual-reality-based 3D modeling approach on the creativity and problem-solving tendency of elementary school students. *Sustainability*, 2024, 16(10). <https://doi.org/10.3390/su16104092>
- Chen Y., Ding Z. Effects of digitalization in preschool education on the creative and cognitive development of children. *Education and Information Technologies*, 2024, 29: 21567–21591. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12730-y>
- Chen Y.-C., Chang Y.-S., Chuang M.-J. Virtual reality application influences cognitive load-mediated creativity components and creative performance in engineering design. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2022, 38(1): 6–18. <https://doi.org/10.1111/jcal.12588>
- Cheng L., Xie H. Smartphone addiction and creativity in Chinese undergraduates: A moderated mediation model analysis. *Frontiers in Psychiatry*, 2025, 16. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1570547>
- Choi S., Lee O.-K. D., Suh W., Lim K. H. Unveiling the underlying cognitive processes of creative idea generation using mobile collaboration platforms. *Information & Management*, 2023, 60(8). <https://doi.org/10.1016/j.im.2023.103874>
- Clark A. *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 317.
- Cristia J., Ibarrarán P., Cueto S., Santiago A., Severín E. Technology and child development: Evidence from the one laptop per child program. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2017, 9(3): 295–320. <https://doi.org/10.1257/app.20150385>
- Csikszentmihalyi M. *Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention*. New York: HarperCollins, 1996, 456.
- Czerwinski M., Smith G., Regan T., Meyers B., Robertson G. G., Starkweather G. Toward characterizing the productivity benefits of very large displays. *Human-Computer Interaction INTERACT'03: IFIP TC13 International Conference on Human-Computer Interaction*, Zurich, 1–5 Sep 2003. IOS Press, 2003, 9–16. URL: https://www.researchgate.net/publication/221054378_Toward_Characterizing_the_Productivity_Benefits_of_Very_Large_Displays (accessed 1 Dec 2025).
- Das M., Meza J., Xu C., Yang M. C. Concept chaining patterns during ideation using digital tablets. *Journal of Mechanical Design*, 2025, 148(3): 1–36. <https://doi.org/10.1115/1.4068983>
- Domanchin M., Silseth K., Arnseth H. C., Steier R. Collaborative learning with tablets: Analysing students' meaning making of 3D body models in upper secondary education. *British Journal of Educational Technology*, 2025, 57(2): 482–507. <https://doi.org/10.1111/bjet.70019>

- Dourish P. *The stuff of bits: An essay on the materialities of information*. Cambridge: MIT Press, 2017, 256. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10999.001.0001>
- Dourish P. *Where the action is: The foundations of embodied interaction*. Cambridge: MIT Press, 2001, 233. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7221.001.0001>
- Duke É., Montag C. Smartphone addiction, daily interruptions and self-reported productivity. *Addictive Behaviors Reports*, 2017, 6: 90–95. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.07.002>
- Dzikri A. S., Sa'diyah S., Afriani G. Fostering creativity through technology-enhanced learning environments. *Global Education Journal*, 2025, 3(2): 455–462. <https://elibrary.ru/zbtagy>
- Evans M., Aldoy N. Digital design sketching using the tablet PC. *The Design Journal*, 2016, 19(5): 763–787. <https://doi.org/10.1080/14606925.2016.1196091>
- Fadillah M. A., Siregar F. A. Augmented and virtual reality in computational thinking: A systematic review of their individual impacts, advantages, challenges, and future directions. *Electronic Journal of e-Learning*, 2025, 22(3): 160–174. <https://doi.org/10.34190/ejel.22.3.3992>
- Fielding K., Murcia K. Research linking digital technologies to young children's creativity: An interpretive framework and systematic review. *Issues in Educational Research*, 2022, 32(1): 105–125. URL: <https://www.iier.org.au/iier32/fielding.pdf> (accessed 1 Dec 2025).
- Frich J., Biskjaer M. M., Vermeulen L. M., Remy C., Dalsgaard P. Strategies in creative professionals' use of digital tools across domains. *C&C '19: Proceedings of the 2019 Conference on Creativity and Cognition*, San Diego, CA, USA, 23–26 Jun 2019. New York: Association for Computing Machinery, 2019, 210–221. <https://doi.org/10.1145/3325480.3325494>
- Gerlich M. AI Tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. *Societies*, 2025, 15(1). <https://doi.org/10.3390/soc15010006>
- Glăveanu V. P., Kaufman J. C. The creativity matrix: Spotlights and blind spots in our understanding of the phenomenon. *The Journal of Creative Behavior*, 2020, 54(4): 884–896. <https://doi.org/10.1002/jocb.417>
- Gong Z., Gonçalves M., Nanjappan V., Georgiev G. V. Priming uncertainty avoidance values: Influence of virtual reality stimuli on design creativity in ideation. *Computers in Human Behavior*, 2024, 158. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108257>
- Grech A., Mehnen J., Wodehouse A. An extended AI-Experience: Industry 5.0 in creative product innovation. *Sensors*, 2023, 23(6). <https://doi.org/10.3390/s23063009>
- Guan J., Yang Y., Ma W., Li G., Liu C. The relationship between mobile phone use and creative ideation among college students: The roles of critical thinking and creative self-efficacy. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2024. <https://doi.org/10.1037/aca0000695>
- Guilford J. P. The structure of intellect. *Psychological Bulletin*, 1956, 53(4): 267–293. <https://doi.org/10.1037/h0040755>
- Guo J., Song X., Li G., Wen G. The impact of smartphone addiction on creativity among college students: A moderated mediation model of negative emotion and perceived social support. *Frontiers in Psychiatry*, 2025, 16. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1567285>
- Hooper S., Berkman E. *Designing mobile interfaces: Patterns for interaction design*. Sebastopol: O'Reilly Media, 2011, 584.
- Huang H.-T., Chang Y.-S. Effects of virtual reality on creative performance and emotions: A study of brainwaves. *Computers in Human Behavior*, 2023, 146. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107815>
- Huovinen E., Rautanen H. Interaction affordances in traditional instruments and tablet computers: A study of children's musical group creativity. *Research Studies in Music Education*, 2020, 42(1): 94–112. <https://doi.org/10.1177/1321103X18809510>
- Hutchins E. *Cognition in the wild*. Cambridge: MIT Press, 1995, 381.
- Ichimura K. Effects of virtual reality's viewing medium and the environment's spatial openness on divergent thinking. *PLOS ONE*, 2023, 18(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0283632>
- Jung R. E., Mead B. S., Carrasco J., Flores R. A. The structure of creative cognition in the human brain. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, 7: 1–13. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00330>
- Kahneman D. *Attention and effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973, 246.

- Kaplan O., Kara M., Kaçar T. The effect of digital technology integration on students' creative thinking skills: PISA evidence using propensity score matching. *Problems of Education in the 21st Century*, 2025, 83(3): 403–423. <https://doi.org/10.33225/pec/25.83.403>
- Kim H. J., Park J. H., Yoo S., Kim H. Fostering creativity in tablet-based interactive classrooms. *Educational Technology & Society*, 2016, 19(3): 207–220. URL: <https://www.jstor.org/stable/jeductechsoci.19.3.207> (accessed 1 Dec 2025).
- Kim H.-S., Kim H., Yoon I., Jung C.-H., Lee Y. H. User performance differences between graphics tablet and mouse in graphic applications: Focus on controllability and accuracy. *International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering*, 2015, 10(9): 167–174. <https://doi.org/10.14257/ijmue.2015.10.9.18>
- Kühnel J., Vahle-Hinz T., de Bloom J., Syrek C. J. Staying in touch while at work: Relationships between personal social media use at work, work-nonwork balance and creativity. *The International Journal of Human Resource Management*, 2020, 31(10): 1235–1261. <https://doi.org/10.1080/09585192.2017.1396551>
- Kyobe R., Roodt S., Mulaji S. M. The impact of smartphones on student creativity at a south African university. *International Conference on Intelligent and Innovative Computing Applications*, 2022, 200–212. <https://doi.org/10.59200/iconic.2022.022>
- Li W., Liu J., Liu X., Ge Y., Wang Y., Zhang A. The association between smartphone addiction and creativity in Chinese college students: The chain mediating effects of depression and executive function. *BMC Psychiatry*, 2025, 25. <https://doi.org/10.1186/s12888-025-07378-y>
- Li X., Li Y., Wang X., Hu W. Reduced brain activity and functional connectivity during creative idea generation in individuals with smartphone addiction. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2022, 18(1). <https://doi.org/10.1093/scan/nsac052>
- Liebherr M., Schubert P., Antons S., Montag C., Brand M. Smartphones and attention, curse or blessing? – A review on the effects of smartphone usage on attention, inhibition, and working memory. *Computers in Human Behavior Reports*, 2020, 1. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2020.100005>
- Lin Y.-J., Wang H. Using virtual reality to facilitate learners' creative self-efficacy and intrinsic motivation in an EFL classroom. *Education and Information Technologies*, 2021, 26: 4487–4505. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10472-9>
- Linares C., Sellier A.-L. How bad is the mere presence of a phone? A replication of Przybylski and Weinstein (2013) and an extension to creativity. *PLOS ONE*, 2021, 16(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251451>
- Liu J., Riesch S., Tien J., Lipman T., Pinto-Martin J., O'Sullivan A. Screen media overuse and associated physical, cognitive, and emotional / behavioral outcomes in children and adolescents: An integrative review. *Journal of Pediatric Health Care*, 2021, 36(2): 99–109. <https://doi.org/10.1016/j.pedhc.2021.06.003>
- Liu M., Pang W., Guo J., Zhang Y. A meta-analysis of the effect of multimedia technology on creative performance. *Education and Information Technologies*, 2022, 27: 8603–8630. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-10981-1>
- Lu J., Luo T., Zhang M., Shen Y., Zhao P., Cai N., Yang X., Pan Z., Stephens M. Examining the impact of VR and MR on future teachers' creativity performance and influencing factors by scene expansion in instruction designs. *Virtual Reality*, 2022, 26: 1615–1636. <https://doi.org/10.1007/s10055-022-00652-4>
- Mueller P. A., Oppenheimer D. M. The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking. *Psychological Science*, 2014, 25(6): 1159–1168. <https://doi.org/10.1177/0956797614524581>
- Müller M., Montag C. Disentangling the link between creativity and technology use: Individual differences in smartphone and social media (over)use. *Journal of Creativity*, 2024, 34(2). <https://doi.org/10.1016/j.jjoc.2024.100081>
- Nguyen M.-H., Jin R., Hoang G., Nguyen M.-H. T., Nguyen P.-L., Le T.-T., La V.-P., Vuong Q.-H. Examining contributors to Vietnamese high school students' digital creativity under the serendipity-mindsponge-3D knowledge management framework. *Thinking Skills and Creativity*, 2023, 49. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2023.101350>
- Nielsen J., Budiu R. *Mobile usability*. Berkeley, CA: New Riders, 2012, 216.
- Norman D. A. *The design of everyday things. Revised and expanded edition*. New York: Basic Books, 2013, 368.
- O'Byrne W. I., Radakovic N., Hunter-Doniger T., Fox M., Kern R., Parnell S. Designing spaces for creativity and divergent thinking: Pre-service teachers creating stop motion animation on tablets. *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology (IJEMST)*, 2018, 6(2): 182–199. <https://doi.org/10.18404/ijemst.408942>

- Obeid S., Demirkan H. The influence of virtual reality on design process creativity in basic design studios. *Interactive Learning Environments*, 2020, 31(4): 1841–1859. <https://doi.org/10.1080/10494820.2020.1858116>
- Oldham G. R., Silva N. D. The impact of digital technology on the generation and implementation of creative ideas in the workplace. *Computers in Human Behavior*, 2015, 42: 5–11. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.041>
- Olson J. A., Sandra D. A., Langer E. J., Raz A., Veissière S. P. L. Creativity and smartphone use: Three correlational studies. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2022, 39(14): 2920–2925. <https://doi.org/10.1080/10447318.2022.2088451>
- Oulasvirta A. The fragmentation of attention in mobile interaction, and what to do with it. *Interactions*, 2005, 12(6): 16–18. <https://doi.org/10.1145/1096554.1096555>
- Oulasvirta A., Rattenbury T., Ma L., Raita E. Habits make smartphone use more pervasive. *Personal and Ubiquitous Computing*, 2012, 16(1): 105–114. <https://doi.org/10.1007/s00779-011-0412-2>
- Papanastasiou G., Drigas A., Skianis C., Lytras M., Papanastasiou E. Virtual and augmented reality effects on K-12, higher and tertiary education students' twenty-first century skills. *Virtual Reality*, 2018, 23: 425–436. <https://doi.org/10.1007/s10055-018-0363-2>
- Parasuraman A. Technology Readiness Index (TRI): A multiple-item scale to measure readiness to embrace new technologies. *Journal of Service Research*, 2000, 2(4): 307–320. <https://doi.org/10.1177/109467050024001>
- Peng Q., Ma Y., Zhang L., Zhou R. The impact of brain science literacy on creative thinking: A meta-analytic study. *Frontiers in Education*, 2025, 10. <https://doi.org/10.3389/educ.2025.1637506>
- Plaisant C., Shneiderman B., Cohen M., Jacobs S. *Designing the user interface: Strategies for effective human-computer interaction*. 6th ed. Harlow: Pearson, 2016, 616.
- Puente-Díaz R. Creative self-efficacy: An exploration of its antecedents, consequences, and applied implications. *The Journal of Psychology*, 2016, 150(2): 175–195. <https://doi.org/10.1080/00223980.2015.1051498>
- Rhodes M. An analysis of creativity. *The Phi Delta Kappan*, 1961, 42(7): 305–310. URL: <https://www.jstor.org/stable/20342603> (accessed 1 Dec 2025).
- Rodríguez F. M. M., Lozano J. M. G., Mingorance P. L., Pérez-Mármol J. M. Influence of smartphone use on emotional, cognitive and educational dimensions in university students. *Sustainability*, 2020, 12(16). <https://doi.org/10.3390/su12166646>
- Rong Q., Lian Q., Tang T. Research on the Influence of AI and VR technology for students' concentration and creativity. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.767689>
- Runco M. A. A hierarchical framework for the study of creativity. *New Horizons in Education*, 2007, 55(3): 1–9. URL: https://www.researchgate.net/publication/228643794_A_hierarchical_framework_for_the_study_of_creativity (accessed 1 Dec 2025).
- Said-Metwaly S., Van den Noortgate W., Kyndt E. Approaches to measuring creativity: A systematic literature review. *Creativity. Theories – Research – Applications*, 2017, 4(2): 238–275. <https://doi.org/10.1515/cetra-2017-0013>
- Sakr M. Young children drawing together on the iPad versus paper: How collaborative creativity is shaped by different semiotic resources. *International Journal of Education and the Arts*, 2019, 20(20): 1–26. <http://doi.org/10.26209/ijea20n20>
- Samper-Márquez J. J., Oropesa-Ruiz N. F. Scoping review on digital creativity: Definition, approaches, and current trends. *Education Sciences*, 2025, 15(2). <http://doi.org/10.3390/educsci15020202>
- Santoso H., Elidjen E., Abdinagoro S. B., Arief M. The role of creative self-efficacy, transformational leadership, and digital literacy in supporting performance through innovative work behavior: Evidence from telecommunications industry. *Management Science Letters*, 2019, 9: 2305–2314. <http://doi.org/10.5267/j.msl.2019.7.024>
- Schäfer J., Reuter T., Leuchter M., Karbach J. Validation of new tablet-based problem-solving tasks in primary school students. *PLOS ONE*, 2024, 19(8). <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0309718>
- Shao Z., Li X., Wang Q. From ambidextrous learning to digital creativity: An integrative theoretical framework. *Information Systems Journal*, 2021, 32(3): 544–572. <http://doi.org/10.1111/isj.12361>
- Sidiq A., Sa'diyah D., Afriani G. Fostering creativity through technology-enhanced learning environments. *Global Education Journal*, 2025, 3(2): 455–462. URL: <https://www.rstjournal.com/?mdocs-file=2732> (accessed 1 Dec 2025).

- Sookkaew J., Chaikaew N., Chaikaew N. A comprehensive analysis of smartphones and tablets in graphic design and digital art. *Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science*, 2025, 40(1): 146–155. <http://doi.org/10.11591/ijeecs.v40.i1.pp146-155>
- Sternberg R. J., Karami S. An 8P theoretical framework for understanding creativity and theories of creativity. *The Journal of Creative Behavior*, 2022, 56(1): 55–78. <http://doi.org/10.1002/jocb.516>
- Sun M., Wang M., Wegerif R. Using computer-based cognitive mapping to improve students' divergent thinking for creativity development. *British Journal of Educational Technology*, 2019, 50(5): 2217–2233. <http://doi.org/10.1111/bjet.12825>
- Sun T. Y., Yoon M. K. The impact of digital transformation on faculty performance in higher education: The mediating role of digital self-efficacy and the moderating role of task-technology fit. *Frontiers in Psychology*, 2025, 16. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1693375>
- Tan Ai Lin D., Ganapathy M., Kaur M. Kahoot! It: Gamification in higher education. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 2018, 26(1): 565–582. URL: [http://www.pertanika.upm.edu.my/resources/files/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.%2026%20\(1\)%20Mar.%202018/34%20JSSH-2477-2017-3rdProof.pdf](http://www.pertanika.upm.edu.my/resources/files/Pertanika%20PAPERS/JSSH%20Vol.%2026%20(1)%20Mar.%202018/34%20JSSH-2477-2017-3rdProof.pdf) (accessed 1 Dec 2025).
- Tang C., Mao S., Naumann S. E., Xing Z. Improving student creativity through digital technology products: A literature review. *Thinking Skills and Creativity*, 2022, 44. <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2022.101032>
- Tang K.-S., Murcia K., Brown J., Cross E., Mennell S., Seitz J., Phillips S. R. P., Sabatino D. Exploring the multimodal affordances of digital coding devices in fostering creative thinking in early childhood education. *Thinking Skills and Creativity*, 2024, 53. <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2024.101602>
- Tao R., Zhang H., Geng L., Li Y., Qiu J. The influence of trait and state creative self-efficacy on creative behavior: An Experimental study using false feedback. *Behavioral Sciences*, 2025, 15(1). <https://doi.org/10.3390/bs15010018>
- Tierney P., Farmer S. M. Creative self-efficacy: Its potential antecedents and relationship to creative performance. *Academy of Management Journal*, 2002, 45(6): 1137–1148. URL: <https://www.jstor.org/stable/3069429> (accessed 1 Dec 2025).
- Torrance E. P. *Torrance tests of creative thinking. Directions manual and scoring guide. Figural tests, booklet A and B*. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 1974, 48.
- Torrance E. P. *Torrance tests of creative thinking: Norms technical manual*. Princeton, NJ: Personnel Press, 1966, 95.
- Tu Y., Wang S., Lu L. Dual pathways from the use of digital technologies to employee creativity: The moderating role of mindfulness. *Frontiers in Psychology*, 2025, 16. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1678376>
- Turkle S. *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books, 2011, 384.
- Upshaw J. D., Davis W. M., Zabelina D. L. iCreate: Social media use, divergent thinking, and real-life creative achievement. *Translational Issues in Psychological Science*, 2022, 8(1): 125–136. <http://doi.org/10.1037/tps0000306>
- Van Diemen T., Craig A., Van Nes I. J. W., Stolwijk-Swuste J. M., Geertzen J. H. B., Middleton J., Post M. W. M. Enhancing our conceptual understanding of state and trait self-efficacy by correlational analysis of four self-efficacy scales in people with spinal cord injury. *BMC Psychology*, 2020, 8. <http://doi.org/10.1186/s40359-020-00474-6>
- Viviani L., Liso A., Craighero L. Mobile typing as a window into sensorimotor and cognitive function. *Brain Sciences*, 2025, 15(10). <http://doi.org/10.3390/brainsci15101084>
- Wang B., Li P. Digital creativity in STEM education: The impact of digital tools and pedagogical learning models on the students' creative thinking skills development. *Interactive Learning Environments*, 2024, 32(6): 2633–2646. <http://doi.org/10.1080/10494820.2022.2155839>
- Wang Q., Xiao H., Yin H., Wei J., Li S., Shi B. The different relationships between mobile phone dependence and adolescents' scientific and artistic creativity: Self esteem and creative identity as mediators. *The Journal of Creative Behavior*, 2025, 59(2): 1–18. <http://doi.org/10.1002/jocb.70024>
- Wang Y.-Y., Weng T.-H., Tsai I.-F., Kao J.-Y., Chang Y.-S. Effects of virtual reality on creativity performance and perceived immersion: A study of brain waves. *British Journal of Educational Technology*, 2022, 54(2): 581–602. <http://doi.org/10.1111/bjet.13264>
- Ward A. F., Duke K., Gneezy A., Bos M. W. Brain Drain: The mere presence of one's own smartphone reduces available cognitive capacity. *Journal of the Association for Consumer Research*, 2017, 2(2). <http://doi.org/10.1086/691462>

- Yang M., Talha M., Zhang S., Zhang Y. Exploring the mechanisms linking digital leadership to employee creativity: A moderated mediation model. *Behavioral Sciences*, 2025, 15(8). <http://doi.org/10.3390/bs15081024>
- Yang X., Lin L., Cheng P.-Y., Yang X., Ren Y., Huang Y.-M. Examining creativity through a virtual reality support system. *Educational Technology Research and Development*, 2018, 66: 1231–1254. <http://doi.org/10.1007/s11423-018-9604-z>
- Yang Y., Dwyer T., Swiecki Z., Lee B., Wybrow M., Cordeil M., Wulandari T., Thomas B. H., Billingham M. Desktop versus VR for collaborative sensemaking. *Frontiers in Virtual Reality*, 2025, 6. <https://doi.org/10.3389/frvir.2025.1570383>
- Yu H., Wang J. Enhancing college students' creativity through virtual reality technology: A systematic literature review. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2025, 12(1). <http://doi.org/10.1057/s41599-025-05044-y>
- Yusuf O. M., Lawal B. I., Oyewusi M. B. Effectiveness of using mobile technologies in teaching and learning. *Promoting active learning through the integration of mobile and ubiquitous technologies*, ed. Keengwe J. Hershey, Pennsylvania, 2015, 155–166. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-6343-5.ch009>
- Zaremohzzabieh Z., Ahrari S., Abdullah R., Abdullah H. Effects of educational technology intervention on creative thinking in educational settings: A meta-analysis. *Interactive Technology and Smart Education*, 2025, 22(2): 235–265. <https://doi.org/10.1108/ITSE-11-2023-0224>
- Zhou F., Mou J., Wang W., Wu Y. J. Social media usage and employee creativity: Is relational energy a missing link? *Online Information Review*, 2022, 46(6): 1034–1053. <http://doi.org/10.1108/OIR-02-2021-0119>

© 2026. Миронец С. А.

Роль саккадической системы

обзорная статья

eLibrary EDN: YXHNCF

Роль саккадической системы в зрительно-пространственной рабочей памяти и зрительном внимании

Миронец Софья Анатольевна

Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева, Россия, Москва

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3270-9246

<https://orcid.org/0000-0002-9763-109X>

Scopus Author ID: 57446526800

sofia.mironets@dgoi.ru

Аннотация: Рабочая память представляет собой механизм, поддерживающий релевантную информацию в активном, легкодоступном состоянии для ее последующего мысленного анализа и использования в управлении поведением. Мозжечок долгое время было принято считать только двигательным центром, и его роль в участии когнитивных процессов начали изучать не так давно. В литературе не описаны сложные взаимосвязи между теоретическим конструктом рабочей памяти, функционированием зрительного внимания и анатомией саккадической системы, которая их реализует, и местом мозжечка в этих процессах. Цель аналитического обзора – рассмотреть роль саккадической системы и отдельно мозжечка в нейрофизиологическом обеспечении зрительного внимания и зрительно-пространственной рабочей памяти с особым вкладом анатомических путей при реализации сложных сенсомоторных процессов за счет движений глаз. Для этого были подробно проанализированы нейровизуализационные, нейроанатомические, морфофункциональные и поведенческие исследования. В результате представлен обзор современного состояния проблемы зрительного внимания, рабочей памяти и участия мозжечка в этих процессах: переключение внимания предшествует саккадам, фронтальные глазодвигательные поля и теменная кора поддерживают пространственные представления, а стволовые генераторы реализуют фазические и тонические сигналы к глазодвигательным мышцам.

Ключевые слова: зрительно-пространственная рабочая память, внимание, саккадическая система, мозжечок

Цитирование: Миронец С. А. Роль саккадической системы в зрительно-пространственной рабочей памяти и зрительном внимании. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 217–231. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-217-231>

Поступила в редакцию 30.01.2026. Принята после рецензирования 27.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

review article

Saccadic System in Visuo-Spatial Working Memory and Visual Attention

Sofia A. Mironets

Dmitry Rogachev National Medical Research Center of Pediatric Hematology, Oncology, and Immunology, Russia, Moscow

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3270-9246

<https://orcid.org/0000-0002-9763-109X>

Scopus Author ID: 57446526800

sofia.mironets@dgoi.ru

Abstract: Working memory is a mechanism that maintains relevant information in an active, easily accessible state for mental analysis and behavioral control. While the cerebellum was long considered solely a motor center, its role in cognitive processes has only recently gained significant attention. There has been a lack of comprehensive

research into the complex relationships between the theoretical construct of working memory, the functioning of visual attention, the anatomy of the saccadic system, and the specific role of the cerebellum in these processes. This analytical review examines neuroimaging, neuroanatomical, morphofunctional, and behavioral studies on the role of the saccadic system and the cerebellum in the neurophysiological support of visual attention and visuo-spatial working memory. The focus is on the anatomical pathways implementing complex sensorimotor processes through eye movements. Visual attention, working memory, and the cerebellum correlate as follows: attentional shifts precede saccades; the frontal eye fields and parietal cortex support spatial representations; brainstem generators provide phasic and tonic signals to the oculomotor muscles.

Keywords: visuospatial working memory, attention, saccadic system, cerebellum

Citation: Mironets S. A. Saccadic System in Visuo-Spatial Working Memory and Visual Attention. *SibScript*, 2026, 28(2): 217–231. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-217-231>

Received 30 Jan 2026. Accepted after peer review 27 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

Когнитивная область представляет собой интегрированную систему психических процессов, которые способствуют восприятию, хранению, обработке и использованию информации из внешней среды. Зрительное внимание и рабочая память являются ключевыми компонентами этой системы, и их взаимодействие имеет решающее значение для целенаправленного поведения [Fu et al. 2023; Yeung et al. 2021; Yüce 2025]. Зрительное внимание осуществляет первоначальный сенсорный отбор и предварительный анализ зрительных стимулов. Рабочая память сохраняет и обрабатывает соответствующую информацию, необходимую для выполнения текущих задач и контроля поведения. Эти процессы функционально взаимосвязаны: рабочая память направляет зрительный поиск, в то время как зрительное внимание активирует соответствующие представления в рабочей памяти в ответ на изменения окружающей среды.

Рабочая память представляет собой механизм, поддерживающий релевантную информацию в активном, легкодоступном состоянии для ее последующего мысленного анализа и использования в управлении поведением. Это способность человека удерживать и использовать информацию для решения текущих задач в присутствии отвлекающих факторов. Емкость рабочей памяти ограничена и отличается у разных людей, в том числе здоровых взрослых. С возрастом емкость повышается у детей и снижается у пожилых людей [Kirchner 1958]. У лиц с повреждениями нервной системы емкость рабочей памяти также может быть ниже, для чего разрабатываются различные реабилитационные тренинги и методы [Li et al. 2023; Wang et al. 2023].

Этот механизм имеет фундаментальное значение для всей познавательной и исполнительской деятельности человека и играет особую роль в обучении и формировании поведенческих навыков у детей [Тихомирова 2025; Allen et al. 2019; Atkinson, Martin 2022; Živković et al. 2023].

Согласно классической модели А. Д. Бэддели и Г. Хитча, рабочая память характеризуется не только активным характером обработки информации, но и своей структурой, состоящий из трех подсистем [Baddeley, Hitch 1974]: вербальная рабочая память (или фонологическая петля), зрительная рабочая память и центральный управляющий блок [Barak, Tsodyks 2014; Miller et al. 2018]. Некоторые исследования в качестве главных параметров отличий рабочей памяти, которые влияют на ее производительность, определяют емкость рабочей памяти, контроль внимания и долговременную память [Unsworth, Engle 2007]. Кроме того, в решении сложных задач играют роль процессы интеграции, координации и связывания элементов. Минимум три компонента входят в рабочую память: (1) механизмы когнитивного контроля, которыми управляет префронтальная кора и другие структуры мозга; (2) несколько представлений в зоне внимания, которые поддерживает фронтально-париетальная сеть; (3) механизм извлечения, который помогает быстро извлекать информацию из долговременной памяти. Также с манипуляцией и обменом информацией в мозге связаны процессы, которые ассоциируют с контролем потоков информации, т.е. управляющие функции [Miyake, Friedman 2012]. Вербальная и зрительная рабочая память представляют собой относительно автономные хранилища информации,

обладающие прочными внутренними связями, в то время как их взаимосвязь друг с другом, с долговременной памятью и с процессами внимания является менее выраженной [Уточкин и др. 2016].

Саккадические движения глаз выступают ключевым сенсомоторным механизмом, обеспечивающим реализацию зрительного внимания, которое неразрывно связано с общей психической деятельностью человека. Нарушения в работе различных звеньев зрительно-глазодвигательной системы приводят к дефицитам психических функций, базирующихся на деятельности зрительного анализатора. В то же время характеристики саккадических движений глаз служат индикаторами функционального состояния мозговых структур, участвующих в процессах восприятия и внимания.

Данные клинических и нейрофизиологических исследований указывают на тесную связь процессов внимания и глазодвигательной активности, на анатомическое и функциональное перекрытие структур, обеспечивающих их регуляцию на всех уровнях головного мозга [Gabay et al. 2022; Karthikeyan et al. 2024].

Перед обработкой зрительной информации она удерживается в виде зрительно-пространственных образов в последовательности буферных хранилищ, последним из которых является буфер зрительной рабочей памяти [Skrzypulec, Chuderski 2020].

Научные исследования показывают, что когнитивные и двигательные функции имеют общую нейробиологическую основу. За их реализацию отвечают одни и те же структуры головного мозга, в частности мозжечок и дорсолатеральная префронтальная кора [Diamond 2000]. Эти области, вместе с базальными ганглиями, участвуют не только в координации движений конечностей, но и в контроле движений глаз. У дошкольников успешность выполнения двигательных заданий тесно связана со способностью решать зрительно-пространственные задачи [Фаликман 2009]. Примечательно, что глазодвигательные реакции выполняют двоякую функцию: они обеспечивают последующую обработку зрительных стимулов и одновременно направляют произвольное внимание на наиболее значимые объекты [Walcher et al. 2024].

Проблема заключается в особой значимости зрительного внимания и зрительно-пространственной рабочей памяти для обучения и в поиске нейрофизиологических механизмов этих когнитивных процессов. Цель аналитического обзора – рассмотреть

роль саккадической системы и отдельно мозжечка в нейрофизиологическом обеспечении зрительного внимания и зрительно-пространственной рабочей памяти с особым вкладом анатомических путей при реализации сложных сенсомоторных процессов за счет движений глаз.

Результаты

Зрительная рабочая память и мозжечок

В большинстве зарубежных исследований именно рабочая память вносит вклад в школьную успешность [Персиянцева и др. 2024; Ding et al. 2023; Dubuc et al. 2020; Wu et al. 2017]. Самое важное свойство рабочей памяти состоит в том, что она является предиктором как в чтении и математике [Altemeier et al. 2008; St Clair-Thompson, Gathercole 2006], так и в целом в школьной успеваемости [Brocki, Bohlin 2004; Monette et al. 2011; Nayfeld et al. 2013].

Примерно в 12 лет происходит скачок в развитии словесной рабочей памяти и целенаправленного поведения [Anderson et al. 2001; Deviatierikova et al. 2024].

Нейронная основа рабочей памяти, вероятно, зависит от характера решаемой задачи, отражая требования, характерные для типа информации, которую необходимо обработать, и потенциально указывая на высокие требования к конфигурации и реконфигурации сетей, отвечающих за текущую задачу; например, задачи на вербальную рабочую память обычно активируют зону Брока [Baddeley 2000; Sadus et al. 2026].

Исследования нейровизуализации показали важную роль мозжечка в процессах запоминания, включая как рабочую память, так и эпизодическую [Jaffe, Constantinidis 2021; Stein 2021]. Активация мозжечка была обнаружена во время выполнения заданий как на вербальную, так и на невербальную рабочую память [Hautzel et al. 2009]. Задняя часть мозжечка (двусторонние дольки VI и голень I) и правая доля VIIIА, по-видимому, обычно задействованы при выполнении задач рабочей памяти [Stoodley, Schmahmann 2009]. Вклад мозжечка в различные аспекты вербальной рабочей памяти (кодирование, поддержание и извлечение информации) был исследован с использованием классической задачи Штернберга на запоминание [Chen, Desmond 2005]. В частности, лобно-мозжечковая петля, включающая область Брока и доли VI правого полушария мозжечка, была активна во время кодирования, а теменно-мозжечковая петля, включающая левую

нижнюю теменную область и правые доли мозжечка (VIIIB и VIIIA), была активна как во время кодирования, так и при переходе в хранение информации [Clark et al. 2021; Tan et al. 2025; Vandervert 2009]. Задняя часть червеобразного отростка была активирована на этапах извлечения [Fastenrath et al. 2022; Thommesen et al. 2024].

Результаты как функциональных, так и структурных нейровизуализационных исследований на выборках и здоровых взрослых участников, и людей с поражениями головного мозга дают достаточно доказательств того, что мозжечок играет важную роль в когнитивных функциях. В частности, было обнаружено участие мозжечка в различных когнитивных функциях, включая внимание, пространственную обработку, рабочую память, речь, эпизодическую память, управляющие функции и обработку эмоций [Stoodley, Schmahmann 2009].

Функциональное МРТ-исследование у молодых здоровых взрослых в задаче на рабочую память фиксирует, что активируются области моторного планирования мозжечка (например, VI доля мозжечка и I колено) при отсутствии активации в первичной моторной коре мозжечка (например, IV / V доли мозжечка). Таким образом, во время работы рабочей памяти стратегически задействуются области моторного планирования и подготовки [Kakei et al. 2026; Koziol et al. 2014]. Аналогичным образом активация мозжечка наблюдалась при выполнении заданий по составлению слов [Lurito et al. 2000; Petersen et al. 1989], беглости речи [Gurd et al. 2002], оценке словарного запаса [Ojemann et al. 1998] и фонологической обработке [McDermott et al. 2003].

Вклад мозжечка в рабочую память может быть интерпретирован как контроль ожидаемых и наблюдаемых результатов (корректировка, обусловленная ошибками, и внутреннее распределение времени) [Ben-Yehudah et al. 2007] или как прогнозирование временного порядка и хронометража [Henson et al. 2000].

Зрительное внимание и движения глаз

Обеспечивающая процессы внимания глазодвигательная деятельность включает саккады (быстрые скачкообразные движения, меняющие фокус внимания) и фиксации (удержание взгляда на объекте, отражающее устойчивую концентрацию). Эти показатели служат индикаторами двух типов когнитивных процессов [Calvo, Meseguer 2002; Mock et al. 2016].

1. Восходящие (*bottom-up*) модуляции или процессы: управляются стимулом, его характеристиками, расположением, движением и т.д. и связаны с перцепцией и непровольным вниманием (например, позиция и длительность первой фиксации).

2. Нисходящие (*top-down*) модуляции: управляются целью, заданной при просмотре, или внутренней мотивацией респондента, отражают влияние произвольного контроля, установок и мотивации, предполагая более глубокую обработку. Лобные поля посылают сигналы обратной связи в зрительные области, подготавливая их к восприятию определенных стимулов. В зависимости от поставленной задачи (например, поиск цвета или формы) нейроны фронтальных полей активируют соответствующие нейроны во вторичной зрительной коре, отвечающие за обработку этих характеристик. Фронтальные центры могут избирательно повышать чувствительность нейронов зрительной коры, ответственных за конкретную область поля зрения, куда направлен взор и внимание, помогая отсеивать нерелевантную информацию. Активность фронтальных полей тесно связана с подготовкой саккадических движений глаз, что обеспечивает согласованную работу зрительного восприятия и движений глаз [Панфилова и др. 2024; Chen, Machado 2016; Ekstrom et al. 2008; Mahon et al. 2018; Moore, Armstrong 2003]. В процессе старения нисходящая регуляция подвержена изменениям, т.к. наименее устойчива [Peltsch et al. 2011].

Кроме того, паттерны движений глаз могут указывать на вовлеченность одной из двух зрительных систем: вентральной (что?) или дорсальной (где?) [Pannasch et al. 2008; Velichkovsky et al. 2005]. Морфологически эти пути различаются [Mishkin et al. 1983]: вентральный поток (от затылочных к височным долям) обрабатывает детальную фoveальную информацию медленнее, а дорсальный поток (к теменным долям) передает сигналы быстрее, но с меньшим пространственным разрешением. Функционально вентральный поток специализируется на предметном восприятии, а дорсальный – на пространственной локализации и наведении внимания.

Одно из последних наблюдений в поведенческих исследованиях заключается в том, что пространственное внимание переключается на цель до начала движения [Deubel, Schneider 1996; Jonikaitis et al. 2017; Peterson et al. 2019; Puntiroli et al. 2015; Rolfs, Carrasco 2012]. Эти переключения внимания коррелируют с латентностью саккад: чем раньше внимание

переключается на цель, тем короче латентность саккады [Jonikaitis, Deubel 2011; Jonikaitis, Theeuwes 2013]. До саккады внимание лучше всего сосредоточено на фактическом местоположении саккады (где приземлится фовеа), а не на заданном положении (где фовеа должна приземлиться) [Deubel, Schneider 1996]. Способность концентрироваться на местах, удаленных от цели, снижается во время подготовки движения [Deubel 2008; Szinte et al. 2015].

В то время как взаимосвязь между направлением взгляда и вниманием изучается давно, систематическое исследование отношений внимания и рабочей памяти началось лишь около десяти лет назад. Ранние эксперименты выявили, что удержание определенной позиции в рабочей памяти ускоряет обработку стимулов именно в этой позиции, а отвлечение внимания от запомненного места ухудшает выполнение пространственных мнемических задач. Также было обнаружено, что фокусировка внимания на уже закодированных в память объектах (процедура, известная как ретрокуинг – *retro-cue*) повышает точность их последующего воспроизведения [Jonikaitis, Moore 2019; Kuo et al. 2014].

Вклад структур, контролирующих взгляд, в поддержание зрительно-пространственной информации хорошо изучен, при этом исследования показывают, что инактивация фронтальных глазодвигательных полей приводит к ухудшению выполнения задач саккад, управляемых памятью [Acker et al. 2016; Clark et al. 2012; Dias, Segraves 1999]. Исследования фМРТ у человека показывают устойчивую задержку активности во фронтальных глазодвигательных полях (8 поле по Бродману – центр произвольного движения глаз) и теменной коре [Ester et al. 2015; Sprague et al. 2014]. Например, зрительно-вызванные саккады быстрее достигают целей, соответствующих шаблонам памяти [Hollingworth et al. 2013]. Соответственно, подготовка саккады к месту стимула, которое запомнилось, улучшает удержание информации о признаках в этом месте [Ohl, Rolfs 2017]. Подготовка к выполнению двух саккад улучшает память, основанную на признаках, в обоих местах по сравнению с местами без саккад, но производительность в обоих местах снижается по сравнению с задачей с одной саккадой [Hanning, Deubel 2018].

В. В. Шульговский рассматривает психофизиологические механизмы пространственного зрительного внимания, фокусируясь на взаимодействии саккадических движений глаз и когнитивных процессов,

и описывает роль центральной нервной системы в управлении зором и выделении важных объектов в зрительном поле [Шульговский 2004]. Выделяют четыре уровня организации саккадической системы, где мозжечок принято относить к третьему уровню управления саккадами. Эти теоретические модели находят эмпирическое подтверждение в современных методах исследования, таких как видеоокулография (айтрекинг), которая позволяет детально изучить динамику саккад (латентность, амплитуду, точность приземления), фиксаций и пост-саккадических осцилляций. Кроме того, она количественно оценивает восходящие и нисходящие модуляции внимания, выявляет когнитивные дефициты зрительно-пространственной рабочей памяти и пространственного восприятия [Арлаков и др. 2023; Робин, Кружкова 2024; Смирнова 2023; Pollmann, Schneider 2022].

Анатомия глазодвигательной системы

Перед глазодвигательной системой стоит множество сложных задач по управлению движением, основная цель которой – направлять глаза для стабильного удержания изображений в центральной ямке сетчатки, области с наивысшей остротой зрения [Markanday et al. 2021]. Глаза могут вращаться в горизонтальном, вертикальном и торсионном (вокруг оси зора) направлениях и требуют скоординированного действия в общей сложности 12 мышц. Голова, расположенная на верхней части тела, перемещается в трехмерном пространстве. Поэтому, если глазодвигательная система не может решить этот набор проблем стабилизации, в зрительную систему поступают размытые, движущиеся или двойные изображения. Многие участки коры головного мозга и ствола головного мозга задействованы для решения этой сложной задачи управления системой [Waitzman 2017].

Анатомия путей, реализующих саккадические движения, представленная на рисунке 1, демонстрирует, что верхние холмики (SC) получают входы от базальных ганглиев, и что существует конвергенция сигналов из различных областей коры головного мозга на верхние холмики. Эта схема основана на описаниях в работе [Hikosaka et al. 2000] и адаптирована из работы [Parr, Friston 2017a]. Таким образом, верхние холмики являются одной из центральных структур, отвечающих за реализацию саккады.

Для наглядности другие входы в верхние холмики опущены, однако следует помнить, что вестибулярные и мозжечковые проекции в средний мозг играют критически важную роль в некоторых аспектах контроля саккадических движений глаз.

Базальные ганглии воздействуют на верхние холмики через ретикулярную часть черной субстанции (SNr reticulata), которая является точкой конвергенции прямого, непрямого и прямого путей. На схеме показаны все три пути (с некоторыми упрощениями):

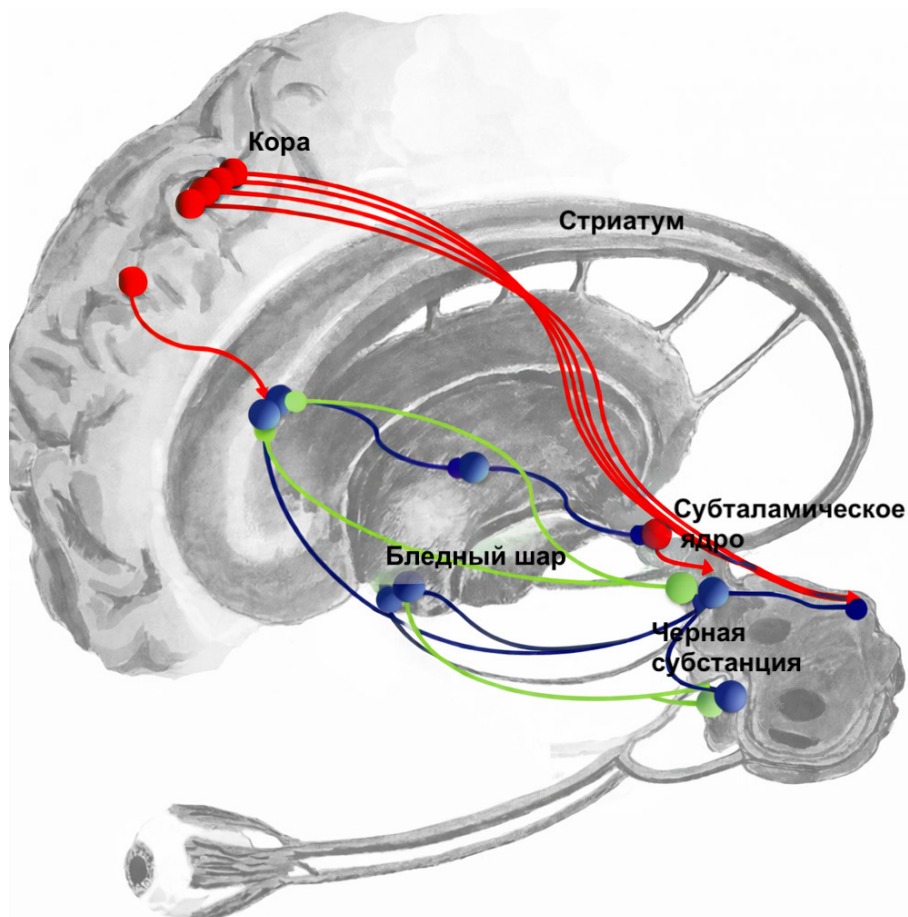
- прямой путь: кора → стриатум → SNr;
- не прямой путь: кора → стриатум → наружный сегмент бледного шара (GPe) → субталамическое ядро (STN) → SNr;
- гиперпрямой путь: кора → STN → SNr.

Часть черной субстанции (SNcompacta), а также вентральная покрышечная область (VTA) обеспечивают дофаминергический вход в стриатум.

Верхний бугорок играет ключевую роль в управлении саккадическими движениями глаз и расположен в среднем мозге рядом с глазодвигательным

ядром (III черепно-мозгового нерва). Каждый его слой содержит топографически организованную карту: поверхностный – визуальную карту в координатах сетчатки, опирающуюся на прямые сигналы с нее; промежуточный – моторную карту, задающую цели саккад; глубокий – мультисенсорную карту с соматотопической информацией. К нему прилегают кортикальные зоны, включая лобные глазодвигательные области, латеральную интрапариетальную кору и дополнительные глазодвигательные зоны, что способствует выявлению потенциальных саккадических целей.

Торможение верхнего бугорка обеспечивается сигналом из черной субстанции pars reticulata (SNr) – гамма-аминомасляного ядра базальных ганглиев. Нарушения nigroколликулярного пути или активности нейронов SNr приводят к проблемам с фиксацией взгляда и росту спонтанных саккад, подтверждая роль базальных ганглиев в тоническом торможении с фазовым растормаживанием для запуска саккад.

Прим.: красным цветом показаны возбуждающие связи, синим – тормозящие, зеленым – модулирующие.
Note: Excitatory (red), inhibitory (blue), and modulatory (green) connections

Рис. 1. Анатомия путей, реализующих саккадические движения (изображение перепечатано и адаптировано из [Parr, Friston 2017a])
Fig. 1. Saccadic pathways [Parr, Friston 2017a]

SNr интегрирует сигналы от стриатума и субталамического ядра (STN) через прямой и непрямой пути: прямой подавляет мишени SNr, а непрямой усиливает ингибирование. Их баланс регулируется дофаминергическими проекциями на стриатум, которые активируют D1-рецепторы в средних шиповидных нейронах прямого пути и подавляют D2-рецепторы в нейронах непрямого пути, проецирующихся через внешний отдел бледного шара на STN [Parr, Friston 2017b].

Схематическая модель стволового генератора саккадических движений глаз (рис. 2) приведена авторами [Кубарко, Кубарко 2005], адаптирована из [Leigh, Kennard 2004]. Горизонтально действующие экстраокулярные мышцы, такие как латеральная прямая мышца, иннервируются мотонейронами отводящего ядра (CN VI), которые получают саккадические команды от парамедианной ретикулярной формации моста (PPRF). Вертикально действующие экстраокулярные мышцы, например верхняя прямая мышца, иннервируются мотонейронами

глазодвигательного ядра (CN III) и блокового ядра (не показано); эти мотонейроны получают саккадические команды от нейронов, расположенных в ростральном интерстициальном ядре медиального продольного пучка (riMLF) в среднем мозге. Взрывные (*burst*) нейроны как в PPRF, так и в riMLF получают тормозящие сигналы от омнипаузных нейронов, локализованных во вставочном ядре шва (RIP) моста. Когда омнипаузные нейроны прекращают разряд, активированные нейроны PPRF и riMLF генерируют саккадический импульс, который передается на мотонейроны и вызывает физическое сокращение экстраокулярных мышц, быстро перемещающее глаз в новое положение при саккаде. Горизонтальные саккадические импульсы интегрируются сетью нейронов в ядре преддверно-подъязычного комплекса (*nucleus prepositus hypoglossi*) и прилегающем медиальном вестибулярном ядре (NPH / MVN); вертикальные саккадические импульсы интегрируются в интерстициальном ядре Кахала (INC) среднего мозга.

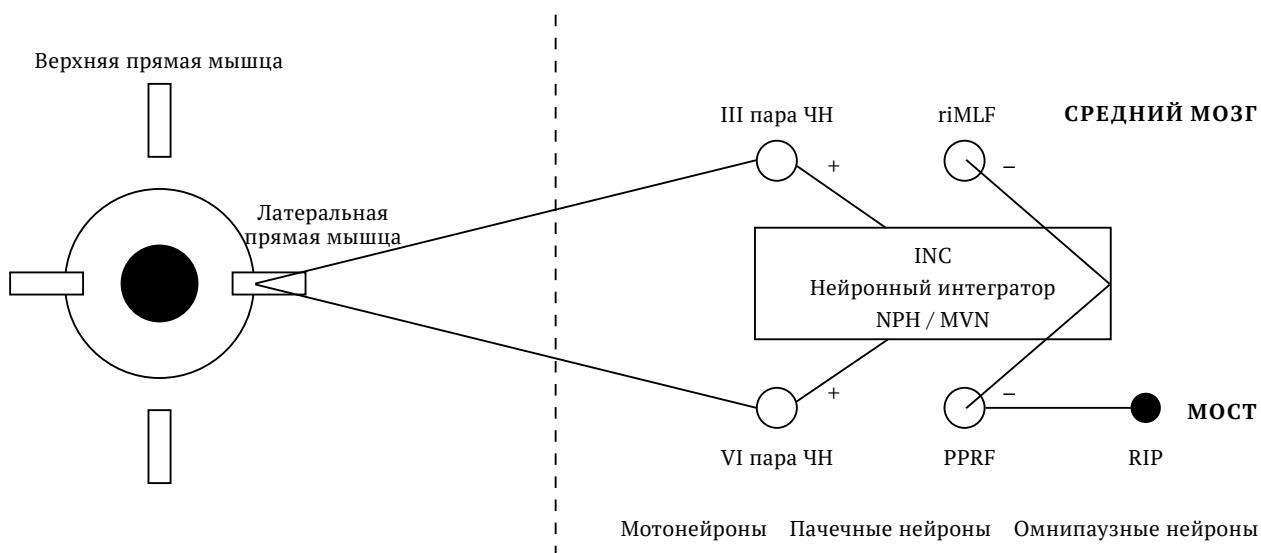

Рис. 2. Схематическое описание стволового генератора саккад [Кубарко, Кубарко 2005; Leigh, Kennard 2004]
 Fig. 2. Schematic description of brainstem saccade generator [Kubarko, Kubarko 2005; Leigh, Kennard 2004]

Прим.: ЧН III, VI – ядра 3-й и 6-й пар черепных нервов; riMLF (rostral interstitial nucleus of the medial longitudinal fasciculus) – ростральное интерстициальное ядро медиального продольного пучка в среднем мозге; INC (interstitial nucleus of Cajal) – интерстициальное ядро Кахала; PPRF (paramedian pontine reticular formation) – парамедианная ретикулярная формация моста; NPH (nucleus prepositus hypoglossi) – препозитное периподъязычное ядро; MVN (medial vestibular nucleus) – прилежащее медиальное вестибулярное ядро в продолговатом мозге; RIP (nucleus raphe interpositus) – вставочное ядро шва.
 Note: ЧН III, VI – nuclei of the 3rd and 6th pairs of cranial nerves; riMLF – rostral interstitial nucleus of the medial longitudinal fasciculus; INC – interstitial nucleus of Cajal; PPRF – paramedian pontine reticular formation; NPH – nucleus prepositus hypoglossi; MVN – medial vestibular nucleus; RIP – nucleus raphe interpositus.

В результате работы этого нейронного интегратора формируется ступенчатый сигнал, который позволяет экстраокулярным мышцам поддерживать тоническое сокращение и удерживать глаз в новом положении.

Мозжечок также участвует в зрительной и пространственной обработке [Feng et al. 2017]. Особый интерес при патологии мозжечка представляет изучение взаимосвязи между параметрами движения глаз и зрительным вниманием и рабочей памятью у лиц, страдающих дисфункцией мозжечка. Исследователи описали глазодвигательный дефицит, который сопровождался когнитивными нарушениями, такими как устойчивое нарушение внимания и снижение объема зрительно-пространственной рабочей памяти у детей, перенесших лечение по поводу мозжечковых опухолей [Shurupova, Latanov 2024; Shurupova et al. 2021].

На рисунке 3 представлены зоны участия мозжечка, вовлеченные в движения глаз [Beh et al. 2017].

Вестибулярные области мозжечка: *flocculus*, *paraflocculus*, *nodulus*, *uvula*, *tonsil* и *pyramis* – участвуют в удержании взора, прослеживающих движениях и вестибуло-окулярном рефлексе. Окуломоторные области мозжечка: *vermis-declive* (дорсальный), *folium*, *tuber*, – а также *lobuli semilunares superior et inferior* и внутримозжечковое ядро *nucleus fastigii* вносят вклад в управление саккадической системой, но также принимают участие в прослеживающих и вергентных движениях глаз. Мозжечок модулирует амплитуду саккад путем подстройки ингибиторного воздействия, осуществляемого клетками Пуркинью, червя мозжечка на ядро шатра, а также клетками Пуркинью, лежащими вне червя, проецирующимися на другие ядра мозжечка [Шурупова и др. 2016; 2020; Quaia et al. 1999].

Основными структурами, которые играют важную роль в зрительно-моторной функции мозжечка, являются дольки VI и VII глазодвигательного червя [Beh et al. 2017]. Окуломоторный мозжечок получает

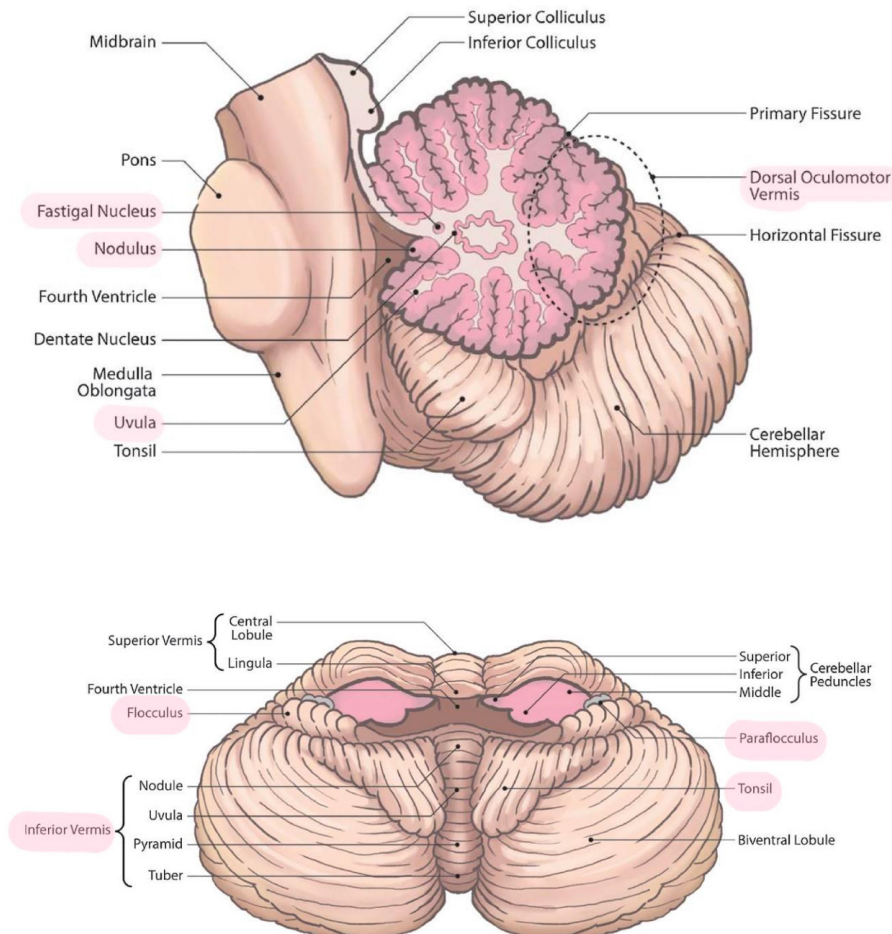

Рис. 3. Структуры мозжечка, обеспечивающие зрительно-моторную функцию (отмечены розовым) (адаптировано из [Beh et al. 2017])

Fig. 3. Cerebellar structures (pink) supporting visuomotor function [Beh et al. 2017]

афферентные сигналы в виде мшистых волокон от парамедианной ретикулярной формации моста (PRFM / PPRF), ретикулярных ядер покрышки моста (NRTP), вестибулярных ядер, ядра преддверно-подъязычного комплекса (NPH), дорсолатеральных и дорсомедиальных ядер моста, а также через пикообразные волокна от ядер нижней оливы (ION).

Эфферентные проекции окуломоторного мозжечка формируются аксонами клеток Пуркинью и направляются к ипсилатеральному фастигиальному ядру (*nucleus fastigii*). Само ядро шатра принимает пикообразные волокна от ION и мшистые – от мостовых ядер.

Эфференты ядра шатра сначала идут к контралатеральному фастигиальному ядру, затем по верхним ножкам мозжечка достигают омнипаузных нейронов ядер шва (RIP) и контралатеральных пачечных нейронов стволового генератора саккад. Дополнительно проекции ядер шатра проецируются на вестибулярные ядра, таламус и роstralную часть верхних холмиков.

Заключение

В данной статье рассмотрены взаимосвязи между зрительной рабочей памятью, ролью саккадических движений глаз, которые играют существенную роль в ее реализации, и участием мозжечка в процессах зрительного внимания, рабочей памяти и физиологии глазодвигательной системы. Мозжечок играет важную роль в их нейрофизиологическом

обеспечении, активируясь в задачах рабочей памяти (дольки VI, VIIA/B, червь), координируя саккады, внимание и память через лобно-мозжечковые и теменно-мозжечковые петли, а также контроль ошибок и временных последовательностей. Он модулирует амплитуду саккад через клетки Пуркинью, интегрируя афференты от ствола мозга и эфференты к омнипаузным нейронам и верхним холмикам. Нарушения (например, при мозжечковых патологиях) приводят к дефицитам внимания и зрительно-пространственной памяти, опосредуемым в том числе и саккадическими дисфункциями, подтверждая общую нейробиологическую основу когнитивных и двигательных функций.

Зрительное внимание и зрительно-пространственная рабочая память образуют интегрированную когнитивную систему, в которой саккадические движения глаз выступают ключевым сенсомоторным механизмом, обеспечивающим селекцию и удержание информации, что имеет особое значение для обучения школьников, адаптации человека в современном информационном мире.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арлаков Е. А., Белимова П. А., Джумагулова А. Ф. Айттрекинг как инструмент для исследований восприятия искусства: подход и перспективы удобства использования. *Культура и технологии*. 2023. Т. 8. № 1. С. 17–24. [Arlakov E. A., Belimova P. A., Dzhumagulova A. F. Eye tracking as a tool for art perception research: A usability perspective. *Kultura i tekhnologii*, 2023, 8(1): 17–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cjncli>
- Кубарко А. И., Кубарко Ю. А. Динамика саккадических движений глаз и ее механизмы. *Медицинский журнал*. 2005. № 3. С. 77–79. [Kubarko A. I., Kubarko J. A. A dynamics of an eye's saccades and its mechanisms. *Medical Journal*, 2005, (3): 77–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsjuwd>
- Панфилова Е. А., Асланова М. С., Леонов С. В., Сухачев П. Ю., Седогин Е. А., Поликанова И. С. Применение систем регистраций движений глаз в оценке зрительно-пространственной памяти у детей дошкольного возраста. *Национальный психологический журнал*. 2024. Т. 19. № 4. С. 58–77. [Panfilova E. A., Aslanova M. S., Leonov S. V., Sukhochev P. Yu., Sedogin E. A., Polikanova I. S. The application of eye movement registration systems in the assessment of visuospatial memory in preschool children. *National Psychological Journal*, 2024, 19(4): 58–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0404>
- Персиянцева С. В., Адамович Т. В., Маракшина Ю. А., Исмагуллина В. И. Исследование рабочей памяти в обучении: традиционные и инновационные подходы. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 5. [Persiantseva S. V., Adamovich T. V., Marakshina Yu. A., Ismatullina V. I. Research of working memory in learning:

- Traditional and innovative approaches. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, (5). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/103PSMN524.html> (accessed 10 Jan 2026). <https://elibrary.ru/uatyqb>
- Робин С. Д., Кружкова О. В. Возможности применения технологии айтрекинга в психолого-педагогической диагностике обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. *Специальное образование*. 2024. № 3. С. 53–67. [Robin S. D., Kruzhkova O. V. Application of the eye tracking technology in psycho-pedagogical diagnostics of students with disabilities and children with attention deficit hyperactivity disorder. *Special Education*, 2024, (3): 53–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozgijm>
- Смирнова Я. К. Айтрекинг-исследование визуального внимания детей с нарушением слуха в ситуации обучения. *Экспериментальная психология*. 2023. Т. 16. № 1. С. 4–22. [Smirnova Ya. K. Eye tracking study of visual attention of children with hearing impairments in a learning situation. *Experimental Psychology (Russia)*, 2023, 16(1): 4–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160101>
- Тихомирова Т. Н. Измерение зрительно-пространственной рабочей памяти у школьников в контексте учебных результатов: показатели точности, объема и эффективности. *Экспериментальная психология*. 2025. Т. 18. № 4. С. 194–210. [Tikhomirova T. N. Measuring visual-spatial working memory among schoolchildren: Accuracy, capacity, and efficiency in educational outcomes. *Experimental Psychology (Russia)*, 2025, 18(4): 194–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180412>
- Уточкин И. С., Юревич М. А., Булатова М. Е. Зрительная рабочая память: методы, исследования, теории. *Российский журнал когнитивной науки*. 2016. Т. 3. № 3. – С. 58–76. [Utochkin I. S., Yurevich M. A., Bulatova M. E. Visual working memory: Methods, research, theories. *Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki*, 2016, 3(3): 58–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzrpsx>
- Фаликман М. В. Современные исследования взаимосвязи становления когнитивных и двигательных функций: предпосылки успешного освоения письма. *Психологическая наука и образование www.psyedu.ru*. 2009. № 1. [Falikman M. V. Relationship between the development of cognitive and motor functions: Prerequisites for successful writing acquisition. *Psychological Science and Education www.psyedu.ru*, 2009, (1). (In Russ.)] URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2009_n1/psyedu_2009_n1_Falikman.pdf (accessed 10 Jan 2026). <https://elibrary.ru/kizpid>
- Шульговский В. В. Психофизиология пространственного зрительного внимания у человека. *Соросовский образовательный журнал*. 2004. Т. 8. № 1. С. 17–23. [Shulgovskiy V. V. Psychophysiology of human visuo-spatial attention. *Sorosovskii obrazovatelnyi zhurnal*, 2004, 8(1): 17–23. (In Russ.)]
- Шурупова М. А., Анисимов В. Н., Латанов А. В., Касаткин В. Н. Особенности нарушений движений глаз при поражениях мозжечка различной локализации. *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*. 2016. Т. 24. № 3. С. 154–163. [Shurupova M. A., Anisimov V. N., Latanov A. V., Kasatkin V. N. Features of eye movement disorders in patients with cerebellar lesions of different localization. *I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*, 2016, 24(3): 154–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlyxnl>
- Шурупова М. А., Касаткин В. Н., Анисимов В. Н., Латанов А. В. Влияние мозжечковой дисфункции, приобретенной в результате лечения опухоли, на функционирование саккадической системы у детей. *Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова*. 2020. Т. 106. № 7. С. 866–879. [Shurupova M. A., Kasatkin V. N., Anisimov V. N., Latanov A. V. Influence of surgery-related cerebellar dysfunction on the saccadic system performance in children. *Russian Journal of Physiology*, 2020, 106(7): 866–879. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869813920070079>
- Acker L., Pino E. N., Boyden E. S., Desimone R. FEF inactivation with improved optogenetic methods. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2016, 113(146): E7297–E7306. <https://doi.org/10.1073/pnas.1610784113>
- Allen K., Higgins S., Adams J. The relationship between visuospatial working memory and mathematical performance in school-aged children: A systematic review. *Educational Psychology Review*, 2019, 31: 509–531. <https://doi.org/10.1007/s10648-019-09470-8>
- Altemeier L. E., Abbott R. D., Berninger V. W. Executive functions for reading and writing in typical literacy development and dyslexia. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 2008, 30(5): 588–606. <https://doi.org/10.1080/13803390701562818>

- Anderson V. A., Anderson P., Northam E., Jacobs R., Catroppa C. Development of executive functions through late childhood and adolescence in an Australian sample. *Developmental Neuropsychology*, 2001, 20(1): 385–406. https://doi.org/10.1207/s15326942dn2001_5
- Atkinson S. J., Martin C. R. Early detection of risk of reading difficulties using a working memory assessment battery. *British Educational Research Journal*, 2022, 48(6): 1183–1197. <https://doi.org/10.1002/berj.3821>
- Baddeley A. D. Short-term and working memory. *The Oxford handbook of memory*, eds. Tulving E., Craik F. I. M. Oxford: Oxford University Press, 2000, 77–92.
- Baddeley A. D., Hitch G. Working memory. *Psychology of Learning and Motivation*, 1974, 8: 47–89. [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60452-1](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60452-1)
- Barak O., Tsodyks M. Working models of working memory. *Current Opinion in Neurobiology*, 2014, 25: 20–24. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2013.10.008>
- Beh S. C., Frohman T. C., Frohman E. M. Cerebellar control of eye movements. *Journal of Neuro-Ophthalmology*, 2017, 37(1): 87–98. <https://doi.org/10.1097/WNO.0000000000000456>
- Ben-Yehudah G., Guediche S., Fiez J. A. Cerebellar contributions to verbal working memory: Beyond cognitive theory. *Cerebellum*, 2007, 6(3): 193–201. <https://doi.org/10.1080/14734220701286195>
- Brocki K. C., Bohlin G. Executive functions in children aged 6 to 13: A dimensional and developmental study. *Developmental Neuropsychology*, 2004, 26(2): 571–593. https://doi.org/10.1207/s15326942dn2602_3
- Calvo M. G., Meseguer E. Eye movements and processing stages in reading: Relative contribution of visual, lexical, and contextual factors. *The Spanish Journal of Psychology*, 2002, 5(1), 66–77. <https://doi.org/10.1017/S1138741600005849>
- Chen P. L., Machado L. Age-related deficits in voluntary control over saccadic eye movements: Consideration of electrical brain stimulation as a therapeutic strategy. *Neurobiology of Aging*, 2016, 41: 53–63. <https://doi.org/10.1016/j.neurobiolaging.2016.02.010>
- Chen S. H. A., Desmond J. E. Cerebrocerebellar networks during articulatory rehearsal and verbal working memory tasks. *NeuroImage*, 2005, 24(2): 332–338. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2004.08.032>
- Clark K. L., Noudoost B., Moore T. Persistent spatial information in the frontal eye field during object-based short-term memory. *Journal of Neuroscience*, 2012, 32: 10907–10914. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.1450-12.2012>
- Clark S. V., Semmel E. S., Aleksonis H. A., Steinberg S. N., King T. Z. Cerebellar-subcortical-cortical systems as modulators of cognitive functions. *Neuropsychology Review*, 2021, 31(3): 422–446. <https://doi.org/10.1007/s11065-020-09465-1>
- Deubel H. The time course of presaccadic attention shifts. *Psychological Research*, 2008, 72(6): 630–640. <https://doi.org/10.1007/s00426-008-0165-3>
- Deubel H., Schneider W. X. Saccade target selection and object recognition: Evidence for a common attentional mechanism. *Vision Research*, 1996, 36(12): 1827–1837. [https://doi.org/10.1016/0042-6989\(95\)00294-4](https://doi.org/10.1016/0042-6989(95)00294-4)
- Deviaterikova A., Kasatkin V., Malykh S. The role of the cerebellum in visual-spatial memory in pediatric posterior fossa tumor survivors. *Cerebellum*, 2024, 23(1): 197–203. <https://doi.org/10.1007/s12311-023-01525-5>
- Diamond A. Close interrelation of motor development and cognitive development and of the cerebellum and prefrontal cortex. *Child Development*, 2000, 71(1): 44–56. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00117>
- Dias E. C., Segraves M. A. Muscimol-induced inactivation of monkey frontal eye field: Effects on visually and memory-guided saccades. *Journal of Neurophysiology*, 1999, 81(5): 2191–2214. <https://doi.org/10.1152/jn.1999.81.5.2191>
- Ding J., Zhang Y., Liang P., Li X. Modulation of working memory capacity on predictive processing during language comprehension. *Language, Cognition and Neuroscience*, 2023, 38(8): 1133–1152. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1080/23273798.2023.2212819>
- Dubuc M.-M., Aubertin-Leheudre M., Karelis A. D. Relationship between interference control and working memory with academic performance in high school students: The Adolescent Student Academic Performance longitudinal study (ASAP). *Journal of Adolescence*, 2020, 80: 204–213. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.03.001>
- Ekstrom L. B., Roelfsema P. R., Arsenault J. T., Bonmassar G., Vanduffel W. Bottom-up dependent gating of frontal signals in early visual cortex. *Science*, 2008, 321(5887): 414–417. <https://doi.org/10.1126/science.1153276>
- Ester E. F., Sprague T. C., Serences J. T. Parietal and frontal cortex encode stimulus-specific mnemonic representations during visual working memory. *Neuron*, 2015, 87(4): 893–905. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.07.013>

- Fastenrath M., Spalek K., Coynel D., Loos E., Milnik A., Egli T., Schicktzanz N., Geissmann L., Rooszendaal B., Papassotiropoulos A., de Quervain D. J.-F. Human cerebellum and corticocerebellar connections involved in emotional memory enhancement. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2022, 119(41). <https://doi.org/10.1073/pnas.2204900119>
- Feng X., Li L., Zhang M., Yang X., Tian M., Xie W., Lu Y., Liu L., Bélanger N. N., Meng X., Ding G. Dyslexic children show atypical cerebellar activation and cerebro-cerebellar functional connectivity in orthographic and phonological processing. *Cerebellum*, 2017, 16(2): 496–507. <https://doi.org/10.1007/s12311-016-0829-2>
- Fu Y., Guan C., Tam J., O'Donnell R. E., Shen M., Wyble B., Chen H. Attention with or without working memory: Mnemonic reselection of attended information. *Trends in Cognitive Sciences*, 2023, 27(12): 1111–1122. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.08.010>
- Gabay L., Miller P., Alia-Klein N., Lewin M. P. Circadian effects on attention and working memory in college students with attention deficit and hyperactivity symptoms. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.851502>
- Gurd J. M., Amunts K., Weiss P. H., Zafiris O., Zilles K., Marshall J. C., Fink G. R. Posterior parietal cortex is implicated in continuous switching between verbal fluency tasks: An fMRI study with clinical implications. *Brain*, 2002, 125(pt. 5): 1024–1038. <https://doi.org/10.1093/brain/awf093>
- Hanning N. M., Deubel H. Independent effects of eye and hand movements on visual working memory. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 2018, 12. <https://doi.org/10.3389/fnsys.2018.00037>
- Hautzel H., Mottaghy F. M., Specht K., Müller H.-W., Krause B. J. Evidence of a modality-dependent role of the cerebellum in working memory? An fMRI study comparing verbal and abstract n-back tasks. *NeuroImage*, 2009, 47(4): 2073–2082. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2009.06.005>
- Henson R. N., Burgess N., Frith C. D. Recoding, storage, rehearsal and grouping in verbal short-term memory: An fMRI study. *Neuropsychologia*, 2000, 38(4): 426–440. [https://doi.org/10.1016/s0028-3932\(99\)00098-6](https://doi.org/10.1016/s0028-3932(99)00098-6)
- Hikosaka O., Takikawa Y., Kawagoe R. Role of the basal ganglia in the control of purposive saccadic eye movements. *Physiological Reviews*, 2000, 80(3): 953–978. <https://doi.org/10.1152/physrev.2000.80.3.953>
- Hollingworth A., Matsukura M., Luck S. J. Visual working memory modulates rapid eye movements to simple onset targets. *Psychological Science*, 2013, 24(5): 790–796.
- Jaffe R. J., Constantinidis C. Working memory: From neural activity to the sentient mind. *Comprehensive Physiology*, 2021, 11(4): 2547–2587. <https://doi.org/10.1002/cphy.c210005>
- Jonikaitis D., Deubel H. Independent allocation of attention to eye and hand targets in coordinated eye-hand movements. *Psychological Science*, 2011, 22(3): 339–347. <https://doi.org/10.1177/0956797610397666>
- Jonikaitis D., Klapetek A., Deubel H. Spatial attention during saccade decisions. *Journal of Neurophysiology*, 2017, 118(1): 149–160. <https://doi.org/10.1152/jn.00665.2016>
- Jonikaitis D., Moore T. The interdependence of attention, working memory and gaze control: Behavior and neural circuitry. *Current Opinion in Psychology*, 2019, 29: 126–134. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2019.01.012>
- Jonikaitis D., Theeuwes J. Dissociating oculomotor contributions to spatial and feature-based selection. *Journal of Neurophysiology*, 2013, 110(7): 1525–1534. <https://doi.org/10.1152/jn.00275.2013>
- Takei S., Bostan A. C., Ebner T. J., Fakharian M. A., Gomi H., Guell X. et al. Consensus paper: Models of cerebellar functions. *Cerebellum*, 2026, 25(15). <https://doi.org/10.1007/s12311-025-01939-3>
- Karthikeyan R., Carrizales J., Johnson C., Mehta R. K. A window into the tired brain: Neurophysiological dynamics of visuospatial working memory under fatigue. *Human Factors*, 2024, 66(2): 528–543. <https://doi.org/10.1177/00187208221094900>
- Kirchner W. K. Age differences in short-term retention of rapidly changing information. *Journal of Experimental Psychology*, 1958, 55(4): 352–358. <https://doi.org/10.1037/h0043688>
- Koziol L. F., Budding D., Andreasen N., D'Arrigo S., Bulgheroni S., Imamizu H., Ito M., Manto M., Marvel C., Parker K., Pezzulo G., Ramnani N., Riva D., Schmahmann J., Vandervert L., Yamazaki T. Consensus paper: The cerebellum's role in movement and cognition. *Cerebellum*, 2014, 13(1): 151–177. <https://doi.org/10.1007/s12311-013-0511-x>
- Kuo B.-C., Stokes M. G., Murray A. M., Nobre A. C. Attention biases visual activity in visual short-term memory. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2014, 26(7): 1377–1389. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00577

- Leigh R. J., Kennard C. Using saccades as a research tool in the clinical neurosciences. *Brain*, 2004, 127(3): 460–477. <https://doi.org/10.1093/brain/awh035>
- Li Y., Fu W., Zhang Q., Chen X., Li X., Du B., Deng X., Ji F., Dong Q., Jaeggi S. M., Chen C., Li J. Effects of forward and backward span trainings on working memory: Evidence from a randomized controlled trial. *Psychophysiology*, 2023, 60(1). <https://doi.org/10.1111/psyp.14154>
- Lurito J. T., Kareken D. A., Lowe M. J., Chen S. H., Mathews V. P. Comparison of rhyming and word generation with fMRI. *Human Brain Mapping*, 2000, 10(3): 99–106. [https://doi.org/10.1002/1097-0193\(200007\)10:3%3C99::AID-HBM10%3E3.0.CO;2-Q](https://doi.org/10.1002/1097-0193(200007)10:3%3C99::AID-HBM10%3E3.0.CO;2-Q)
- Mahon A., Clarke A. D. F., Hunt A. R. The role of attention in eye-movement awareness. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2018, 80(7): 1691–1704. <https://doi.org/10.3758/s13414-018-1553-4>
- Markanday A., Inoue J., Dicke P. W., Thier P. Cerebellar complex spikes multiplex complementary behavioral information. *PLoS Biology*, 2021, 19(9). <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.3001400>
- McDermott K. B., Petersen S. E., Watson J. M., Ojemann J. G. A procedure for identifying regions preferentially activated by attention to semantic and phonological relations using functional magnetic resonance imaging. *Neuropsychologia*, 2003, 41(3): 293–303. [https://doi.org/10.1016/s0028-3932\(02\)00162-8](https://doi.org/10.1016/s0028-3932(02)00162-8)
- Miller E. K., Lundqvist M., Bastos A. M. Working Memory 2.0. *Neuron*, 2018, 100(2): 463–475. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2018.09.023>
- Mishkin M., Ungerleider L. G., Macko K. A. Object vision and spatial vision: Two cortical pathways. *Trends in Neurosciences*, 1983, 6(10): 414–417. [https://doi.org/10.1016/0166-2236\(83\)90190-X](https://doi.org/10.1016/0166-2236(83)90190-X)
- Miyake A., Friedman N. P. The nature and organization of individual differences in executive functions: Four general conclusions. *Current Directions in Psychological Science*, 2012, 21(1): 8–14. <https://doi.org/10.1177/0963721411429458>
- Mock J., Huber S., Klein E., Moeller K. Insights into numerical cognition: Considering eye-fixations in number processing and arithmetic. *Psychological Research*, 2016, 80(3), 334–359. <https://doi.org/10.1007/s00426-015-0739-9>
- Monette S., Bigras M., Guay M.-C. The role of the executive functions in school achievement at the end of Grade 1. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2011, 109(2): 158–173. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2011.01.008>
- Moore T., Armstrong K. M. Selective gating of visual signals by microstimulation of frontal cortex. *Nature*, 2003, 421(6921): 370–373. <https://doi.org/10.1038/nature01341>
- Nayfeld I., Fuccillo J., Greenfield D. B. Executive functions in early learning: Extending the relationship between executive functions and school readiness to science. *Learning and Individual Differences*, 2013, 26: 81–88. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.lindif.2013.04.011>
- Ohl S., Rolfs M. Saccadic eye movements impose a natural bottleneck on visual short-term memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2017, 43(5): 736–748. <https://doi.org/10.1037/xlm0000338>
- Ojemann J. G., Buckner R. L., Akbudak E., Snyder A. Z., Ollinger J. M., McKinstry R. C., Rosen B. R., Petersen S. E., Raichle M. E., Conturo T. E. Functional MRI studies of word-stem completion: Reliability across laboratories and comparison to blood flow imaging with PET. *Human Brain Mapping*, 1998, 6(4): 203–215. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-0193\(1998\)6:4%3C203::aid-hbm2%3E3.0.co;2-7](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-0193(1998)6:4%3C203::aid-hbm2%3E3.0.co;2-7)
- Pannasch S., Helmert J. R., Roth K., Herbold A.-K., Walter H. Visual fixation durations and saccade amplitudes: Shifting relationship in a variety of conditions. *Journal of Eye Movement Research*, 2008, 2(2): 1–19. <https://doi.org/10.16910/jemr.2.2.4>
- Parr T., Friston K. J. The active construction of the visual world. *Neuropsychologia*, 2017a, 104: 92–101. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2017.08.003>
- Parr T., Friston K. J. Working memory, attention, and salience in active inference. *Scientific Reports*, 2017b, 7. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-15249-0>
- Peltsch A., Hemraj A., Garcia A., Munoz D. P. Age-related trends in saccade characteristics among the elderly. *Neurobiology of Aging*, 2011, 32(4):669–679. <https://doi.org/10.1016/j.neurobiolaging.2009.04.001>
- Petersen S. E., Fox P. T., Posner M. I., Mintun M., Raichle M. E. Positron emission tomographic studies of the processing of single words. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 1989, 1(2): 153–170. <https://doi.org/10.1162/jocn.1989.1.2.153>

- Peterson M. S., Kelly S. P., Blumberg E. J. Saccadic eye movements smear spatial working memory. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2019, 45(2): 255–263. <https://doi.org/10.1037/xhp0000596>
- Pollmann S., Schneider W. X. Working memory and active sampling of the environment: Medial temporal contributions. *Handbook of Clinical Neurology*, 2022, 187: 339–357. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-823493-8.00029-8>
- Puntiroli M., Kerzel D., Born S. Perceptual enhancement prior to intended and involuntary saccades. *Journal of Vision*, 2015, 15(2). <https://doi.org/10.1167/15.4.2>
- Quaia C., Lefèvre P., Optican L. M. Model of the control of saccades by superior colliculus and cerebellum. *Journal of Neurophysiology*, 1999, 82(2): 999–1018. <https://doi.org/10.1152/jn.1999.82.2.999>
- Rolfs M., Carrasco M. Rapid simultaneous enhancement of visual sensitivity and perceived contrast during saccade preparation. *Journal of Neuroscience*, 2012, 32(40): 13744–13752. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.2676-12.2012>
- Sadus K., Schubert A. L., Löffler C., Hemming W., Hagemann D. Neurophysiological signature of working memory updating during encoding. *Cortex*, 2026, 194: 191–219. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2025.11.013>
- Shurupova M., Deviaterikova A., Latanov A., Kasatkin V. Interaction between oculomotor impairments, voluntary attention and working memory disorders in children with cerebellar tumors. *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics: Intercognsci 2020*, eds. Velichkovsky B. M., Balaban P. M., Ushakov V. L. Cham: Springer, 2021, vol. 1358, 547–553. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_63
- Shurupova M. A., Latanov A. V. Oculomotor impairments in children after posterior fossa tumors treatment. *Cerebellum*, 2024, 23(2): 444–454. <https://doi.org/10.1007/s12311-023-01553-1>
- Skrzypulec B., Chuderski A. Nonlinear effects of spatial connectedness implicate hierarchically structured representations in visual working memory. *Journal of Memory and Language*, 2020, 113. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2020.104124>
- Sprague T. C., Ester E. F., Serences J. T. Reconstructions of information in visual spatial working memory degrade with memory load. *Current Biology*, 2014, 24(18): 2174–2180. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2014.07.066>
- St Clair-Thompson H. L., Gathercole S. E. Executive functions and achievements in school: Shifting, updating, inhibition, and working memory. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2006, 59(4): 745–759. <https://doi.org/10.1080/17470210500162854>
- Stein H. Why does the neocortex need the cerebellum for working memory? *Journal of Neuroscience*, 2021, 41(30): 6368–6370. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0701-21.2021>
- Stoodley C. J., Schmahmann J. D. The cerebellum and language: Evidence from patients with cerebellar degeneration. *Brain and Language*, 2009, 110(3): 149–153. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2009.07.006>
- Szinte M., Carrasco M., Cavanagh P., Rolfs M. Attentional trade-offs maintain the tracking of moving objects across saccades. *Journal of Neurophysiology*, 2015, 113(7): 2220–2231. <https://doi.org/10.1152/jn.00966.2014>
- Tan J. B., Orlando I. F., Whyte C., Bryant A. G., Munn B. R., Baracchini G., King M., O'Callaghan C., Müller E. J., Shine J. M. Cerebellar and subcortical contributions to working memory manipulation. *Communications Biology*, 2025, 8(1). <https://doi.org/10.1038/s42003-025-08467-0>
- Thommesen K. K., Damgaard V., Mariegaard J., Jespersen A. E., Ysbæk-Nielsen A. T., Mikkelsen C., Didriksen M., Ostrowski S. R., Jørgensen M. B., Macoveanu J., Miskowiak K. W. Neural underpinnings of memory encoding and retrieval: Validation of a novel ecologically valid fMRI paradigm. *Neuroscience Applied*, 2024, 3. <https://doi.org/10.1016/j.nsa.2024.104084>
- Unsworth N., Engle R. W. The nature of individual differences in working memory capacity: Active maintenance in primary memory and controlled search from secondary memory. *Psychological Review*, 2007, 114(1): 104–132. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.114.1.104>
- Vandervert L. R. Working memory, the cognitive functions of the cerebellum and the child prodigy. *International Handbook on Giftedness*, ed. Shavinina L. V. Springer, Dordrecht, 2009, 295–316. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6162-2_13
- Velichkovsky B. M., Joos M., Helmert J. R., Pannasch S. Two visual systems and their eye movements: Evidence from static and dynamic scene perception. *Proceedings of the XXVII annual conference of the Cognitive Science Society*, eds. Bara B. G., Barsalou L., Bucciarelli M. Mahwah: Lawrence Erlbaum 2005, 2283–2288.

- Waitzman D. M. Oculomotor systems and control. *Conn's Translational Neuroscience*, ed. Michael Conn P. Academic Press, 2017, 439–465. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802381-5.00032-4>
- Walcher S., Korda Ž., Körner C., Benedek M. How workload and availability of spatial reference shape eye movement coupling in visuospatial working memory. *Cognition*, 2024, 249. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105815>
- Wang X., Liu Z., Zhang H., Ji C. Effects of high-intensity interval training on executive functions in college students: Evidence from different doses. *Brain Sciences*, 2023, 13(4). <https://doi.org/10.3390/brainsci13040571>
- Wu N., Chen Y., Yang J., Li F. Childhood obesity and academic performance: The role of working memory. *Frontiers in Psychology*, 2017, 8. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00611>
- Yeung M. K., Lee T. L., Chan A. S. Negative mood is associated with decreased prefrontal cortex functioning during working memory in young adults. *Psychophysiology*, 2021, 58(6). <https://doi.org/10.1111/psyp.13802>
- Yüce A. E. Cost of being online for brain: Changing working memory attributes, associated metacognitive knowledge and long-term memory processing. *Psikiyatride Güncel Yaklaşımlar*, 2025, 17(1): 166–178. <https://psycnet.apa.org/doi/10.18863/pgy.1433144>
- Živković M., Pellizzoni S., Mammarella I. C., Passolunghi M. C. The relationship between math anxiety and arithmetic reasoning: The mediating role of working memory and self-competence. *Current Psychology*, 2023, 42(17): 14506–14516. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02765-0>

оригинальная статья

eLibrary EDN: ZALVBF

Дифференциально-психологический анализ компонентов инновационного потенциала студенческой молодежи

Филенко Игорь Александрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 5688-0364

<https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>

Scopus Author ID: 57296247700

filen5725@mail.ru

Атаманова Инна Викторовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9980-2880

<https://orcid.org/0000-0001-8101-5586>

Scopus Author ID: 57211394316

Богомаз Сергей Александрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8190-6179

<https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

Scopus Author ID: 6603772587

Галажинский Эдуард Владимирович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2670-1259

<https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>

Scopus Author ID: 55570344500

Аннотация: Исследование представлений о психологической детерминации инновационного потенциала как личностного качества, особенно в контексте профессионального образования, актуально с последующей возможностью использовать полученные результаты при разработке программ развития инновативности. Цель – изучить компоненты инновационного потенциала студенческой молодежи, включающие ценностные, когнитивные, когнитивно-регуляторные, метакогнитивные и личностные характеристики, с учетом фактора пола участников исследования и степени сформированности установок по отношению к инновациям. В исследовании приняли участие 331 человек, г. Томск (28 % – мужчины, 72 % – женщины, средний возраст – 21,2 года). Использовались методики: шкала «Самооценка инновативных качеств личности» (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко); Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова); Портретный ценностный опросник – Пересмотренный (Ш. Шварц); опросник «Большая пятерка» (G. V. Caprara et al., адаптация Е. Н. Осина и др.); Опросник метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (И. А. Филенко, С. А. Богомаз). По результатам применения путевого анализа, U-критерия Манна-Уитни выявлены структурные особенности взаимосвязей компонентов инновационного потенциала и межгрупповые различия, связанные с полом: в группе юношей основные эффекты позитивного влияния на *индекс инновативности* обусловлены *самоконтролем* (общий регрессионный вес пути здесь и далее = 0,429) и ценностью *самостоятельность мысли* (0,175); в группе девушек общие влияния на *индекс инновативности* определяются *самоконтролем* (0,263) и ценностью *стимуляция* (0,443). У юношей достоверно выше, чем у девушек, показатели *индекс инновативности*, *креативность*, *риск ради успеха*, *ориентация на будущее*, *открытость знаниям*, *самоконтроль*, а у девушек достоверно выше значения переменных *планирование*, *традиция*. С помощью кластерного анализа методом k-средних в общей выборке выделены 4 типологические группы молодежи, достоверно отличающиеся уровнями инновативности и ее психологическими детерминантами: проактивные инноваторы (20,2 %), адаптивные инноваторы (38,7 %), консерваторы (21,5 %), неадаптивные консерваторы (19,6%). Применение регрессионного анализа, а также непараметрических критериев различия (U-критерий Манна-Уитни, H-критерий Краскела-Уоллиса) позволило получить специфические количественные и качественные характеристики для представителей каждой типологической группы. Результаты исследования могут использоваться для создания персонально-ориентированных психолого-педагогических программ развития инновационной активности представителей различных групп студенческой молодежи.

Ключевые слова: инновативность, типология инновативной личности, студенты, ценности, метакогнитивная регуляция, самоконтроль, путевого анализ, кластерный анализ

Цитирование: Филенко И. А., Атаманова И. А., Богомаз С. А., Галажинский Э. В. Дифференциально-психологический анализ компонентов инновационного потенциала студенческой молодежи. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 232–251. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-232-251>

Поступила в редакцию 06.11.2025. Принята после рецензирования 19.01.2026. Принята в печать 09.02.2026.

original article

Innovative Potential in University Students: Differential Psychological Analysis

Igor A. Filenko

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 5688-0364
<https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>
Scopus Author ID: 57296247700
filen5725@mail.ru

Inna V. Atamanova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 9980-2880
<https://orcid.org/0000-0001-8101-5586>
Scopus Author ID: 57211394316

Sergey A. Bogomaz

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 8190-6179
<https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>
Scopus Author ID: 6603772587

Eduard V. Galazhinsky

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 2670-1259
<https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>
Scopus Author ID: 55570344500

Abstract: Innovative potential is a personal quality that develops during professional education. Its studies may help to design innovation development programs for higher education. This study on the innovative potential of university students featured the effect of gender and attitudes to innovations on the value, cognitive, cognitive-regulatory, metacognitive, and personal characteristics. A total of 331 university students in Tomsk were recruited for this empirical study (28% male, 72% female; M_{age} 21.2 years). They were subjected to the following techniques: *The Self-Assessment of Personality's Innovative Qualities Scale* (Lebedeva & Tatarko); *The Self-Organization of Activity Questionnaire* (Mandrikova); *The Revised Portrait Values Questionnaire* (PVQ-R, Schwartz); *The Big Five Questionnaire* (Caprara *et al.*, adaptation by Osin *et al.*); *The Questionnaire of Metacognitive Resources of Human Behavior Regulation in Adverse Circumstances* (Filenko & Bogomaz). Path analysis and the Mann–Whitney U test revealed the following structural features of innovative potential components and gender-based intergroup differences. For the male respondents, the main positive effect on the innovativeness index belonged to self-control (standardized regression weight = 0.429) and self-direction (0.175). In the female students, the general effects on the innovativeness index depended on self-control (0.263) and stimulation (0.443). The male respondents demonstrated significantly higher indicators for the innovativeness index, creativity, taking risk for achievement, orientation to the future, openness to knowledge, and self-control. Female students received more points for such indicators as planning and tradition. K-means cluster analysis identified four distinct groups among the participants, significantly differing in their levels of innovativeness and associated psychological determinants: Proactive Innovators (20.2%), Adaptive Innovators (38.7%), Conservatives (21.5%), and Non-Adaptive Conservatives (19.6%). The regression analysis and the non-parametric criteria of difference (the Mann–Whitney U test; Kruskal–Wallis H test) made it possible to obtain specific quantitative and qualitative characteristics for each type. The study results can be used to develop personalized psychological and pedagogical programs for innovative activity in various groups of university students.

Keywords: innovativeness, innovative personality typology, students, values, metacognitive regulation, self-control, path analysis, cluster analysis

Citation: Filenko I. A., Atamanova I. V., Bogomaz S. A., Galazhinsky E. V. Innovative Potential in University Students: Differential Psychological Analysis. *SibScript*, 2026, 28(2): 232–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-232-251>

Received 6 Nov 2025. Accepted after peer review 19 Jan 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Ускоренное возникновение инноваций в первой четверти XXI в. и становление связанных с ними социальных практик нашло отражение в концепции четвертой промышленной революции, характеризующей процесс перехода современной цивилизации в новый мир синтеза и взаимодействия новейших технологий, объединяющих материальные, энергетические и информационные планы существования человека, различных социальных групп и объективного мира [Шваб 2016: 12]. В ряде современных исследований в области экономики, социологии, психологии отмечается, что сдерживающим фактором для создания инноваций и их имплементации в повседневную жизнь является человеческий фактор, связанный с недостаточной степенью развития у наших современников способностей инновационно мыслить и работать в динамично меняющихся профессиональных, образовательных, социокультурных системах. В связи с этим возникают социальные запросы к педагогическому сообществу, направленные на развитие личности, обладающей инновационным потенциалом, который может быть реализован в различных формах инновационной активности.

В современных психолого-педагогических исследованиях отмечается, что необходимость подготовки компетентных специалистов в условиях интенсивных трансформаций экономической и социальной жизни предполагает изменение образовательной парадигмы с воспроизводственной на производственную, позволяющую создавать новые знания, личностные качества посредством вовлечения студенческой молодежи в инновационную активность на базе развивающих образовательных практик [Клочко, Галажинский 2009]. Соответственно, в высшем и среднем образовании активно реализуются инновационные методы обучения с использованием электронных обучающих и коммуникационных платформ, специализированных компьютерных программ для статистического анализа и визуализации данных, создания графики и видеоконтента, систем поддержки принятия решений и др. Студенты университетов в последние годы

осваивают и активно используют технологии искусственного интеллекта, чат-боты для выполнения учебных заданий, иммерсивные системы с дополненной, смешанной и виртуальной реальностью. Однако не всегда взаимодействие молодых людей с подобными технологиями в контекстах образовательных практик складывается эффективно. И возможные препятствия к освоению инновационных разработок могут быть связаны со спецификой отношения к ним и с личностными особенностями обучаемых, поскольку требуемый полезный результат функционирования системы человек – технология не возникает сам по себе, а формируется в процессе активного, мотивированного и целенаправленного освоения субъектом совершенно новых для себя задач, контекстов их осуществления, возможных программ целесообразных действий, базовых структурных алгоритмов поэтапного осуществления деятельности в цифровых средах, насыщенных разноплановой информацией. В связи с этим успешная реализация современных педагогических проектов, использующих новые технологии, также во многом определяется инновационным потенциалом человека [Батуринов и др. 2010; Клочко, Галажинский 2009; Терехова 2009; Ушенков 2022], понимаемым «как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения» [Клочко, Галажинский 2009: 150]. Инновационный потенциал личности имеет системную природу, и ее изучение может быть осуществлено через выявление релевантных характеристик, раскрывающих различные измерения рассматриваемого феномена, к которым относятся «толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность, ...особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции» и другие качества [Там же].

Изучение инновационных ресурсов студенческой молодежи в отечественной психологии на протяжении последних двадцати лет основано на использовании отечественных опросников: методика «Изучение особенностей проявления инновационного потенциала личности» [Власенко 2003]; шкала «Инновативные качества личности» [Лебедева, Татарко 2009]; специализированный семантический дифференциал для оценки инновационного потенциала личности [Терехова, Шишкина 2013] и др. Прикладные исследования с их применением позволили выявить особенности взаимосвязей инновационных характеристик студентов с жизнеспособностью [Быкова и др. 2019], жизнестойкостью [Сергеева 2020], социально-психологическими типами личности [Капустина, Быкова 2019]; специфику влияния ценностей и мотивации студентов на их отношение к инновациям [Буравлева, Богомаз 2020; Лебедева, Бушина 2015; Федотова 2016], ресурсные личностные [Хромова и др. 2022] и когнитивные [Суроедова 2021] характеристики студентов, поддерживающие готовность к освоению инновационных технологий. Эмпирические исследования в обозначенном проблемном поле, как правило, ограничиваются констатирующим фактографическим дизайном, направленным на определение уровневых характеристик инновативности в подгруппах респондентов и анализ корреляционных связей инновативности с возможными ресурсными характеристиками (ценностные ориентации, жизнестойкость, стили саморегуляции поведения, мотивация достижения и др.). Вместе с тем прогностический или предиктивный дизайн, позволяющий выявлять закономерности, определяющие инновационное поведение субъекта, построенный на основе использования многомерных статистических методов моделирования, применяется крайне редко.

Однако преимущество прогностического дизайна очевидно и заключается, в частности, в возможности построения количественных моделей, включающих специфические предикторы интегральных показателей инновативности для отдельных целевых групп молодежи, которые могут отличаться социально-демографическими характеристиками (возраст, пол, направление профессиональной подготовки и др.) либо целевыми переменными – готовностью к инновативному поведению, отношением к инновациям и др. Данный подход позволяет выделить реальные типологические группы участников исследования, для которых характерны

свои специфические закономерности инновационного поведения. Также он находит свое логическое продолжение и развитие в современных субъектно-ориентированных и адаптивных педагогических технологиях, которые учитывают индивидуальные особенности субъекта образовательного процесса, его зону ближнего развития, специфику инновационного потенциала личности как системного образования, которая отражена не только в уровнях сформированности когнитивных, эмоциональных, регуляторных процессов и личностных свойств, но и в особенностях структурных взаимосвязей переменных, которыми они представлены на эмпирическом уровне.

Цель – изучить компоненты инновационного потенциала студенческой молодежи, включающие ценностные, когнитивные, когнитивно-регуляторные, метакогнитивные и личностные характеристики, с учетом фактора пола участников исследования и степени сформированности установок по отношению к инновациям.

Методы и материалы

Выборка исследования, проведенного в сентябре – ноябре 2023 г., включала 331 человека (93 юноши и 238 девушек) – студентов, обучающихся в г. Томске. Возраст респондентов варьировался в диапазоне 16–44 лет включительно ($21,2 \pm 4,5$ года).

В исследовании использовались следующие методики:

1. Шкала «Самооценка инновативных качеств личности» (СИКЛ) [Лебедева, Татарко 2009], включающая 12 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта, позволяющих измерять показатели: креативность (4 пункта); риск ради успеха (4 пункта); ориентация на будущее (4 пункта), а также общий индекс инновативности, который рассчитывается как среднее арифметическое по всем трем шкалам.

2. Шкалы *планирование* (3 пункта) и *целеполагание* (4 пункта), оцениваемые по 5-балльной шкале Лайкерта, Опросника самоорганизации деятельности (ОСД) [Мандрикова 2010], модификация С. А. Богомаза, И. А. Филенко.

3. Показатели, включающие 3 пункта: ценности самостоятельность мысли, стимуляция (входящие в меташкалу *открытость изменениям*, характеризующую готовность человека к инновациям, новым преобразующим идеям, действиям и переживаниям) и полярные им ценности *безопасность общественная, традиция* (включенные в меташкалу *сохранение*,

связанную с избеганием изменений, в том числе обусловленных инновациями) методики «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный», разработанной Ш. Шварцем и адаптированной в России [Шварц и др. 2012] (ответы на пункты оценивались по 6-балльной шкале Лайкерта).

4. Шкалы *открытость знаниям* (культуре) (5 пунктов) и *открытость опыту* (5 пунктов) (ответы респондентов оценивались по 5-балльной шкале Лайкерта), образующие общую шкалу *открытость* опросника «Большая пятерка» (Big Five Questionnaire, BFQ [Caprara et al. 1993]), адаптированного в России [Осин и др. 2015], модификация С. А. Богомаза.

5. Опросник метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (МиРТЖС) [Филенко, Богомаз 2024], включающий 17 пунктов и измеряющий 4 субшкалы, связанных с описанием ресурсных характеристик личности, помогающих преодолевать трудные ситуации: самоконтроль (6 пунктов); контроль тревожности (4 пункта); эффективность памяти (3 пункта); интуитивное познание людей (4 пункта) (ответы оценивались по 5-балльной шкале Лайкерта).

Выбор указанных методик определялся целью нашего исследования и обосновывается их успешным применением в предшествующие годы. Шкала «Самооценка инновативных качеств личности» широко используется в современных исследованиях инновативности молодежи и ранее показала свою информативность и эвристичность [Буравлева, Богомаз 2020; Капустина, Быкова 2019; Лебедева, Бушина 2015; Литвина и др. 2021]. Шкалы *планирование* и *целеполагание* опросника ОСД Е. Ю. Мандриковой эффективны в определении когнитивно-регуляторных характеристик личности [Буравлева, Богомаз 2020; Мандрикова 2010; Филенко и др. 2022], которые могут влиять на освоение человеком новых технологий. Возможные механизмы влияния ценностных ориентаций на инновационные характеристики личности изучались отечественными [Лебедева, Бушина 2015; Федотова 2016] и зарубежными исследователями [Arieli, Tenne-Gazit 2017; Sousa, Coelho 2011]. Личностные черты, измеряемые с помощью опросника Большой пятерки, рассматриваются в качестве возможных предикторов инновативности и ее компонентов в ряде зарубежных исследований [Dangmei et al. 2020; Hamdy et al. 2019; Hsieh et al. 2011; Jirásek, Sudzina 2020; Mustafa et al. 2021; Olakitan 2011].

Показатели самоконтроля, контроля тревожности, эффективности памяти, интуитивного познания людей, связанные с метакогнитивными способностями, определяют ресурсные характеристики регуляции поведения человека в сложных ситуациях, в том числе тех, которые возникают при освоении новых технологий в различных социальных контекстах и могут приводить к формированию стресса инноваций [Ташёва и др. 2023], техностресса [Коновалова 2022; Pirkkalainen et al. 2019; Rohwer et al. 2022], а также феномена *сопротивления инновациям* [Scholkmann 2021; Talke, Heidenreich 2014].

Обработка данных осуществлялась в программах jamovi 2.3.21.0 и jasp 0.16.04. В исследовании определялись описательные статистики, использовались непараметрические критерии – U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Краскела-Уоллиса, регрессионный, кластерный, путевой анализ данных.

Результаты

На начальном этапе исследования определялись описательные статистики для изучаемых переменных, проверялась нормальность распределений с помощью критерия Шапиро-Уилка. Проводилось сравнение психологических показателей в группах юношей и девушек. Поскольку для большинства переменных (кроме индекса инновативности, открытости и сохранения) были обнаружены отклонения от нормальности, использовался критерий различия Манна-Уитни. Результаты сравнения показателей девушек и юношей приведены в таблице 1. У юношей в сравнении с девушками выявлены достоверно более высокие показатели по переменным *креативность*, *риск ради успеха*, *ориентация на будущее*, *индекс инновативности*, *открытость знаниям*, *самоконтроль*, *контроль тревожности*, *эффективность памяти*. У девушек отмечаются более высокие показатели по переменным *планирование* и *традиция*.

Далее выполнялся множественный регрессионный анализ данных для трех выборок 2023 г.: общая выборка респондентов; выборка девушек и выборка юношей. В качестве зависимой переменной был выбран показатель *индекс инновативности*, в качестве независимых предикторов рассматривались все психологические показатели используемых в исследовании методик. Регрессионный анализ выполнялся методом пошагового исключения переменных (табл. 2). Требования к построению регрессионных

моделей, включающие проверку данных на автокорреляцию с помощью теста Дурбина-Ватсона, оценку мультиколлинеарности переменных с помощью показателя VIF, а также определение нормальности распределения остатков с помощью теста Шапиро-Уилка, были реализованы в процессе анализа. Показатели автокорреляции, мультиколлинеарности и нормальности распределения остатков всех трех моделей находятся в требуемых пределах для проведения качественного регрессионного анализа. Результаты теста χ^2 демонстрируют статистическую достоверность полученных моделей. Коэффициенты детерминации, R^2 , показывают, что модели характеризуют 58,7; 54,5 и 59,5 % дисперсии для зависимой переменной *индекс инновативности* в общей группе, в группе девушек и в выборке юношей соответственно.

В таблице 3 приведены значения нестандартизованных (B) и стандартизованных (β) регрессионных

коэффициентов для предикторов показателя *индекс инновативности* в трех исследуемых выборках. Во всех трех моделях для показателя *индекс инновативности* существуют общие статистически достоверные предикторы: целелепологание, открытость опыту, самоконтроль. В группе девушек к этим предикторам добавляются переменные *стимуляция* ($p < 0,001$), *открытость знаниям* ($p = 0,003$) и *контроль тревожности* ($p = 0,039$). В общей группе добавляются переменные *стимуляция* ($p < 0,001$), *открытость знаниям* ($p < 0,001$), *контроль тревожности* ($p < 0,001$) и *социальная интуиция* ($p = 0,045$). В группе юношей добавляется переменная для метаценности *открытость изменениям* ($p = 0,002$).

Анализ стандартизованных регрессионных коэффициентов позволяет сделать вывод о том, что:

- для общей группы наиболее важными являются такие показатели, как ценность *стимуляция* ($\beta = 0,295$); *открытость опыту* ($\beta = 0,257$);

Табл. 1. Статистически значимые различия исследуемых психологических показателей по U-критерию Манна-Уитни для групп юношей и девушек

Tab. 1. Statistically significant differences in psychological parameters (Mann-Whitney U test): male vs. female university students

Показатели	Среднее \pm ст. отклон.		U	p
	девушки	юноши		
Планирование	3,29 \pm 1,25	2,83 \pm 1,27	8854	0,005
Креативность	3,51 \pm 0,78	3,79 \pm 0,82	8910	0,006
Риск ради успеха	2,80 \pm 0,80	3,38 \pm 0,85	6766	< 0,001
Ориентация на будущее	3,42 \pm 0,65	3,72 \pm 0,75	8541	0,001
Индекс инновативности	3,24 \pm 0,60	3,63 \pm 0,65	7363	< 0,001
Открытость знаниям	3,37 \pm 0,84	3,77 \pm 0,83	8030	< 0,001
Традиция	3,08 \pm 1,28	2,72 \pm 1,30	9178	0,015
Самоконтроль	3,85 \pm 0,62	4,03 \pm 0,78	8618	0,002
Контроль тревожности	2,57 \pm 0,94	3,40 \pm 1,04	5987	< 0,001
Эффективность памяти	3,29 \pm 1,05	3,80 \pm 1,02	7933	< 0,001

Табл. 2. Численные характеристики качества регрессионных моделей по трем выборкам, построенных для зависимой переменной *индекс инновативности*

Tab. 2. Regression models for three samples (total, female, male): innovativeness index

Модели	Коэффициент детерминации (R^2 ; скор. R^2)	Тест χ^2 (F; p)	Тест Дурбина-Ватсона (DW; p)	Статистика коллинеарности (VIF)	Тест Шапиро-Уилка (W; p)
A (общая выборка)	0,587; 0,578	65,7; < 0,001	1,89; 0,348	1,09–1,99	0,993; 0,133
Б (девушки)	0,545; 0,533	46,0; < 0,001	1,88; 0,340	1,06–1,99	0,989; 0,056
В (юноши)	0,613; 0,595	34,8; < 0,001	2,19; 0,378	1,26–1,63	0,993; 0,906

Табл. 3. Значения нестандартизованных (B) и стандартизованных (β) регрессионных коэффициентов для предикторов показателя *индекс инновативности* в трех исследуемых выборках (общая, девушек и юношей)Tab. 3. Non-standardized (B) vs. standardized (β) regression coefficients for the innovativeness index predictors for three samples (total, female, male)

Переменные	Модель А (общая группа)			Модель Б (девушки)			Модель В (юноши)		
	B	β	p	B	β	p	B	β	p
Константа	-0,065	-	-	0,236	-	-	0,180	-	-
Целеполагание	0,113	0,173	< 0,001	0,111	0,179	< 0,001	0,129	0,200	0,009
Открытость опыту	0,226	0,257	< 0,001	0,272	0,329	< 0,001	0,289	0,319	< 0,001
Открытость знаниям	0,130	0,174	< 0,001	0,099	0,137	0,003	-	-	-
Стимуляция	0,171	0,295	< 0,001	0,158	0,283	< 0,001	-	-	-
Открытость изменениям	-	-	-	-	-	-	0,195	0,264	0,002
Самоконтроль	0,134	0,141	0,001	0,122	0,126	0,020	0,250	0,300	< 0,001
Контроль тревожности	0,107	0,174	< 0,001	0,067	0,104	0,039	-	-	-
Социальная интуиция	0,062	0,076	0,045	-	-	-	-	-	-

открытость знаниям ($\beta = 0,174$) и контроль тревожности ($\beta = 0,174$);

- в группе девушек наиболее важные предикторы: *открытость опыту* ($\beta = 0,329$); *ценность стимуляция* ($\beta = 0,283$); *целеполагание* ($\beta = 0,179$);
- в группе юношей переменными с максимальным влиянием на *индекс инновативности* оказались *открытость опыту* ($\beta = 0,319$), *самоконтроль* ($\beta = 0,300$), *метаценность открытость изменениям* ($\beta = 0,264$).

Далее был проведен структурный анализ моделей, включающих показатель *индекс инновативности* (зависимая переменная), и его наиболее информативных психологических предикторов, определенных по результатам ранее выполненного регрессионного анализа. Модели строились отдельно для двух выборок 2023 г. – групп девушек (238 человек) и юношей (93 человека). В качестве оценщика использовался алгоритм DWLS. В процессе анализа происходил отбор моделей, характеризовавшихся наилучшими показателями качества.

Ниже приведены итоговые структурные (путевые) модели, обладающие наилучшими характеристиками соответствия наборам данных для группы девушек – модель А (рис. 1а) и группы юношей – модель Б (рис. 1б), а также указаны стандартизованные структурные коэффициенты β ($p < 0,05$). Модели для групп девушек и юношей включают общие эндогенные переменные – *индекс инновативности*, *целеполагание*, *открытость опыту*, а также общую

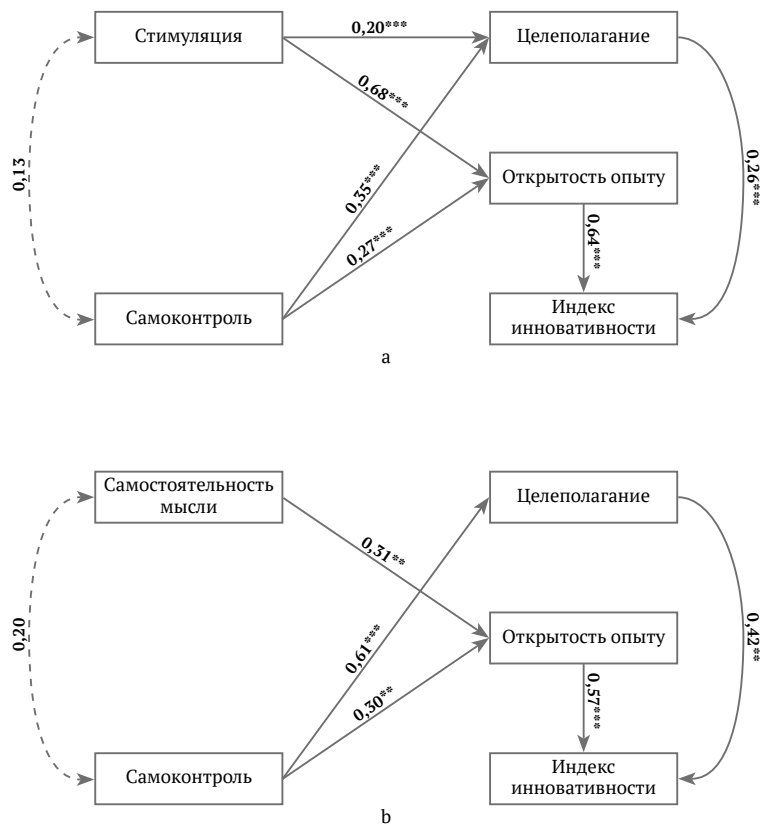
экзогенную – *самоконтроль*. Но для группы девушек был выделен значимый экзогенный ценностный предиктор – *стимуляция*, а для группы юношей в анализ вошла экзогенная переменная *самостоятельность мысли*.

Численные характеристики показателей качества моделей и соответствующие моделям значения нестандартизованных (B) и стандартизованных (β) путевых коэффициентов приведены в таблицах 4 и 5.

Сравнение результатов таблицы 4 с критериями хорошего соответствия для индексов пригодности структурных моделей, приведенных в современных источниках [Brown 2015] (уровень значимости для теста $\chi^2 - p > 0,05$; SRMR < 0,08; RMSEA < 0,08; CFI > 0,95; TLI > 0,95; Adj. GFI > 0,90), показывает, что путевые модели для анализируемых переменных в группах девушек и юношей адекватно отражают структурные характеристики соответствующих наборов данных. Представленные модели описывают 56,5 и 65,5 % вариаций индекса инновативности в группах девушек и юношей соответственно.

На основании анализа рисунка 1 и таблицы 5 можно сделать вывод, что основные отличия в структурных моделях для юношей и девушек состоят в следующем:

- В группе юношей общий регрессионный вес пути *самоконтроль-целеполагание-индекс инновативности* составляет 0,259, а вес пути *самоконтроль – открытость опыту – индекс инновативности* равен 0,170, т. е. общее

Прим.: цифрами указаны стандартизованные структурные коэффициенты β для соответствующих предикторов; *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$.

Note: Numbers indicate the standardized structural coefficients β for the corresponding predictors; *** – $p < 0.001$; ** – $p < 0.01$.

Рис. 1. Структурные модели связей показателя индекс инновативности и его психологических предикторов для групп девушек (а) и юношей (б)

Fig. 1. Innovativeness index vs. psychological predictors for female (a) and male (b) students

Табл. 4. Показатели качества структурных моделей для зависимой переменной индекс инновативности в группах девушек и юношей

Tab. 4. Structural models for innovativeness index (dependent variable): male vs. female students

Показатели качества моделей	Модель А (девушки)	Модель Б (юноши)
Тест χ^2	F = 3,47; df = 3; p = 0,325	F = 5,00; df = 4; p = 0,287
SRMR	0,030	0,064
RMSEA	0,026	0,052
CFI	0,999	0,992
TLI	0,996	0,983
RNI	0,999	0,992
adj. GFI	0,999	0,998
R ² (для переменной инновативность)	0,565	0,613

Прим.: SRMR – стандартизированный среднеквадратический остаток; RMSEA – среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CFI – сравнительный показатель соответствия; TLI – показатель Такера-Льюиса; RNI – относительный нецентральный индекс; adj. GFI – скорректированный индекс хорошего соответствия; R² – коэффициент детерминации модели для зависимой переменной индекс инновативности.

Note: SRMR – standardized root mean square residual; RMSEA – root mean square error of approximation; CFI – comparative fit index; TLI – Tucker–Lewis index; RNI – relative non-centrality index; adj. GFI – adjusted goodness of fit index; R² – coefficient of determination of the model for the dependent variable innovativeness index.

Табл. 5. Значения нестандартизованных (В) и стандартизованных (β) путей коэффициентов для переменных в структурных моделях индекса инновативности для групп девушек и юношейTab. 5. Non-standardized (B) and standardized (β) path coefficients for variables in innovativeness index: male vs. female students

Путевые переменные		Модель А (девушки)			Модель Б (юноши)		
Зависимые	Независимые	В	β	р	В	β	р
Индекс инновативности	Целеполагание	0,159	0,256	0,001	0,277	0,424	0,002
Индекс инновативности	Открытость опыту	0,548	0,642	< 0,001	0,524	0,572	< 0,001
Целеполагание	Самоконтроль	0,545	0,351	< 0,001	0,778	0,610	< 0,001
Открытость опыту	Стимуляция	0,445	0,683	< 0,001	–	–	–
Открытость опыту	Самоконтроль	0,305	0,270	< 0,001	0,271	0,297	< 0,001
Целеполагание	Стимуляция	0,178	0,198	0,001	–	–	–
Открытость опыту	Самостоятельность мысли	–	–	–	0,245	0,306	0,003

влияние в связях *самоконтроль – индекс инновативности* составляет 0,429; для группы девушек – общий регрессионный вес пути *самоконтроль – целеполагание – индекс инновативности* равен 0,090, а вес пути *самоконтроль – открытость опыту – индекс инновативности* равен 0,173, т.е. общее влияние в связях *самоконтроль – индекс инновативности* составляет 0,263. Таким образом, влияние переменной *самоконтроль* на *индекс инновативности* выше в 1,63 раза для юношей в сравнении с группой девушек.

- В группе девушек ценность *стимуляция* оказывает значимое влияние на *индекс инновативности* (регрессионный вес пути *стимуляция – открытость опыту – индекс инновативности* составляет 0,438, а пути *стимуляция – целеполагание – индекс инновативности* составляет 0,05). В группе юношей эффекты влияния ценности *стимуляция* не обнаружены.
- В группе юношей ценность *самостоятельность мысли* оказывает значимое влияние на *инновативность* (регрессионный вес пути *самостоятельность мысли – открытость опыту – индекс инновативности* составляет 0,175). В группе девушек эффекты влияния ценности *самостоятельность мысли* не проявляются.
- Сравнение интегрального регрессионного веса путей, связанных с экзогенными переменными – ценностным предиктором *самостоятельность мысли* и метакогнитивным *самоконтроль*, показывает, что у юношей соответствующие регрессионные веса составляют 0,175 и 0,259, т.е. влияния предиктора

самоконтроль в 1,48 раза превышают влияния предиктора *самостоятельность мысли* на зависимую переменную *индекс инновативности*. У девушек интегральные влияния ценностного предиктора *стимуляция* на *индекс инновативности* составляют, согласно регрессионному весу, 0,489, а метакогнитивного предиктора *самоконтроль* – 0,263, т.е. влияния ценности *стимуляция* на *индекс инновативности* в 1,86 существеннее, чем влияния переменной *самоконтроль*.

На следующем этапе исследования с целью выявления групп респондентов, отличающихся характеристиками инновативности и ее предикторами, был проведен кластерный анализ данных методом k-средних по всей выборке (n = 331). В качестве параметров кластеризации использовались *целеполагание, открытость опыту, стимуляция, самоконтроль, самостоятельность мысли, индекс инновативности*. В результате выделены 4 кластера: кластер 1, численностью 128 человек, включал молодежь со средними значениями индекса инновативности; представители кластера 2, численностью 65 человек, характеризовались очень низкими уровнями индекса инновативности; кластер 3, численностью 71 человек, объединял людей с умеренно пониженными уровнями индекса инновативности; в кластер 4 (67 человек) вошли молодые люди с высокими значениями индекса инновативности. Средние (нестандартизованные) значения для показателей кластеризации по каждому кластеру представлены на рисунке 2.

Существенные различия между представителями четырех групп были подтверждены при использовании критерия Краскела-Уоллиса (табл. 6)

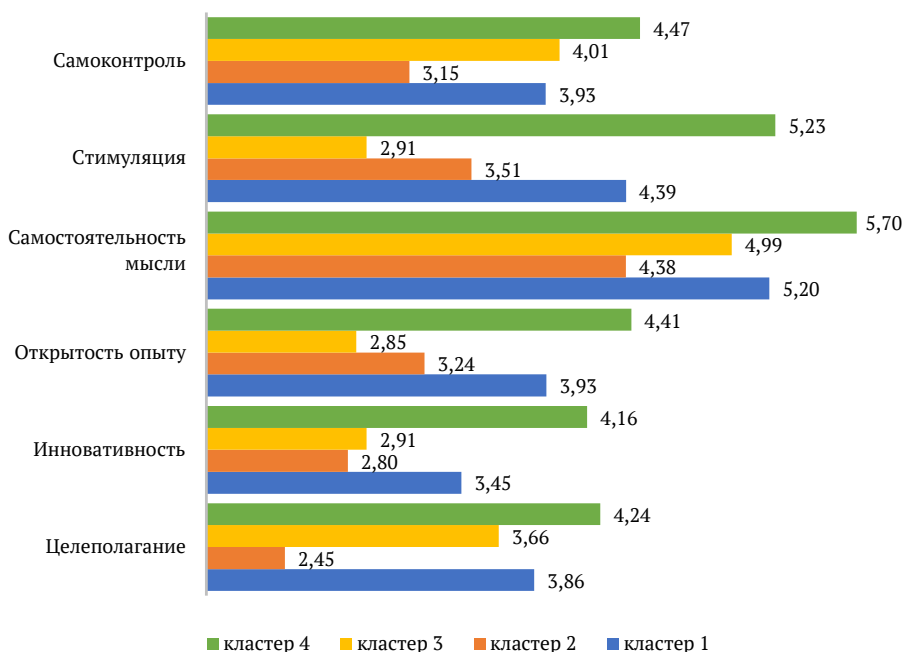

Рис. 2. Средние (нестандартизованные) значения для показателей кластеризации по каждому кластеру
Fig. 2. Mean (non-standardized) values for clustering indicators per cluster

Табл. 6. Средние значения исследуемых переменных для четырех кластеров, включая оценку различий между кластерами по Н-критерию Краскела-Уоллиса
Tab. 6. Mean values for four clusters, including between-cluster differences (Kruskal–Wallis H test)

Психологические показатели	Средние значения, баллы				χ^2	df (степеней свободы)	p
	кластер 1	кластер 2	кластер 3	кластер 4			
Целеполагание	3,86	2,45	3,66	4,24	116,66	3	< 0,001
Планирование	3,38	2,65	3,13	3,27	14,42	3	0,002
Креативность	3,76	3,02	3,05	4,40	143,73	3	< 0,001
Риск ради успеха	3,08	2,37	2,43	3,90	142,41	3	< 0,001
Ориентация на будущее	3,50	3,02	3,27	4,20	108	3	< 0,001
Индекс инновативности	3,45	2,80	2,91	4,16	199,69	3	< 0,001
Открытость опыту	3,93	3,24	2,85	4,41	211,84	3	< 0,001
Открытость знаниям	3,48	3,31	3,23	3,92	25,58	3	< 0,001
Индекс открытости	3,71	3,27	3,04	4,17	132,27	3	< 0,001
Самостоятельность мысли	5,20	4,38	4,99	5,70	102,81	3	< 0,001
Стимуляция	4,39	3,51	2,91	5,23	190,46	3	< 0,001
Безопасность общественная	4,48	3,95	4,35	4,82	21,51	3	< 0,001
Традиция	3,18	2,87	2,66	3,01	8,67	3	0,034
Открытость	4,79	3,95	3,95	5,47	195,58	3	< 0,001
Сохранение	3,83	3,41	3,51	3,91	13,67	3	0,003
Самоконтроль	3,93	3,15	4,01	4,47	130,1	3	< 0,001
Контроль тревожности	2,76	2,24	2,99	3,24	34,57	3	< 0,001
Эффективность памяти	3,40	2,92	3,74	3,68	26,77	3	< 0,001
Интуитивное познание людей	3,55	3,17	3,34	3,83	29,87	3	< 0,001

Прим.: полужирным шрифтом выделены значения, которые являются максимальными для каждой переменной, а курсивом – значения, которые минимальны для каждой переменной.

Note: The values in bold are the maximum values for each variable; the values in italics are the minimum values for each variable.

для сравнения значений по всем переменным, включенным в исследование. Все показатели демонстрируют значимые различия между кластерами, что подтверждает правомочность выполненной процедуры кластеризации. Также можно отметить, что для представителей кластера 4 характерны максимальные значения практически по всем переменным, а для лиц, вошедших в кластер 2, выявлены минимальные значения по большинству переменных настоящего исследования.

Далее были определены значимости различий при попарном сопоставлении исследуемых показателей для представителей кластеров с помощью критерия Манна-Уитни (табл. 7). Результаты позволяют сделать заключение, что наиболее существенные различия выявлены при сравнении результатов представителей кластеров 2 и 4. Только один показатель – *традиция* – не выявил значимых различий

между рассматриваемыми группами молодежи. Данная переменная слабо варьируется в рассматриваемых группах, находясь приблизительно на одном и том же уровне. Также переменная *планирование* продемонстрировала умеренные различия между сравниваемыми кластерами, которые фиксировались только в трех вариантах попарных сравнений из шести, представленных в таблице 7.

Далее изучались психологические ресурсы поддержки инновационного поведения у представителей четырех кластеров, которые отличались характеристиками инновативности. По переменным настоящего исследования для испытуемых каждого кластера выполнялся множественный регрессионный анализ пошаговым методом с исключением. В качестве предикторов на начальном этапе использовались все психологические переменные, а в качестве зависимой переменной был выбран

Табл. 7. Значения статистик U-критерия Манна-Уитни и уровни значимости различий для исследуемых переменных при попарном сравнении полученных кластеров

Tab. 7. Mann-Whitney U test statistics and levels of significance for between-cluster differences in variables (pairwise comparison)

Показатели	Кластеры 1-2	Кластеры 1-3	Кластеры 1-4	Кластеры 2-3	Кластеры 2-4	Кластеры 3-4
Целеполагание	834***	3923	2906***	701***	221***	1393***
Планирование	2807***	4035	4078	1809*	1574**	2232
Креативность	1757***	1901***	1833***	2283	230,5***	239,5***
Риск ради успеха	1713***	2210***	1545***	2222	209***	306,5***
Ориентация на будущее	2228***	3493**	1583***	1741*	296,5***	585,5***
Индекс инновативности	1127***	1622***	709***	1972	19,5***	49,5***
Открытость опыту	1095***	436***	1605***	1322***	164,5***	59***
Открытость знаниям	3663	3759*	3066***	2167	1288***	1296***
Индекс открытости	2280***	1574***	2026***	1795*	444***	236,5***
Самостоятельность мысли	1660***	3783*	2072***	1315***	320***	956***
Стимуляция	1643***	672***	1602***	1340***	251***	66***
Безопасность общественная	3023**	4419	3429*	1801*	1145,5***	1903,5*
Традиция	3556	3434**	3966	1981	2054,5	2052
Открытость	1127***	1042***	1276***	2287	107,5***	82***
Сохранение	3175**	3713*	4045	2278	1478***	1812*
Самоконтроль	1318***	4152	1843***	595***	96,5***	1149***
Контроль тревожности	2779***	3992	3039***	1304***	1103,5***	1980,5
Эффективность памяти	3031**	3657*	3493*	1274***	1267,5***	2378,5
Интуитивное познание людей	2775***	3902	3358*	1981	1053,5***	1594,5***

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; средние значения для сравниваемых показателей по каждому кластеру представлены в таблице 6.

Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; the average values of comparable indicators for each cluster are presented in Table 6.

индекс инновативности. В таблице 8 представлены статистические характеристики, описывающие качество регрессионных моделей, полученных на данном этапе исследования для четырех выборок, соответствующих выделенным кластерам.

Показатели автокорреляции, мультиколлинеарности и нормальности распределения остатков для всех четырех регрессионных моделей находятся в требуемых пределах, что подтверждает достоверность и качество регрессионного анализа. Результаты теста χ^2 демонстрируют статистическую достоверность полученных моделей. Коэффициенты детерминации, R^2 , показывают, что обнаруженные зависимости характеризуют 14,2; 15,9; 24,5 и 22,1 % дисперсии для целевой

переменной *индекс инновативности* в группах участников исследования, которые были включены в кластеры 1, 2, 3 и 4 соответственно.

В таблице 9 приводится информация по статистическим оценкам нестандартизованных (В) и стандартизованных (β) регрессионных коэффициентов для предикторов, которые специфичны для каждой регрессионной модели. Для каждого из кластеров характерны специфичные паттерны взаимосвязей психологических переменных, которые отражают особенности психологической системы поддержки инновационной активности субъектов в различных группах молодежи. Их детальное обсуждение приведено в разделе Обсуждение.

Табл. 8. Численные характеристики качества регрессионных моделей для зависимой переменной *индекс инновативности* по выделенным кластерам

Tab. 8. Regression model quality for innovativeness index (dependent variable) across clusters

Модели для кластеров	Коэффициент детерминации, (R^2 ; скор. R^2)	Тест χ^2 (F; p)	Тест Дурбина-Ватсона (DW; p)	Статистика коллинеарности (VIF)	Тест Шапиро-Уилка (W; p)
Кластер 1 – умеренно инновативные	0,142; 0,121	6,85; < 0,001	1,95; 0,756	1,01–1,03	0,984; 0,129
Кластер 2 – неинновативные	0,159; 0,132	5,88; 0,005	1,76; 0,306	1,0	0,985; 0,593
Кластер 3 – умеренно неинновативные	0,245; 0,197	5,12; 0,001	1,73; 0,206	1,02–1,15	0,965; 0,056
Кластер 4 – высоко инновативные	0,221; 0,184	5,97; 0,001	1,88; 0,598	1,08–1,13	0,990; 0,891

Табл. 9. Значения нестандартизованных (В) и стандартизованных (β) регрессионных коэффициентов для предикторов зависимого показателя *индекс инновативности* в выделенных кластерах

Tab. 9. Non-standardized (В) and standardized (β) regression coefficients for predictors of innovativeness index (dependent variable) across clusters

Переменные	Кластер 1 – умеренно инновативные			Кластер 2 – неинновативные			Кластер 3 – умеренно неинновативные			Кластер 4 – высоко инновативные		
	В	β	p	В	β	p	В	β	p	В	β	p
Константа	3,420	–	–	1,950	–	–	1,726	–	–	0,627	–	–
Самостоятельность мысли	–0,113	–0,173	0,042	–	–	–	–	–	–	0,252	0,285	0,017
Стимуляция	–	–	–	0,173	0,336	0,005	–	–	–	0,120	0,212	0,077
Самоконтроль	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,330	0,376	0,002
Контроль тревожности	0,069	0,164	0,055	0,111	0,228	0,055	0,124	0,291	0,013	–	–	–
Открытость знаниям	0,123	0,262	0,002	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Индекс открытости	–	–	–	–	–	–	0,205	0,260	0,022	–	–	–
Целеполагание	–	–	–	–	–	–	0,136	0,282	0,016	–	–	–
Безопасность общественная	–	–	–	–	–	–	–0,067	–0,211	0,077	–	–	–

Обсуждение

Сравнительные характеристики психологических показателей у юношей и девушек (табл. 1) демонстрируют значимые различия в инновативности и ее компонентах, связанные с фактором пола. Они сходны с закономерностями, выявленными в предыдущих исследованиях. Так, по результатам опроса представителей молодежи ($n = 2016$ человек, возраст от 14 до 30 лет) ранее были обнаружены гендерные различия в ответах на вопрос о желании заниматься инновационной деятельностью [Ушенков 2022]. В частности, в возрастной группе 18–24 года ответы «да» и «скорее да» представили 51,3 % юношей и 46,4 % девушек, а в возрастной группе 25–30 лет ответы «да» и «скорее да» представили 51,5 % юношей и 43,8 % девушек [Там же], подтверждая тем самым, что юноши в большей степени склонны к инновационному поведению, чем девушки.

Анализ регрессионных и структурных моделей, полученных для групп юношей и девушек (таблицы 2–5, рис. 1), свидетельствует о том, что предикторы инновативности у девушек имеют в основном ценностную природу, т. е. связаны в основном с ценностным измерением личности, а у юношей предикторы инновативности в большей степени связаны с метакогнитивными характеристиками субъекта. Ценность *original*, которая в структурной модели значима для девушек и превышает по влиянию на инновативность показатель *самоконтроль* в 1,86 раза, ориентирует их на инновационное поведение, связанное с потребностью в получении новых позитивных эмоций, т. е. стремление к инновациям у них может характеризоваться как эмоционально обусловленное. У юношей ценность самостоятельности мысли в связи с инновационным поведением определяет их стремление к самостоятельной субъектной активности, связанной с освоением новых технологий, однако в структурной модели влияние данной ценности на инновативность уступает влиянию со стороны метакогнитивного предиктора *самоконтроль*. Эти различия желательно учитывать при развитии психологических ресурсов инновационного поведения у современной молодежи средствами психолого-педагогических технологий в образовательных практиках.

Результаты кластерного анализа, представленные в таблицах 6–9 и на рисунке 2, позволяют на качественном уровне описать типологические характеристики представителей каждого кластера. Для высоко инновативных молодых людей,

которые включены в кластер 4 (численностью 20,2 % от общей группы участников исследования), позитивными предикторами взаимодействия с инновациями являются ценности *самостоятельность мысли* и *стимуляция*, метакогнитивная переменная *самоконтроль поведения*. Ценность *самостоятельность мысли* ориентирует субъекта на интернальный локус взаимодействия с окружающим миром, связанный с развитым критическим мышлением и рефлексивностью, и свидетельствует о готовности самостоятельно принимать ответственные решения и отвечать за их практическое воплощение в повседневной жизнедеятельности. Значимая связь этой ценности с инновативностью свидетельствует о субъектной активности и самостоятельности молодых людей в контекстах инновационного поведения. Для них инновации притягательны тем, что создают дополнительные возможности самовыражения и самореализации в социальном мире, а также являются средством успешного решения различных жизненных задач. Значимость ценности *стимуляция* в поддержке инновативности свидетельствует о потребности молодых людей, представляющих данную группу, в поиске новых впечатлений, переживаний, эмоций, которые могут быть для них достигнуты через взаимодействие с современными социальными и цифровыми технологиями. Значимость самоконтроля как фактора инновационного поведения определяется для этой группы молодежи тем, что развитый самоконтроль позволяет преодолевать стереотипные, бездумные автоматизмы при взаимодействии с новыми технологиями, действовать при их использовании обдуманно и осознанно, аккуратно и эффективно, в результате чего у субъекта снижается количество возможных ошибок при осуществлении деятельности в инновационных средах, формируются позитивные стратегии преодоления возможных неблагоприятных психических состояний. Для лиц, включенных в кластер 4, характерны не только высокие уровни самоконтроля, но и высокие значения показателей *контроля тревожности*, *интуитивного познания людей* и *целесолагания*, высокая значимость ценностей *самостоятельность мысли*, *стимуляция*, *сохранение*, *безопасность общественная*, *открытость*, высокие уровни *открытости (опыту и знаниям)*, *креативности*, *ориентации на будущее*, *риска ради успеха* и *индекса инновативности* (табл. 6). В целом их можно охарактеризовать как креативных людей,

устремленных в активное созидание своего будущего, имеющих значимые личностные интересы и цели, которые они стремятся реализовать в том числе и на базе активного использования инновационных технологий, приоритетом для них становится саморазвитие в различных жизненных контекстах, в том числе и при взаимодействии с новыми технологиями, внутренний локус-контроль является для них опорой при решении широкого класса жизненных задач, они способны вносить творческое начало в различные виды деятельности, порождать новое для себя и своего окружения. Важно, что такие противоположные ценности (согласно модели Ш. Шварца [Шварц и др. 2012]), как *общественная безопасность* (связанная с ориентацией на сохранение, самозащиту) и *самостоятельность мысли* (связанная с саморазвитием и свободой от тревоги), не вступают в конфликтные отношения на уровне личности, а совместно достигают высоких уровней значимости в контекстах жизнедеятельности субъекта. Представителей данного кластера можно назвать **проактивными инноваторами**.

Для участников исследования, включенных в кластер 1 (38,7 % от общего числа респондентов), которые демонстрируют умеренную инновативность, выделены как позитивные предикторы – метакогнитивная переменная *контроль тревожности* и личностная характеристика *открытость знаниям*, так и негативный предиктор – ценность *самостоятельность мысли*. Парадоксальный эффект разнопланового (полярного) влияния ценности *самостоятельность мысли* на представителей кластеров 4 и 1 в аспектах инновационной активности может объясняться тем, что для умеренно инновативных субъектов использование инноваций является не внутренней потребностью, но обусловлено давлением внешних обстоятельств, социальных, профессиональных, образовательных требований, которые предъявляются к ним в различных жизненных практиках и под которые они вынуждены подстраивать свое поведение. Их инновационная активность вызвана скорее не мотивацией к самореализации в окружающем мире, а потребностью к успешной адаптации в изменяющихся условиях социального мира, необходимым откликом личности на технологические и социальные новшества. Роль развитой способности к контролю тревожности как возможного фактора инновационного поведения определяется тем, что представители рассматриваемой группы могут испытывать определенные

дисфункциональные психические состояния, связанные с необходимостью успешного освоения новых технологий. Способность контролировать негативные эмоции повышает психологическую устойчивость личности в ситуациях встречи с неизвестным, новым, неопределенным, способствуя тем самым инновационной активности. Роль личностной характеристики *открытость знаниям* в поддержке инновационного поведения связана с тем, что усвоение адекватных современным реалиям знаний снимает у молодых людей негативные эффекты влияния ситуаций неопределенности и позволяет преодолевать симптомы выученной беспомощности, которые встречаются в их самостоятельной жизни при возникновении новых, неизвестных ранее ситуаций. Соответственно, ценность образования для представителей молодежи, вошедших в отмеченную группу, является высокой не только в плане освоения компетенций будущей специальности, по которой они предполагают работать, но и в связи с необходимостью успешно решать текущие, повседневные задачи своей жизнедеятельности. К общим характеристикам представителей данной группы относятся также высокие уровни когнитивно-регуляторного показателя *планирование* и ценности *традиция*. Людей, вошедших в кластер 1, можно назвать **адаптивными инноваторами**.

Молодые люди, представляющие кластер 3 (численностью 21,5 % от общей группы), умеренно неинновативные, характеризуются пониженными уровнями инновативности. Их инновационное поведение определяется тремя позитивными предикторами: метакогнитивной способностью *контроль тревожности*, когнитивно-регуляторной характеристикой *целесолагание* и личностной характеристикой *индекс открытости (знаниям и опыту)* – а также одним негативным предиктором – ориентацией на ценность *безопасность общественная*. Сдерживающие влияния ценности *безопасность общественная* на проявления инновативности у представителей данной группы могут объясняться их возможными страхами и тревогами, переживаниями, сопровождающими внедрение новых технологий в повседневную жизнедеятельность. Подобные эффекты технофобии не редки в реальной жизни, и они рассматриваются в современных исследованиях на протяжении последнего десятилетия [Солдатова, Нестик 2016; Khasawneh 2018]. Любая новация создает для человека новые возможности, но одновременно с ними возникают и новые риски, а зачастую

сложные проблемы, с которыми он ранее не сталкивался в процессе своего развития. Стремление к максимальной безопасности может вести к существенным ограничениям в использовании современных цифровых технологий, однако подобные ограничения в долгосрочной перспективе могут приводить к снижению и общественной, и личной безопасности. Поэтому необходимо находить оптимальный баланс в жизни, взвешивая все аргументы «за» и «против» использования инноваций, но остановить их имплементацию в современную социальную практику не представляется возможным. В качестве позитивного личностного фактора, поддерживающего инновации, выступает *открытость (знаниям и опыту)*, которая позволяет представителям данной группы накапливать не только знания, но и необходимый жизненный опыт использования инноваций в своей жизни. Открытость опыту ведет к формированию практико-ориентированных компетенций, связанных с инновационными практиками, позволяет преодолевать возможные неадекватные оценки новых технологий, связанные с представлениями об их высокой опасности. Роль метакогнитивной способности *контроль тревожности* также является позитивным фактором инновационного поведения у представителей данного кластера, поскольку умение управлять своими психическими состояниями при встрече с новым позволяет человеку не поддаваться сиюминутным эмоциональным порывам, а сохранять осознанность всех своих поступков и взаимодействий с людьми, с техническими и информационными системами. Возможные позитивные влияния когнитивно-регуляторной переменной *целеполагание* на инновативность связаны с тем, что способность человека верно выбирать и удерживать в фокусе сознания значимую цель позволяет ему собирать в единое целое психологическую систему деятельности, направленную на решение жизненно важных проблем. Ее эффективное функционирование в практических аспектах невозможно в наши дни без использования инновационных технологий, поддерживающих цифровые, информационные коммуникации с другими людьми, а также позволяющих успешно выполнять различные учебные и профессиональные задачи. Среди психологических характеристик представителей данной группы необходимо отметить существенно сниженные значения личностной характеристики *открытость (опыту и инновациям)*, низкую приверженность ценностям *открытость, стимуляция*

и *традиция*, что свидетельствует об их закрытости в отношении современного социального мира, культурной традиции и межличностных взаимодействий. В то же время для них характерны высокие уровни эффективности памяти в сравнении с респондентами, вошедшими в другие группы. Представителей данного кластера можно назвать **консерваторами**.

У представителей кластера 2 (19,6 % от общей выборки опрошенных) – неинновативных, для которых характерны самые низкие уровни индекса инновативности, обнаружено позитивное влияние на инновационное поведение со стороны метакогнитивной переменной *контроль тревожности* и ценностной переменной *стимуляция*. Обе эти переменные относятся к факторам, связанным с эмоциональными процессами личности, т.е. инновационное поведение участников исследования, включенных в данную группу, является эмоционально обусловленным. Для молодежи, вошедшей в рассматриваемый кластер, характерны низкие уровни таких переменных, как целеполагание, планирование, креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее, индекс инновативности, самоконтроль, контроль тревожности, эффективность памяти, интуитивное познание людей, а также крайне низкая ориентация на ценности *самостоятельность мысли, общественная безопасность, открытость, сохранение*. Низкие значения приведенных характеристик свидетельствуют о том, что представители рассматриваемой группы характеризуются низкой адаптивностью, слабыми уровнями развития когнитивно-регуляторных и метакогнитивных характеристик, дисфункциональными проявлениями в структуре и развитии ценностных ориентаций. У них могут быть ярко выражены симптомы стресса инноваций [Ташёва и др. 2023], которые становятся препятствием к освоению новых технологий. Людей, вошедших в данный кластер, можно назвать **неадаптивными консерваторами**.

Выявленные в настоящем исследовании кластеры анализировались в контексте сравнения с другими типологиями инновативности, которые были представлены ранее. В частности, в зарубежных публикациях описаны четыре типа людей, демонстрирующих различное инновационное поведение (инноваторы склонные идти на риск, – 16 %, раннее большинство – 34 %, позднее большинство – 34 %, отстающие – 16 %) [Rogers 2003], которые близки по своим психологическим характеристикам и численности групп к кластерам, выявленным в настоящем

исследовании. Отечественные авторы [Трушевская, Логун 2018] выделяют четыре типа инноваторов в группе молодых предпринимателей, однако данные группы связаны с двумя факторами инновативности – личностная и социальная направленность, которые в нашем исследовании не изучались, и отсутствие информации о дополнительных переменных не позволяет напрямую сопоставить результаты данного и нашего исследования. Выявленные нами типологические группы также близки по своим характеристикам к четырем базовым типам темперамента: молодежь, вошедшая в кластер 4, проактивные инноваторы, сходна по своим качествам с сангвиниками; участники исследования, включенные в кластер 1, адаптивные инноваторы, близки к холерикам; респонденты, объединенные в кластере 3, консерваторы, сходны по своим качествам с флегматиками; представители кластера 2, неадаптивные консерваторы, близки к характеристикам меланхоликов. Ранее отмечено [Ильин 2011], что для экстравертов характерна приверженность более творческим профессиям, а интроверты более предпочитают профессии с рутинными, хорошо известными задачами. В связи с этим ожидаемы повышенные уровни инновативности у экстравертов, поскольку способность к творчеству является одним из основных компонентов инновационного поведения. В метаанализе, где одновременно изучались характеристики инновативности и Большой пятерки [Zhu et al. 2025], показано, что экстраверсия значимо и положительно коррелирует с инновационным поведением, а нейротизм слабо и негативно связан с показателями инновативности. Таким образом, наша гипотеза о возможной связи характеристик выделенных кластеров с особенностями темперамента подкрепляется результатами других авторов и на теоретическом уровне является обоснованной, однако для окончательного решения данного вопроса необходимы дальнейшие эмпирические исследования.

Очевидно, что для представителей каждой из четырех групп молодежи желательно реализовывать различные психолого-педагогические программы поддержки и развития инновационной активности. И смещение акцентов на психологическое сопровождение обучаемых в данных программах будет увеличиваться при переходе от успешных в инновационном плане молодых людей (кластер 4) до наименее успешных (кластер 2). Так, для группы 4, проактивных инноваторов, могут быть

эффективны практики, связанные с разработкой персонально-ориентированных, наиболее востребованных, значимых социальных и научных проектов, которые по сути своей инновационны и требуют полной самоотдачи человека для их успешной реализации. Для группы 1, адаптивных инноваторов, лучше использовать образовательные технологии с акцентом на формирование адаптивных стратегий социального поведения с использованием инновационных технологий, включающие разноплановые коллективные взаимодействия – фокус-группы, методы мозгового штурма, тренинги командных взаимодействий, консультационные чаты, внутригрупповое наставничество и др. Для лиц, вошедших в кластер 3, консерваторов, важны занятия, ориентированные на безопасное применение технологий в учебных, профессиональных задачах и повседневной жизнедеятельности, а также практики развития эмоционального и социального интеллекта. Обучая представителей кластера 2, неадаптивных консерваторов, при освоении новых технологий крайне важно создавать позитивную эмоциональную атмосферу, снимающую напряженность, тревогу, формировать положительную мотивацию к жизненным и учебным достижениям, использовать несложные, но эффективные и наглядные кейсы, которые демонстрируют полезность инноваций для человека, и параллельно с этим развивать компоненты эмоционального, социального интеллекта, жизнестойкости, адаптивности, способности к саморегуляции психических состояний и поведения.

Заключение

Результаты свидетельствуют о специфике сформированности и функционирования компонентов инновационного потенциала в различных социальных группах и подтверждают преимущества прогностического дизайна перед констатирующим. Сравнение юношей и девушек позволило выявить базовую ориентацию девушек на ценностные и эмоциональные факторы, обуславливающие их включенность в инновационное поведение, а для юношей в рассматриваемом контексте более значимы метакогнитивные предикторы и ценности, поддерживающие субъектную познавательную активность. Выделение на основе кластерного анализа четырех типологических групп, значимо различающихся степенью сформированности компонентов инновативности и ее ресурсных характеристик, является важным шагом в направлении

повышения эффективности подготовки современных специалистов, т. к. позволяет разрабатывать индивидуально-ориентированные образовательные программы по развитию инновационной активности для студенческой молодежи. Ограничения настоящего исследования связаны с тем, что рассматриваемая нами выборка представляет студенческое сообщество университетов г. Томска и характеризуется значительным преобладанием численности девушек. Применяемые методики не охватывают весь спектр проявлений инновационного потенциала, но позволяют выявить ряд важных закономерностей и результатов, полезных для решения современных прикладных задач в области высшего образования. В связи с интенсивным развитием новых технологий, особенно в области цифровых практик и взаимодействий, выявленные нами гендерные и типологические закономерности в ближайшие годы могут приобрести иные очертания. Дальнейшие перспективы исследования предполагают разработку личностно-ориентированных психолого-педагогических программ поддержки инновационной активности молодежи и их практической апробации в формате формирующего эксперимента.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. А. Филенко – статистический анализ данных, интерпретация данных, написание текста. И. В. Атаманова – сбор данных, редактирование текста. С. А. Богомаз – методология, сбор данных, первичная обработка данных. Э. В. Галажинский – концептуализация исследования, интерпретация типологии инновативности, итоговое редактирование.

Contribution: I. A. Filenko performed the statistical data analysis, interpreted the data, and wrote the manuscript. I. V. Atamanova collected the data and proofread the text. S. A. Bogomaz developed the research methodology, collected the data, and conducted the primary data processing. E. V. Galazhinsky developed the research concept, interpreted the typology innovativeness, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Батурин Н. А., Ким Т. Д., Науменко А. С. Многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала и подходы к ее операционализации. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2010. № 8. С. 48–57. [Baturin N. A., Kim T. D., Naumenko A. S. Multilevel model of innovative professional potential and methods of its operationalization. *Vestnik IuUrGU. Seria: Psihologiya*, 2010, (8): 48–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mehhjz>
- Буравлева Н. А., Богомаз С. А. Личностные особенности студентов как прогностические характеристики их готовности к инновационной деятельности. *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 76. С. 155–180. [Buravleva N. A., Bogomaz S. A. Personal characteristics of students as predictors of their readiness to innovate. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2020, (76): 155–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/76/10>
- Быкова Е. С., Зубарева Н. С., Капустина В. А., Матюшина М. А. Особенности жизнеспособности молодежи с разными уровнями инновационного потенциала личности. *Мир педагогики и психологии*. 2019. № 11. С. 100–108. [Bykova E. S., Zubareva N. S., Kapustina V. A., Matyushina M. A. Features of viability of youth with different levels of innovative potential of the person. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2019, (11): 100–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmctoj>
- Власенко Ю. А. Психологический анализ инновационного потенциала личности: дис. ... канд. психол. наук. Симферополь, 2003. 187 с. [Vlasenko Yu. A. *Psychological analysis of personal innovative potential*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Simferopol, 2003, 187. (In Russ.)]
- Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2011. 700 с. [Ilyin E. P. *Psychology of individual differences*. St. Petersburg: Piter, 2011, 700. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uynehl>
- Капустина В. А., Быкова Е. С. Типологический подход в исследовании структуры инновационного потенциала личности. *Психолог*. 2019. № 4. С. 14–26. [Kapustina V. A., Bykova E. S. Typological approach in the analysis of the structure of personal innovative potential. *Psychologist*, 2019, (4): 14–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2019.4.30548>

- Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 325. С. 146–151. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V. Innovative potential of an individual: System anthropological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (325): 146–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhqtzl>
- Коновалова В. Г. Цифровые технологии как фактор техностресса: проблемы и возможности их решения. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2022. № 3. С. 17–21. [Konovalova V. G. Digital technologies as a factor of techno-stress: Problems and possibilities for their solution. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, 2022, (3): 17–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-3-17-21>
- Лебедева Н. М., Бушина Е. В. Влияние ценностей и мотивации личности на креативное поведение и отношение к инновациям. *Психология в экономике и управлении*. 2015. Т. 7. № 1. С. 26–35. [Lebedeva N. M., Bushina E. V. Influence of personal values and motivation with creative behavior and attitude to innovations. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*, 2015, 7(1): 26–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tziuxj>
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Методика исследования отношения личности к инновациям. *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 4-2. С. 89–96. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Methodology for studying individual attitude towards innovations. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2009, (4-2): 89–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owdvwh>
- Литвина С. А., Муравьева О. И., Атаманова И. В., Богомаз С. А. Психологические предикторы инновативности как интегральной личностной характеристики. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 79. С. 74–88. [Litvina S. A., Muravyeva O. I., Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Psychological predictors of innovativeness as an integral personal characteristic. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (79): 74–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/79/5>
- Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 87–111. [Mandrikova E. Yu. Development of the self-organization of activity questionnaire (SOA). *Psikhologicheskaiia diagnostika*, 2010, (2): 87–111. (In Russ.)]
- Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Неяскина Ю. Ю., Дорфман Л. Я., Александрова Л. А. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке. *Психологическая диагностика*. 2015. № 3. С. 80–104. [Osin E. N., Rasskazova E. I., Neyaskina Yu. Yu., Dorfman L. Ya., Aleksandrova L. A. Operationalization of the five-factor model of personality traits in a Russian sample. *Psikhologicheskaiia diagnostika*, 2015, (3): 80–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwzznr>
- Сергеева И. А. Инновативные качества и жизнестойкость студентов инженерного вуза. *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4. С. 159–161. [Sergeeva I. A. Innovative qualities and hardiness of students of the engineering university. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (4): 159–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wrsmoa>
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2016. № 1. С. 54–61. [Soldatova G. U., Nestik T. A. Internet users' attitudes towards the among Internet: Technophobes and technophiles. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Psikhologicheskie nauki*, 2016, (1): 54–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-1-54-61>
- Суроедова Е. А. Стили мышления как предикторы психологической готовности студентов к инновационной деятельности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2021. Т. 18. № 2. С. 19–30. [Suroedova E. A. Thinking styles as predictors of psychological readiness of students for innovative activities. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, 18(2): 19–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.2>
- Ташчёва А. И., Гриднева С. В., Арпентьева М. Р. Стресс инноваций и психолого-педагогическое сопровождение субъектов высшего образования в инновационной образовательной среде. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2023. № 2. С. 210–215. [Tashcheva A. I., Gridneva S. V., Arpentieva M. R. Stress of innovation and psychological and pedagogical support for subjects of higher education in an innovative educational environment. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2023, (2): 210–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2023-39-210-215>

- Терехова Т. А. Инновационный потенциал личности как социально-психологический феномен. *Инновационный потенциал человека как ресурс социально-экономического развития региона: Межрегион. науч.-практ. конф.* Чита: ЧитГУ, 2009. С. 6–14. [Terekhova T. A. Personal innovative potential as a socio-psychological phenomenon. *Human innovative potential as a resource for the socio-economic regional development: Proc. Interregional Sci.-Prac. Conf.* Chita: ChitSU, 2009, 6–14. (In Russ.)]
- Терехова Т. А., Шишкина А. О. Психометрический анализ специализированного семантического дифференциала для оценки инновационного потенциала личности. *Психология в экономике и управлении*. 2013. № 1. С. 66–73. [Terekhova T. A., Shishkina A. O. Psychometric analysis of special semantic differential for individual innovative personal assessment. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*, 2013, (1): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfbvil>
- Трушевская А. А., Логун К. А. Факторная модель и типология инновационного поведения молодых предпринимателей. *Проблемы современной экономики*. 2018. № 2. С. 151–156. [Trushevskaya A. A., Logun K. A. Factor model and typology of innovative behavior of young entrepreneurs (Russia, St. Petersburg). *Problems of Modern Economics*, 2018, (2): 151–156. (In Russ.)]
- Ушенков Е. Е. Инновационный потенциал юношей и девушек в современном российском обществе. *Женщина в российском обществе*. 2022. № S1. С. 42–49. [Ushenkov E. E. Innovative potential of boys and girls in modern Russian society. *Woman in Russian Society*, 2022, (S1): 42–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.4>
- Федотова В. А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян. *Социальная психология и общество*. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. [Fedotova V. A. Values and attitudes towards innovation among different generations of Russian people. *Social Psychology and Society*, 2016, 7(2): 82–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2016070206>
- Филенко И. А., Атаманова И. В., Богомаз С. А. Инновативность, регуляция жизнедеятельности и ценностные ориентации молодых мужчин и женщин: эффект пандемии COVID-19. *Российский психологический журнал*. 2022. Т. 19. № 3. С. 178–201. [Filenko I. A., Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Innovativeness, regulation of life activity and value orientations in young men and women: The COVID-19 pandemic effect. *Russian Psychological Journal*, 2022, 19(3): 178–201. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.12>
- Филенко И. А., Богомаз С. А. Стандартизация опросника метакогнитивных ресурсов регуляции поведения человека в трудных жизненных ситуациях (МиРТЖС). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 5. С. 685–700. [Filenko I. A., Bogomaz S. A. Standardizing a questionnaire of metacognitive resources of human behavior regulation in difficult circumstances. *SibScript*, 2024, 26(5): 685–700. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-685-700>
- Хромова А. О., Бухтаярова Е. Ю., Климова А. А., Курносова М. А., Дружинина М. В. Исследование мотивационного, креативного, коммуникативного и организационного компонентов готовности будущих педагогов к использованию инновационных технологий. *Science for Education Today*. 2022. Т. 12. № 4. С. 7–25. [Khromova A. O., Bukhtayarova E. Yu., Klimova A. A., Kurnosova M. A., Druzhinina M. V. Research on motivational, creative, communicative and organizational components of future educators' readiness to use innovative technologies. *Science for Education Today*, 2022, 12(4): 7–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2204.01>
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с. [Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2016, 138. (In Russ.)]
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70. [Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Theory of basic personal values: Validation in Russia. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2012, 9(2): 43–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyxaeh>
- Arieli S., Tenne-Gazit O. Values and behavior in a work environment: Taking a multi-level perspective. *Values and behavior*, eds. Roccas S., Sagiv L. Springer International Publishing AG, 2017, 115–141. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56352-7_6
- Brown T. A. *Confirmatory factor analysis for applied research*. 2nd ed. New York: Guilford Press, 2015, 462.
- Caprara G. V., Barbaranelli C., Borgogni L., Perugini M. The "Big Five Questionnaire": A new questionnaire to assess the Five Factor Model. *Personality and Individual Differences*, 1993, 15(3): 281–288. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(93\)90218-R](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90218-R)

- Dangmei J., Sing A. P., Choudari D. Impacts of Big Five personality traits on innovative behaviour among business students: An empirical study. *International Journal of Research in Management & Business Studies*, 2020, 7(4): 23–27.
- Hamdy A., Fazida K., Rashidah I., Asyraf A., Ahmad M. B. S., Mohd H. H., Mahadzirah M. Connecting the dots between the Big Five and innovative work behaviour: Maslow and Maqasid Al-Shari'a Perspectives. *Revista Espacios*, 2019, 40(27): 1–12.
- Hsieh H.-L., Hsieh J.-R., Wang I.-L. Linking personality and innovation: The role of knowledge management. *World Transactions on Engineering and Technology Education*, 2011, 9(1): 38–44.
- Jirásek M., Sudzina F. Big Five personality traits and creativity. *Quality innovation prosperity*, 2020, 24(3): 90–105. <https://doi.org/10.12776/qip.v24i3.1509>
- Khasawneh O. Y. Technophobia: Examining its hidden factors and defining it. *Technology in Society*, 2018, 54(1): 93–100. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2018.03.008>
- Mustafa M., Coetzer A., Ramos H. M., Fuhrer J. Exploring the effects of small- and medium-sized enterprise employees' job satisfaction on their innovative work behaviours: The moderating effects of personality. *Journal of Organizational Effectiveness*, 2021, 8(2): 228–250. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-07-2020-0133>
- Olakitan O. O. An examination of the impact of selected personality traits on the innovative behaviour of entrepreneurs in Nigeria. *International Business and Management*, 2011, 3(2): 112–121.
- Pirkkalainen H., Salo M., Tarafdar M., Makkonen M. Deliberate or instinctive? Proactive and reactive coping for technostress. *Journal of Management Informational Systems*, 2019, 36(4): 1179–1212. <https://doi.org/10.1080/07421222.2019.1661092>
- Rogers E. M. *Diffusion of innovations*. 5th ed. New York: Free Press, 2003, 576.
- Rohwer E., Flöther J.-C., Harth V., Mache S. Overcoming the "Dark Side" of technology – a scoping review on preventing and coping with work-related technostress. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, 19(6). <https://doi.org/10.3390/ijerph19063625>
- Scholkmann A. B. Resistance to (digital) change: Individual, systemic and learning-related perspectives. *Digital Transformation of Learning Organizations*, eds. Ifenthaler D., Hofhues S., Egloffstein M. Helbig C. Springer Nature Switzerland AG, 2021, 219–235. https://doi.org/10.1007/978-3-030-55878-9_13
- Sousa C. M. P., Coelho F. From personal values to creativity: Evidence from frontline service employees. *European Journal of Marketing*, 2011, 45(7-8): 1029–1050. <https://doi.org/10.1108/03090561111137598>
- Talke K., Heidenreich S. How to overcome pro-change Bias: Incorporating passive and active innovation resistance in innovation decision models. *Journal of Product Innovation Management*, 2014, 31(5): 894–907. <https://doi.org/10.1111/jpim.12130>
- Zhu H., Jia F., Zhang Y., Wang R. The relationship between the big five personality model and innovation behavior: A three-level meta-analysis. *Behavioral Sciences*, 2025, 15(9). <https://doi.org/10.3390/bs15091143>

оригинальная статья

eLibrary EDN: DQYVXA

Дискриминационные установки и поведенческие паттерны в контексте ксенофобии: роль социально-психологических факторов и механизмов оправдания

Волынчик Никита Викторович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

<https://orcid.org/0009-0001-9010-289X>

mr.volynchik2010@yandex.ru

Аннотация: В условиях роста поликультурности и социальной мобильности современные общества сталкиваются с распространением ксенофобских настроений и дискриминационного поведения, что актуализирует необходимость изучения их социально-психологических механизмов. Цель – провести комплексный анализ вклада социально-демографических, психологических и идеологических факторов в различные поведенческие паттерны ксенофобии и выявить ключевые аргументы их оправдания. Проведен анонимный онлайн-опрос с использованием адаптированных методик диагностики авторитаризма, социального доминирования, экономических страхов, удовлетворенности жизнью, идентичности и этнических контактов. В исследовании приняли участие 400 человек в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 34,7$; $SD = 5,7$), среди которых 42 % мужчин и 58 % женщин. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают на ее территории. В результате установлено, что ключевыми предикторами дискриминационного поведения выступают экономические страхи, авторитаризм и низкая удовлетворенность жизнью. Выявлена дифференцированная роль идентичности: этническая (русская) идентичность усиливает ксенофобские установки, тогда как гражданская (российская) идентичность снижает их. Наиболее мощным протективным фактором оказались позитивные этнические контакты, подтверждающие гипотезу контакта Г. Олпорта. Регрессионные модели объяснили от 77,9 % до 96,6 % дисперсии поведенческих паттернов. Выявлена необходимость комплексного подхода к снижению ксенофобии, который включает меры по уменьшению экономической тревожности, развитию гражданской идентичности и стимулированию позитивного межгруппового взаимодействия.

Ключевые слова: ксенофобия, дискриминационное поведение, авторитаризм, социальное доминирование, экономические страхи, межгрупповые контакты, этническая идентичность, российское общество

Цитирование: Волынчик Н. В. Дискриминационные установки и поведенческие паттерны в контексте ксенофобии: роль социально-психологических факторов и механизмов оправдания. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 252–264. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-252-264>

Поступила в редакцию 02.09.2025. Принята после рецензирования 20.11.2025. Принята в печать 24.11.2025.

original article

Discriminatory Attitudes and Behavioral Patterns in Xenophobic Context: Socio-Psychological Factors and Justification Mechanisms

Nikita V. Volynchik

Saratov State University, Russia, Saratov

<https://orcid.org/0009-0001-9010-289X>

mr.volynchik2010@yandex.ru

Abstract: Rising multiculturalism and social mobility contribute to the escalation of xenophobic sentiments and discriminatory behavior. This article examines the impact of socio-demographic, psychological, and ideological factors on various behavioral patterns of xenophobia, including the way they are justified. The research was based

on an anonymous online survey utilizing adapted diagnostic tools for authoritarianism, social dominance, economic fears, life satisfaction, identity, and ethnic contact. The study involved 400 Russian citizens aged 25 to 45 ($M = 34.7$; $SD = 5.7$; 42% male, 58% female). Economic fears, authoritarianism, and low life satisfaction emerged as the key predictors of discriminatory behavior. The role of identity was differentiated as follows: ethnic (Russian) identity strengthened xenophobic attitudes while civic (Russian) identity reduced them. Positive ethnic contact appeared to be the most powerful protective factor, confirming Gordon Allport's contact hypothesis. Regression models explained between 77.9 and 96.6% of the variance in behavioral patterns. Addressing xenophobia requires a comprehensive approach, including measures to reduce economic anxiety, foster civic identity, and stimulate positive intercommunity interaction.

Keywords: xenophobia, discriminatory behavior, authoritarianism, social dominance, economic fears, intercommunity contacts, ethnic identity, Russian society

Citation: Volynchik N. V. Discriminatory Attitudes and Behavioral Patterns in Xenophobic Context: Socio-Psychological Factors and Justification Mechanisms. *SibScript*, 2026, 28(2): 252–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-252-264>

Received 2 Sep 2025. Accepted after peer review 20 Nov 2025. Accepted for publication 24 Nov 2025.

Введение

Современные общества, характеризующиеся высокой мобильностью и поликультурностью, сталкиваются со значительным вызовом – распространением дискриминационных установок и ксенофобских настроений [Van Zomeren, Winnifred 2017]. Эти явления не только усложняют процессы межгруппового взаимодействия и интеграции, но и служат психологической основой для оправдания социального неравенства, нетерпимости и нарушения прав человека [Гулевич и др. 2014]. В условиях социально-экономической нестабильности предубеждения в отношении мигрантов и других «чужаков» обостряются, проявляясь в различных поведенческих паттернах – от вербальной дискриминации до активного противодействия [Bubnova 2023; Sibley, Duckitt 2009]. В этой связи комплексное изучение социально-психологических механизмов, лежащих в основе оправдания ксенофобии, представляется чрезвычайно актуальной научной задачей, имеющей важное прикладное значение для разработки мер по снижению межгрупповой напряженности [Егорова 2018].

Проблема предубеждений и дискриминации имеет долгую историю в социальной психологии. Так, зарубежный исследователь Г. В. Олпорт заложил основы понимания природы предрассудков, определяя их как негативную установку, основанную на ошибочной и жесткой генерализации. Он подчеркивал, что ксенофобия как форма межгрупповой враждебности коренится в страхе перед непохожими «другими» и может проявляться в широком спектре

поведений – от злых шуток до дискриминации и насилия [Allport 1954; Verkuyten 2024].

Значительный вклад в развитие представлений о психологических основаниях дискриминационных установок внесла теория социального доминирования (*social dominance theory*) [Sidanius, Pratto 1999] и концепция авторитаризма правого толка (*Right-Wing Authoritarianism – RWA*) [Duckitt, Sibley 2016]. Согласно данным подходам, установки индивидов по отношению к социальным иерархиям и нормам являются ключевыми предикторами предвзятого отношения к аутгруппам [Wilson, Liu 2003]. Ориентация на социальное доминирование (*Social Dominance Orientation – SDO*) отражает желание главенствовать над другими и поддерживать групповую иерархию, в то время как RWA характеризуется податливостью власти, агрессией по отношению к тем, кто нарушает традиционные нормы и приверженность общепринятым ценностям [Гулевич и др. 2018; Почебут, Безносков 2018]. Эти два конструкта, хотя и взаимосвязаны, предсказывают различные аспекты дискриминационного поведения и оправдания ксенофобии [Кашпур, Ракин 2024; Kteily et al. 2019].

Изучению проблемы ксенофобии и дискриминации также посвящены и труды отечественных ученых. Они раскрывают структуру и факторы дискриминационных установок в российском контексте [Шамионов 2023], анализируют различные формы дискриминации, подчеркивая, что ксенофобия является одним из наиболее распространенных

ее видов, который формируется под влиянием исторических, культурных и личностных факторов [Бубновская 2016]. Кроме этого, разработка Д. С. Григорьева, направленная на адаптацию методик диагностики RWA и SDO, позволила эмпирически исследовать эти феномены на российской выборке [Григорьев 2017].

В качестве мощного фактора, который снижает уровень предубеждений, выступает гипотеза контакта (*contact hypothesis*), сформулированная Г. В. Олпортом и подтвержденная другими исследователями [Pettigrew, Tropp 2008]. Согласно ей, непосредственные позитивные контакты между группами при условии равенства статуса, общих целей и институциональной поддержки способствуют уменьшению стереотипов и межгрупповой тревоги.

Помимо ключевых идеологических ориентаций (RWA и SDO), выделяется комплекс социально-демографических и психологических переменных, которые значимо влияют на формирование ксенофобских установок и поведенческих паттернов [Егорова 2018].

Данные о связи возраста, образования и дохода с уровнем предубеждений неоднозначны, но в целом свидетельствуют о том, что более молодые, более образованные и экономически благополучные группы демонстрируют меньший уровень ксенофобии, что связывают с большим когнитивным ресурсом, толерантностью и меньшей конкуренцией за ресурсы [Карцева, Кузнецова 2023]. Религиозные воззрения и сила религиозных убеждений также могут играть амбивалентную роль: с одной стороны, религия может проповедовать терпимость, с другой – способствовать укреплению групповых границ и негативному восприятию иноверцев [Hall et al. 2010]. Профессиональная деятельность и профессиональный статус могут влиять на восприятие мигрантов как экономических конкурентов, особенно в низкостатусных профессиональных группах [Колесникова, Панкратьев 2019].

Уровень психологического благополучия и удовлетворенности жизнью является важным предиктором ксенофобских настроений [Duckitt 2006]. Согласно теоретическим представлениям, низкое субъективное благополучие может способствовать поиску «козлов отпущения» и проекции собственных проблем на аутгруппы [Кушнерук 2023]. Экономические страхи, актуализирующиеся в периоды нестабильности, напрямую связаны с поддержкой антииммиграционных мер

и дискриминационным поведением через механизм реалистического конфликта за ограниченные ресурсы [Баринев 2018].

Сила этнической идентичности (в нашем случае русской) может по-разному влиять на межгрупповые установки. Сильная этническая идентичность, особенно если она построена по принципу противопоставления «другим», часто коррелирует с повышенным уровнем предубеждений [Дробижева 2002]. Напротив, суперординарная, гражданская (русская) идентичность может выступать фактором, объединяющим различные этнические группы и снижающим уровень напряженности [Рыжова 2018]. В нашей статье эти два типа идентичности рассматриваются как независимые конструкты. Наиболее мощным фактором снижения предубеждений является непосредственный позитивный опыт этнических контактов, который разрушает стереотипы и снижает межгрупповую тревогу [Pettigrew, Tropp 2008].

Таким образом, дискриминационное поведение является многофакторным феноменом, обусловленным сложным взаимодействием идеологических установок (RWA, SDO), социально-демографического статуса, психологического состояния личности и особенностей ее идентичности и межгруппового опыта. Однако менее изученными остаются вопросы о том, какой именно вклад каждый из этих блоков переменных вносит в предсказание конкретных поведенческих паттернов (избегание, вербальная агрессия, дискриминация в потреблении и т.д.) и какова роль механизмов психологического оправдания этих действий.

Цель исследования – провести комплексный анализ вклада социально-демографических, психологических и идеологических переменных в различные поведенческие паттерны ксенофобии и выявить ключевые аргументы их оправдания. Задачи:

- 1) определить распространенность различных поведенческих паттернов дискриминации;
- 2) установить взаимосвязи между дискриминационными паттернами и социально-демографическими (возраст, образование, доход, религиозность, профессиональная деятельность), психологическими (психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, экономические страхи) и идеологическими (RWA, SDO) факторами, а также переменными идентичности и контактов (этническая (русская) идентичность / гражданская (русская) идентичность, этнические контакты);

3) построить регрессионные модели для прогнозирования различных форм дискриминационного поведения на основе выявленных социально-психологических предикторов;

4) проанализировать содержание основных аргументов (оправданий), используемых респондентами для объяснения своей ксенофобии.

Методы и материалы

Для оценки поведенческих паттернов в контексте ксенофобии, а также оценки религиозных воззрений, их силы, профессионального статуса, удовлетворенности жизнью, экономических страхов, идентичности, этнических контактов использована авторская анкета. Респондентам было предложено принять участие в анонимном опросе на тему «Социально-психологические механизмы и факторы принятия ксенофобии» (2024 г.) размещенном в Google Forms. Она включает специально разработанные шкалы (с шагом в 5 пунктов) с предложением оценить, насколько респонденты согласны с выражениями по пятибалльной шкале (где 5 – согласны в максимальной степени, а 1 – совсем не согласны). Для оценки RWA, SDO, веры в опасный мир и веры в конкурентный мир использовалась короткая версия методики Дж. Даккита, адаптированная Д. С. Григорьевым [Григорьев 2017]. Она включает 16 вопросов, распределенных по ряду шкал: с шагом в 9 пунктов – авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм, доминирование, эгалитаризм; и, с шагом в 7 пунктов – вера в опасный мир, вера в конкурентный мир.

В исследовании приняли участие 400 человек в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 34,7$; $SD = 5,7$), среди которых 42 % мужчин и 58 % женщин. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают на ее территории. Высшее образование имеют 84,6 % респондентов, 9,5 % – среднее специальное и 5,9 % – неоконченное высшее. Большинство опрошенных (63,2 %) состоят в браке. По уровню доходов 59,4 % респондентов относятся к группе с достаточно высоким доходом (61 тыс. руб. и более), а 19,8 % имеют доход 46–60 тыс. руб. В религиозном составе преобладают христиане (67,4 %), мусульмане составляют 30,8 % выборки. При этом абсолютное большинство респондентов (91,0 %) отмечают слабую силу своих религиозных убеждений. Выборка является преимущественно городской: 92,3 % участников исследования проживают в городе.

Анализ данных проводился в несколько этапов (с использованием программного обеспечения IBM SPSS 26):

I этап: первичный анализ показателей выраженности поведенческих паттернов ксенофобии.

II этап: корреляционный анализ по методу Спирмена для выявления взаимосвязи между выраженностью отдельных поведенческих паттернов ксенофобии и показателей возраста, образования, уровня дохода респондентов, религиозных воззрений и их силы, RWA, SDO, профессиональной деятельности, уровня субъективного восприятия психологического благополучия, экономических страхов, идентичности, этнических контактов.

Необходимо уточнить, что для измерения идентичности использовались две отдельные шкалы. Этническая (русская) идентичность измерялась с помощью утверждений, отражающих степень отождествления себя с русской культурой, традициями и этнической общностью. Гражданская (российская) идентичность – через утверждения, которые отражают принадлежность к государственно-гражданской общности России. Респонденты могли оценивать обе шкалы независимо. Высокие баллы по одной шкале не исключали высоких баллов по другой.

III этап: регрессионный анализ, в котором в качестве зависимых переменных выступают результаты исследования поведенческих паттернов поведения, а независимых – возраст, образование, уровень дохода респондентов, религиозные воззрения и их сила, RWA, SDO, профессиональная деятельность, уровень субъективного восприятия психологического благополучия, экономические страхи, этническая (русская) идентичность и гражданская (российская) идентичность, этнические контакты.

Результаты

Проведенный корреляционный анализ по методу Спирмена выявил систематические взаимосвязи между различными формами дискриминационного поведения и социально-психологическими факторами (табл. 1).

При интерпретации результатов регрессионного анализа важно учитывать, что пошаговый метод включения переменных отбирает предикторы, которые вносят уникальный вклад в объяснение дисперсии зависимой переменной, при учете влияния других переменных. Несмотря на отсутствие значимых попарных корреляций между идентичностью и поведенческими паттернами (табл. 1), в регрессионных

Табл. 1. Оценка влияния социально-психологических факторов на поведенческие паттерны и дискриминационные установки
 Tab. 1. Effect of socio-psychological factors on behavioral patterns and discriminatory attitudes

	Возраст	Образование	Доход	Религиозные воззрения	Сила религиозных убеждений	Профессиональная деятельность	Психологическое благополучие	Удовлетворенность жизнью	Экономические страхи	RWA	SDO	Этническая (русская) идентичность	Гражданская (российская) идентичность	Этнические контакты
Избегание общения с приезжими людьми в моем окружении	0,048	0,031	-0,028	-0,078	-0,025	-0,021	0,871**	-0,859**	0,887**	0,871	0,874**	-0,014	-0,023	-0,994**
Негативные замечания или шуточки о мигрантах в разговоре с друзьями или коллегами	0,041	0,055	-0,028	-0,081	-0,035	-0,014	0,872**	-0,857**	0,888***	0,873**	0,866**	-0,017	-0,025	-0,994**
Отказ от услуг в сфере обслуживания, если их владельцы или работники являются приезжими	0,047	0,044	-0,026	-0,0898	-0,028	-0,012	0,871**	-0,859**	-0,887***	0,876**	0,871**	-0,016	-0,026	-0,993**
Избегание совместных мероприятий с мигрантами, например культурных событий или праздников	0,047	0,049	-0,015	-0,086	-0,033	-0,003	0,870**	-0,860**	0,887***	0,887**	0,873**	-0,008	-0,021	-0,993**
Запрет своим детям или родственникам дружить или общаться с приезжими и их детьми	0,042	0,061	-0,034	-0,067	-0,020	-0,016	0,819**	-0,816**	0,835**	0,823**	0,829**	-0,007	-0,018	-0,949**
Участие в акциях или группах, выступающих против миграции	0,026	0,064	-0,014	-0,085	-0,022	-0,011	0,834**	-0,825**	0,831**	0,834**	0,834**	-0,017	-0,025	-0,947**
Выражение недовольства по поводу изменений в моем районе, связанных с увеличением числа мигрантов	0,028	0,002	-0,012	-0,079	-0,013	-0,026	0,816**	-0,815**	0,839**	0,825**	0,826**	0,005	-	-0,945**
Игнорирование достижений и вклада мигрантов в общество	0,066	0,017	-0,016	-0,061	-0,017	-0,033	0,832**	-0,818	0,844**	0,837**	0,845**	-0,021	-0,025	-0,951**
Отказ работать в одном коллективе с приезжими	0,043	0,042	0,061	-0,020	-0,077	-0,056	-0,019	0,817**	0,846**	0,827**	0,829**	-0,003	-0,014	-0,950**
Отказ водить своего ребенка в школу или детский сад, где воспитанники в основном дети мигрантов	0,026	0,021	-0,027	-0,098	-0,023	-0,014	0,836**	-0,827**	0,842**	0,841**	0,849**	0,013	0,009	-0,948**
Избегание приезжих в качестве соседей	0,034	0,066	-0,023	-0,087	-0,087	-0,38	0,006	0,838**	0,853**	0,839**	0,841**	-0,012	-0,006	-0,952**
Отказ рассматривать мигрантов в качестве хороших работников	0,034	0,180	-0,200	-0,075	-0,026	-0,16	0,838**	-0,823	0,857**	0,855**	0,855**	-0,002	-0,016	-0,950**

Прим.: ** - $p < 0,01$; *** - $p = 0,001$.

моделях эта переменная продемонстрировала значимый вклад, что указывает на ее опосредованную или взаимодействующую роль в комплексе с другими факторами. Переменная *этнические контакты* продемонстрировала исключительно высокие корреляции, однако не включалась в финальные регрессионные модели, представленные в таблице 2, чтобы исключить проблему мультиколлинеарности, которая могла исказить оценку вклада других предикторов. Были построены отдельные регрессионные модели, включающие только данный предиктор, которые подтвердили его исключительную прогностическую силу.

Установлена тесная связь переменной *этнические контакты* с другими факторами. Важно отметить, что такая высокая корреляция может отражать не только содержательную сторону явления, но и особенности измерительного инструмента: близость формулировок в анкете и достаточно однородный состав респондентов могли выступить в роли усилителя этой статистической связи. Отдельно построенные регрессионные модели, которые включали только данный предиктор, подтвердили его исключительную прогностическую силу.

Экономические страхи продемонстрировали сильные положительные связи со всеми формами дискриминационного поведения. Наиболее сильная корреляция наблюдается с вербальными проявлениями ксенофобии ($r = 0,888$), что объясняет 78,9 % общей дисперсии. Это свидетельствует о том, что экономическая тревожность является ключевым фактором, детерминирующим дискриминационные установки.

RWA показал равномерно высокие корреляции с различными поведенческими паттернами ($r = 0,825-0,887$). Максимальная связь выявлена с избеганием совместных мероприятий ($r = 0,887$), что составляет 78,7 % объясняемой дисперсии. Это подтверждает теоретическое положение о том, что авторитарные установки являются фундаментальной основой ксенофобского поведения.

SDO имеет несколько более низкие, но остающиеся значимыми корреляции ($r = 0,826-0,874$). Наибольшая связь наблюдается с избеганием общения ($r = 0,874$), объясняя 76,4 % дисперсии. Это указывает на важность иерархических представлений о социальном устройстве в формировании дискриминационных практик.

Удовлетворенность жизнью демонстрирует систематические отрицательные корреляции средней

силы (r от $-0,815$ до $-0,860$). Наиболее сильная обратная связь выявлена с избеганием мероприятий ($r = -0,860$), что составляет 74,0 % объясняемой дисперсии. Это свидетельствует о компенсаторном характере ксенофобии как механизме психологической защиты.

Психологическое благополучие показывает положительные корреляции с дискриминационными паттернами поведения ($r = 0,816-0,872$). Максимальная связь обнаружена с вербальной дискриминацией ($r = 0,872$), объясняя 76,0 % дисперсии.

Этнические контакты имеют исключительно сильные отрицательные корреляции со всеми формами дискриминационного поведения (r от $-0,945$ до $-0,994$). Максимальная обратная связь выявлена с избеганием общения ($r = -0,994$), что объясняет 98,8 % дисперсии. Это убедительно подтверждает контактную гипотезу Г. В. Олпорта, а также подчеркивает важность межгруппового взаимодействия в профилактике дискриминации.

Далее был проведен множественный регрессионный анализ для определения предикторов различных форм дискриминационного поведения. Для каждого поведенческого паттерна была построена отдельная регрессионная модель с пошаговым включением переменных (табл. 2).

Поведенческий паттерн избегания межличностных контактов объясняет 84,5 % дисперсии. Анализ стандартизированных β -коэффициентов показал, что наибольший вклад в предсказание поведения избегания вносят экономические страхи ($\beta = 0,451$). Это свидетельствует о том, что увеличение экономической тревожности на одно стандартное отклонение приводит к росту склонности к избеганию на 0,451 стандартного отклонения. RWA также является значимым предиктором ($\beta = 0,322$), тогда как удовлетворенность жизнью демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,170$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с избеганием ($\beta = 0,216$), в то время как гражданская (российская) идентичность показывает отрицательную связь ($\beta = -0,184$). Возраст вносит минимальный, но статистически значимый вклад ($\beta = 0,047$).

Поведенческий паттерн вербальной дискриминации и негативного оценивания объясняет 83,3 % дисперсии. Экономические страхи являются наиболее мощным предиктором ($\beta = 0,483$), за ними следует RWA ($\beta = 0,295$). Удовлетворенность жизнью демонстрирует отрицательную связь с вербальными проявлениями ксенофобии ($\beta = -0,155$). Модель

не включает демографические переменные, что свидетельствует о преобладающей роли психологических факторов в вербальной дискриминации.

Поведенческий паттерн дискриминации в сфере услуг и потребления объясняет 84,6 % дисперсии. Экономические страхи ($\beta = 0,440$) и RWA ($\beta = 0,321$) являются ключевыми предикторами.

Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,180$). Также присутствует некоторое усиление дискриминационных установок, связанных с возрастом ($\beta = 0,051$).

Поведенческий паттерн социальной изоляции объясняет 77,9% дисперсии. Экономические страхи являются наиболее значимым предиктором ($\beta = 0,438$).

Табл. 2. Регрессионный анализ дискриминационных установок и поведенческих паттернов с социально-психологическими факторами и оправданиями ксенофобии
Tab. 2. Discriminatory attitudes and behavioral patterns vs. socio-psychological factors and xenophobia justifications: regression analysis

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p
Избегание межличностных контактов	Избегание общения	Константа	0,950	1,035	–	0,918	0,359
		Возраст	0,018	0,008	0,047	2,302	0,022
		Экономические страхи	0,891	0,152	0,451	5,872	0,001
		RWA	0,631	0,159	0,322	3,976	0,001
		Удовлетворенность жизнью	–0,886	0,231	–0,170	–3,833	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,447	0,121	0,216	3,685	0,001
		Гражданская (русская) идентичность	–0,377	0,120	–0,184	–3,139	0,002
	$R^2 = 0,845$; $F = 350,293$; $p < 0,001$						
	Избегание совместных мероприятий	Константа	1,440	1,0001	–	1,439	0,151
		Возраст	0,017	0,008	0,043	2,205	0,028
		Экономические страхи	0,860	0,147	0,434	5,859	0,001
		Удовлетворенность жизнью	–1,012	0,224	–0,194	–4,526	0,001
		RWA	0,630	0,154	0,321	4,104	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,530	0,177	0,255	4,510	0,001
		Гражданская (русская) идентичность	–0,454	0,116	–0,221	–3,903	0,001
	$R^2 = 0,855$; $F = 379,755$; $p < 0,001$						
	Избегание мигрантов в качестве соседей	Константа	1,285	1,009	–	1,274	0,203
		Экономические страхи	0,630	0,154	0,374	4,087	0,001
		RWA	0,430	0,157	0,258	2,742	0,006
		Удовлетворенность жизнью	–0,625	0,224	–0,141	–2,786	0,006
		Психологическое благополучие	0,362	0,171	0,148	2,117	0,035
$R^2 = 0,803$; $F = 393,335$; $p < 0,001$							

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p
Вербальная дискриминация и негативное оценивание	Негативные замечания и шутки о мигрантах	Константа	1,489	1,033	-	1,442	0,150
		Экономические страхи	0,958	0,156	0,483	6,135	0,001
		RWA	0,581	0,163	0,295	3,565	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,811	0,240	-0,155	-3,379	0,001
		$R^2 = 0,833; F = 643,528; < 0,001$					
	Выражение недовольства по поводу поведения мигрантов	Константа	1,843	0,995	-	1,852	0,065
		Экономические страхи	0,871	0,150	0,441	5,810	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,958	0,230	-0,184	-4,173	0,001
		RWA	0,630	0,157	0,321	4,019	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,442	0,120	0,213	3,685	0,001
		Гражданская (русская) идентичность	-0,371	0,118	-0,181	-3,131	0,002
	$R^2 = 0,847; F = 426,177; p < 0,001$						
	Выражение недовольства по поводу изменений на моем районе, связанных с увеличением числа мигрантов	Константа	2,218	0,991	-	2,238	0,026
		Экономические страхи	0,641	0,149	0,393	4,307	0,001
		RWA	0,540	0,155	0,334	3,471	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,763	0,229	-0,178	-3,335	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,101	0,041	0,059	2,455	0,015
	$R^2 = 0,776; F = 334,587; p < 0,001$						
	Игнорирование достижений и вклада мигрантов в общество	Константа	1,176	0,994	-	1,184	0,237
		RWA	0,580	0,153	0,350	3,792	0,001
		Экономические страхи	0,687	0,146	0,411	4,696	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,656	0,224	-0,149	-2,929	0,004
		Возраст	0,020	0,008	0,060	2,601	0,010
	$R^2 = 0,795; F = 375,863; p < 0,001$						
Дискриминация в сфере услуг и потребления	Отказ от услуг в сфере обслуживания	Константа	1,303	1,019	-	1,278	0,202
		Экономические страхи	0,871	0,150	0,440	5,802	0,001
		RWA	0,630	0,157	0,321	4,018	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,937	0,230	-0,180	-4,080	0,001
		Возраст	0,020	0,008	0,051	2,566	-
$R^2 = 0,846; F = 532,812; p < 0,001$							

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p	
Социальная изоляция	Запрет своим детям или родственникам дружить с мигрантами	Константа	2,082	0,999	–	2,085	0,038	
		Экономические страхи	0,723	0,151	0,438	4,804	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,722	0,231	–0,116	–3,131	0,002	
		RWA	0,497	0,157	0,303	3,157	0,002	
		Этническая (русская) идентичность	0,403	0,120	0,233	3,352	0,001	
		Гражданская (российская) идентичность	–0,337	0,119	–0,196	–2,832	0,005	
	$R^2 = 0,779; F = 271,904; p < 0,001$							
	Отказ водить своего ребенка в школу, где обучаются приезжие	Константа	1,798	0,957	–	1,880	0,061	
		RWA	0,457	0,169	0,279	2,709	0,007	
		Экономические страхи	0,541	0,145	0,327	3,718	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,703	0,221	–0,161	–3,182	0,002	
		Этническая (русская) идентичность	0,333	0,114	0,192	2,926	0,004	
		Гражданская (российская) идентичность	–0,231	0,112	–0,135	–2,052	0,041	
	SDO	0,251	0,126	0,156	1,998	0,046		
$R^2 = 0,803; F = 262,056; p < 0,001$								
Активное противодействие миграции	Принятие участия в акциях или группах	Константа	1,998	1,010	–	1,979	0,049	
		RWA	0,536	0,157	0,334	3,419	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,745	0,225	–0,175	–3,319	0,001	
		Экономические страхи	0,383	0,154	0,237	2,484	0,013	
		Психологическое благополучие	0,399	0,171	0,169	2,332	0,020	
	$R^2 = 0,787; F = 357,051; p < 0,001$							
Дискриминация в профессиональной сфере	Отказ работать в одном коллективе с приезжими	Константа	1,351	0,983	–	1,374	0,170	
		Экономические страхи	0,816	0,149	0,495	5,487	0,001	
		RWA	0,474	0,155	0,290	3,056	0,002	
		Удовлетворенность жизнью	–0,506	0,229	–0,116	–2,213	0,027	
$R^2 = 0,780; F = 459,570; p < 0,001$								

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p
Дискриминация в профессиональной сфере	Отказ рассматривать мигрантов в качестве хороших работников	Константа	1,363	1,000	–	1,363	0,174
		Экономические страхи	0,647	0,153	0,389	4,243	0,001
		Удовлетворенность жизнью	–0,684	0,221	–0,156	–3,095	0,002
		RWA	0,382	0,155	0,232	2,471	0,014
		Этническая (русская) идентичность	0,459	0,114	0,263	4,024	0,001
		Гражданская (российская) идентичность	–0,388	0,113	–0,225	–3,447	0,001
		Психологическое благополучие	0,358	0,169	0,148	2,117	0,035
R ² = 0,805; F = 265,028; p < 0,001							

RWA вносит существенный вклад ($\beta = 0,303$), тогда как удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,116$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с изоляционистскими установками ($\beta = 0,233$), в то время как гражданская (российская) идентичность демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,196$).

Поведенческий паттерн активного противодействия миграции объясняет 78,7 % дисперсии. RWA является наиболее мощным предиктором ($\beta = 0,334$). Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,175$). Экономические страхи ($\beta = 0,237$) и психологическое благополучие ($\beta = 0,169$) также вносят значимый вклад. Положительная связь психологического благополучия с активным противодействием миграции требует дополнительного исследования.

Поведенческий паттерн дискриминации в профессиональной сфере объясняет 80,5 % дисперсии. Экономические страхи являются ключевым предиктором ($\beta = 0,389$). Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,156$). RWA вносит значительный вклад ($\beta = 0,232$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с дискриминационными установками ($\beta = 0,263$), тогда как российская идентичность демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,225$). Психологическое благополучие показывает положительную связь ($\beta = 0,148$).

Дополнительный анализ с включением переменной этнических контактов показал исключительно высокую предсказательную силу. Для всех поведенческих паттернов этнические контакты являются наиболее мощным негативным предиктором (β от $-0,765$ до $-0,855$). Модели с включением этнических контактов объясняют от 89,2 % до 96,6 % дисперсии, что подчеркивает важное значение межгруппового взаимодействия в профилактике дискриминационного поведения.

Полученные результаты демонстрируют комплексный характер детерминации ксенофобского поведения, где ключевую роль играют как идеологические установки (RWA), так и социально-экономические факторы (экономические страхи), а также переменные межгруппового взаимодействия (этнические контакты). Выявленные закономерности демонстрируют эмпирическую базу для разработки интеграции по снижению ксенофобских настроений в социуме.

Заключение

Выявлена сложная и многомерная природа детерминации ксенофобских установок и дискриминационного поведения в современном российском социуме. Эмпирически подтверждено, что данный феномен обусловлен переплетением идеологических, социально-экономических, идентификационных и ситуационных факторов.

Ключевыми детерминантами дискриминационного поведения выступили экономические страхи, идеологические установки и низкая удовлетворенность жизнью. Экономические страхи продемонстрировали наиболее сильные и устойчивые положительные связи со всеми формами дискриминации, что доказывает роль воспринимаемой угрозы материальному благополучию и конкуренции за ресурсы как мощного двигателя реалистического группового конфликта. RWA и SDO оказались фундаментальными идеологическими основаниями ксенофобии. Высокий RWA предсказывает стремление к избеганию мигрантов, а SDO тесно связан с установками на доминирование и оправдание неравенства. Систематическая отрицательная связь удовлетворенности жизнью с дискриминационными паттернами указывает на компенсаторный характер ксенофобии, которая может выступать механизмом психологической защиты и проекции собственных неудач на внешние, уязвимые группы.

Важным открытием стала дифференцированная роль идентичности. Этническая (русская) идентичность выступила значимым позитивным предиктором дискриминационных установок, что согласуется с принципом противопоставления *свои – чужие*. Гражданская (русская) идентичность, напротив, показала устойчивую отрицательную связь с ксенофобией, выступая фактором интеграции. Наиболее мощным протективным фактором, значительно превосходящим по силе влияния все остальные, оказались позитивные этнические контакты. Их исключительно высокие отрицательные корреляции со всеми формами дискриминации представляют убедительное эмпирическое подтверждение гипотезы контакта Г. В. Олпорта, доказывая, что непосредственное позитивное межгрупповое взаимодействие является ключевым инструментом разрушения стереотипов.

Результаты вносят вклад в развитие теории социального доминирования, авторитаризма и межгрупповых отношений, конкретизируя их применительно

к российскому культурному контексту. В будущем на их основе можно разработать программы по снижению межгрупповой напряженности, ориентированные на снижение экономической тревожности, обеспечение воспринимаемой справедливости, стимулирование позитивных межгрупповых контактов, развитие общей гражданской идентичности, а также информационную работу по деконструкции дискриминационных нарративов.

Особенности исследовательской выборки могут ограничивать генерализацию результатов на все население. Кроме того, кросс-секционный дизайн не позволяет устанавливать причинно-следственные связи, а лишь фиксирует устойчивые корреляционные зависимости. Таким образом, эффективная борьба с ксенофобией требует комплексного подхода, направленного одновременно на экономическую, идеологическую и коммуникативную сферы общественной жизни, с акцентом на формирование позитивного межгруппового взаимодействия и конструктивной общегражданской идентичности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00529 «Социально-психологические механизмы и факторы поддержки дискриминационных установок: межпоколенный анализ». <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00529: Socio-psychological mechanisms and factors of support for discriminatory attitudes: Intergenerational analysis, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00529/>

Литература / References

- Баринов Д. Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса. *Бюллетень науки и практики*. 2018. Т. 4. № 12. С. 541–552. [Barinov D. N. Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, 4(12): 541–552. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>
- Бубновская О. В. Исследование взаимосвязи ценностных и смысловых ориентаций студентов. *Система ценностей современного общества*. 2016. № 25. С. 167–173. [Bubnovskaya O. V. Value vs. life-meaning

- orientations in university students. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 2016, (25): 167–173. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rqrmcp>
- Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. *Национальный психологический журнал*. 2017. № 4. С. 30–44. [Grigoryev D. S. Development of a short version of the dual process model scales: Right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews. *National Psychological Journal*, 2017, (4): 30–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Гулевич О. А., Агадуллина Е. Р., Хухлаев О. Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 15. № 3. С. 407–426. [Gulevich O. A., Agadullina E. R., Khukhlaev O. E. Approval of group hierarchy: Russian version of social dominance orientation scale. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, 15(3): 407–426. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-407-426>
- Гулевич О. А., Анিকেенок О. А., Безменова И. К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89. [Gulevich O. A., Anikeenok O. A., Bezmenova I. K. Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt's scales. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, 11(2): 68–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twhxnf>
- Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость. *Россия реформирующаяся*. 2002. № 2. С. 213–244. [Drobizheva L. M. The Russian and ethnic identities: Opposition or compatibility. *Rossia Reformiruiushchiasia*, 2002, (2): 213–244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdhldf>
- Егорова М. С. Феномен ксенофобии: социально-психологический аспект. *Форум молодых ученых*. 2018. № 3. С. 148–157. [Egorova M. S. The phenomenon of xenophobia: Socio-psychological aspect. *Forum molodykh uchennykh*, 2018, (3): 148–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xogypb>
- Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2. С. 160–185. [Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. Health, income, age: Empirical analysis of health inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2023, (2): 160–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2023.2.2355>
- Кашпур В. В., Ракин И. А. Опыт сравнительного анализа измерения религиозности человека с использованием методов анализа цифровых следов и онлайн-опроса. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2024. Т. 8. № 3. С. 314–323. [Kashpur V. V., Rakin I. A. Experience in comparative analysis of measuring human religiosity using digital footprint analysis and online surveys. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2024, 8(3): 314–323. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-314-323>
- Колесникова О. А., Панкратьев А. А. Особенности конкуренции на рынке труда с участием иностранных мигрантов. *Регион: системы, экономика, управление*. 2019. № 1. С. 99–105. [Kolesnikova O. A., Pankratiev A. A. The peculiarities of competition in the labour market with the participation of foreign migrants. *Region: Sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2019, (1): 99–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkxeum>
- Кушнерук С. Л. Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований. *Политическая лингвистика*. 2023. № 4. С. 12–24. [Kushneruk S. L. Telegram as political, social and linguistic phenomenon: Geography and problems of the latest research. *Political Linguistics*, 2023, (4): 12–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bjjupn>
- Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–84. [Pochebut L. G., Beznosov D. S. Perception psychology on social distance to different countries: Russian view. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, 18(1): 66–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84>
- Рыжова С. В. Религиозность и вопросы межэтнических отношений в России. *Власть*. 2018. Т. 26. № 9. С. 80–84. [Ryzhova S. V. Religiosity and issues of interethnic relations in Russia. *Vlast*, 2018, 26(9): 80–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywgtnd>

- Шамионов Р. М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–23. [Shamionov R. M. The role of civic identity, religiosity, sex, and education in young people's commitment to various forms of social activity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023, 20(1): 7–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>
- Allport G. W. *The nature of prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954, 537.
- Bubnova N. A. The correlation between the concepts of linguistic effect and manipulation of consciousness. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (1). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.36>
- Duckitt J. Differential effects of right wing authoritarianism and social dominance orientation on outgroup attitudes and their mediation by threat from and competitiveness to outgroups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, 32(5): 684–696. <https://doi.org/10.1177/0146167205284282>
- Duckitt J., Sibley C. G. The dual process motivational model of ideology and prejudice. *The Cambridge handbook of the psychology of prejudice*, eds. Sibley C. G., Barlow F. K. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, 188–221. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.009>
- Hall D. L., Matz D. C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism. *Personality and Social Psychology Review*, 2010, 14(1): 126–139. <https://doi.org/10.1177/1088868309352179>
- Kteily N. S., Hodson G., Dhont K., Ho A. K. Predisposed to prejudice but responsive to intergroup contact? Testing the unique benefits of intergroup contact across different types of individual differences. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, 22(1). <https://doi.org/10.1177/1368430217716750>
- Pettigrew T. F., Tropp L. R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008, 38(6): 922–934. <https://doi.org/10.1002/ejsp.504>
- Sibley C. G., Duckitt J. Big-five personality, social worldviews, and ideological attitudes: Further tests of a dual process cognitive-motivational model. *The Journal of Social Psychology*, 2009, 149(5): 545–561. <https://doi.org/10.1080/00224540903232308>
- Sidanius J., Pratto F. *Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 403. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139175043>
- Van Zomeren M., Winnifred L. R. Culture meets collective action: Exciting synergies and some lessons to learn for the future. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, 20(3): 277–284. <https://doi.org/10.1177/1368430217690238>
- Verkuyten M. "We need them, they need us": Perceived indispensability and intergroup relations. *Review of General Psychology*, 2024, 28(1): 67–80. <https://doi.org/10.1177/10892680231224403>
- Wilson M. S., Liu J. H. Social dominance orientation and gender: The moderating role of gender identity. *British Journal of Social Psychology*, 2003, 42(2): 187–198. <https://doi.org/10.1348/014466603322127175>

оригинальная статья

eLibrary EDN: UIHRPX

Практическая апробация психологической модели научно-инженерной и IT-элиты России

Карабущенко Наталья Борисовна

Российский государственный гуманитарный университет,

Россия, Москва

Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6859-3889

<https://orcid.org/0000-0002-0885-8082>

Scopus Author ID: 57190950556

n_karabushenko@inbox.ru

Карабущенко Павел Павлович

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3372-0721

<https://orcid.org/0009-0008-6970-0570>

Аннотация: Представлена психологическая характеристика научно-инженерной и IT-элиты России. Теоретико-методологические основания изучения потенциальной элиты в сфере высоких технологий позволили сконструировать и эмпирически проверить психологическую модель инженерно-научной и IT-элиты, которая включает факторы, оказывающие влияние на социальную и профессиональную успешность, содержательные и структурные составляющие. Модель имеет уровневую структуру, отличающуюся функциональным своеобразием. Цель – изучить психологические особенности представителей потенциальной научно-инженерной и IT-элиты. В исследовании приняли участие 635 первокурсников восьми институтов / факультетов Национального исследовательского ядерного университета МИФИ разных лет обучения (с 2022 по 2025 г.). Психодиагностический инструментарий: методика Ш. Шварца «Диагностика ценностных ориентаций»; Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной; тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭмИн); копинг-тест (методика Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой). Результаты эмпирического исследования позволили расширить теоретическую модель и практически ее обосновать. На основе критериев социальной успешности были выделены два конструктивных типа: доминирующе-управляющий и социально лабильный; один – деструктивный: прагматичный. На основе критериев профессиональной успешности: конструктивный тип – познающий; деструктивный тип – дезадаптивный. Это типы субъектов потенциальной научно-инженерной и IT-элиты. Анализ полученных данных способствует решению задач профилактики эмоциональной ригидности и выгорания, мотивации будущих специалистов на труд, переориентации ценностных установок на общественно важные проблемы, а также способствует повышению психологической грамотности студентов и преподавателей технических вузов. Представленная типология субъектов потенциальной элиты позволяет увидеть траектории дальнейшего становления профессионалов и лидеров в наиболее значимых отраслях науки и техники современной России.

Ключевые слова: инженер, IT-специалист, элита, траектория становления, социальная успешность, профессиональная успешность, студенты

Цитирование: Карабущенко Н. Б., Карабущенко П. П. Практическая апробация психологической модели научно-инженерной и IT-элиты России. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 265–278. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-265-278>

Поступила в редакцию 17.07.2025. Принята после рецензирования 03.10.2025. Принята в печать 06.10.2025.

original article

Testing the Psychological Model of Russian Scientific, Engineering, and IT Elite

Natalya B. Karabushchenko

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

Zhirinovskiy University of World Civilizations, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6859-3889

<https://orcid.org/0000-0002-0885-8082>

Scopus Author ID: 57190950556

n_karabushchenko@inbox.ru

Pavel P. Karabushchenko

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3372-0721

<https://orcid.org/0009-0008-6970-0570>

Abstract: The article introduces a psychological model of the emerging Russian scientific, engineering, and IT elite. This substantive and structural model consists of functional layers and includes factors influencing social and professional success. The empirical research covered 635 first-year students from eight institutes of the National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, of different years of study (2022–2025). The psychodiagnostic tools involved *Schwartz Value Survey (SVS)*, *Potemkina's Test of Socio-Psychological Attitudes*, *Lyusin's Emotional Intelligence Inventory*, and a *Russian adaptation of The Ways of Coping Questionnaire (WCQ)* by Lazarus & Folkman. The empirical study made it possible to expand the theoretical model and substantiate it. Different criteria corresponded to different model types: social success – dominant-controlling or socially labile (constructive) and pragmatic (destructive); professional success – cognitive (constructive) and maladaptive (destructive). The data may help to prevent emotional instability and burnout, motivate in-training specialists to work, direct value orientations to socially important problems, and improve the psychological literacy of students and professors of technical universities. The psychological typology makes it possible to project the career paths of future leaders in the most important branches of national science and technology.

Keywords: engineer, IT specialist, elite, trajectory of formation, social success, professional success, students

Citation: Karabushchenko N. B., Karabushchenko P. P. Testing the Psychological Model of Russian Scientific, Engineering, and IT Elite. *SibScript*, 2026, 28(2): 265–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-265-278>

Received 17 Jul 2025. Accepted after peer review 3 Oct 2025. Accepted for publication 6 Oct 2025.

Введение

Проблема подготовки кадров высшей квалификации в таких отраслях, как инженерия, IT-профиль, экономическая безопасность, международные отношения в сфере ядерной промышленности, научно-техническая направленность, стоит очень остро в нашей стране. Недостаток профессионалов сказывается на экономике государства, на его оборонно-производственной составляющей, на энергетической отрасли и др. Ведущие технические и инженерные вузы готовят высококлассных специалистов, однако рынок труда нуждается в большем количестве молодых талантливых профессионалов. Но не следует забывать, что «новая поросль» будущих инженеров, программистов, экономистов, математиков и физиков нуждается в психологическом сопровождении и даже помощи. В данной работе мы поставили перед собой амбициозную цель – изучить психологические

особенности потенциальной научно-инженерной и IT-элиты России. Одна из задач – выявить траектории дальнейшего ее становления и развития.

За последние пять лет в отечественной психологической литературе не произошло существенного сдвига в сторону изучения личности инженера, технической элиты. Отдельные работы посвящены педагогическому, академическому, творческому [Мочалова 2022; Мочалова, Абдуллина 2022; 2023; Новгородова 2023], интеллектуальному [Грошева 2022; Чимитова, Васюткин 2023], культурному типам элит. Н. Г. Новгородова подчеркивает необходимость подготовки инженерной элиты в вузе [Новгородова 2023]. Появились работы, исследующие различные аспекты субъектов научно-инженерной элиты [Карбущенко 2014а; 2014б; 2023; Карбущенко и др. 2024].

Зарубежные исследователи отводят весомую роль в подготовке высококвалифицированных инженеров активному обучению, которое способствует более глубокому усвоению материала, передаче знаний, мотивации и вовлеченности студентов [Hess et al. 2017b; Kim, Benson 2018; Pintrich 2002; Prince et al. 2017; Skipper, Brandenburg 2013; Wertz et al. 2013]. Данный тип обучения стимулирует развитие коммуникативных навыков [Lucas et al. 2014; Meier et al. 2000; Nelson et al. 2015], умение работать в команде и навыки активного слушания [Lucas et al. 2014]. Студенты должны научиться самостоятельно руководить своим обучением [Hess et al. 2017b; Prince et al. 2017; Rasoal et al. 2012].

Представляют интерес исследования в области изучения эмпатии как составляющей межличностной компетенции [Hess et al. 2017a; Ralston, Bays 2015]. Обучение эмпатии имеет широкий спектр преимуществ, включая поддержку навыков командной работы, принятие этических решений и влияние на процесс проектирования [Goldberg, Somerville 2014; Krajcik 1998; Turns et al. 2014; Zimmerman 2002]. Рекомендации по развитию эмпатии представлены в немногочисленных работах, например [Gray et al. 2015; Hess et al. 2017a; Walther et al. 2017].

Исследования, посвященные развитию и пониманию внутриличностных компетенций в рамках инженерного образования, включают в себя убеждения об усилиях, инкрементные убеждения об интеллекте, саморегулируемое обучение, рефлексию, метакогницию, эмоциональный интеллект, эмоциональную устойчивость, адаптивность, эмоциональную осведомленность, работу под давлением, эмпатию и осознанность¹ [Чимитова, Васюткин 2023; Ahn et al. 2012; Flavell 1979; Savage et al. 2008; Smith et al. 2005; Snyder et al. 2018; Vos, de Graaff 2004; Walther et al. 2011; 2017]. Внутриличностные компетенции имеют решающее значение для повышения вовлеченности студентов в активные стратегии обучения, предотвращения дезадаптивных профилей обучения и развития метакогнитивных и саморегулятивных навыков [Cromptley, Cromptley 2000; Snyder et al. 2018; Vallero, Vesilind 2006]. Особое внимание исследователями уделяется рефлексии, которая является основой саморегулируемого обучения, метапознания и глубокого

обучения [Cunningham et al. 2015; Danh Nguyen et al. 2005; Stump et al. 2014; Vallero, Vesilind 2006; Yadav et al. 2011].

Профессии, связанные с информационно-техническим и IT-математическим профилями, приобрели в последнее время высокую актуальность и востребованность. Практически все сферы жизнедеятельности человека, экономики и промышленности государства, политики России пронизаны информационной составляющей, без которой невозможно существование современного общества. Повышенный интерес к данной отрасли стимулирует психологическое научное сообщество обратиться к исследованиям личности IT-специалиста.

В работе 2020 г. Е. И. Шумейко и Л. А. Верещагина провели детальное исследование потребностно-мотивационных особенностей субъектов труда в сфере информатизации. Основное внимание авторы уделили анализу внутренних мотивов IT-специалистов. В частности, у них была обнаружена высокая степень сформированности и выраженности внутренних мотивов профессиональной деятельности, таких как удовольствие от самого процесса труда, стремление к самореализации и переживание чувства свободы в работе. Кроме того, авторы зафиксировали повышенные показатели индикаторов потребностей в проактивном поведении, включая общую удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессиональной деятельностью и уровень самоэффективности [Шумейко, Верещагина 2020].

В ходе исследования трудовой мотивации специалистов IT-сферы М. Е. Опарина пришла к ряду важных выводов. Автор выявила существенные различия в мотивационных профилях сотрудников в зависимости от типа организации и преобладающей организационной культуры. Так, в государственных IT-организациях, где доминируют иерархический и адхократический типы организационной культуры, у работников наиболее выражена мотивация к достижению успеха. Помимо этого, у данной категории специалистов ярко проявляются элементы внутренней мотивации, включая устойчивый интерес к самому процессу трудовой деятельности и высокую степень ответственности за результаты своей работы. В то же время, как установила М. Е. Опарина, в коммерческих IT-организациях

¹ Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century. Washington, DC: National Academies Press, 2013, 256. <https://doi.org/10.17226/13398>

с преобладанием кланового типа организационной культуры мотивационная структура сотрудников имеет иную специфику. Для них в большей степени характерна мотивация избегания неудач, а не стремление к достижению успеха. Кроме того, в коммерческом секторе значительную роль играют факторы внешней положительной мотивации, такие как уровень материального вознаграждения и социальное признание, выражающееся в уважении со стороны коллег [Опарина 2014].

Исследование психологических особенностей работников информационных профессий, проведенное В. В. Барабаншиковой в 2017 г., позволило выявить ряд закономерностей, связанных с профессиональным стрессом, мотивацией и адаптацией к условиям труда. Анализ полученных результатов показал, что работники ИТ-сферы отличаются высоким уровнем потенциальной трудовой мотивации, которая формируется благодаря таким факторам, как разнообразие и сложность задач, значительная автономность в работе. При этом у них был зафиксирован относительно низкий уровень профессионального стресса, что свидетельствует об их успешной адаптации к стрессогенным условиям и высокой стрессоустойчивости. Также было отмечено, что прокрастинация среди ИТ-специалистов выражена слабо, однако ее уровень возрастал у тех, кто испытывал острый или хронический профессиональный стресс [Барабаншикова 2017].

В исследовании, посвященном проблеме эмоционального выгорания среди программистов, С. Т. Джанерьян и И. В. Забара выявили четыре ключевых типа ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности, которые играют существенную роль в формировании данного синдрома.

1. Наиболее выраженной особенностью *ценностного типа* является глубокая вовлеченность в профессиональную деятельность, что проявляется в высокой значимости таких аспектов, как творчество, познание, стремление к достижениям и преобразованию, потребность в свободе. Представители этого типа демонстрируют не только высокую удовлетворенность своей работой, но и значительные успехи в профессиональной сфере, что делает их менее подверженными эмоциональному выгоранию.

2. В отличие от них, *потребностно-технологический тип* характеризуется восприятием профессиональной деятельности как цели, при этом

ключевыми мотивами выступают утилитарные, кооперативные и коммуникативные аспекты труда. Для таких специалистов важны не только результаты, но и сам процесс работы, возможность проявления альтруизма. Хотя их уровень удовлетворенности трудом остается высоким, профессиональная успешность оценивается как средняя, что может создавать предпосылки для умеренного риска выгорания.

3. *Средственный тип* отличается инструментальным отношением к профессии, рассматривая ее прежде всего как средство достижения иных целей. Несмотря на выраженность утилитарных, преобразовательных и кооперативных мотивов, а также потребности в свободе, их профессиональная успешность варьируется от средней до низкой, хотя удовлетворенность трудом сохраняется на высоком уровне. Такая диспропорция между удовлетворенностью и объективными результатами деятельности может способствовать развитию эмоционального истощения.

4. Наиболее неоднородным является *диффузный тип*, для которого свойственна изменчивость в восприятии профессиональной деятельности: она может осознаваться и как ценность, и как цель, и как средство. В мотивационной структуре таких программистов сочетаются утилитарные, преобразовательные, кооперативные и конкурентные мотивы, а также потребности в результате и свободе. Удовлетворенность трудом у них колеблется от высокого до среднего уровня, тогда как профессиональная успешность оценивается как средняя. Подобная нестабильность ценностно-смысловых ориентаций может повышать уязвимость к эмоциональному выгоранию [Джанерьян, Забара 2019].

В исследовании А. А. Журавлевой и К. Р. Червинской подробно анализируются психологические особенности ИТ-специалистов. Авторы выделяют четыре ключевые ролевые позиции, которые проявляются в процессе профессионального взаимодействия и обмена знаниями.

1. Критик. Данная ролевая позиция характеризуется склонностью к неприятию идей других специалистов, выраженной критичностью оценок, а в случае несогласия – открытым антагонизмом, что усиливает напряжение в групповых обсуждениях. Такой специалист демонстрирует недоверие к руководителю и коллегам, не разделяет общих целей и ценностей команды, проявляет упрямство и стремление доминировать.

2. Командный игрок. Отличается доверием к коллегам, активным выражением солидарности в процессе обмена знаниями, способностью снижать напряжение в группе. Такой сотрудник открыто делится информацией, а в случае несогласия выражает его пассивно, при этом всегда готов искать совместные решения.

3. Новичок. Третья роль связана с активным поиском информации, пассивным принятием мнений других специалистов и интернальным локусом контроля.

4. Предлагающий решения. Четвертая ролевая позиция проявляется в формулировании конкретных предложений, поиске компромиссных оценок и экстернальном локусе контроля [Журавлева, Червинская 2013].

И. В. Троицкая и Ч. Н. Монгуш провели детальный сравнительный анализ субъектных и индивидуально-личностных характеристик представителей професий информационного типа. В ходе работы было установлено, что студентов, относящихся к системе человек – знак, характеризует ярко выраженная познавательная направленность, а также доминирование мотивационных факторов, связанных с позитивными социальными установками и осмысленностью профессионального выбора [Троицкая, Монгуш 2012].

Проведенный теоретический анализ работ, посвященных проблемам изучения специалиста в области высоких технологий, позволил разработать психологическую модель научно-инженерной и IT-элиты России, которая имеет структурно-уровневую организацию. Функциональный уровень выражает предназначение данного типа элиты, определяет ее роль и место в системе социально-экономического и политического пространства. Операциональный уровень характеризует представителя элиты как носителя научных и инженерных идей и проектов. Мотивационный уровень осуществляет социальную детерминацию профессиональных отношений.

Структурно-содержательную основу модели составляет совокупность факторов, влияющих на специфику данного типа элит. Содержательные составляющие модели отражают важнейшие элементы структуры личности, направленные на выявление специфических характеристик субъекта

научно-инженерной элиты. Структурные составляющие раскрывают социально-профессиональные и духовные ориентиры человека [Карабущенко 2024].

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 635 первокурсников восьми институтов / факультетов Национального исследовательского ядерного университета МИФИ разных лет обучения (с 2022 по 2025 г.):

- Инженерно-технические специальности (ИнжТех):
 - институт нанотехнологий в электронике, спинтронике и фотонике (ИНТЭЛ) – 44 человека;
 - инженерно-физический институт биомедицины (ИФИБ) – 62 человека;
 - институт лазерных и плазменных технологий (ЛАПЛАЗ) – 110 человек.
- Информационно-математические специальности (ИТ):
 - институт интеллектуальных кибернетических систем (ИИКС) – 96 человек;
 - институт физико-технических интеллектуальных систем (ИФТИС) – 98 человек;
 - факультет бизнес-информатики и управления комплексными системами (ФБИУКС) – 81 человек.
- Гуманитарные специальности (Гум):
 - институт финансовых технологий и экономической безопасности (ИФТЭБ) – 57 человек;
 - институт международных отношений (ИМО) – 87 человек.

В исследовании применялся следующий психодиагностический инструментарий:

- методика Ш. Шварца «Диагностика ценностных ориентаций» [Schwartz 1994];
- Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной²;
- тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭИИ) [Люсин 2009];
- копинг-тест (методика Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой) [Крюкова и др. 2005].

Были использованы методы математической статистики: корреляционный анализ (r Спирмена) и факторный (эксплораторный) анализ.

² Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. *Практическая психодиагностика: Методики и тесты*, ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ-М, 2001. С. 641–648.

Результаты

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить наиболее выраженные связи между психологическими показателями, зарегистрированными на всей выборке студентов инженерно-технического, информационно-математического и социально-экономического профилей. Особое внимание обращают на себя ценностно-смысловые взаимодействия с другими психологическими сферами личности. Ценность *безопасность* на нормативном уровне связана с грамотной организацией деятельности: труд ($r = 0,15$; $p = 0,01$), принятие ответственности ($r = 0,15$; $p = 0,01$), планирование решения проблем ($r = 0,21$; $p = 0,01$). Студенты ценят комфорт и защищенность, считая, что в этом им помогают: самоконтроль ($r = 0,19$; $p = 0,01$), общий уровень эмоционального интеллекта ($r = 0,19$; $p = 0,01$), альтруизм ($r = 0,13$; $p = 0,05$) и положительная переоценка в трудных жизненных ситуациях ($r = 0,24$; $p = 0,01$). На уровне индивидуальных приоритетов ценность *безопасность* помимо выше представленных связей делает существенный уклон в сторону эмоционального интеллекта, подчеркивая значимость контроля экспрессии ($r = 0,13$; $p = 0,05$), понимания как своих ($r = 0,13$; $p = 0,05$), так и чужих эмоций ($r = 0,23$; $p = 0,01$), управления своими ($r = 0,24$; $p = 0,01$) и чужими эмоциями ($r = 0,23$; $p = 0,01$) и др. Таким образом, мы наблюдаем сильные корреляционные связи шкалы *безопасность* с эмоционально-волевой сферой личности, с регуляцией деятельности и стрессоустойчивостью.

Шкала *власть* на нормативном уровне коррелирует как с материальными благами: деньги ($r = 0,43$; $p = 0,01$), так и с пониманием необходимости много работать, чтобы достичь высокого социального положения: труд ($r = 0,22$; $p = 0,01$), результат ($r = 0,31$; $p = 0,01$). Индивидуальные приоритеты дополняют значение целенаправленной, продуктивной деятельности: планирование решения проблем ($r = 0,16$; $p = 0,01$), порой сопряженной с соперничеством и конкурентной борьбой: конфронтационный копинг ($r = 0,19$; $p = 0,01$). Особое внимание обращает на себя положительная связь *власти* с практически всеми шкалами эмоционального интеллекта: общий уровень ($r = 0,16$; $p = 0,01$), межличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,15$; $p = 0,01$), внутриличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,13$; $p = 0,01$) и др. Данное обстоятельство обусловлено тем, что студенты ценность *власти* воспринимают не как нечто заданное, а как требующее

приложения собственных усилий, кропотливого труда, в процессе которого формируются социально значимые компетенции.

Гедонистические тенденции на нормативном уровне достаточно предсказуемы, они связаны с эгоизмом ($r = 0,22$; $p = 0,01$), властью ($r = 0,21$; $p = 0,01$), деньгами ($r = 0,29$; $p = 0,01$), конфронтационным копингом ($r = 0,18$; $p = 0,01$). Индивидуальный уровень отличается деятельностно-продуктивными и социально ориентированными тенденциями: процесс ($r = 0,20$; $p = 0,01$), принятие ответственности ($r = 0,11$; $p = 0,05$), поиск социальной поддержки ($r = 0,17$; $p = 0,01$), положительная переоценка ($r = 0,15$; $p = 0,01$). Таким образом, для будущих инженеров гедонистические проявления не отделимы от результативности и продуктивности в жизнедеятельности. Осознание меры ответственности за собственные действия и поступки связано с выбранной профессиональной деятельностью, сопряженной с рисками на высокотехнологичном производстве.

Положительные корреляционные связи в социально значимом поле наблюдаются между ценностью *достижения* и доминирующим числом шкал эмоционального интеллекта: управление эмоциями ($r = 0,27$; $p = 0,01$), межличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,28$; $p = 0,01$), внутриличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,20$; $p = 0,01$), контроль экспрессии ($r = 0,15$; $p = 0,01$) и др., что свидетельствует о ведущей роли эмоционально-волевой сферы личности в ее карьерных и профессиональных устремлениях. Связь со шкалой *труд* ($r = 0,33$; $p = 0,01$) также достаточно сильна, однако в большей мере в части результата ($r = 0,38$; $p = 0,01$), т.к. последний способен обеспечить субъекта властью ($r = 0,43$; $p = 0,01$) и деньгами ($r = 0,23$; $p = 0,01$). Альтруистические порывы ($r = -0,13$; $p = 0,05$) высоким достижениям чужды. Индивидуальные приоритеты имеют схожие корреляции за исключением реагирования в трудных жизненных ситуациях: планирование решения проблем ($r = 0,20$; $p = 0,01$), положительная переоценка ($r = 0,21$; $p = 0,01$).

Ценность *доброта* в нормативном поле имеет положительные связи как с эмоциональным интеллектом, так и с мотивационно-деятельностной составляющей. Межличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,22$; $p = 0,01$) позволяет студентам выстраивать доверительные отношения, оказывать помощь своим товарищам, поддерживать друзей

в трудных ситуациях (зачеты, экзамены и др.). Понимание эмоций ($r = 0,18$; $p = 0,01$) и управление эмоциями ($r = 0,11$; $p = 0,05$), как своими, так и чужими, способствуют сплочению коллектива и усилению группового взаимодействия. Через открытые, добропорядочные отношения выстраивается и деятельность студентов, наполненная значимостью самого процесса ($r = 0,13$; $p = 0,05$) и труда ($r = 0,18$; $p = 0,01$). Обучающиеся готовы принимать ответственность ($r = 0,22$; $p = 0,01$) и извлекать опыт даже из негативных ситуаций: положительная переоценка ($r = 0,23$; $p = 0,01$). Они имеют опыт планирования решения проблем ($r = 0,23$; $p = 0,01$) не только в учебной деятельности, но и в обычной жизни. Доброта на уровне индивидуальных предпочтений имеет аналогичные связи с мотивационной и эмоциональной сферами личности. Обращает на себя внимание положительная корреляция с самоконтролем ($r = 0,13$; $p = 0,05$), подчеркивающая значение саморегуляции и самоорганизации для личности. Закономерна отрицательная связь с эгоизмом ($r = -0,32$; $p = 0,01$). Ценность *доброта* не совместима с эгоистическими мотивами.

Выявив и описав по всей выборке корреляционные связи эмоциональной, мотивационной, ценностной и социальной сфер личности будущих инженеров через призму ценностно-смыслового конструкта, имеет смысл обратиться к факторному анализу, описывающему каждую из исследуемых групп (инженерно-технические, информационно-математические и социально-экономические специальности). Факторизация проводилась с учетом применения метода вращения (ротации факторов) варимакс при уровне корреляционной нагрузки 0,60.

Инженерно-технический профиль выявил преобладание трех факторов с общей долей дисперсии 40 %. Первый фактор **прагматизм** включает в себя ведущие прагматические тенденции: власть, деньги, достижение результата, эгоистичные проявления. Престижность и востребованность инженерных профессий в высокотехнологичных отраслях современного производства (особенно атомная промышленность) осознается студентами даже на самых начальных этапах обучения, следовательно, желание добиться высокого социального статуса и материального достатка в будущем – доминирующая тенденция студентов инженерно-технической направленности. Однако велика значимость **познания** как второго фактора. В силу

возрастных особенностей и профессиональной ориентации студенты проявляют особый интерес к познанию, техническому творчеству и научной деятельности. Данный фактор наполнен социально значимыми качествами личности: добротой, готовностью прийти на помощь ближнему, открытостью новым знаниям и коммуникабельностью, открытостью и инициативностью; а также способностями эффективной жизнедеятельности: жизнестойкостью, способностью планировать собственную жизнь и деятельность, принимать ответственные решения и извлекать опыт даже из тех ситуаций, которые приносят страдания и проблемы. Несколько особняком стоит фактор **дезадаптивность**, подчеркивающий интравертированность личности, ее замкнутость и внутреннюю эмоциональную жизнь. Сложные жизненные ситуации ставят в тупик студентов, лучшим способом преодоления становится избегание и дистанцирование. Внутренний эмоциональный интеллект показывает низкий уровень управления студентами собственными эмоциями, обусловленными неспособностью разобраться в собственных чувствах и переживаниях (табл. 1).

Результаты факторного анализа, полученные на двух выборках студентов, обучающихся на информационно-математическом и социально-экономическом направлениях, показали схожую картину. Выявлено два фактора: **доминирование** и **социальная лабильность**. Для специальностей информационно-математического профиля общая доля двух факторов в дисперсии (вариативности) всех значений исследования составила 35 % (табл. 2).

Первый фактор **доминирование** свидетельствует о стремлении личности добиться в своей жизни чего-то значимого, приобрести социальное признание, властные полномочия и социальный статус. Однако данные амбиции сопряжены с готовностью человека прикладывать усилия в процессе трудовой деятельности и идти к поставленной цели. Фактор **социальная лабильность** подчеркивает социальную активность человека, способность к командному взаимодействию. Студенты открыты к сотрудничеству, в стрессовых ситуациях (контрольные испытания, экзамены, научные проекты) поддерживают друг друга, оказывают необходимую помощь. Им не чуждо соперничество и конкурентная борьба, но лишь в той степени, чтобы закрепить за собой более авторитетный групповой статус.

Факторизация результатов выборки студентов социально-экономического направления имеет несущественные отличия от данных, полученных на выборке обучающихся на направлениях информационно-математического профиля (табл. 3). Общая доля двух факторов в дисперсии (вариативности) всех значений исследования составила 31 %.

Фактор **доминирование** наряду с ценностью самостоятельности и потребностью во власти имеет эмоционально-интеллектуальный оттенок.

Студенты, обладающие лидерскими способностями, учатся понимать состояние других людей, контролируя при этом собственные эмоции. Фактор **социальная лабильность** отличается гедонистической тенденцией, однако с осознанием ответственности за собственные поступки и действия. Умение извлекать положительный опыт из проблемных жизненных ситуаций свидетельствует о конструктивной учебно-профессиональной направленности. При этом дистанцирование и избегание могут стать вполне рабочими стратегиями.

Табл. 1. Результаты факторизации данных исследования по выборке студентов инженерно-технического профиля
Tab. 1. Data factorization for students of engineering

Фактор (доля дисперсии)	Переменные	Корреляционные нагрузки
1. Прагматизм (15 %)	Власть	0,67
	Власть (индивидуальная ценность)	0,66
	Результат	0,66
	Деньги	0,62
	Эгоизм	0,61
2. Познание (14 %)	Универсализм (индивидуальная ценность)	0,69
	Положительная переоценка	0,68
	Планирование решения проблемы	0,67
	Доброта (индивидуальная ценность)	0,66
3. Деадаптивность (11 %)	Бегство-избегание	0,69
	Дистанцирование	0,61
	Управление своими эмоциями	-0,60
	Понимание своих эмоций	-0,69

Табл. 2. Результаты факторизации данных исследования по выборке студентов информационно-математического профиля
Tab. 2. Data factorization for students majoring in information studies and mathematics

Фактор (доля дисперсии)	Переменные	Корреляционные нагрузки
1. Доминирование (19 %)	Достижения (нормативный идеал)	0,78
	Самостоятельность (индивидуальная ценность)	0,71
	Самостоятельность (нормативный идеал)	0,71
	Управление своими эмоциями	0,68
	Власть (нормативный идеал)	0,64
2. Социальная лабильность (16 %)	Принятие ответственности	0,71
	Бегство-избегание	0,67
	Конфронтационный копинг	0,65
	Универсализм (нормативный идеал)	0,64
	Поиск социальной поддержки	0,61
	Дистанцирование	0,60
	Доброта (нормативный идеал)	0,60

Табл. 3. Результаты факторизации данных исследования по выборке студентов социально-экономического профиля
Tab. 3. Data factorization for students of socioeconomics

Фактор (доля дисперсии)	Переменные	Корреляционные нагрузки
1. Доминирование (16 %)	Управление своими эмоциями	0,72
	Понимание чужих эмоций	0,71
	Понимание своих эмоций	0,67
	Самостоятельность (индивидуальная ценность)	0,63
	Власть (индивидуальная ценность)	0,60
2. Социальная лабильность (15 %)	Бегство-избегание	0,82
	Дистанцирование	0,76
	Принятие ответственности	0,70
	Поиск социальной поддержки	0,60
	Положительная переоценка	0,60
	Гедонизм (индивидуальная ценность)	0,56

Заключение

Серия эмпирических исследований, проведенных на разных выборках студентов МИФИ, позволила практически обосновать и расширить психологическую модель научно-инженерной и IT-элиты России (рис.). Изучение содержательных составляющих модели, а также эмпирические измерения критериев / показателей социальной и профессиональной успешности позволили выявить два типа самоопределения личности: конструктивный и деструктивный. На основе критериев социальной успешности были выделены два конструктивных типа: доминирующе-управляющий и социально лабильный; один тип – деструктивный: прагматичный.

Доминирующе-управляющий тип – это личность лидера, стремящегося к обретению власти и влияния, ценящего независимость и самостоятельность в принятии решений, способного контролировать и управлять своими и чужими эмоциями. Для такого лидера важен статус и карьерный рост. При этом чистый прагматизм ему не свойственен. Власть, материальные блага, высокой статус не становятся самоцелью. Только целенаправленный труд и профессиональное самосовершенствование, систематическая работа над собой и инициативность могут обеспечить блага общественной жизни.

Социально лабильный тип – социально ориентированная личность, нацеленная на расширение коммуникативных связей, ценит социальную поддержку, отличается деятельностной позицией, ответственностью и организованностью.

Помощь другим людям и совместная коллективная деятельность способствуют профессиональному становлению и закреплению социальной роли личности в коллективе. Однако неудачи и проблемные ситуации являются препятствием на пути саморазвития, личность использует деструктивные копинги (дистанцирование и бегство-избегание), которые тормозят ее карьерные притязания.

Прагматичный тип – это субъект элиты, стремящийся к власти, деньгам, достижению высокого социального статуса. Эгоистические проявления и гедонистические потребности являются преобладающими ценностями для такого типа личности. Человек находит смысл не в процессе деятельности и поэтапности решения поставленных задач, а только в ее результате, причем выраженном в материальных благах (дипломы, награды, медали, звания, материальные вознаграждения). Эмоциональный интеллект, особенно в части межличностного аспекта, невысок, а собственные переживания имеют особую значимость. Доминирующая поведенческая стратегия – конкуренция, а в процессе преодоления трудных жизненных ситуаций – конфронтация.

На основе критериев профессиональной успешности были выделены конструктивный тип – познающий; деструктивный тип – дезадаптивный.

Познающий тип – один из самых ориентированных на научную деятельность типов. Заинтересованность проявляется через пылливость ума и готовность взаимодействовать со сверстниками

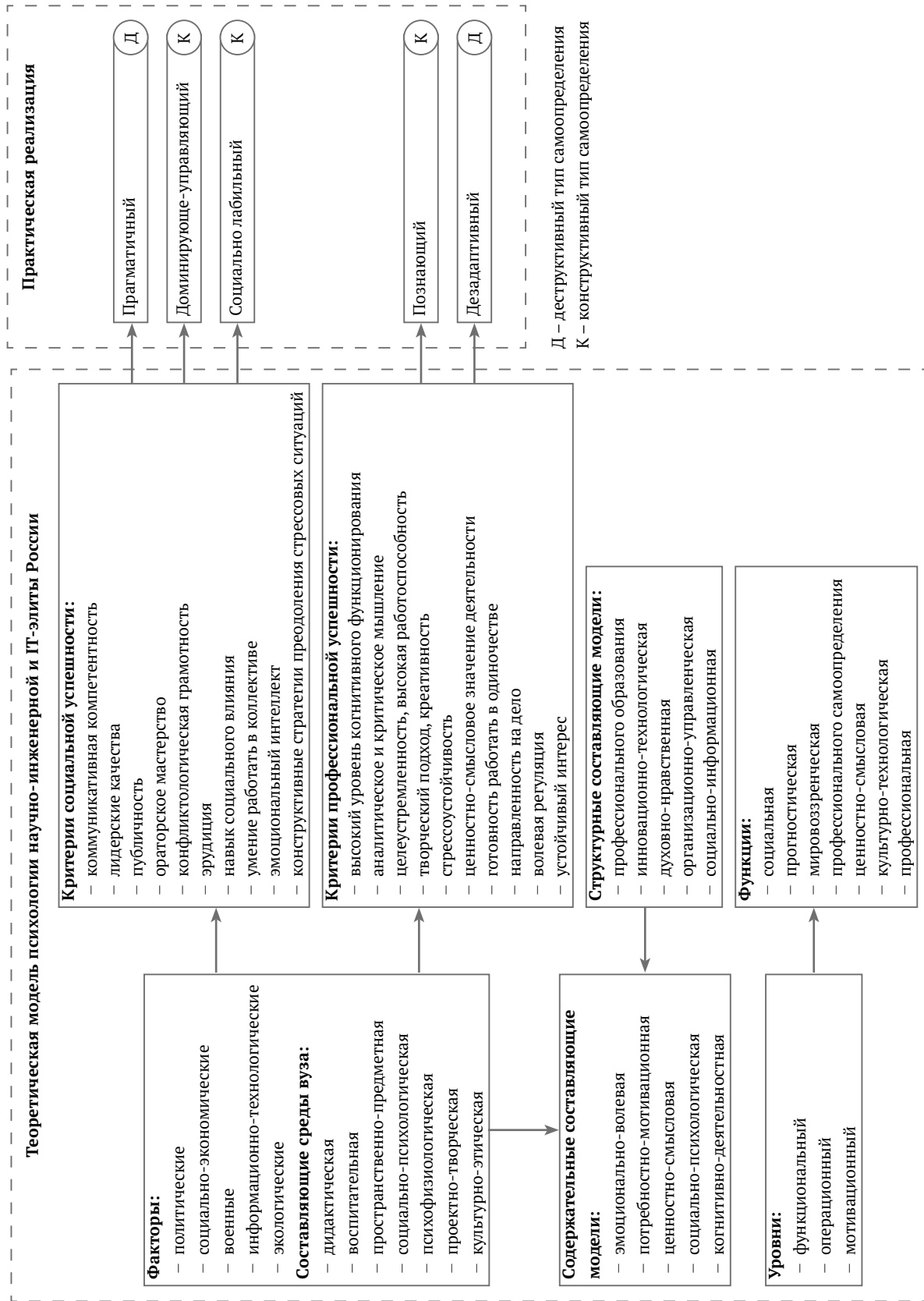

Рис. Психологическая модель научно-инженерной и IT-элиты России
Fig. Psychological model of the emerging Russian scientific, engineering, and IT elite

для достижения общей цели. Студенты создают команды для реализации совместного проекта, участвуют в соревнованиях и конкурсах. Малые группы, сложившиеся в студенческие годы, перерастают в научные коллективы и лаборатории. Поисковая активность, готовность находить пути решения научно-технических задач, конструктивно преодолевать трудности, владение стратегическим и тактическим планированием, при положительном отношении как к окружающим, так и к собственной профессиональной деятельности, характеризуют познающую направленность личности.

Дезадаптивный тип – это личность интровертивного типа, закрытая, замкнутая. Внутренний мир такого человека скрыт от других, поэтому эмоциональные проявления невыразительны и сдержаны. Стремление к контролю экспрессии приводит субъекта элиты к эмоциональной ригидности и низкому эмоциональному интеллекту. Жизненные трудности и проблемы воспринимаются как непреодолимые препятствия, поэтому их лучше избегать или дистанцироваться от них. Субъект не склонен к групповому взаимодействию, предпочитая уединенную умственную работу. Как следствие – низкая коммуникабельность и непонимание чувств других людей.

Таким образом, теоретически осмысленная и структурированная модель психологии научно-

инженерной и IT-элиты получила свое практическое подтверждение и выражение, отразив сущность потенциальной элиты и возможные векторы ее становления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. Б. Карабущенко – разработка научной концепции, обработка и интерпретация эмпирических результатов, выводы и практические рекомендации, помощь в проведении эмпирического исследования. П. П. Карабущенко – проведение эмпирического исследования, создание базы данных, обработка полученных эмпирических результатов.

Contribution: N. B. Karabushchenko developed the research concept, processed and interpreted the empirical results, formulated the conclusions and practical recommendations, and assisted in the empirical research. P. P. Karabushchenko conducted the empirical research, compiled the database, and processed the empirical results.

Литература / References

- Барабанщикова В. В. Профессиональные деформации специалиста в инновационных видах деятельности. Москва: Когито-Центр, 2017. 234 с. [Barabanshchikova V. V. *Professional deformations of a specialist in innovative activities*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2017, 234. (In Russ.)]
- Грошева Л. И. Интеллектуальная элита виртуального пространства в восприятии современной молодежи. *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: XXI Междунар. науч. конф.* (Иваново, 30–31 марта 2022 г.) Иваново: ИвГУ, 2022. С. 165–176. [Grosheva L. I. Intellectual elite of digital space in perception of modern youth. *State, society, and church in the history of Russia in the 20th–21st centuries: Proc. XXI Intern. Sci. Conf.*, Ivanovo, 30–31 Mar 2022. Ivanovo: IvSU, 2022, 165–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cvvnfue>
- Джанерьян С. Т., Забара И. В. Особенности эмоционального выгорания у программистов с различными типами ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности. *Педагогика и просвещение*. 2019. № 2. С. 32–40. [Dzhaneryan S. T., Zabara I. V. Peculiar properties of emotional burnout among the programmers with a different value-semantic attitude to professional activity. *Pedagogy and education*, 2019, (2): 32–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2019.2.29723>
- Журавлева А. А., Червинская К. Р. Роль доверия и организационной культуры как критериев эффективности разделения знаний. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2013. № 1. С. 23–28. [Zhuravleva A. A., Chervinskaya K. R. The role of corporate culture and trust as criteria of the efficiency of knowledge sharing. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 12. Psikhologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 2013, (1): 23–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxtayx>

- Карбущенко Н. Б. Научно-инженерная элита России: психологический подход. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2024. № 1. С. 77–88. [Karabushchenko N. B. Scientific and engineering elite of Russia: Psychological approach. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2024, (1): 77–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/vtppsyped/2024.1.077>
- Карбущенко Н. Б. Психологические основы формирования элит в вузе. *Образовательные технологии*. 2014а. № 1. С. 56–70. [Karabushchenko N. B. Psychological foundations of elite development in higher education. *Obrazovatelnye tekhnologii*, 2014, (1): 56–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ryjlpх>
- Карбущенко Н. Б. Ценностно-смысловые ориентации личности потенциальной научно-инженерной элиты. *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2023. Т. 17. № 4. С. 586–597. [Karabushchenko N. B., Bobkov A. N. Value-semantic orientations of the personality of the potential scientific and engineering elite. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2023, 17(4): 586–597. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.18255/1996-5648-2023-4-586-597>
- Карбущенко Н. Б. Элитизирующая образовательно-воспитательной среда. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014b. № 4. С. 171–176. [Karabushchenko N. B. Elite educational environment. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2014, (4): 171–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/teusrb>
- Карбущенко Н. Б., Паршутин И. А., Бобков А. Н. Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 277–286. [Karabushchenko N. B., Parshutin I. A., Bobkov A. N. Emotional intelligence of Russia's potential scientific and technical elite. *SibScript*, 2024, 26(2): 277–286. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-277-286>
- Крюкова Т. Л., Куфтыак Е. В., Замышляева М. С. Адаптация методик, изучение совладающего поведения Way of Coping Questionnaire (Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана). *Психологическая диагностика*. 2005. No 3. С. 57–76. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V., Zamyshlyayeva M. S. R. Lazarus and S. Folkman's Way of Coping Questionnaire: Adaptation. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2005, (3): 57–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygchhn>
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*, ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2009. С. 264–278. [Lyusin D. V. EmIn Questionnaire of emotional intelligence: New psychometric data. *Social and emotional intelligence: From processes to dimensions*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2009, 264–278. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slanqv>
- Мочалова Н. М. Академическая элита. *Ватандаш*. 2022. № 8. С. 129–141. [Mochalova N. M. Academic elite. *Vatandash*, 2022, (8): 129–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahidfo>
- Мочалова Н. М., Абдуллина М. А. Педагогическая элита. *Ватандаш*. 2023. № 11. С. 136–142. [Mochalova N. M., Abdullina M. A. Pedagogical elite. *Vatandash*, 2023, (11): 136–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hugsqв>
- Мочалова Н. М., Абдуллина М. А. Творческая элита: создатели. *Ватандаш*. 2022. № 12. С. 117–132. [Mochalova N. M., Abdullina M. A. Creative elite: Creators. *Vatandash*, 2022, (12): 117–132. (In Russ.)]
- Новгородова Н. Г. Инженерная элита. *Техническое регулирование в едином экономическом пространстве: X Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 18 мая 2023 г.) Екатеринбург: РГППУ, 2023. С. 160–164. [Novgorodova N. G. Engineering elite. *Technical regulation in a single economic space: Proc. X All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 18 May 2023. Ekaterinburg: RSVPU, 2023, 160–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/krejkl>**
- Опарина М. Е. Трудовая мотивация специалистов сферы информационных технологий в условиях доминирующего типа организационной культуры. *Социальная психология и общество*. 2014. Т. 5. № 4. С. 90–103. [Oparina M. E. Employee motivation in IT specialists in the context of a dominating type of organizational structure. *Social Psychology and Society*, 2014, 5(4): 90–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sqypfv>
- Троицкая И. В., Монгуш Ч. Н. Мотивация и профессиональное самоопределение будущих архитекторов, инженеров, экономистов. *Вестник гражданских инженеров*. 2012. № 6. С. 359–364. [Troitskaya I. V., Mongush Ch. N. Motivation and professional self-determination of the future architects, engineers, economists. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 2012, (6): 359–364. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzaumv>

- Чимитова И. З., Васюткин Г. А. Особенности интеллектуальной элиты. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2023. № 3. С. 11–18. [Chimitova I. Z., Vasyutkin G. A. Features of the intellectual elite. *Bulletin of Buryat State University*, 2023, (3): 11–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-11-18>
- Шумейко Е. И., Верещагина Л. А. Внутренняя мотивация как предиктор проактивного поведения IT-специалистов. *Ананьевские чтения: Междунар. науч. конф.* (Санкт-Петербург, 8–11 декабря 2020 г.) СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 323–324. [Shumeiko E. I., Vereshhagina L. A. Intrinsic motivation as a predictor of proactive behavior in IT specialists. *Ananyev Readings: Proc. Intern. Sci. Conf.*, St. Petersburg, 8–11 Dec 2020. St. Petersburg: Skifia-print, 2020, 323–324. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcemsj>
- Ahn Y. H., Annie R. P., Kwon H. Key competencies for U.S. construction graduates: Industry perspective. *Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice*, 2012, 138(2): 123–130. [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)EI.1943-5541.0000089](https://doi.org/10.1061/(ASCE)EI.1943-5541.0000089)
- Cropley D. H., Cropley A. J. Fostering creativity in engineering undergraduates. *High ability studies*, 2000, 11(2): 207–219. <https://doi.org/10.1080/13598130020001223>
- Cunningham P., Matusovich H. M., Hunter D. A., McCord R. E. Teaching metacognition: Helping engineering students take ownership of their own learning. *2015 IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*, Oct 2015.
- Danh Nguyen N., Yoshinari Y., Shigeji M. University education and employment in Japan: Students' perceptions on employment attributes and implications for university education. *Quality Assurance in Education*, 2005, 13(3): 202–218. <https://doi.org/10.1108/09684880510607945>
- Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry. *American psychologist*, 1979, 34(10): 906–911. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906>
- Goldberg D. E., Somerville M. A. *Whole new engineer. The coming revolution in Engineering Education*. Douglas MI: Threejoy, 2014, 264.
- Gray C. M., McKilligan S., Daly S., Seifert C., Gonzalez R. Idea generation through empathy: Reimagining the 'cognitive walkthrough'. *2015 ASEE Annual Conference & Exposition*, 2015. <https://doi.org/10.18260/p.24208>
- Hess J. L., Beever J., Strobel J., Brightman A. O. Empathic perspective-taking and ethical decision-making in engineering ethics education. *Philosophy and engineering: Exploring boundaries, expanding connections*, eds. Michelfelder D., Newberry B., Zhu Q. Springer, Cham., 2017a, vol. 26, 163–179. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45193-0_13
- Hess J. L., Strobel J., Pan R., Wachter Morris C. A. Insights from industry: A quantitative analysis of engineers' perceptions of empathy and care within their practice. *European Journal of Engineering Education*, 2017b, 42(6): 1128–1153. <https://doi.org/10.1080/03043797.2016.1267717>
- Kirn A., Benson L. Engineering students' perceptions of problem solving and their future. *Journal of Engineering Education*, 2018, 107(1): 87–112. <https://doi.org/10.1002/jee.20190>
- Krajcik J. S. *Teaching children science: A project-based approach*. McGraw-Hill College, 1998, 356.
- Lucas B., Claxton G., Hanson J. *Thinking like an engineer: Implications for the education system*. University of Winchester, 2014, 369.
- Meier R. L., Williams M. R., Humphreys M. A. Refocusing our efforts: Assessing non-technical competency gaps. *Journal of Engineering Education*, 2000, 89(3): 377–385. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2000.tb00539.x>
- Nelson K. G., Shell D. F., Husman J., Fishman E. J., Soh L.-K. Motivational and self-regulated learning profiles of students taking a foundational engineering course. *Journal of Engineering Education*, 2015, 104(1): 74–100. <https://doi.org/10.1002/jee.20066>
- Pintrich P. R. The role of metacognitive knowledge in learning, teaching, and assessing. *Theory into Practice*, 2002, 41(4): 219–225. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4104_3
- Prince K., Saveri A., Swanson J. *The future of learning: Redefining readiness from the inside out*. Cincinnati: Knowledge Works, 2017, 57.
- Ralston P. A., Bays C. L. Critical thinking development in undergraduate engineering students from freshman through senior year: A 3-cohort longitudinal study. *American Journal of Engineering Education (AJEE)*, 2015, 6(2): 85–98. <https://doi.org/10.19030/ajee.v6i2.9504>
- Rasoal C., Danielsson H., Jungert T. Empathy among students in engineering programmes. *European Journal of Engineering Education*, 2012, 37(5): 427–435. <https://doi.org/10.1080/03043797.2012.708720>

- Savage R., Chen K., Vanasupa L. Integrating project-based learning throughout the undergraduate engineering curriculum. *Journal of STEM Education*, 2008, 8(3): 76–105.
- Schwartz S. H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 1994, 50(4): 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
- Skipper C. O., Brandenburg S. Emotional intelligence and academic performance of engineering students. *Engineering Project Organization Journal*, 2013, 3(1): 13–21. <https://doi.org/10.1080/21573727.2012.738669>
- Smith K. A., Sheppard S. D., Johnson D. W., Johnson R. T. Pedagogies of engagement: Classroom-based practices. *Journal of Engineering Education*, 2005, 94(1): 87–101. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2005.tb00831.x>
- Snyder K. E., Barr S. M., Honken N. B., Pittard C. M., Ralston P. A. Navigating the first semester: An exploration of short-term changes in motivational beliefs among engineering undergraduates. *Journal of Engineering Education*, 2018, 107(1): 11–29. <https://doi.org/10.1002/jee.20187>
- Stump G. S., Husman J., Corby M. Engineering students' intelligence beliefs and learning. *Journal of Engineering Education*, 2014, 103(3): 369–387. <https://doi.org/10.1002/jee.20051>
- Turns J. A., Sattler B., Yasuhara K., Borgford-Parnell J. L., Atman C. J. Integrating reflection into engineering education. *2014 ASEE Annual Conference & Exposition*, Jun 2014. <https://doi.org/10.18260/1-2--20668>
- Vallero D. A., Vesilind P. A. Preventing disputes with empathy. *Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice*, 2006, 132(3): 272–278. [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)1052-3928\(2006\)132:3\(272\)](https://doi.org/10.1061/(ASCE)1052-3928(2006)132:3(272))
- Vos H., de Graaff E. Developing metacognition: A basis for active learning. *European Journal of Engineering Education*, 2004, 29(4): 543–548. <https://doi.org/10.1080/03043790410001716257>
- Walther J., Kellam N., Sochacka N., Radcliffe D. Engineering competence? An interpretive investigation of engineering students' professional formation. *Journal of Engineering Education*, 2011, 100(4): 703–740. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2011.tb00033.x>
- Walther J., Sochacka N. W., Benson L. C., Bumbaco A. E., Kellam N., Pawley A. L., Phillips C. M. Qualitative research quality: A collaborative inquiry across multiple methodological perspectives. *Journal of Engineering Education*, 2017, 106(1): 398–430. <https://doi.org/10.1002/jee.20170>
- Wertz R. E., Purzer Ş., Fosmire M. J., Cardella M. E. Assessing information literacy skills demonstrated in an engineering design task. *Journal of Engineering Education*, 2013, 102(4): 577–602. <https://doi.org/10.1002/jee.20024>
- Yadav A., Subedi D., Lundeborg M. A., Bunting C. F. Problem-based learning: Influence on students' learning in an electrical engineering course. *Journal of Engineering Education*, 2011, 100(2): 253–280. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2011.tb00013.x>
- Zimmerman B. J. Becoming a self-regulated learner: An overview. *Theory into Practice*, 2002, 41(2): 64–70. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4102_2

оригинальная статья

eLibrary EDN: FMNXLB

Особенности экономического сознания личности в зависимости от уровня эгоизма

Нехорошева Инна Владимировна

Государственный университет просвещения, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5204-1205

<https://orcid.org/0009-0007-7148-4777>

Scopus Author ID: 35222205000

i-vl-n@mail.ru

Крамаренко Наталья Станиславовна

Государственный университет просвещения, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3831-4194

<https://orcid.org/0000-0002-5273-380X>

Аннотация: Связь между двумя базовыми областями жизни – экономикой и нравственностью людей – недостаточно изучена и явно недооценена. В России происходят глубокие социально-экономические преобразования, в том числе переход от свободного рынка к госкапитализму. Цель – изучить различия между людьми, отличающимися уровнем эгоизма, в их отношении к государственному участию в экономике, рыночной экономике, госкапитализму, идеям госрегулирования и госпланирования экономики, а также к экономическому неравенству, прогрессивному налогообложению, частному предпринимательству, конкуренции, деньгам. Предмет исследования – особенности экономического сознания личности в зависимости от уровня эгоизма. Выборка: 287 человек 18–52 лет ($M = 25,1$; $SD = 7,9$); 44 % – мужского пола, 56 % – женского. Применялись: шкала диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева; опросник «Отношение к государственному участию в экономике» И. В. Нехорошевой; Стандартизированная программа исследования экономико-психологических характеристик личности А. Л. Журавлева и Н. А. Журавлевой; Опросник субъективного экономического благополучия В. А. Хашенко; Опросник отношения к конкуренции Н. А. Ахадовой. Выявлено, что респонденты с более высоким уровнем эгоизма имеют более высокие экономические притязания ($p < 0,01$), придают существенно большую значимость деньгам ($p < 0,001$), более одобрительно относятся к конкуренции ($p < 0,001$), рыночной экономике ($p < 0,001$), идеям наращивания частного капитала в экономике ($p < 0,01$). Они в большей мере согласны с принципом: в бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали ($p < 0,001$). Респонденты с пониженным уровнем эгоизма более одобрительно относятся к планово-распределительной экономике ($p < 0,01$), госкапитализму ($p < 0,001$). Они более обеспокоены экономическим расслоением общества ($p < 0,001$), менее одобрительно относятся к конкуренции и жестким методам конкурентной борьбы ($p < 0,001$), жизни по закону джунглей ($p < 0,001$). При этом обе группы положительно оценивают влияние малого бизнеса на жизнь страны, позитивно относятся к предпринимателям, поддерживают прогрессивное налогообложение и усиление госпланирования экономики.

Ключевые слова: психология нравственности, эгоизм личности, экономическое сознание, госкапитализм, рыночная экономика, конкуренция, деньги, экономическое неравенство

Цитирование: Нехорошева И. В., Крамаренко Н. С. Особенности экономического сознания личности в зависимости от уровня эгоизма. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 279–292. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-279-292>

Поступила в редакцию 09.06.2025. Принята после рецензирования 26.09.2025. Принята в печать 06.10.2025.

original article

Effect of Egoism on Economic Consciousness

Inna V. Nekhorosheva

State University of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5204-1205

<https://orcid.org/0009-0007-7148-4777>

Scopus Author ID: 35222205000

i-vl-n@mail.ru

Natalia S. Kramarenko

State University of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3831-4194

<https://orcid.org/0000-0002-5273-380X>

Abstract: Economy and morality are two basic areas of human life whose correlation remains underestimated. Russia is undergoing profound socio-economic transformations, shifting from the free market to the state capitalism. The article describes the effect of personal egoism on attitudes toward state economy, market economy, state capitalism, state regulation and state planning of the economy, economic inequality, progressive taxation, private entrepreneurship, competition, and money. The sample included 287 respondents aged 18–52 ($M = 25.1$; $SD = 7.9$; 44% male). The following research instruments were employed: Dispositional Egoism Scale (K. Muzdybaev); Questionnaire of Attitude toward State Involvement in the Economy (I. V. Nekhorosheva); Procedure for Studying Economic and Psychological Personality Traits (A. L. Zhuravlev, N. A. Zhuravleva); Subjective Economic Well-Being Questionnaire (V. A. Khaschenko); Attitude toward Competition Questionnaire (K3) (N. A. Akhadova). Respondents with a higher level of egoism demonstrated higher economic aspirations ($p < 0.01$), attached much more importance to money ($p < 0.001$), and were more favorable towards competition ($p < 0.001$), market economy ($p < 0.001$), and private capital ($p < 0.01$). They usually agreed with the principle that "when in business, profit is more important than morality" ($p < 0.001$). Respondents with a lower level of egoism preferred a planned distribution economy ($p < 0.01$) and state capitalism ($p < 0.001$). They were more concerned about the economic stratification of society ($p < 0.001$), less favorable to competition and competitive struggle ($p < 0.001$), and more negative to the so-called "Law of the Jungle" ($p < 0.001$). However, both groups positively assessed the impact of small businesses on the national economy and demonstrated a favorable attitude toward entrepreneurship, as well as supported progressive taxation and enhanced state economic planning.

Keywords: psychology of morality, personality egoism, economic consciousness, state capitalism, market economy, competition, money, economic inequality

Citation: Nekhorosheva I. V., Kramarenko N. S. Effect of Egoism on Economic Consciousness. *SibScript*, 2026, 28(2): 279–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-279-292>

Received 9 Jun 2025. Accepted after peer review 26 Sep 2025. Accepted for publication 6 Oct 2025.

Введение

В России с начала 2000-х гг. стала развиваться область на стыке психологии нравственности и экономической психологии. Актуальность изучения данной области была обусловлена поиском связи между резким переходом к рыночной экономике 35 лет назад и таким же резким снижением уровня нравственности в обществе [Юревич 2011; 2018]. Спустя 20 лет ученые продолжали писать о недостаточной изученности взаимосвязи между экономической сферой и морально-психологическим состоянием населения, о недостаточно глубоком понимании важности этой связи [Неэкономические грани... 2010; Экономика и общественная... 2008]. С. Л. Рубинштейн считал, что соотношение

в людях мотивов личных и общественных взаимосвязано с моделью социально-экономического строя [Рубинштейн 2012: 270]. По мнению коллектива авторов под руководством О. Т. Богомолова, «экономика неотделима от политики, государственного устройства, духовного развития» [Экономика и общественная... 2008: 5]. Даже сегодня накопленный объем исследований невелик, и можно согласиться с мнением О. Т. Богомолова: «явно недооценена роль общественной нравственности, ее воздействия на экономику» [Богомолов 2008: 17].

Связь нравственного сознания личности и группы с экономическим сознанием, самоопределением и поведением исследовалась в работах сотрудников

и аспирантов лаборатории экономической психологии Института психологии РАН [Журавлев, Купрейченко 2007; Купрейченко 2014; Сычев, Нестик 2023] и др. В исследованиях последних лет было показано, что морально-нравственные характеристики личности респондентов и их моральные суждения связаны с социально-экономическими ожиданиями [Сычев, Нестик 2023], отношением к экономическому неравенству, бедности, частной собственности [Сычев и др. 2019; Sychev, Protasova 2020], уровнем материализма личности [Смирнова и др. 2022], ценностями материальной обеспеченности [Нехорошева 2024], экономическим ростом и коррупцией [Huang et al. 2023], экономическими преступлениями [Гусева 2023]. Также показано, что объективное и субъективное экономическое неравенство, отношение к нему людей связаны с насыщенностью мировоззрения людей вопросами морали [Kirkland et al. 2024], размером круга моральной заботы о других [Elbæk et al. 2023; Kirkland et al. 2023], просоциальным поведением [Changhao Huang 2023], личной значимостью морали и отношением к перераспределительной государственной политике [Scatolon, Paladino 2023]. Таким образом, накапливаются эмпирические данные, подтверждающие наличие связи между нравственным и экономическим сознанием личности.

В последнее десятилетие в нашей стране ускоряются глубокие социально-экономические преобразования. В частности, по оценке докторов экономических наук А. Н. Семина и А. П. Третьякова, либерально-монетаристская модель экономики, господствовавшая в России в последние 30 лет, уходит в прошлое, продолжается курс на построение государственного капитализма [Семина, Третьяков 2020: 13–14]. По мнению Г. Н. Цаголова, свободный рынок – это либеральный миф, одностороннее следование которому не отвечает задачам формирования современной эффективной экономической модели [Цаголов 2017; по: Глазьев 2017: 166]. Таким задачам отвечает сочетание преимуществ капитализма и социализма [Хубиев 2017].

Происходящие социально-экономические преобразования отражаются в сознании населения. По оценке О. С. Дейнеки и соавторов, «обыденное сознание очень чувствительно к изменениям в экономике и финансах страны» [Дейнека и др. 2020: 190]. Как пишут А. Л. Журавлев и В. П. Позняков, человек выступает не пассивным объектом экономических влияний, а активным субъектом, со своим

экономическим поведением и системой взглядов в экономической области, «на личностном уровне психологических отношений формируется феномен предпочтения формы собственности и вида экономической деятельности» [Журавлев, Позняков 2018: 15].

При этом остается неизученным, каковы, в зависимости от нравственных качеств человека, его предпочтения модели экономики, его отношение к госкапитализму, к идеям госрегулирования и госпланирования экономики, каково его мнение по многим актуальным социально-экономическим вопросам. Среди психологических исследований нами не обнаружено комплексных эмпирических работ, отвечающих на этот вопрос. Поэтому цель данного исследования – изучить различия между людьми, отличающимися уровнем эгоизма, в их отношении к государственному участию в экономике, рыночной экономике, госкапитализму, идеям госрегулирования и госпланирования экономики, а также к экономическому неравенству, прогрессивному налогообложению, частному предпринимательству, конкуренции, деньгам.

Все указанные понятия входят в состав экономического сознания личности. Термин *экономическое сознание* определяется Н. А. Журавлевой как «представления, установки, отношения, оценки, мнения личности о различных явлениях экономического содержания (экономических объектах)» [Журавлева 2022: 242]. Многие элементы экономического сознания относятся одновременно и к понятию *экономическое самоопределение*. Так, изучая экономическое самоопределение, А. Б. Купрейченко относит к его составляющим в том числе отношение к конкуренции, отношение к деньгам и т.д. [Купрейченко 2014: 326–327]. Экономическое сознание связано с экономическим самоопределением таким образом: процесс экономического самоопределения реализуется через оформление и накопление элементов экономического сознания [Журавлев, Купрейченко 2007: 169–170]. Итак, объектом исследования является экономическое сознание личности.

Предмет исследования – особенности экономического сознания в зависимости от уровня эгоизма личности. Эгоизм личности, по К. Муздыбаеву, представляет собой «предрасположенность к игнорированию чувств, интересов и благополучия других людей ради достижения своих целей, а также ее готовность нарушить установленные правила, использовать других или даже наносить им вред с целью осуществления своих желаний» [Муздыбаев 2000: 28]. Из этого

определения следует, что не бывает «морально-индифферентного эгоизма», поскольку нет эгоизма, который «ограничился бы самим собой и не вышел бы за пределы отдельной личности» [Там же: 27]. Эгоизм, на наш взгляд, – это одно из базовых нравственных качеств личности, нравственная личностная черта. В противоположность эгоизму «неэгоистичная личность включает в свое "я" других или рассматривает себя как часть целого» [Там же].

Общая гипотеза исследования опирается на перечень вышеупомянутых эмпирических исследований, подтверждающих наличие связи между нравственным и экономическим сознанием, и заключается в предположении о существовании различий в экономическом сознании людей, отличающихся уровнем эгоизма.

Общую гипотезу можно конкретизировать исходя из следующих эмпирических закономерностей. Было показано, что для людей с повышенным уровнем эгоизма более важны материальные блага и гедонистические ценности и менее важны вопросы благополучия других людей и общества [Нехорошева 2024: 129–130]. Люди, для которых более значимы моральные вопросы и проблемы общества, больше убеждены в необходимости сокращения экономического неравенства [Scatolon, Paladino 2023]. Одобрение экономического равенства положительно коррелирует со значимостью для человека моральных оснований сострадания, моральной чистоты, справедливости, уважения к порядку, традициям и авторитету [Sychev, Protasova 2020]. У лиц, осужденных за коррупционные преступления (в исследовании А. С. Гусевой) или готовых пойти на такое преступление в воображаемой ситуации (в исследовании Е. Ю. Стрижова), ниже готовность учитывать моральные и правовые нормы в своем поведении, ниже значимость просоциальных ценностей доброты, универсализма, выше значимость ценностей власти и гедонизма [Гусева 2023: 129–131; Стрижов 2009: 319, 326, 330]. Повышенный уровень макиавеллизма связан со склонностью принимать этически неоправданные финансовые решения, в частности, необоснованно завышать цены для увеличения своей выгоды [Балева и др. 2023]. Более высокая значимость просоциальных моральных ценностей сопровождается низким уровнем материализма личности, определяемого как доминирующее стремление к материальной выгоде, богатству, деньгам [Смирнова и др. 2022: 21–22].

Таким образом, уточненная гипотеза состоит в следующем. Для людей с повышенным уровнем эгоизма характерно более позитивное отношение к деньгам и тем аспектам экономики, которые позволяют повысить личную материальную обеспеченность: к рыночной экономике, экономическому неравенству, частному предпринимательству, конкуренции; и менее одобрительное отношение к экономическим явлениям и процессам, замедляющим наращивание частного капитала: государственному регулированию экономики и госкапитализму, прогрессивному налогообложению.

Методы и материалы

Использовались следующие методики и отдельные вопросы.

1. Шкала диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева [Муздыбаев 2000].

2. Стандартизированная программа исследования экономико-психологических характеристик личности (далее – ЭХЛ) А. Л. Журавлева и Н. А. Журавлевой [Журавлев, Купрейченко 2007: 441–454]. Эта методика применялась Н. А. Журавлевой для многолетних исследований экономического сознания предпринимателей.

3. Опросник субъективного экономического благополучия (СЭБ) В. А. Хащенко [Хащенко 2011: 124–127]. В методику включен большой набор разных элементов, которые одновременно относятся к экономическому сознанию личности.

4. Опросник отношения к конкуренции (К3) Н. А. Ахадовой [Ахадова 2004: 206].

5. Опросник «Отношение к государственному участию в экономике» (ГУЭ) И. В. Нехорошевой.

6. Собственные формулировки на основе опросов ВЦИОМ, Института социологии РАН.

Особенностью методик ЭХЛ, СЭБ и К3 является возможность анализа ответов респондентов по отдельным вопросам. Методики состоят из набора разноплановых вопросов, как по смыслу, так и по размеру шкалы для ответов. Каждому вопросу, отобранному для данного исследования, присвоена своя уникальная кодировка, состоящая из аббревиатуры названия методики (ЭХЛ, СЭБ, К3) и порядкового номера вопроса в оригинальной методике. Полные формулировки вопросов вместе с кодировками приведены в разделе Результаты.

В том случае, если авторами опросников не было раскрыто словесное обозначение каждого пункта шкалы ответов, применялась следующая 6-балльная

шкала: 1) нет; 2) по больше части нет; 3) скорее нет, чем да; 4) скорее да, чем нет; 5) по большей части да; 6) да.

На базе нескольких опросов ВЦИОМ¹ были сформулированы авторские вопросы об отношении к бизнесу. Из исследования Института социологии РАН взят вопрос о субъективной оценке допустимого дохода специалиста [Горшков, Тихонова 2013: 33].

Опросник ГУЭ был специально разработан для данного исследования и представлен в конце статьи. В нем затронуты базовые вопросы государственного участия в экономике, которые широко обсуждаются в научной и общественной среде, поднимаются в работах известных экономистов, используются в социологических опросах. Опросник состоит из 6 пар противоположных утверждений.

Вопросы ГУЭ-1 и ГУЭ-2 – о капитале: чей капитал должен преобладать в экономике, частный или государственный; и нужно ли увеличивать долю частного или государственного капитала в экономике.

Вопросы ГУЭ-3 и ГУЭ-4 – о необходимости госрегулирования и планирования экономики. В ГУЭ-4 включена цитата А. Н. Семина и А. П. Третьякова: «В стране отсутствует на должном уровне государственное планирование в экономике» [Семин, Третьяков 2020: 7]. Авторы, вместе со многими другими экономистами, утверждают, что сегодня все государства в той или иной форме занимаются государственным планированием [Там же]. Противоположное утверждение о необходимости уменьшения планирования, т. к. экономика без госпланирования – более гибкая, представляет собой один из основных аргументов противников госпланирования экономики.

Вопросы ГУЭ-5 и ГУЭ-6 – об основе экономики. Утверждение из ГУЭ-5 «Экономика должна быть полностью рыночной, государство не должно вмешиваться. Рынок сам расставит всё по местам» представляет собой часто встречающуюся в 1990-х гг. идею. Противоположное утверждение основано на цитате А. Н. Семина и А. П. Третьякова: «Государственный капитализм – экономическая система, в которой государство владеет или контролирует

основную часть экономики, вместе с тем поддерживая интересы частного капитала» [Семин, Третьяков 2020: 13–14]. Пара утверждений ГУЭ-6 представляет собой вопрос из многолетнего социологического мониторинга: «Какая экономическая система кажется Вам более правильной?: а) та, которая основана на государственном планировании и распределении; б) та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения»².

Всего по опроснику ГУЭ можно набрать от 6 до 36 баллов. Минимальные баллы иллюстрируют приверженность идеям минимального вмешательства государства в экономику; максимальные баллы говорят о приверженности госкапитализму, госпланированию и госрегулированию экономики.

Организация исследования

Выборка составила 287 человек, из них 167 студентов и 120 аспирантов Государственного университета просвещения, в основном гуманитарного профиля, в возрасте от 18 до 52 лет, $M_{\text{возраст}} = 25,1$; $SD = 7,9$; 44 % – мужского пола, 56 % – женского. Данные собраны в 2024 г.: 28 % – с помощью очного письменного опроса, 24 % – через google-формы, 48 % – через заполнение файла word и пересылку исследователям через анонимный почтовый ящик. На этой выборке проверялись психометрические показатели опросника ГУЭ.

Для изучения различий в экономическом сознании респондентов с разным уровнем эгоизма выборка была разделена почти пополам по значению эгоизма 37. Показатели уровня эгоизма у всей выборки: $M_{\text{эгоизм}} = 36$; $Me = 37$; $SD = 11$. Показатели уровня эгоизма у группы $\text{Э}\uparrow$ с более *высоким* уровнем эгоизма составили $M_{\text{эгоизм}} = 44,4$; $SD = 6,4$; у группы $\text{Э}\downarrow$ с более *низким* уровнем эгоизма $M_{\text{эгоизм}} = 26,7$; $SD = 6,8$.

Группа $\text{Э}\uparrow$ была моложе: $t\text{-test } p < 0,01$; $M_{\text{возраст}}(\text{Э}\uparrow) = 22,6$; $M_{\text{возраст}}(\text{Э}\downarrow) = 27,6$. По полу группы не отличались. Группы были уравнены по возрасту с сохранением уравнивания по полу. В итоге выборка составила 236 человек в возрасте от 18 до 47 лет. В группах

¹ Вопрос о влиянии на жизнь страны крупного бизнеса. ВЦИОМ. 02.02.2020. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/8d95ed46-34a3-4353-8cd4-5f96f03536b1/cross/1dc08aa9-e9b9-4896-9c39-8ebf827a0011>; Вопрос о желании открыть свое дело, стать предпринимателем. ВЦИОМ. 30.10.2022. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/9d35a34c-5a86-48cc-9b0a-9345d7c0908b/cross/045b921b-07c1-45cd-89cc-8af4038973eb>; Вопрос об отношении к предпринимателям. ВЦИОМ. 30.04.2023. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/4c76dd9d-6d6b-465f-b839-67096faa8350/cross/9fedf76d-1ffe-4964-bfe3-38cac794c971> (дата обращения: 07.06.2025).

² Какой должна быть Россия в представлении россиян? Левада-Центр. 10.09.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/10/kakoj-dolzha-byt-rossiya-v-predstavlenii-rossijan/> (дата обращения: 07.06.2025).

осталось по 118 человек: 47 % – мужского пола, 53 % – женского; возраст $M_{\text{возраст}} (\text{Э}\uparrow) = 23,1$; $SD (\text{Э}\uparrow) = 5,2$; $M_{\text{возраст}} (\text{Э}\downarrow) = 24,1$; $SD (\text{Э}\downarrow) = 5,6$; различий по t-test нет. Уровень эгоизма уравненных групп: у группы $\text{Э}\uparrow M_{\text{эгоизм}} = 44,6$; $SD = 6,3$; у группы $\text{Э}\downarrow M_{\text{эгоизм}} = 27,4$; $SD = 6$.

Статистическая обработка данных проводилась в TIBCO Statistica v.13.5.0.17 и IBM SPSS Statistics v.23; конфирматорный факторный анализ проводился в Jamovi v.2.3.28.0.

Результаты

Психометрические показатели опросника «Отношение к госучастию в экономике»

Структура опросника. Для оценки структуры представлений респондентов об участии государства в экономике был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) (табл. 1). Пригодность массива данных для факторного анализа подтверждают высокие значения критерия Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) = 0,86 и хорошие показатели критерия сферичности Бартлетта $\chi^2 = 732$, $df = 15$, $p < 0,001$. Однофакторная модель ЭФА объясняет 59 % дисперсии, нагрузки всех переменных – выше 0,67. Анализ с вращением позволяет объяснить 73 % дисперсии, выделяются два фактора, которые достаточно хорошо интерпретируются. В первый фактор, названный условно *Частный Капитал и рынок* (ЧК), входят утверждения № 1, 6, 2 и 5 о частном или государственном капитале в экономике, о частно-рыночной системе, о рыночной экономике. Во второй фактор, названный условно *ГосРегулирование* (ГР), входят вопросы № 3 и 4 о планировании, контроле и регулировании.

Конфирматорный факторный анализ (КФА) (табл. 1) показал хорошее соответствие данных двухфакторной модели: $\chi^2(df) = 20,2 (8)$, $p = 0,01$; CFI = 0,983; TLI = 0,968; SRMR = 0,027; RMSEA [90 % CI] = 0,073 [0,034; 0,11]. На основании ЭФА и КФА правомерно предложить две субшкалы, выделенные эмпирически и соответствующие двум факторам: ЧК и ГР. Показатель по каждой субшкале будет вычисляться как сумма баллов по соответствующим вопросам.

Все пункты опросника коррелируют друг с другом на уровне значимости $p < 0,001$ (табл. 2), а также имеют высокие коэффициенты корреляции от 0,68 до 0,83 с общим показателем отношения к госучастию в экономике. Показатели по субшкалам ЧК и ГР хорошо коррелируют с каждым вопросом, входящим в соответствующую субшкалу.

Надежность – согласованность показателей опросника – хорошая: для общего показателя значение α Кронбаха составило 0,86; λ Гутмана 0,85; для субшкалы ЧК $\alpha = 0,85$; $\lambda = 0,81$; для субшкалы ГР $\alpha = 0,72$; $\lambda = 0,57$.

Валидность. Доказательство конструктивной конвергентной валидности прямым путем представляется довольно сложной задачей, поскольку авторам не известны методики, позволяющие измерять похожие психологические конструкты. Однако, возможно проверить конвергентную валидность другим путем, поскольку правомерно ожидать наличие корреляционных связей между отношением к госучастию в экономике и отношением респондентов к экономическим явлениям, которые объективно связаны с рыночной или государственной моделью экономики. Так, термины *рыночная экономика*

Табл. 1. Результаты ЭФА (нагрузки по фактору 1 и 2) и КФА (стандартизованные факторные нагрузки), $n = 287$
Tab. 1. Exploratory factor analysis (1 and 2 factor loadings) and confirmatory factor analysis (standardized factor loadings), $n = 287$

Фактор	Пункты опросника	ЭФА		КФА
		1	2	
Фактор 1: Частный Капитал и рынок	ГУЭ-1. Капитал: частный или государственный	0,86	0,16	0,79
	ГУЭ-6. Система: частно-рыночная или планово-распределительная	0,82	0,24	0,78
	ГУЭ-2. Увеличивать долю капитала: частного или государственного	0,76	0,36	0,81
	ГУЭ-5. Рынок или госкапитализм	0,66	0,37	0,67
Фактор 2: ГосРегулирование	ГУЭ-4. Госпланирование: уменьшить или усилить	0,19	0,89	0,69
	ГУЭ-3. Госконтроль и регулирование: уменьшить или усилить	0,37	0,78	0,83

Прим.: Метод ЭФА – главных компонент с вращением варимакс с нормализацией Кайзера. Метод КФА – максимального правдоподобия. Факторные нагрузки выше 0,66 выделены полужирным шрифтом.

Табл. 2. Описательная статистика и коэффициенты корреляции пунктов опросника ГУЭ между собой, с показателями по субшкалам и с общим показателем ГУЭ, n = 287, p < 0,001

Tab. 2. Questionnaire of Attitude toward State Involvement in the Economy: descriptive statistics and correlation coefficients, n = 287, p < 0.001

Пункты опросника ГУЭ	M	SD	ГУЭ-1	ГУЭ-2	ГУЭ-3	ГУЭ-4	ГУЭ-5	ГУЭ-6	ЧК	ГР
ГУЭ-1	3,6	1,6	–	–	–	–	–	–	–	–
ГУЭ-2	3,4	1,6	0,67	–	–	–	–	–	–	–
ГУЭ-3	3,6	1,5	0,43	0,54	–	–	–	–	–	–
ГУЭ-4	4,0	1,4	0,37	0,45	0,57	–	–	–	–	–
ГУЭ-5	3,8	1,4	0,51	0,50	0,48	0,41	–	–	–	–
ГУЭ-6	3,2	1,5	0,63	0,61	0,48	0,39	0,56	–	–	–
Субшкала ЧК (пункты 1, 2, 5, 6)	13,9	5,1	0,86	0,84	–	–	0,77	0,84	–	–
Субшкала ГР (пункты 3, 4)	7,7	2,6	–	–	0,89	0,88	–	–	0,62	–
Общий показатель ГУЭ	21,8	6,9	0,79	0,83	0,76	0,68	0,75	0,80	0,96	0,82

и капитализм, согласно энциклопедическим словарям, подразумевают выраженную конкуренцию, свободу предпринимательства, стремление к извлечению денег и прибыли. Слабая система государственного регулирования рыночной экономики подразумевает отсутствие прогрессивной шкалы налогов и увеличение экономического расслоения. Поэтому из методик, перечисленных в разделе Методы и материалы, были отобраны вопросы по всем перечисленным аспектам. Статистически значимые корреляции получены почти со всеми вопросами (табл. 3): чем в большей степени человек поддерживает идеи свободного рынка и невмешательства государства в экономику, тем у него более выраженное положительное отношение к конкуренции, экономическому неравенству, деньгам, бизнесу, и наоборот. Эти данные подтверждают валидность опросника ГУЭ.

Результаты изучения особенностей экономического сознания людей с разным уровнем эгоизма

Отношение к макроэкономическим вопросам. Респонденты обеих групп в средней степени интересуются положением дел в экономике нашей страны. Влияние на жизнь страны мелкого бизнеса они оценивают позитивно (4,8 и 4,8 балла по 6-балльной шкале), влияние крупного бизнеса – умеренно позитивно (4,4 и 4,3), положительно относятся к индивидуальным предпринимателям (5,2 и 5,3). Различий между группами по этим вопросам не выявлено.

Как видно из первых трех строк таблицы 4, респонденты группы Э↑ допускают более выраженную дифференциацию доходов населения. Согласно данным из остальной части таблицы 4, респонденты группы Э↓ в большей мере обеспокоены различиями в доходах богатых и бедных россиян и в большей мере поддерживают идеи государственного участия в экономике. При этом различия между группами более выражены по вопросам о капитале, рынке, частной собственности (ГУЭ-1, 2, 5, 6). А по вопросам о планировании и регулировании (ГУЭ-3, 4) различия менее выражены, т.к. точка зрения обеих групп смещена в сторону необходимости увеличения госрегулирования и госпланирования.

Отношение к конкуренции. Обе группы одобрительно относятся к сотрудничеству (табл. 5, пункт К3-15) и соглашаются с тем, что конкурентная борьба становится все более жестокой (К3-13). Однако респонденты группы Э↓ не могут согласиться с допустимостью жестких методов конкурентной борьбы (К3-17; p < 0,001) и не считают нормальным превращение современной жизни в джунгли с соответствующими законами выживания (К3-1; p < 0,001).

По двум разным методикам получено, что у людей с повышенным уровнем эгоизма более одобрительное отношение к конкуренции (табл. 5, К3-ОК и ЭХЛ-35).

Отношение к деньгам и экономические притязания. Обе группы оценивают свое финансовое положение как среднее (табл. 6, пункт СЭБ-22), обеспокоены будущим заработком и в одинаковой степени согласны с общепринятым клише «деньги – лишь

Табл. 3. Коэффициенты корреляции опросника ГУЭ, субшкал ЧК и ГР с отношением респондентов к другим экономическим явлениям, объективно связанным с рынком и госрегулированием, n = 287

Tab. 3. Questionnaire of Attitude toward State Involvement in the Economy: correlation coefficients to private capital and market, state regulation, and attitudes toward other economic phenomena, n = 287

Вопросы, шкалы измерения	ГУЭ	ЧК	ГР
Одобрение конкуренции (К3-ОК, шкала –10...+10)	-0,34***	-0,36***	-0,22***
На Ваш взгляд, во сколько раз доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать средний доход по стране? (ИС РАН)	-0,22***	-0,19***	-0,23***
На Ваш взгляд, какое неравенство доходов может считаться приемлемым? Во сколько раз доходы богатых слоев населения могут превышать доходы бедных слоев?	-0,29***	-0,26***	-0,30***
Возраст	0,13*	0,12*	0,11
Как Вы относитесь к конкуренции, соревнованию с другими людьми? (ЭХЛ-35, шкала 1...5)	-0,29***	-0,30***	-0,21***
Насколько деньги значимы для Вас? (ЭХЛ-2, шкала 1...7)	-0,24***	-0,22***	-0,23***
Какой уровень материального благополучия Вы хотели бы достичь, приложив максимум усилий и реализовав свои способности? (СЭБ-6, шкала 1...5)	-0,23***	-0,21***	-0,21***
Большая разница в доходах россиян – это хорошо, значит нет «уравниловки», у каждого есть возможность заработать много (шкала 1...6)	-0,18**	-0,18**	-0,12*
Деньги делают жизнь человека содержательной и счастливой (ЭХЛ-43-6, шкала 1...6)	-0,17**	-0,14*	-0,19**
Различия в доходах богатых и бедных россиян сейчас слишком велики, и это плохо (шкала 1...6)	0,24***	0,23***	0,19**
Нужно вводить прогрессивную шкалу налогов (шкала 1...6)	0,15*	0,15*	–

Прим.: в первых четырех строках представлены коэффициенты корреляции Пирсона, в остальных – Спирмана; * – p < 0,05; ** – p < 0,01; *** – p < 0,001.

Табл. 4. Различия в отношении респондентов из групп Э↑ и Э↓ к макроэкономическим вопросам, n = 236, средние значения
Tab. 4. Attitudes towards macroeconomic issues: E↑ vs. E↓, n = 236, mean values

Вопросы, шкалы измерения	Э↑	Э↓	p
На Ваш взгляд, во сколько раз доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать средний доход по стране? (шкала ~1...20)	7,2	5,6	< 0,01
На Ваш взгляд, какое неравенство доходов может считаться приемлемым? Во сколько раз доходы богатых слоев населения могут превышать доходы бедных слоев? (шкала ~1...20)	9,4	7,8	< 0,05
Большая разница в доходах россиян – это хорошо, значит нет «уравниловки», у каждого есть возможность заработать много (шкала 1...6)	3,4	2,8	< 0,01
Различия в доходах богатых и бедных россиян сейчас слишком велики, и это плохо (шкала 1...6)	4,5	5,0	< 0,001
Нужно вводить прогрессивную шкалу налогов (шкала 1...6)	3,9	4,3	< 0,1
ГУЭ-1. Капитал: частный или государственный	3,3	3,8	< 0,05
ГУЭ-2. Увеличивать долю капитала: частного или государственного	3,1	3,6	< 0,01
ГУЭ-5. Рынок или госкапитализм	3,4	4,1	< 0,001
ГУЭ-6. Система: частно-рыночная или плано-распределительная	3,0	3,5	< 0,01
ГУЭ-3. Госконтроль и регулирование: уменьшить или усилить	3,4	3,8	< 0,1
ГУЭ-4. Госпланирование: уменьшить или усилить	3,8	4,1	< 0,1
Субшкала «ГосРегулирование»	7,2	7,9	< 0,05
Субшкала «Частный Капитал и рынок»	12,7	14,9	< 0,001
Общее отношение к государственному участию в экономике	19,8	22,9	< 0,001

средство существования». При этом респонденты группы Э↑ стремятся к более высокому уровню материального благополучия (СЭБ-6), в большей степени хотели бы открыть свое дело, в значительно большей степени склонны считать, что в бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали. Степень значимости денег для групп очень сильно различается: по трем последним вопросам уровень достоверности различий $p < 0,001$.

Обсуждение

Полученные эмпирические данные логически согласуются между собой, с данными других исследований и позволяют лучше понять психологию людей с разным уровнем эгоизма. В частности, получено, что для более эгоистичных респондентов более важны материальные блага, в том числе деньги,

а их количество ассоциируется со счастьем (табл. 6). Эти данные согласуются с данными других исследований, согласно которым респонденты с менее позитивными нравственными характеристиками придают бóльшую значимость деньгам, богатству, бизнесу, личному успеху, самоутверждению [Гусева 2023; Стрижов 2009: 319, 326, 330]. Для них более важно не только материальное благополучие, но и собственное благополучие в широком смысле, в том числе еда, бытовой комфорт, удовольствия, отдых [Нехорошева 2024: 130]. Все это достижимо через материальную обеспеченность. Следовательно, вполне логично, что более эгоистичные респонденты более одобрительно относятся ко всему, что способствует росту материальной обеспеченности и наращиванию частного капитала. А именно к возможностям открыть свое дело ради получения

Табл. 5. Различия в отношении респондентов из групп Э↑ и Э↓ к конкуренции, n = 236, средние значения
 Tab. 5. Attitudes towards competition: E↑ vs. E↓, n = 236, mean values

Вопросы, шкалы измерения	Э↑	Э↓	p
Стремление к сотрудничеству более эффективно, чем стремление к конкурентной борьбе (КЗ-15, шкала 1...6)	4,6	4,8	–
Мне кажется, что конкурентная борьба в современных условиях становится все более жестокой. Даже слишком жестокой (КЗ-13, шкала 1...6)	4,2	4,6	< 0,05
Для достижения своей цели допустимы даже самые жесткие методы конкурентной борьбы (КЗ-17, шкала 1...6)	3,5	2,2	< 0,001
Современная жизнь – это джунгли, в которых выживает сильнейший. Я считаю, что это нормально (КЗ-1, шкала 1...6)	3,8	2,7	< 0,001
Одобрение конкуренции (КЗ-ОК, шкала –10...+10)	–0,3	–1,0	< 0,001
Отношение к конкуренции (ЭХЛ-35, шкала 1...5)	3,3	3,0	< 0,05

Табл. 6. Отношение респондентов к деньгам и экономические притязания: различия между группами Э↑ и Э↓, n = 236, средние значения

Tab. 6. Attitudes towards money and economic aspirations: E↑ vs. E↓, n = 236, mean values

Вопросы, шкалы измерения	Э↑	Э↓	p
Финансовое положение (СЭБ-22, шкала 1...4)	2,7	2,8	–
Меня беспокоит, смогу ли я нормально зарабатывать (шкала 1...6)	4,8	4,7	–
Деньги – лишь средство существования человека в обществе (ЭХЛ-43-4, шкала 1...6)	4,5	4,6	–
Какой уровень материального благополучия Вы хотели бы достичь, приложив максимум усилий и реализовав свои способности? (СЭБ-6, шкала 1...5)	4,1	3,8	< 0,01
Вы хотели бы открыть свое дело, стать предпринимателем? (шкала 1...6)	4,6	4,1	< 0,01
В бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали (шкала 1...6)	3,9	2,3	< 0,001
Насколько деньги значимы для Вас? (ЭХЛ-2, шкала 1...7)	5,5	4,9	< 0,001
Деньги делают жизнь человека содержательной и счастливой (ЭХЛ-43-6, шкала 1...6)	4,6	3,8	< 0,001
Не в деньгах счастье, а в их количестве (шкала 1...6)	4,4	3,4	< 0,001

прибыли (табл. 6), к конкуренции (табл. 5), к рыночной модели экономики (табл. 4), которая подразумевает бóльший объем частного капитала и минимальное экономическое «уравнивание» населения. Далее вполне логично, что человек, стремящийся нарастить свой капитал, будет допускать более выраженную дифференциацию доходов населения и будет в меньшей степени обеспокоен проблемой чрезмерного экономического расслоения (табл. 4). В ряде работ также показано, что респонденты с менее позитивными морально-нравственными взглядами меньше одобряют идеи перераспределения, больше одобряют идеи неприкосновенности частной собственности и экономического неравенства [Сычев и др. 2019: 68; Scatolon, Paladino 2023; Sychev, Protasova 2020: 711]. Для людей с пониженным уровнем эгоизма справедливы обратные рассуждения, поэтому для них менее значимы деньги и высокий уровень материальной обеспеченности (табл. 6) и более значимы духовные потребности, вопросы благополучия других людей и общества [Нехорошева 2024: 129–130].

Результаты исследования эмпирически подтверждают идеи ученых о наличии глубокой связи нравственности и экономики [Неэкономические грани... 2010; Рубинштейн 2012: 270; Экономика и общественная... 2008]. Как показано в данном исследовании, взгляды респондентов по экономическим вопросам и предпочтения модели социально-экономического строя отличаются в зависимости от уровня эгоизма. Более того, наиболее яркие отличия между группами получены именно в оценках степени значимости денег, т. е. в какой-то мере подтвержден тезис о том, что «культ богатства и нравственность в человеке несовместимы» [Глазьев... 2008: 413]. Именно поэтому, считает С. Ю. Глазьев, «подавляющее большинство наших добродетельных граждан не откликнулись на призыв либеральных реформаторов к обогащению» в 1990-е гг. [Там же: 410], и в будущем «едва ли культ золотого тельца станет новой религией нашего народа» [Там же: 412]. Но есть и обратное влияние, когда насаждаемый культ золотого тельца вытесняет нравственность: первые 15 лет интенсивного внедрения рыночной экономики с соответствующей идеологией, возможно, стали одной из причин снижения нравственного уровня граждан. Индекс нравственного состояния нашего общества снизился почти в 2 раза в первые годы реформ и долго оставался на таком уровне, вплоть до 2008 г. [Юревич 2011: 4], и только с 2008 г. ситуация стала медленно

улучшаться [Юревич 2018: 177], вместе с ослаблением идеологии денег и возвращением госрегулирования экономической сферы и других сфер жизни.

Заключение

В данном исследовании получен комплекс эмпирических данных о различиях и сходствах между людьми с разным уровнем эгоизма в их взглядах по базовым экономическим и социально-экономическим вопросам, в том числе по вопросам отношения к государственному участию в экономике.

1. Респонденты с повышенным уровнем эгоизма придают существенно бóльшую значимость деньгам, имеют более высокие экономические притязания, в большей степени хотели бы открыть свое дело, в большей мере согласны с принципом «в бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали». Они более одобрительно относятся к конкуренции, частно-рыночной экономической системе, к идеям доминирования частного капитала в экономике.

2. Респонденты с пониженным уровнем эгоизма в большей мере обеспокоены слишком большим экономическим расслоением общества, менее одобрительно относятся к конкуренции, жестким методам конкурентной борьбы по закону джунглей, переносу в систему социально-экономических отношений принципа «выживания сильнейшего». Они более привержены идеям государственного капитализма.

3. Общность позиций состоит в том, что респонденты поддерживают идеи об эффективности сотрудничества, необходимости прогрессивного налогообложения и усиления госпланирования экономики; положительно оценивают влияние малого и крупного бизнеса на жизнь страны, позитивно относятся к предпринимателям.

Полученные результаты будут полезны в воспитательной работе, поскольку для нравственного развития личности опасно чрезмерно стимулировать те экономические взгляды и стремления, которые сопряжены с повышенным уровнем эгоизма. Результаты исследования могут найти применение в политической психологии. Возможно, полезным будет широкое освещение через СМИ социально-экономических преобразований, одобряемых обеими группами и людьми с пониженным уровнем эгоизма, т. к. это поддержит энтузиазм и доверие государству у просоциально настроенной части населения, что может быть одним из источников активизации человеческого капитала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Нехорошева – разработка концепции, набор материала, обработка данных, подготовка текста. Н. С. Крамаренко – набор материала, доработка и редактирование текста.

Contribution: I. V. Nekhorosheva developed the research concept, collected and processed the data, and wrote the manuscript. N. S. Kramarenko collected the data and proofread the text.

Литература / References

- Ахадова Н. А. Особенности отношения к конкуренции в сферах политики и предпринимательства в современной России: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 209 с. [Akhadova N. A. *Features of the attitude towards competition in the spheres of politics and entrepreneurship in modern Russia*: Cand. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2004, 209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnbqkb>
- Балева М. В., Корниенко Д. С., Ячменёва Н. П. Роль Темной триады и ориентации на материализм в оценке этически необоснованного экономического решения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 1. С. 24–40. [Baleva M. V., Kornienko D. S., Yachmeneva N. P. The role of the Dark triad and materialistic orientation in evaluating an ethically unfounded economic decision. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023, 20(1): 24–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-24-40>
- Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. *Научные записки и очерки*, науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: ИнЭС, 2008. С. 8–26. [Bogomolov O. T. Economy and social environment. Economy and social environment: Insufficiently realized mutual influence. *Scientific notes and essays*, ed. Bogomolov O. T. Moscow: InES, 2008, 8–26. (In Russ.)]
- Глазьев С. Ю. Гэлбрейт: возвращение, под ред. С. Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017. 424 с. *Социологические исследования*. 2017. № 10. С. 165–169. [Glaziev S. Yu. Galbraith: Return, ed. S. D. Bodrunov. Moscow: Cultural Revolution, 2017. 424 p. Reviewed by S. Yu. Glaziev. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2017, (10): 165–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0132162517100208>
- Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. *Научные записки и очерки*, науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: ИнЭС, 2008. С. 406–421. [Glaziev S. Yu. Moral principles in economic behavior and development: the most important resource for Russia's revival. Economy and social environment: Insufficiently realized mutual influence. *Scientific notes and essays*, ed. Bogomolov O. T. Moscow: InES, 2008, 406–421. (In Russ.)]
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук*. 2013. № 1. С. 1–54. [Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Sociocultural factors of consolidation of Russian society. *Informatsionno-analiticheskii biulleten Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, (1): 1–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puvqpr>
- Гусева А. С. О деформации нравственной сферы осужденных за коррупционные преступления. *Прикладная юридическая психология*. 2023. № 4. С. 127–133. [Guseva A. S. About deformation the moral sphere of convicts for corruption crimes. *Applied Legal Psychology*, 2023, (4): 127–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/voqwez>
- Дейнека О. С., Забелина Е. В., Виноградов Ю. В. Отношение россиян к денежно-кредитной политике до кризиса COVID-19 и на его фоне. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 2. С. 189–220. [Deyneka O. S., Zabelina E. V., Vinogradov Yu. V. The attitude of Russians to monetary policy before the COVID-19 crisis and on its background. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2020, 5(2): 189–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.006>

- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2007. 480 с. [Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. *Economic self-determination: Theory and empirical research*. Moscow: IP RAS, 2007, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qctfdj>
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология и экономические реформы в России. *Психологический журнал*. 2018. Т. 39. № 1. С. 15–25. [Zhuravlev A. L., Poznyakov V. P. Social psychology and economic reforms in Russia. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2018, 39(1): 15–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0205959218010026>
- Журавлева Н. А. Основные тенденции в динамике экономического сознания российских предпринимателей. *Наука, образование, молодежь: горизонты развития*: II Национ. науч.-практ. конф. (Керчь, 19 марта 2022 г.) Керчь: КГМТУ, 2022. С. 240–246. [Zhuravleva N. A. Main trends in the dynamics of economic consciousness of Russian entrepreneurs. *Science, education, and youth: Development horizons*: Proc. II Nation. Sci.-Pract. Conf., Kerch, 19 Mar 2022. Kerch: KSMTU, 2022, 240–246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jjwudd>
- Купрейченко А. Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: ИП РАН, 2014. 463 с. [Kupreichenko A. B. *Moral determination of economic self-determination*. Moscow: IP RAS, 2014, 463. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slajkb>
- Музыкаев К. Эгоизм личности. *Психологический журнал*. 2000. Т. 21. № 2. С. 27–39. [Muzdybaev K. Egoism of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2000, 21(2): 27–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mpgecf>
- Нехорошева И. В. Особенности мировоззрения, счастья и воспитания нравственного человека. *Человеческий капитал*. 2024. № 6. С. 127–140. [Nekhorosheva I. V. Features of worldview, happiness and education of a moral person. *Human capital*, 2024, (6): 127–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jzybgj>
- Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов, ред. О. Т. Богомолов. М.: ИнЭС, 2010. 796 с. [*Non-economic aspects of the economy: Unknown mutual influence: Scientific and journalistic notes of social scientists*, ed. Bogomolov O. T. Moscow: InES, 2010, 796. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcclbb>
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 287 с. [Rubinshtein S. L. *Existence and consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2012, 287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxelkm>
- Семин А. Н., Третяков А. П. Тенденции в экономической политике современной России. *Теория и практика мировой науки*. 2020. № 8. С. 2–15. [Semin A. N., Tretyakov A. P. Trends in the economic policy of modern Russia. *Theory and Practice of The World Science*, 2020, (8): 2–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unhdln>
- Смирнова Н. П., Хащенко В. А., Хащенко Н. Н. Ценностные детерминанты материализма личности. *Пензенский психологический вестник*. 2022. № 2. С. 3–28. [Smirnova N. P., Khashchenko V. A., Khashchenko N. N. Value determinants of personality materialism. *Penza Psychological Newsletter*, 2022, (2): 3–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17689/psy-2022.2.1>
- Стрижов Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. 527 с. [Strizhov E. Yu. *Moral and legal reliability of personality: Socio-psychological aspects*. Tambov: Derzhavin TSU, 2009, 527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzwej>
- Сычев О. А., Белоусов К. И., Протасова И. Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 60–77. [Sychev O. A., Belousov K. I., Protasova I. N. Values and moral foundations as a basis for the socio-political views of youth. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (73): 60–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/73/4>
- Сычев О. А., Нестик Т. А. Моральные основания как факторы социально-экономических ожиданий россиян. *Социальная психология и общество*. 2023. Т. 14. № 4. С. 135–155. [Sychev O. A., Nestik T. A. Moral foundations as factors of socio-economic expectations of Russians. *Social Psychology and Society*, 2023, 14(4): 135–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2023140409>
- Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация. *Экспериментальная психология*. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127. [Khashchenko V. A. Subjective economic well-being and its measurement: Constructing and validating a questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 2011, 4(1): 106–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndgdkt>
- Хубиев К. А. Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? *Гэлбрейт: возвращение*, ред. С. Д. Бодрунов. М.: Культурная революция, 2017. С. 114–156.

- [Khubiev K. A. Trends and prospects of contemporary economic development: An integrative trend? *Galbraith: Return*, ed. Bodrunov S. D. Moscow: Kulturnaia revolutsiia, 2017, 114–156. (In Russ.)]
- Цаголов Г. Н. Революция Гэлбрейта и развитие теории конвергенции. *Гэлбрейт: возвращение*, ред. С. Д. Бодрунов. М.: Культурная революция, 2017. С. 82–113. [Tsagolov G. N. Galbraith's revolution and the development of convergence theory. *Galbraith: Return*, ed. Bodrunov S. D. Moscow: Kulturnaia revolutsiia, 2017, 82–113. (In Russ.)]
- Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки, науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: ИнЭС, 2008. 440 с. [*Economy and social environment: Insufficiently realized mutual influence. Scientific notes and essays*, ed. Bogomolov O. T. Moscow: InES, 2008, 440. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/supymf>
- Юревич А. В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества. *Вестник Российской академии наук*. 2011. Т. 81. № 1. С. 3–10. [Yurevich A. V. "Asocial socialization" as the basis for the moral degradation of society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2011, 81(1): 1–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuifip>
- Юревич А. В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества. *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 4. С. 168–179. [Yurevich A. V. Empirical estimates of modern Russian society's morals. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, (4): 168–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10111>
- Elbæk C. T., Mitkidis P., Aarøe L., Otterbring T. Subjective socioeconomic status and income inequality are associated with self-reported morality across 67 countries. *Nature Communications*, 2023, 14. <https://doi.org/10.1038/s41467-023-41007-0>
- Huang F., Li S., Ding H., Han N., Zhu T. Does more moral equal less corruption? The different mediation of moral foundations between economic growth and corruption in China. *Current Psychology*, 2023, 42: 26125–26137. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03735-2>
- Kirkland K., Crimston C. R., Jetten J., Amiot C., Baguma P., Barry O. et al. Moral expansiveness around the world: The role of societal factors across 36 countries. *Social Psychological and Personality Science*, 2023, 14(3): 305–318. <https://hal.science/hal-03846941v1>
- Kirkland K., Van Lange P. A. M., Gorenz D., Blake K., Amiot C. E., Ausmees L. et al. High economic inequality is linked to greater moralization. *PNAS Nexus*, 2024, 3(7). <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae221>
- Scatolon A., Paladino M. P. Reducing economic inequality is 'just right': Moral conviction predicts support for redistributive government policies. *British Journal of Social Psychology*, 2023, 62(2): 1076–1096. <https://elibrary.ru/tkgzhc>
- Sychev O. A., Protasova I. N. The relationships between moral foundations, social beliefs and attitudes towards economic inequality among Russian youth: A case study of Altai Krai. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogic*, 2020, 17(4): 705–718. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718>
- 黄常皓. 黄常皓社会阶层与经济不平等对亲社会行为影响的综述. *心理学进展*, 2023, 13(2): 540–544. [Changhao Huang. A review of the impact of social class and economic inequality on prosocial behavior. *Advances in Psychology*, 2023, 13(2): 540–544. (In Chin.)] <https://doi.org/10.12677/ap.2023.132067>

Опросник «Отношение к госучастию в экономике» И. В. Нехорошевой

Перед предъявлением респонденту удаляются цифры 1...6, соответствующие начислению баллов, и кодировка вопросов.

в значительной степени	в умеренной степени	в минимальной степени		в минимальной степени	в умеренной степени	в значительной степени	
1	2	3	Из каждой пары противоположных утверждений выберите ОДНО, с которым Вы больше согласны, и уточните, в какой степени (в каждой строке поставьте ОДНУ галочку в выбранную ячейку)				
			ГУЭ-1. Чей капитал должен преобладать в экономике...				
			...частный.	...государственный.	4	5	6
			ГУЭ-2. Нужно увеличивать долю...				
			...частного капитала в экономике.	...государственной собственности и государственного капитала в экономике.	4	5	6
			ГУЭ-3. Государственный контроль и регулирование нужно...				
			уменьшать, т.к. степень вмешательства государства в экономику слишком велика.	усилить.	4	5	6
			ГУЭ-4. Государственное планирование экономики нужно...				
			уменьшать, т.к. экономика без государственного планирования – более гибкая.	усилить, т.к. в стране отсутствует на должном уровне государственное планирование экономики.	4	5	6
			ГУЭ-5. Основа экономики должна быть:				
			полностью рыночная, государство не должно вмешиваться: рынок сам расставит всё по местам.	государственная, т.е. госкапитализм, когда государство владеет и контролирует основную часть экономики, вместе с тем поддерживая интересы частного капитала.	4	5	6
			ГУЭ-6. Какая экономическая система кажется Вам более правильной?				
			...основанная на частной собственности и рыночных отношениях.	...основанная на государственном планировании и распределении.	4	5	6

При on-line опросе форма была следующей:

1. Чей капитал должен преобладать в экономике...

- ...частный
- ...государственный

1. ...в какой степени:

- в минимальной
- в умеренной
- в значительной

и т.д.

2. Нужно увеличивать долю...

- ...частного капитала в экономике
- ...государственной собственности и государственного капитала в экономике

2. ... в какой степени:

- в минимальной
- в умеренной
- в значительной

и т.д.

оригинальная статья

eLibrary EDN: OXRNVS

Отношение к правилам этикета как фактор ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности

Яницкий Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9068-7399

<https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Scopus Author ID: 57195203226

direktorspi@kemsu.ru

Гарибян Инна Андреевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3099-2630

Серый Андрей Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7072-1119

<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Scopus Author ID: 57195197139

Аннотация: Обосновывается представление о том, что этикет является не только внешней системой регуляции социального поведения, но и инструментом внутреннего развития, способствующий интеграции личности в пространство культурных ценностей и смыслов. Цель – подтвердить влияние индивидуальной значимости соблюдения норм этикетного поведения на уровень ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности. Для подтверждения данного положения проведено эмпирическое исследование на выборке из 162 студентов в возрасте 16–24 лет. В исследовании использовались опросники отношения к репрезентативным правилам этикета и субъективной значимости его функций, тест смысловых ориентаций и самоактуализационный тест. Для обработки данных применялись корреляционный анализ Пирсона и многомерный регрессионный анализ. Установлено, что осознанное и эмоционально позитивное отношение к нормам этикета статистически значимо коррелирует с высокими показателями осмысленности жизни и контроля над ней, а также с параметрами самоактуализации. Регрессионный анализ показал, что внутреннее принятие правил этикета выступает значимым предиктором самоактуализации, способствуя автономности и независимости личности. Напротив, внешнее, формальное следование правилам без их осознания сопряжено с высоким уровнем конформности. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что следование правилам этикета может выступать фактором личностного развития и самоактуализации. Сделан вывод, что этикетное поведение может выступать эффективным средством личностного роста при условии перехода принятых норм во внутренние ценности. Полученные результаты могут послужить основой для разработки соответствующих программ и технологий воспитания личности.

Ключевые слова: этикет, этикетное поведение, ритуал, ритуализация, самоактуализация, развитие личности, ценностные ориентации, личностные смыслы

Цитирование: Яницкий М. С., Гарибян И. А., Серый А. В. Отношение к правилам этикета как фактор ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 293–302. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-293-302>

Поступила в редакцию 17.02.2026. Принята после рецензирования 27.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

original article

Etiquette Attitudes as Predictors of Value-Meaning Systems and Self-Actualization

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9068-7399

<https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Scopus Author ID: 57195203226

direktorspi@kemsu.ru

Inna A. Garibyan

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3099-2630

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7072-1119

<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Scopus Author ID: 57195197139

Abstract: Etiquette both regulates social behavior and integrates the individual into the cultural environment. The research tested the effect of individual attitude towards etiquette on the value-semantic development and self-actualization. The sample involved 162 university students aged 16 to 24 years, who were asked to answer a set of questionnaires regarding etiquette and its subjective significance, Purpose in Life Test, and Personal Orientation Inventory (Self-Actualization). The Pearson's correlation analysis and multivariate regression analysis revealed a correlation between positive attitude toward etiquette and high indicators of life purpose, locus of control, and self-actualization. According to the regression analysis, the internal acceptance of etiquette rules acted as a significant predictor of self-actualization, contributing to personal autonomy and independence. Conversely, formal adherence to etiquette was associated with a high level of conformity. Deliberate compliance with etiquette may function as a catalyst for personal growth and self-actualization. Etiquette behavior can be an effective means of personal growth, provided that external norms are internalized into intrinsic values. The findings obtained can serve as a basis for developing personal development programs and technologies.

Keywords: etiquette, etiquette behavior, ritual, ritualization, self-actualization, personality development, value orientations, personal meanings

Citation: Yanitskiy M. S., Garibyan I. A., Seryy A. V. Etiquette Attitudes as Predictors of Value-Meaning Systems and Self-Actualization. *SibScript*, 2026, 28(2): 293–302. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-293-302>

Received 17 Feb 2026. Accepted after peer review 27 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

Этикет представляет собой систему ритуализированных правил и норм поведения, регулирующих социальные взаимодействия и отражающих критерии должного, значимые для конкретного общества [Байбурин, Топорков 2019; Уайт 2004]. Правила этикета, имеющие изначально характер культурных предписаний, становятся частью индивидуального сознания в процессе их осмысления, внутреннего принятия и реализации в поведении. Этикетное поведение человека, соответственно, рассматривается как соблюдение правил этикета во взаимодействии с другими [Даниленко 2014; Уайт 2004]. Отношение к правилам этикета формируется под влиянием различных социально-средовых и индивидуально-психологических факторов. Наиболее значимой детерминантой отношения к этикетному поведению

является, как принято считать, система ценностных ориентаций, связывающая индивидуальное и массовое сознание и выступающая ведущим механизмом регуляции социального поведения личности [Яницкий 2020]. Начиная с Э. Фромма, понимавшего символические действия, такие как обряд или ритуал, как производные от общих ценностей [Фромм 2010], в психологии утвердилось представление об этикетном поведении как внешнем выражении внутренне принятых ценностей. Современные эмпирические данные подтверждают ценностную детерминированность соблюдения правил этикета. Так, исследование О. И. Даниленко демонстрирует, что индивидуальные установки в отношении правил этикета обусловлены значимыми для личности ценностями [Даниленко 2013]. Поскольку этикет

является социокультурным феноменом, то этикетное поведение основывается на ценностях, являющихся основополагающими для той культуры, представителем которой человек является. В частности, согласно результатам исследования Ц. Ли, соблюдение правил традиционного этикета в Китае представляет собой реализацию в поведении людей конфуцианских ценностей, таких как скромность, забота о благе общества, сыновняя почтительность, взаимность, осторожность и осмотрительность, стремление к самосовершенствованию и др. [Ли 2015].

Каждое традиционное общество характеризуется специфическим набором и иерархией ценностей, при этом особое внимание уделяется проблеме их усвоения в процессе формирования и развития личности. Одним из наиболее ярких примеров служит значимость этического воспитания в конфуцианской традиции, концентрирующей внимание на соотношении внешних социализирующих этико-ритуальных норм поведения, определяемых категорией *ли*, и внутренних побуждений и морально-психологических установок человека, охватываемых понятием *жэнь*, которые вместе составляют основную парную категорию конфуцианства, вокруг которой концентрируются все его остальные этические понятия [Яницкий 1998]. Нормативные принципы *ли*, определяемые как благопристойность, этикет, ритуал, церемонии и т. п., представляют собой совокупность детально разработанных правил, обрядов, жестко регламентированных форм поведения, обязательных для тщательного исполнения. Сам Конфуций сформулировал принцип правильного в этическом отношении поведения следующим образом:

*Не смотри на то, что чуждо ритуалу,
Не внемли тому, что чуждо ритуалу,
Не говори того, что чуждо ритуалу,
Не делай ничего, что чуждо ритуалу*

[Конфуций 2001: 65].

Конфуцианское воспитание и образование, направленное на усвоение личностью ценностей должного, уделяло первоочередное внимание выработке привычки в механическом исполнении канонических требований, следованию культу внешней формы поведения, демонстрации добродетельности. Однако своей целью такое воспитание имело перевод традиционных норм поведения внутрь человека, делая их областью личных, глубоко интимных переживаний [Семененко 1987]. Проявлением осознания

и внутреннего принятия этико-ритуальных норм поведения *ли* выступает *жэнь*, которую сам Конфуций определял, с одной стороны, как любовь к людям, а с другой – как преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности [Конфуций 2001]. Понятие *жэнь*, по словам И. И. Семененко, означает интериоризацию правил этикета, превращение их во внутренние ценности, естественную и безотчетную потребность человека [Семененко 1987]. Таким образом, конфуцианская доктрина основывается на формировании внутренней потребности в реализации высших ценностей посредством внешнего следования этическим нормам в поведении. Становление личности и ее ценностно-смысловой сферы определяется, соответственно, усвоением принятых в обществе правил и норм этикета.

Обусловленность развития личности этикетным поведением получила признание и в психологических концепциях, в частности в теории самоактуализации. Описанный принцип возвращения к ритуалу Конфуция прямо соответствует реритуализации А. Маслоу, выступающей у него в качестве наиболее существенного механизма самоактуализации, понимаемой как полное развитие личностных возможностей. А. Маслоу писал прежде всего о так называемой деритуализации – психологическом защитном механизме, который заключается в неверии современной молодежи в ценности и добродетели, привычке рассматривания поведения человека в его конкретности, а не в свете его символической значимости. По словам А. Маслоу, самоактуализация предполагает отказ от этого механизма защиты, означает обучение и принятие реритуализации, которую он в свою очередь понимает как стремление выйти за рамки материального мира в пространство смыслов и ценностей [Маслоу 2011]. Обучение реритуализации заключается, по его мнению, в утверждении многих банальных вещей. В данном контексте соответствующий механизм формирования ценностей самоактуализирующейся личности можно обозначить как собственно реритуализацию. В представлении Э. Эриксона реритуализация – это значимое для людей стереотипизированное действие, например ритуал приветствия, которое по мере взросления постепенно приобретает символическое значение. В его концепции реритуализация выступает важным механизмом индивидуального развития, обеспечивающим в итоге солидарность с социальными убеждениями [Эриксон 2006]. Подобные взгляды получили распространение и в культурной антропологии, в частности,

М. Мид указывает на значимость для социализации в традиционных обществах обрядов и ритуалов, буквальное соблюдение которых человеком выполняет ценностно-ориентационную функцию [Мид 1988]. В эволюционной теории культуры Дж. Фрэзера одним из основных положений является представление о первичности или приоритетности ритуала по отношению к ценностно-нормативному сознанию общества в целом [Фрэзер 2025].

Эти и другие близкие воззрения послужили основой различных образовательных подходов, в которых следование правилам этикета рассматривается как инструмент нравственного воспитания [Горбунова, Васильева 2023; Гущина, Титкова 2024; Магомедова 2008; Пинженина 2022], средство формирования ценностно-смысловой сферы личности [Карташова 2021; Корепанова, Зауторова 2024], способ самоактуализации и личностного развития в целом [Ильина 2016; Колчин 2025]. Таким образом, приведенный анализ позволяет говорить не только о ценностно-смысловой детерминации отношения к правилам этикета, но и о возможности личностного развития посредством этикетного поведения. Однако эмпирических данных, которые бы свидетельствовали о реальности такой взаимосвязи, в настоящее время явно недостаточно. В этой связи цель настоящего исследования – подтвердить влияние индивидуальной значимости соблюдения норм этикетного поведения на уровень ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности.

Методы и материалы

Для оценки отношения к этикетному поведению были использованы опросники О. И. Даниленко «Отношение к репрезентативным правилам этикета» (ОРПЭ), в котором данное отношение анализируется в трех аспектах: когнитивном (знает ли испытуемый правило), эмоциональном (нравится ли оно ему) и поведенческом (готов ли он ему следовать), а общий показатель представляет собой сумму баллов по этим трем компонентам [Даниленко 2016], и «Оценка субъективной значимости функций этикета» (ОСЗФЭ), где значимость определяется как наличие субъективного смысла его конкретных функций, а итоговый показатель рассчитывается как сумма баллов по всем функциям [Даниленко 2015].

Система личностных смыслов исследовалась с использованием теста смысложизненных ориентаций (СЖО), разработанного на основе теста РИЛ Дж. Крамбо и Л. Махолика и позволяющего оценить

общий уровень осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов, а также показатели локуса контроля. Степень соответствия ценностей исследуемых ценностным ориентациям и другим характеристикам самоактуализирующейся личности определялась с использованием самоактуализационного теста (САТ), представляющего собой российскую версию опросника РОИ Э. Шострома [Яницкий, Серый 2010].

Для математико-статистической обработки полученных данных использовался корреляционный анализ Пирсона, а также многомерный регрессионный анализ.

В исследовании приняли участие 162 студента вузов и колледжей г. Кемерово в возрасте 16–24 лет.

Результаты

Для выявления взаимосвязи между субъективным отношением к правилам этикета и уровнем ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности был применен метод корреляционного анализа Пирсона. Как следует из результатов исследования, все составляющие отношения к правилам этикета по методике ОРПЭ и субъективная значимость большинства функций этикета по методике ОСЗФЭ обнаружили статистически значимую корреляцию со всеми показателями осмысленности жизни по тесту СЖО (табл. 1 и 2). Осмысленность жизни, отражающая устойчивость системы представлений человека о том, что придает его жизни значимость в различных временных координатах, а также меру его контроля за ней, традиционно ассоциируется с общим уровнем ценностно-смыслового развития личности [Яницкий, Серый 2010]. Соответственно, уровень ценностно-смыслового развития тесно взаимосвязан со степенью осознания, внутреннего принятия и стремления к реализации в собственном поведении принятых в обществе правил этикета, с пониманием значимости их соблюдения для выражения уважения к собеседнику и демонстрации компетентности в общении, проявления своей социокультурной принадлежности и сохранения культурных традиций, обеспечения эффективности межличностного взаимодействия и предупреждения возможных конфликтов, поддержания существующего общественного порядка. Таким образом, позитивное отношение к правилам этикета и понимание значимости его функций сопряжены с высокими показателями осмысленности жизни, своего прошлого, настоящего и будущего, с ощущением

контроля над своей жизнью и принятием на себя ответственности за то, как она складывается.

Отношение к правилам этикета по методике ОРПЭ и субъективная значимость его функций по методике ОСЗФЭ обнаружили также достоверную взаимосвязь с рядом показателей самоактуализации по тесту САТ, которая в данном случае

рассматривается как процесс реализации личностного потенциала, предполагающий осознанное выстраивание жизненного пути и гармоничное взаимодействие с обществом на основе внутренних ценностей. Составляющие отношения к правилам этикета демонстрируют различную взаимосвязь с показателями самоактуализации (табл. 3).

Табл. 1. Взаимосвязь отношения к репрезентативным правилам этикета и показателей осмысленности жизни

Tab. 1. Attitudes towards representative etiquette vs. Purpose in Life indicators

Аспекты отношения к этикетному поведению	Шкалы СЖО					
	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля – Я	Локус контроля – жизнь	Общий показатель ОЖ
Знание репрезентативных правил этикета	0,18*	0,21**	0,24**	0,21**	0,22**	0,25**
Эмоциональное отношение к репрезентативным правилам этикета	0,26**	0,24**	0,27**	0,24**	0,23**	0,29**
Намерение следовать репрезентативным правилам этикета	0,25**	0,20*	0,24**	0,18*	0,22**	0,26**
Общий показатель ОРПЭ	0,26**	0,24**	0,28**	0,23**	0,25**	0,29**

Прим.: * – $p = 0,05$; ** – $p = 0,01$.

Табл. 2. Взаимосвязь субъективной значимости функций этикета и показателей осмысленности жизни

Tab. 2. Subjective significance of etiquette vs. Purpose in Life indicators

Функции этикета	Шкалы СЖО					
	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля – Я	Локус контроля – жизнь	Общий показатель ОЖ
Выразить свою принадлежность к определенной культурной и социальной общности	0,25**	0,30**	0,28**	0,31**	0,28**	0,31**
Не думать о форме общения, действуя в соответствии с общепринятыми правилами	0,10	0,09	0,12	0,11	0,11	0,12
Сделать взаимодействие людей более удобным и эффективным (благодаря возможности прогнозировать поведение участников)	0,14	0,10	0,18*	0,17*	0,18*	0,17*
Проявить свою компетентность (владение хорошими манерами)	0,28**	0,26**	0,29**	0,27**	0,29**	0,32**
Предотвратить конфликты между людьми с разным социальным статусом	0,21**	0,25**	0,29**	0,23**	0,26**	0,29**
Сохранять культурные традиции	0,20*	0,33**	0,30**	0,34**	0,29**	0,33**
Выразить уважение к тому, с кем вступаешь в контакт	0,20**	0,22**	0,27**	0,24**	0,27**	0,27**
Тренировать способность владеть собой, подчиняясь правилам	0,10	0,14	0,15	0,06	0,07	0,12
Поддерживать порядок общественной жизни	0,25**	0,31**	0,35**	0,25**	0,30**	0,31**
Общий показатель ОСЗФЭ	0,27**	0,31**	0,35**	0,31**	0,31**	0,35**

Прим.: * – $p = 0,05$; ** – $p = 0,01$.

Знание правил этикета сопряжено с принятием себя независимо от оценки своих достоинств и недостатков. Позитивное отношение к этикетным правилам значимо связано с направленностью на ценности, присущие самоактуализирующейся личности, уважением себя за свои достоинства и положительные свойства характера и принятием себя таким, как есть. *Намерение следовать правилам* этикета не связано с выраженностью каких-либо параметров самоактуализации. Можно предположить, что внутреннее принятие правил этикета в большей степени отражается в том, нравятся ли человеку эти правила или нет, в то время как намерение следовать им может быть внешне мотивированным. Таким образом, эмоциональное принятие правил этикета оказывается более значимым для самоактуализации, чем их знание и намерение им следовать, что вполне согласуется с представлением о том, что самоактуализирующейся личности свойственно уважение к принятым правилам и существующим условиям, исходя из понимания их целесообразности, при сохранении определенной свободы в собственных поступках.

Субъективная значимость конкретных функций этикета указывает на смысл, придаваемый человеком принятым в обществе правилам поведения. В нашем исследовании значимость большинства функций этикета связана с отдельными аспектами самоактуализации (табл. 4). Так, понимание необходимости соблюдения этикета как средства сохранения культуры взаимосвязано с направленностью на ценности самоактуализации и самоуважением. Значимость хороших манер как проявления компетентности в общении сопровождается

чувством собственного достоинства и уважением себя. Осознание возможности автоматизации коммуникации посредством использования этикетных действий связано с высоким уровнем рефлексии своих чувств и потребностей. Рассмотрение этикета как средства самоконтроля обратно взаимосвязано с гибкостью поведения. Важность этикетного поведения как средства внешнего выражения уважения противоположна целостности восприятия другого человека и мира в целом. Таким образом, значимость следования правилам этикета в целом сопряжена с выраженностью характеристик самоактуализирующейся личности, однако если этикетное поведение является проявлением жесткого самоконтроля или демонстративного выражения уважения, то оно может препятствовать поведенческой гибкости и целостности восприятия.

Для определения направленности выявленной взаимосвязи между рассматриваемыми аспектами этикетного поведения и уровнем ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности был применен многомерный регрессионный анализ. При оценке степени влияния отношения к этикету на осмысленность жизни в качестве зависимой переменной выступил общий показатель осмысленности жизни по тесту СЖО, в качестве независимых – общие показатели обеих методик отношения к этикетному поведению. Построенная регрессионная модель статистически значима при $p < 0,00002$. Как следует из результатов анализа (табл. 5), отношение к принятым правилам этикета не обнаружило существенного влияния на осмысленность жизни, что, вероятно, связано с ограниченным

Табл. 3. Взаимосвязь отношения к репрезентативным правилам этикета и показателей самоактуализации личности
Tab. 3. Attitudes towards representative etiquette rules vs. self-actualization indicators

Аспекты отношения к этикетному поведению	Шкалы САТ		
	Ценностные ориентации (SAV)	Самоуважение (Sr)	Самопринятие (Sa)
Знание репрезентативных правил этикета	0,05	0,07	0,22**
Эмоциональное отношение к репрезентативным правилам этикета	0,17*	0,19*	0,17*
Намерение следовать репрезентативным правилам этикета	0,13	0,11	0,09

Прим.: * – $p = 0,05$; ** – $p = 0,01$.

Табл. 4. Взаимосвязь субъективной значимости функций этикета и показателей самоактуализации личности
Tab. 4. Subjective significance of etiquette functions vs. self-actualization indicators

Функции этикета	Шкалы САТ				
	Ценностные ориентации (SAV)	Гибкость поведения (Ex)	Сензитивность к себе (Fr)	Самоуважение (Sr)	Синергия (Sy)
Не думать о форме общения, действуя в соответствии с общепринятыми правилами	0,07	-0,07	0,18*	0,14	-0,06
Проявить свою компетентность (владение хорошими манерами)	0,05	-0,08	0,08	0,17*	-0,06
Предотвратить конфликты между людьми с разным социальным статусом	0,09	-0,03	0,01	0,20*	-0,13
Сохранять культурные традиции	0,16*	-0,12	0,05	0,18*	0,02
Выразить уважение к тому, с кем вступаешь в контакт	-0,03	-0,06	0,01	0,08	-0,19*
Тренировать способность владеть собой, подчиняясь правилам	-0,02	-0,19*	-0,00	0,07	-0,07

Прим.: * – $p = 0,05$.

набором и узкой направленностью правил этикета в опроснике ОРПЭ и возможного их расхождения с актуальными представлениями современных студентов о нормах социального поведения. Вместе с тем оценка субъективной значимости функций достоверно влияет на общий показатель осмысленности жизни, выступая существенным предиктором уровня ценностно-смыслового развития.

Причинно-следственные отношения между характеристиками этикетного поведения и самоактуализации личности устанавливались аналогичным образом. В данном случае при построении регрессионной модели анализу подлежали 12 независимых переменных, из них 3 – аспекты отношения к репрезентативным правилам этикета и 9 – оценка субъективной значимости функций этикета. В качестве зависимой переменной рассматривалась одна из основных шкал самоактуализации

Табл. 5. Результаты регрессионного анализа отношения к этикетному поведению и показателей осмысленности жизни

Tab. 5. Attitudes towards etiquette vs. Purpose in Life indicators: regression analysis

Предикторы	b	p
Общий показатель отношения к репрезентативным правилам этикета	0,10	0,31
Общий показатель оценки субъективной значимости функций этикета	0,28	0,01

личности – шкала поддержки, отражающая внешний либо внутренний характер ценностных ориентаций личности. В построенную регрессионную модель при $p < 0,004$ попали 5 показателей, статистически значимыми из них оказались 4 предиктора (табл. 6). Полученные результаты свидетельствуют, что положительное отношение к правилам этикета в целом предопределяет независимость поступков,

Табл. 6. Результаты регрессионного анализа отношения к этикетному поведению и показателей самоактуализации личности

Tab. 6. Attitudes towards etiquette vs. self-actualization indicators: regression analysis

Предикторы	b	p
Аспекты отношения к репрезентативным правилам этикета		
Знание репрезентативных правил этикета	0,25	0,02
Эмоциональное отношение к репрезентативным правилам этикета	0,48	0,02
Намерение следовать репрезентативным правилам этикета	-0,54	0,01
Субъективная значимость функций этикета		
Не думать о форме общения, действуя в соответствии с общепринятыми правилами	0,14	0,10
Тренировать способность владеть собой, подчиняясь правилам	-0,23	0,02

стремление руководствоваться собственными целями, убеждениями, установками и принципами. При этом знание правил этикета выступает общим условием самоактуализации. Эмоциональное отношение к правилам этикета, т. е. их интериоризация и придание им ценностного характера, оказывается в данном случае наиболее значимой детерминантой. Внешнее следование правилам этикета без их осознанного внутреннего принятия определяет конформность поведения, ориентацию на мнение окружающих и, соответственно, низкий уровень самоактуализации. Таким образом, для самоактуализации важным является не механическое исполнение правил этикета, а осознание их смысла и ценности. Результаты анализа подтверждают описанную модель А. Маслоу, в соответствии с которой соблюдение правил этикета способствует самоактуализации только при их интернализации, а внешнее, формальное этикетное поведение только препятствует ей.

Заключение

Позитивное отношение к правилам этикета и понимание значимости его функций способствуют осмысленности жизни, ощущению контроля над своей жизнью и принятием на себя ответственности, определяя повышение уровня ценностно-смыслового развития и самоактуализации. Наиболее значимой детерминантой при этом является эмоциональное принятие правил этикета, способствующее независимости поступков и ориентации на собственные цели и убеждения. Следование правилам этикета без их осознанного внутреннего принятия обуславливает ориентацию на внешние ценности и препятствует самоактуализации. Таким образом, полученные результаты раскрывают психологические механизмы личностного развития посредством этикетного поведения. Выявленные данные о характере отношений между этикетным поведением и уровнем развития личности конкретизируют существующие представления о взаимосвязи между формой и содержанием, внешним и внутренним в поведении человека, о двойственности процессов становления личности, описываемых современной психологией в полярных понятиях интериоризации и экстериоризации, индивидуализации и социализации, индивидуации и идентификации и т. д.

Результаты исследования могут быть использованы в психолого-педагогической практике для разработки программ нравственного воспитания

и личностного развития молодежи, в том числе в образовательном процессе посредством смещения акцента с требования соблюдения принятых правил поведения на прояснение их ценностно-смыслового содержания, а также в психологическом консультировании посредством использования отношения к нормам этикета как диагностического маркера уровня интернальности и осмысленности жизни.

Дальнейшее изучение данной проблематики может развиваться в нескольких направлениях: проведение сравнительного исследования представителей разных возрастных групп и профессиональных сообществ для выявления специфики интериоризации норм на разных этапах личностно-профессионального развития; более детальное изучение влияния культурного контекста (например, сравнение западных и восточных моделей этикета) на ценностно-смысловое развитие; анализ того, как правила сетевого этикета влияют на развитие ценностно-смысловой сферы современной молодежи в условиях цифровизации; проведение лонгитюдных исследований для оценки долгосрочного влияния специально организованного этического воспитания на уровень ценностно-смыслового развития и самоактуализации личности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. С. Яницкий – концептуализация, методология, руководство исследованием, написание и редактирование рукописи. И. А. Гарибян – концептуализация, методология, верификация данных, проведение исследования, формальный анализ, написание черновика рукописи. А. В. Серый – формальный анализ, администрирование данных.

Contribution: M. S. Yanitskiy developed the research concept, designed the methodology, supervised the research, and proofread the manuscript. I. A. Garibyan developed the research concept, designed the methodology, provided the data verification, performed the research, conducted the formal analysis, and wrote the manuscript. A. V. Seryy was responsible for formal analysis and data administration.

Литература / References

- Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. 2-е изд. М.: URSS, 2019. 166 с. [Baiburin A. K., Toporkov A. L. *At the origins of etiquette: Ethnographic essays*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2019, 166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylxkjs>
- Горбунова Л. Ю., Васильева И. М. Анализ этапов развития и становления воинского этикета и формирования нравственности будущих офицеров в отечественной военной культуре. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2023. № S97-1. С. 55–59. [Gorbunova L. Yu., Vasilyeva I. M. Analysis of the stages of development and formation of military etiquette and the formation of morality of future officers in the national military culture. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk*, 2023, (S97-1): 55–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrktkl>
- Гушина Г. А., Титкова А. В. Речевой этикет как инструмент нравственного воспитания старших дошкольников. *Дошкольное воспитание*. 2024. № 7. С. 2–6. [Gushchina G. A., Titkova A. V. Speech etiquette as a tool for moral education of older preschoolers. *Doshkolnoe vospitanie*, 2024, (7): 2–6. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uepaid>
- Даниленко О. И. О типах установок в отношении этикетных моделей поведения и их ценностных основаниях. *Петербургский психологический журнал*. 2013. № 4. С. 58–71. [Danilenko O. I. The types of attitudes towards etiquette behavioral models and their value foundations. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 2013, (4): 58–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rifwyd>
- Даниленко О. И. Опросник «Отношение к репрезентативным правилам этикета». *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2016. № 7. С. 74–80. [Danilenko O. I. "Attitude to the representative rules of etiquette" questionnaire. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia*, 2016, (7): 74–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfqnaх>
- Даниленко О. И. Приоритеты функций этикета у современных петербургских студентов. *Актуальные проблемы развития современной науки и образования: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 апреля 2015 г.)*. М.: АР-Консалт, 2015. Ч. V. С. 128–132. [Danilenko O. I. Priorities etiquette functions in contemporary Petersburg students. *Current issues in the development of modern science and education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 30 Apr 2015*. Moscow: AR-Konsalt, 2015, pt. V, 128–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tukvgx>
- Даниленко О. И. Этикет и этикетное поведение: от культурологического анализа к психологическому исследованию. *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2014. № 8. С. 50–56. [Danilenko O. I. Etiquette and etiquette behavior: From culturological analysis to psychological study. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia*, 2014, (8): 50–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thdgs1>
- Ильина Д. В. Речевой этикет и его роль в развитии личности. *Концепт*. 2016. № T17. С. 155–159. [Irina D. V. Speech etiquette and its role in personality development. *Concept*, 2016, (T17): 155–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wuxhyj>
- Карташова В. В. О ценностных аспектах развития речевого этикета в современной начальной школе. *Интернаука*. 2021. № 17-1. С. 93–97. [Kartashova V. V. About the value aspects of the development of speech etiquette in the modern elementary school. *Internauka*, 2021, (17-1): 93–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ehcvbe>
- Колчин Е. Ю. Ритуализация повседневных практик в эпоху постмодерна и цифровизации. *История. Культурология. Политология*. 2025. № 3. С. 54–59. [Kolchin E. Yu. Ritualization of everyday practices in the era of postmodern and digitalization. *History. Cultural studies. Political science*, 2025, (3): 54–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-3-4>
- Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭСКМО, 2001. 958 с. [Confucius. *Lessons of wisdom*. Moscow: ESKMO, 2001, 958. (In Russ.)]
- Корепанова Ю. Н., Зауторова Э. В. Отдельные аспекты формирования нравственных ценностей и ориентаций курсантов и слушателей образовательных организаций ФСИН России в системе изучения курса «Профессиональная этика и служебный этикет» с учетом профессиональной детерминации. *Вестник Самарского юридического института*. 2024. № 5. С. 63–71. [Korepanova Yu. N., Zautorova E. V. Some aspects of the moral values and orientations' formation of cadets and students of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in the system of studying the course "Professional Ethics and official Etiquette" – taking into account professional determination. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta*, 2024, (5): 63–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37523/SUI.2024.61.5.010>

- Ли Ц. Этикетное поведение как реализация конфуцианских ценностей. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2015, Т. 5, № 3, С. 92–100. [Li Tz. Etiquette behavior as the realization of Confucian values. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, 5(3): 92–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjielv>
- Магомедова Б. И. Народный этикет – важный аспект нравственного воспитания. *Российский психологический журнал*, 2008, Т. 5, № 4, С. 97–99. [Magomedova B. I. National etiquette – a prominent aspect of moral education. *Russian Psychological Journal*, 2008, 5(4): 97–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2008.4.14>
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. 2-изд., испр. М.: Альпина, 2011. 496 с. [Maslow A. *The farther reaches of human nature*. 2nd ed. Moscow: Alpina, 2011, 496. (In Russ.)]
- Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 430 с. [Mead M. *Culture and the world of childhood: Selected Works*. Moscow: Nauka, 1988, 430. (In Russ.)]
- Пинженина В. Н. Формирование нравственного поведения младших школьников в процессе обучения речевому этикету на уроках русского языка. *Научный Лидер*, 2022, № 17, С. 28–29. [Pinzhenina V. N. Formation of moral behavior of junior schoolchildren in the process of teaching speech etiquette in Russian lessons. *Nauchnyi Lider*, 2022, (17): 28–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fqtfff>
- Семенов И. И. Афоризмы Конфуция. М.: МГУ, 1987. 302 с. [Semenov I. I. *Aphorisms of Confucius*. Moscow: MSU, 1987, 302. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thnamb>
- Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1064 с. [White L. *Selected works: The evolution of culture*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1064. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoczvz>
- Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: АСТ, 2010. 160 с. [Fromm E. *Psychoanalysis and religion*. Moscow: AST, 2010, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzrhl>
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. СПб.: Азбука, 2025. 976 с. [Frazer J. *The golden bough. A study in magic and religion*. St. Petersburg: Azbuka, 2025, 976. (In Russ.)]
- Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. 2-е изд. М.: Флинта, 2006. 341 с. [Erikson E. H. *Identity: Youth and crisis*. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2006, 341. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpmcl>
- Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2020, Т. 22, № 1, С. 194–206. [Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: Structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
- Яницкий М. С. Этические ценности конфуцианства и психологические механизмы их принятия личностью. *Педагогика развития: Проблема образовательных результатов (эффектов): 5-я науч.-практ. конф.* Красноярск: КГУ, 1998. С. 87–99. [Yanitskiy M. S. Ethical values of Confucianism and psychological mechanisms of their acceptance by a personality. *Pedagogy of development: The problem of educational results (effects): 5th Sci.-Prac. Conf.* Krasnoyarsk: KSU, 1998, 87–99. (In Russ.)]
- Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Новокузнецк: MAOU ДПО ИПК, 2010. 102 с. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V. *Diagnostics of the level of development of the value-semantic sphere of individual*. Novokuznetsk: MAEI APE IAS, 2010, 102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qybizp>

© 2026. Буторин Г. Г.

Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма

оригинальная статья

eLibrary EDN: SULUAT

Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма и проявлений темной триады личностных черт в разных культурных контекстах

Буторин Геннадий Геннадьевич

Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия, Челябинск

eLibrary Author SPIN: 3043-1106

<https://orcid.org/0000-0002-9666-2206>

g1966@mail.ru

Аннотация: Цель статьи – проанализировать и синтезировать существующие эмпирические и теоретические данные о том, как культурный контекст, определяемый уровнем индивидуализма / коллективизма, модулирует фенотипические проявления, социальную приемлемость и корреляты черт темной триады. Применены методы систематического научного обзора, сравнительного и кросс-культурного анализа данных психологических исследований, опубликованных в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях за последние 25 лет. Установлено, что проявления черт темной триады не являются универсально деструктивными в равной степени. Высокий уровень индивидуализма в культуре коррелирует с большей толерантностью и даже поощрением адаптивных (субклинических) проявлений нарциссизма и макиавеллизма, воспринимаемых как социальная доминантность и компетентность. В коллективистских культурах те же черты чаще оцениваются негативно как нарушающие групповую гармонию. Психопатия, особенно ее аффективная составляющая, демонстрирует наиболее универсально негативные корреляты во всех культурных контекстах. Подтверждено, что социальная приемлемость и деструктивный потенциал черт темной триады в значительной мере опосредованы культурными нормами, что необходимо учитывать в диагностической и консультативной практике. Разработка культурно-чувствительных диагностических инструментов и интервенций представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, индивидуализм, коллективизм, кросс-культурная психология

Цитирование: Буторин Г. Г. Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма и проявлений темной триады личностных черт в разных культурных контекстах. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 303–311. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-303-311>

Поступила в редакцию 16.10.2025. Принята после рецензирования 16.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Individualism / Collectivism vs. Dark Triad in Different Cultural Contexts

Gennady G. Butorin

South Ural State Medical University, Russia, Chelyabinsk

eLibrary Author SPIN: 3043-1106

<https://orcid.org/0000-0002-9666-2206>

g1966@mail.ru

Abstract: Cultural context, determined by individualism or collectivism, modulates the phenotypic manifestations, social acceptability, and expression of Dark Triad traits. This systematic review provides a comparative and cross-cultural analysis of 25 years of peer-reviewed international and regional psychological studies. Dark Triad manifestations differ in destructive effects and degrees of severity. For instance, a culture of individualism

correlates with greater tolerance and even encouragement of adaptive (subclinical) manifestations of narcissism and Machiavellianism, which are perceived as social dominance and competence. In collectivistic cultures, the same traits are more often assessed negatively as violating group harmony. Psychopathy, especially its affective component, demonstrates the most universally negative correlates in all cultural contexts. Thus, the social acceptability and destructive potential of Dark Triad traits are largely mediated by cultural norms, which must be taken into account in diagnostic and consultative practice. The development of culture-sensitive diagnostic tools and interventions seems to be a promising area of further research.

Keywords: dark triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, individualism, collectivism, cross-cultural psychology

Citation: Butorin G. G. Individualism / Collectivism vs. Dark Triad in Different Cultural Contexts. *SibScript*, 2026, 28(2): 303–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-303-311>

Received 16 Oct 2025. Accepted after peer review 16 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

Конструкт темной триады, объединяющий такие личностные черты, как макиавеллизм (стратегическая манипулятивность и цинизм), нарциссизм (грандиозное самоуважение, чувство права и потребность в восхищении) и психопатия (аффективная поверхностность, импульсивность и бессердечие), прочно вошел в понятийный аппарат современной социальной и клинической психологии личности [Jones, Figueredo 2013; Paulhus, Williams 2002]. Изначально изучавшиеся преимущественно в западных, индивидуалистических культурах эти черты часто рассматривались как универсально дезадаптивные и социально-деструктивные. Однако расширение географии психологических исследований поставило под сомнение абсолютность данного утверждения [Знаков 2002; Иванова 2020].

Возникает проблема: являются ли макиавеллизм, нарциссизм и психопатия универсальными деструктивными конструктами, или их проявление, социальная оценка и, как следствие, приемлемость опосредованы нормативными культурными системами? Одним из ключевых параметров для кросс-культурного анализа выступает измерение индивидуализма / коллективизма, предложенное Г. Хофстеде и разработанное в работах Г. Триандиса [Hofstede 2001; Triandis 1995]. Индивидуалистические культуры (США, страны Западной Европы, Австралия) акцентируют независимость, личные достижения и право на самореализацию. Коллективистские культуры (страны Восточной Азии, Латинской Америки, Россия) ценят взаимозависимость, групповую гармонию и соблюдение социальных норм [Гуриева, Синельникова 2020; Лебедева, Татарко 2007].

Цель статьи – проанализировать и синтезировать существующие эмпирические и теоретические

данные о том, как культурный контекст, определяемый уровнем индивидуализма / коллективизма, модулирует фенотипические проявления, социальную приемлемость и корреляты черт темной триады. Применены методы систематического научного обзора, сравнительного и кросс-культурного анализа данных психологических исследований, опубликованных в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях за последние 25 лет.

Результаты

Методологический вызов:

проблема эквивалентности измерений

Проблема эквивалентности измерений представляет собой центральную проблему, стоящую перед кросс-культурными исследованиями. Возникает вопрос, действительно ли популярные опросники, например, Short Dark Triad (SD3) или DirtyDozen, разработанные в западных (чаще всего англоязычных) культурах, измеряют те же самые психологические конструкты в других культурных средах [Garcia et al. 2017]. Так, в азиатском контексте эмпирические исследования показывают, что факторная структура опросника SD3 (то, как вопросы группируются в шкалы макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) не полностью воспроизводится в некоторых азиатских выборках. Это означает, что представители этой культуры могут по-другому интерпретировать вопросы, а сами черты могут проявляться иначе или быть не столь четко дифференцированными [Zhang et al. 2022].

В России эта проблема также актуальна. Ученые не просто переводят опросники, а проводят сложную работу по их валидации и адаптации. Такой процесс подразумевает обязательную проверку смысловой

эквивалентности каждого пункта и анализ того, насколько шкалы остаются надежными и валидными для российской выборки. Кроме того, надо учитывать национальную специфику в понимании и проявлении деструктивных черт (например, иное отношение к напористости, хитрости или самовосхвалению) [Егорова и др. 2015; Корнилова и др. 2015]. Таким образом, без доказанной эквивалентности измерений прямое сравнение баллов по опросникам между культурами может быть некорректным и вводить в заблуждение.

Ключевой теоретической рамкой для анализа служит так называемая *теория культурного соответствия* [Fulmer et al. 2010]. Согласно данной теории, влияние личностной черты на жизнь человека зависит от того, насколько она соответствует ценностям и нормам его культуры. Черта, которая поощряется и считается приемлемой в одном обществе, может осуждаться и наказываться в другом. Так, черты темной триады (манипулятивность, самовлюбленность, бесстрашие, напористость) часто ассоциируются с достижением личного превосходства, доминированием над другими, самопродвижением и уверенностью в себе. В индивидуалистических культурах (США, Западная Европа), где ценятся личные достижения, конкуренция и самореализация, эти черты могут иметь менее негативные (а в некоторых контекстах, например в бизнесе, даже позитивные) последствия. Они могут восприниматься как «деловая хватка» или «лидерские качества». В коллективистских культурах (многие страны Азии), где главными ценностями являются гармония, сплоченность группы и скромность, проявление черт темной триады будет встречать резкое осуждение и приводить к более негативным социальным последствиям для индивида (изгнание из группы, потеря лица).

Таким образом, можно предположить, что черты темной триады, ассоциирующиеся с доминированием, настойчивостью и самопродвижением, могут иметь менее негативные (или даже в определенных аспектах позитивные) последствия в индивидуалистических контекстах, нежели в коллективистских.

Отечественные работы подтверждают, что в российском обществе, которое характеризуется как промежуточное на оси индивидуализма – коллективизма, проявления макиавеллизма и нарциссизма могут иметь амбивалентные трактовки [Знаков 2002; Лигеза, Хмелевская 2023].

Безусловно, изучение темной триады в кросс-культурной перспективе требует не простого

сравнения цифр, а глубокого понимания культурного контекста. В таких исследованиях необходимо учитывать методические нюансы (эквивалентность опросников), теоретические рамки (объясняющие, почему последствия черт разнятся), а также уникальность каждой культуры (как, например, в случае России с ее смешанным социокультурным профилем).

Проблема эквивалентности измерений ставит под сомнение саму возможность прямых кросс-культурных сравнений баллов. Существует вероятность, что изучению подлежит не один феномен в разных культурах, а разные культурные феномены, которые лишь условно объединены одним термином (*макиавеллизм*). Однако в таком случае требуется не адаптация опросников, а разработка так называемых эмических (культурно-специфичных) моделей с последующим сравнительным анализом.

Культурная опосредованность макиавеллизма

Основная идея заключается в том, что макиавеллизм не является универсальным феноменом с одинаковыми проявлениями и последствиями. Его восприятие обществом, практическая эффективность и социальные последствия напрямую зависят от культурного контекста, в котором он проявляется. Культурные нормы и ценности выступают фильтром, который определяет, будет ли такое поведение считаться приемлемой хитростью или разрушительной угрозой.

Макиавеллизм можно определить не просто как личностную черту, а как стратегическое поведение. То есть люди с высоким уровнем макиавеллизма целенаправленно, их действия подчинены достижению личных целей (власть, деньги, влияние). Они используют манипуляцию как основной инструмент для управления другими людьми. Такие люди рациональны и прагматичны, они часто игнорируют моральные соображения, если те мешают достижению цели.

Проявление макиавеллизма культурно опосредовано. Это означает, что его «успех» или «провал» зависит от того, насколько его стратегия совпадает с доминирующими культурными ценностями или противоречит им. Такой подход противопоставляет два основных типа культур:

1. В индивидуалистических культурах (Западная Европа, США, Канада, Австралия), где ценятся конкуренция, личный успех и стратегическое мышление, макиавеллизм может восприниматься

как пронизательность, политическая хватка и деловая компетентность. Исследования показывают, что в таких культурах макиавеллизм слабее связан с открыто негативными исходами и может даже ассоциироваться с карьерным продвижением в определенных сферах (например, в продажах, управлении) [Jonason et al. 2012]. Индивиды с высоким уровнем макиавеллизма успешно используют нормы индивидуализма, оправдывая свое поведение прагматизмом.

2. В коллективистских культурах, где первоочередное значение имеют доверие, кооперация и поддержание групповой гармонии, макиавеллизм оценивается резко отрицательно. Манипулятивное поведение там воспринимается как прямая угроза сплоченности группы. Например, в культуре Китая макиавеллизм демонстрирует более сильную связь с социальной дезадаптацией, одиночеством и негативным отношением со стороны окружающих [Felfe et al. 2008]. В России он тоже имеет негативную связь с просоциальным поведением и удовлетворенностью межличностными отношениями в группах [Кравчук, Подгурецки 2010; Суднищикова 2024].

Итак, одно и то же поведение может иметь совершенно разную социальную стоимость в разных культурах. То, что в Нью-Йорке сочтут деловой смекалкой, в Токио или Москве могут воспринять как опасный обман. Таким образом, эффективность и приемлемость макиавеллизма напрямую зависят от того, насколько его стратегия соответствует правилам игры, принятым в данном обществе.

При этом необходимо признать, что теория культурного соответствия представляется недостаточной для исчерпывающего объяснения. При всех своих достоинствах она выглядит довольно механистичной, прежде всего потому, что описывает статичное соответствие. Однако культуры не монолитны, а динамичны. Более продуктивной была бы теория социальных игр или ниш: черты темной триады могут быть адаптивны не потому, что соответствуют абстрактным ценностям, а потому, что позволяют выигрывать в конкретных социальных играх, санкционированных в данной культуре (например, в жесткой корпоративной конкуренции на Западе или в борьбе за статус в иерархической криминальной группе на Востоке). В таком контексте культура определяет не соответствие, а набор доступных и вознаграждаемых стратегий поведения.

Культурный нарциссизм: от здоровой самоуверенности к деструктивной грандиозности

Нарциссизм, и особенно его субклинические проявления, наиболее ярко демонстрирует культурную зависимость. Так, индивидуалистические культуры сознательно и бессознательно поощряют и культивируют нарциссические черты, создают «тепличные условия» для развития и проявления нарциссических черт. Культурные нарративы об уникальности, лидерстве и необходимости саморекламы (особенно в эпоху социальных сетей) поощряют грандиозную самооценку и самопрезентацию. Метаанализ указывает на более высокие средние уровни нарциссизма в западных выборках по сравнению с восточными [Foster et al. 2003]. Здесь нарциссизм часто коррелирует с кратковременным успехом в установлении контактов, лидерскими амбициями и воспринимается как уверенность в себе [Grijalva et al. 2014]. Отрицательные аспекты нарциссизма, такие как эксплуатация других и чувство убежденности в своем праве на особое отношение, часто маскируются под социально одобряемые качества – требовательность, высокие стандарты или умение себя подать.

В коллективистских культурах открытое самовозвеличение и потребность в восхищении грубо нарушают социальные нормы скромности и поддержания группового имиджа. Как следствие, нарциссизм здесь имеет более однозначно негативные корреляты: он сильнее связан с межличностными конфликтами, отвержением группой и психологическим неблагополучием [Cai et al. 2012]. Индивиды с нарциссическими чертами в таких культурах могут испытывать более выраженный когнитивный диссонанс между личными тенденциями и социальным осуждением. В России сочетаются коллективистские ценности (исторически присущие) и растущее влияние западного индивидуализма. В таком гибридном контексте нарциссизм чаще ассоциируется не с уверенностью, а с такими негативными характеристиками, как демонстративность (показное, неестественное поведение) или неадекватно завышенная самооценка (что воспринимается как слабость, а не сила) [Hofstede 2001].

Стоит признать, что не существует единой оценки нарциссизма. То, что в одной культуре считается двигателем к успеху и здоровой самоуверенностью, в другой может быть воспринято как разрушительная для социальных связей грандиозность и причина личностных проблем. Культура выступает в роли

линзы, которая фокусирует и преломляет проявления нарциссизма, определяя, будет ли он социально наказан или вознагражден.

Психопатия как универсальный деструктивный элемент темной триады

В отличие от нарциссизма и макиавеллизма, проявления которых в значительной степени опосредуются социальными нормами и ожиданиями, психопатия, и в особенности ее аффективное ядро, демонстрирует высокую степень кросс-культурной устойчивости. Психопатия характеризуется триадой ключевых признаков: бессердечие – отсутствие теплоты, сострадания и заботы о других; отсутствие эмпатии – неспособность к эмоциональному отклику на переживания и страдания окружающих; отсутствие раскаяния – неспособность испытывать чувство вины или сожаления о своих вредоносных действиях. Они, в свою очередь, представляются наиболее культурно-инвариантным конструктом темной триады. Именно эта эмоциональная пустота и дефицит делает психопатию фундаментально деструктивным конструктом, проявления которого менее подвержены культурному влиянию.

Зарубежные эмпирические исследования подтверждают, что психопатия является устойчивым предиктором глубокой личностной и социальной дезадаптации. Эта связь наблюдается как в индивидуалистических западных обществах, где ценится личная автономия, так и в коллективистских, где на первом месте стоят интересы группы [Jones 2011]. Импульсивность, склонность к риску, пренебрежение нормами и безопасностью других ведут к негативным последствиям (делинквентное поведение, проблемы с законом, разрушение социальных связей) независимо от культурного контекста.

Российский исследовательский контекст также выявляет эту универсальную закономерность. Так, психопатические черты являются надежным предиктором асоциального и девиантного поведения в самых различных социальных группах на территории РФ, что дополнительно укрепляет тезис о культурной инвариантности ее деструктивного потенциала [Арестова, Морозова 2024; Атаджыкова, Ениколопов 2015; Корниенко и др. 2022].

Несмотря на универсальность ядерных черт, культурный контекст может влиять на выраженность определенных поведенческих проявлений. В культурах с высоким коллективизмом и дистанцией власти жесткое, бессердечное поведение может иногда

маскироваться под авторитарность и строгость, направленную на «благо» группы (например, в корпоративных или семейных иерархиях). Тем не менее внутренняя аффективная пустота и деструктивность данного конструкта остаются универсальными.

Примером культурной маскировки являются случаи, когда жесткое, манипулятивное и бессердечное поведение может быть закамуфлировано под авторитарность и строгость, оправдываемую интересами группы (*Я делаю это для блага компании / семьи*). Такое поведение может даже временно поощряться в рамках корпоративных, военных или семейных иерархий, где оно ошибочно воспринимается как проявление сильного руководства или дисциплины.

Несмотря на то что культурный контекст может влиять на конкретные поведенческие стратегии психопатической личности (открытая агрессия vs. маскировка под авторитет), ее внутренняя аффективная сущность – эмоциональная пустота, отсутствие эмпатии и раскаяния – остается неизменной и универсальной. Именно это ядро обуславливает ее устойчивый деструктивный характер, который в долгосрочной перспективе приводит к негативным последствиям для окружающих и общества в целом, независимо от его культурного устройства. Психопатия, таким образом, правомерно рассматривается как наиболее культурно-инвариантный и универсально деструктивный элемент темной триады.

Синергия культурного контекста и темной триады

Анализ влияния темной триады личностных черт (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия) на социальное функционирование индивида не может быть полным при их изолированном рассмотрении вне культурного контекста. Культура выступает не просто фоном, а активным модератором, который определяет степень выраженности, социальную приемлемость и, что наиболее важно, синергетический эффект взаимодействия этих черт между собой. Поэтому стоит проанализировать то, как различные культурные среды – индивидуалистическая и коллективистская – формируют уникальные паттерны проявления и усиления черт темной триады, а также рассмотреть специфику этого взаимодействия в условиях современного российского общества.

В западных, преимущественно индивидуалистических обществах, где ценятся личные достижения, конкуренция, самореализация и внешний успех, наблюдается феномен, который можно

обозначить как *эффект усиления*, или *эффект успешного хищника*. Так, нарциссизм с его грандиозным самоощущением и потребностью в восхищении находит благодатную почву в культуре, поощряющей самопрезентацию. Макиавеллизм с его инструментальным и манипулятивным подходом к социальным взаимодействиям предоставляет эффективные стратегии для достижения лидерских позиций и материального успеха. Эти две черты вступают в синергию: нарциссизм мотивирует индивида на доминирование, а макиавеллизм предоставляет тактические средства для его завоевания. В результате формируется социально одобряемый (или, по крайней мере, оправдываемый успехом) образ сильной личности, жесткого переговорщика или лидера, чьи манипуляции и самовозвеличивание воспринимаются как необходимые атрибуты эффективности. Несмотря на то что психопатия с ее импульсивностью и низким самоконтролем чаще несет риски, в определенных нишах (например, венчурные инвестиции, высокорискованные сделки) ее бесстрастность и устойчивость к стрессу могут дополнять указанный тандем, создавая не просто более эффективную, но и социально опасную личностную конфигурацию.

В коллективистских культурах, где первостепенное значение имеют гармония группы, взаимопомощь, уважение к иерархии и следование социальным нормам, открытое проявление черт темной триады, как правило, ведет к маргинализации индивида. Эгоцентризм нарциссизма, манипулятивность макиавеллиста и импульсивная безответственность психопата напрямую подрывают основы коллективистского уклада, основанного на доверии и кооперации. Такой индивид воспринимается как угроза целостности группы и подвергается активному осуждению или остракизму.

Однако именно давление коллективистских норм может приводить к формированию специфических замкнутых субкультур или ниш, где черты темной триады не только проявляются, но и активно культивируются по внутренним законам. Ярчайшим примером являются криминальные группировки, где макиавеллическая хитрость, нарциссическое самомнение лидера и бесстрастная жесткость психопата становятся инструментами выживания и подъема во внутренней иерархии. Таким образом, культура не уничтожает проявление темной триады, а вытесняет его в анклав, где эти черты являются новой нормой.

Если принимать такое утверждение, то напрашивается логичный вывод о том, что темная триада характеризуется определенной культурно-специфической конфигурацией. Например, мы можем говорить об индивидуалистической конфигурации, где *успешный хищник* – это доминирование нарциссизма при инструментальной поддержке макиавеллизма, а психопатия – дисфункциональный сбой. Коллективистская же, или маргинальная, конфигурация – это *безжалостный тактик*, где есть ядро из психопатии и макиавеллизма, а нарциссизм подавлен или направлен на утверждение статуса внутри замкнутой группы. Такой подход, на наш взгляд, позволяет перейти от анализа черт к анализу типов личностей, формируемых культурным контекстом.

Современный российский социум представляет собой уникальное поле для изучения синергии темной триады и культуры, поскольку переживает затяжную трансформацию ценностных систем, сочетая в себе как коллективистские пережитки, так и активно внедряемые индивидуалистические идеалы. В данном контексте наблюдается сложное и зачастую противоречивое взаимодействие описанных выше тенденций. Черты темной триады могут одновременно осуждаться и неявно поощряться в зависимости от социального контекста. Например, в публичном пространстве манипулятивность и нарциссизм могут осуждаться как безнравственные черты, в то время как в бизнес-среде или на политической арене те же самые качества могут ассоциироваться с деловой хваткой, прагматизмом и умением добиваться своего [Копылова 2024; Лебедева, Татарко 2007].

Все это создает условия для когнитивного диссонанса на уровне общества и формирует у носителей черт темной триады гибридные адаптивные стратегии. Индивид может демонстрировать макиавеллизм и нарциссизм в профессиональной среде, апеллируя к ценностям успеха и конкуренции, и одновременно пытаться встраиваться в более традиционные коллективистские структуры (семья, круг друзей), маскируя эти черты. Данная двойственность делает проявление темной триады в России особенно гибким, ситуативным и трудным для однозначной оценки.

Можно выдвинуть предположение о том, что именно в таких транзитивных обществах проявления темной триады могут быть наиболее деструктивны в макромасштабе. Так как в них отсутствуют устойчивые культурные фильтры. Манипулятивность,

оправдываемая прагматизмом в бизнесе, не встречает адекватного морального противовеса из коллективистской традиции, которая сама подверглась эрозии. Это создает идеальную среду для расцвета институционализованного макиавеллизма, где стратегии темной триады проникают в нормы социальных институтов.

Таким образом, синергия черт темной триады не является универсальной и напрямую детерминирована культурным контекстом. Индивидуалистическая среда способствует взаимному усилению нарциссизма и макиавеллизма, легитимируя образ *успешного хищника*, в то время как коллективистская среда подавляет открытое проявление темной триады, вытесняя его в маргинальные ниши. Современные переходные общества, такие как российское, демонстрируют наиболее сложную и амбивалентную модель этой синергии, где черты темной триады одновременно осуждаются и ценятся, что требует от индивида высоких навыков ситуативной и контекстуальной адаптации.

Заключение

Черты темной триады не являются абсолютно универсальными деструктивными конструктами. Их проявление, социальная интерпретация и последствия в значительной степени опосредованы культурным контекстом, в первую очередь измерением индивидуализма / коллективизма.

Макиавеллизм и нарциссизм демонстрируют высокую культурную пластичность. В индивидуалистических культурах их субклинические проявления часто получают социальное подкрепление и могут ассоциироваться с адаптивными исходами (социальный статус, лидерство), маскируя деструктивный потенциал. В коллективистских культурах эти же черты в большинстве случаев однозначно оцениваются как социально нежелательные и дезадаптивные.

Психопатия является наиболее культурно-консервативным элементом триады, демонстрируя устойчивые негативные корреляты с широким спектром дезадаптивных исходов в различных культурных средах. Ее аффективное ядро (бессердечие, отсутствие эмпатии) представляет универсальную угрозу социальному функционированию.

Установлено, что деструктивность – не внутреннее свойство черты личности, а результат ее взаимодействия с социальным полем. Это сближает психологию с социологией и ставит перед специалистами вопрос о том, можем ли мы осуждать нарциссизм

как таковой, или должны осуждать культуру, поощряющую и легитимирующую его деструктивные формы. На наш взгляд, культура – не модератор, а со-конструктор проявлений личности. Черты темной триады – это «сырой» потенциал, который культурный контекст «собирает» в конкретные поведенческие паттерны. Следовательно, важно реализовать переход от диспозиционального (черты) к контекстуально-поведенческому (стратегии в конкретных социальных играх) подходу в исследовании темной триады.

Для диагностики черт темной триады необходимы не просто адаптированные опросники, а культурно-сенситивные протоколы интерпретации, т. е. высокий балл по нарциссизму, например в России и США, должен интерпретироваться по-разному. Это связано с тем, что в мультикультурных командах конфликты могут возникать не из-за личных антипатий, а из-за столкновения культурных кодов восприятия поведения. То, что для американца – уверенная самопрезентация, для японца – невыносимый нарциссизм.

Отсюда борьба с социально-деструктивными проявлениями (коррупция, токсичное лидерство) должна учитывать культурную «упаковку» этих явлений. В коллективистских культурах акцент должен быть на защите групповой гармонии и разоблачении ложного авторитета, в индивидуалистических – на прозрачности правил и защите прав индивида от манипуляций.

Полученные результаты имеют практическую значимость для психологической диагностики, консультирования и работы в мультикультурных коллективах. Они указывают на необходимость учета культурных норм при оценке личностных черт и поведения. Диагностические заключения не могут быть сделаны исключительно на основе баллов по тестам без учета культурного фона индивида. При этом разработка культурно-чувствительных диагностических инструментов и интервенций представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арестова О. Н., Морозова А. И. Особенности познавательной деятельности у лиц с выраженными чертами Темной Триады. *Вопросы психологии*. 2024. Т. 70. № 3. С. 84–96. [Arestova O. N., Morozova A. I. Cognitive activity specifics in individuals with explicit Dark Triad traits. *Voprosy Psikhologii*, 2024, 70(3): 84–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dzzehm>
- Атаджыкова Ю. А., Ениколопов С. Н. Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2015. Т. 8. № 3. С. 77–86. [Atadzhykova J. A., Enikolopov S. N. Concept of psychopathy and its development in Russian and foreign psychology (literature review). *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, 2015, 8(3): 77–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukwgvv>
- Гуриева С. Д., Синельникова Е. С. Этнопсихология и кросс-культурная психология. СПб.: Питер, 2020. 384 с. [Gurieva S. D., Sinelnikova E. S. *Ethnopsychology and cross-cultural psychology*. St. Petersburg: Piter, 2020, 384. (In Russ.)]
- Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. [Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Adaptation of The Short Dark Triad. *Psychological Studies*, 2015, 8(43). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (accessed 20 Sep 2025). <https://elibrary.ru/waounz>
- Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. *Вопросы психологии*. 2002. № 6. С. 22–53. [Znakov V. V. Machiavellianism, manipulative behavior, and mutual understanding in interpersonal communication. *Voprosy Psikhologii*, 2002, (6): 22–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smmrob>
- Иванова А. М. Дискурсивное поле психологических исследований Темной триады. *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020)*: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 г.) СПб.: СПбУ МВД России, 2020. С. 229–233. [Ivanova A. M. Discursive field of psychological studies of the Dark Triad. *Actual problems of psychology of law enforcement: Concepts, approaches, and technologies (Vasiliev Readings 2020)*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 23 Apr 2020. St. Petersburg: SPbU MIA of Russia, 2020, 229–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/futgzs>
- Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». *Психологический журнал*. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98. [Kornienko D. S., Vyazovkina V. K., Gornostaev I. S. Adaptation and psychometric properties of The Dark Tetrad Short Questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2022, 43(5): 87–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
- Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Талмач М. С. Методика диагностики личностных черт «темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112. [Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A., Talmach M. S. Methodology for diagnosing personality traits of the Dark Triad: Testing of the Dark Dozen Questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, 36(2): 99–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttjzrp>
- Копылова Ж. Д. Макиавеллизм как феномен социальной психологии. *Ogarëv-Online*. 2024. № 14. [Kopylova Zh. D. Machiavellianism as a phenomenon of social psychology. *Ogarëv-Online*, 2024, (14). (In Russ.)] URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/276237/255202> accessed 20 Sep 2025). <https://elibrary.ru/jqtzzl>
- Кравчук П. Ф., Подгурецки Ю. Принципы «макиавеллизма» в системе межличностной коммуникации. *Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. 12. № 4. С. 101–110. [Kravchuk P. F., Podgorecki J. Principles of Machiavellianism in the system of interpersonal communication. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2010, 12(4): 101–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndzndr>
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ВШЭ, 2007. 527 с. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Cultural values and social development*. Moscow: HSE, 2007, 527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quoictr>
- Лигеза А. С., Хмелевская О. Е. Характеристики компонентов «темной триады» у студентов медицинского университета с разными типами привязанности. *Психологические исследования*. 2023. Т. 16. № 91. [Ligeza A. S., Khmelevskaya O. E. Characteristics of the components of the "Dark Triad" in medical university

- students with different types of attachment. *Psychological Studies*, 2023, 16(91). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v16i91.1454>
- Суднищикова А. В. Личностно-групповые детерминанты прощения в ситуации меж- и внутриэтнического взаимодействия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2024. Т. 13. № 4. С. 378–388. [Sudnishchikova A. V. Personality and group determinants of forgiveness in the context of inter- and intra-ethnic interactions. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, 13(4): 378–388. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-4-378-388>
- Cai H., Kwan V., Sedikides C. A sociocultural approach to narcissism: The case of modern China. *European Journal of Personality*, 2012, 26: 529–535.
- Felfe J., Yan W., Six B. The impact of individual collectivism on commitment and its influence on organizational citizenship behaviour and turnover in three countries. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2008, 8(2): 211–237.
- Foster J. D., Campbell W. K., Twenge J. M. Individual differences in narcissism: Inflated self-views across the lifespan and around the world. *Journal of Research in Personality*, 2003, 37(6): 469–486. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00026-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00026-6)
- Fulmer A., Gelfand M., Kruglanski A. W., Kim-Prieto C., Diener E., Pierro A., Tory Higgins E. On "feeling right" in cultural contexts: How person-culture match affects self-esteem and subjective well-being. *Psychological Science*, 2010, 21(11): 1563–1569. <https://elibrary.ru/wjfbaz>
- Garcia D., MacDonald S., Rapp-Ricciardi M. Factor analysis of the Swedish version of the Dark Triad Dirty Dozen. *PsyCh Journal*, 2017, 6(2): 166–167. <https://doi.org/10.1002/pchj.168>
- Grijalva E., Newman D. A., Tay L., Brent Donnellan M., Harms P. D., Robins R., Yan T. Gender differences in narcissism: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, 141(2): 261–310. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0038231>
- Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001, 596.
- Jonason P. K., Slomski S., Partyka J. The Dark Triad at work: How toxic employees get their way. *Personality and Individual Differences*, 2012, 52(3): 449–453. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.11.008>
- Jones D. N., Figueredo A. J. The core of darkness: Uncovering the heart of the Dark Triad. *European Journal of Personality*, 2013, 27(6): 521–531. <https://doi.org/10.1002/per.1893>
- Jones G. National IQ and national productivity: The hive mind across Asia. *Asian Development Review*, 2011, 28(1): 57–71. <https://doi.org/10.1142/S011611051150003X>
- Paulhus D. L., Williams K. M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 2002, 36(6): 556–563. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Triandis H. C. *Individualism and collectivism*. New York: Routledge, 1995, 259. <https://doi.org/10.4324/9780429499845>
- Zhang Z., Biang S., Zhao H., Qi C. Dark Triad and cyber aggression among Chinese adolescents during COVID-19: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1011123>

оригинальная статья

eLibrary EDN: HFJWCA

Ретроспективная оценка раннего детского опыта отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом

Токарь Ульяна Александровна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 7523-1659

<https://orcid.org/0009-0002-0172-5604>

Капустина Татьяна Викторовна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 5756-0326

<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Scopus Author ID: 57188637910

12_archetypesplus@mail.ru

Аннотация: Феномен перфекционизма все еще подвергается дискуссиям относительно его амбивалентной природы. Патологический перфекционизм переживается личностью в невозможности в полной мере получать удовольствие от жизни и невозможности достижения даже маленьких успехов, что негативно сказывается на функционировании личности и чаще приводит к психологическим проблемам. Существенным фактором, влияющим на формирование патологического перфекционизма, является ранний детский опыт, включающий тип привязанности к матери. Цель – описать ранний детский опыт отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом. Актуальность данного исследования заключается в расширении научных знаний по данной теме и их последующим использованием в работе с людьми, которые сталкиваются с трудностями в своем поведении из-за патологического перфекционизма. Общую выборку исследования составили 175 человек в возрасте 18–42 лет (129 женщин и 46 мужчин). Применялись: Дифференциальный тест перфекционизма А. А. Золотаревой; Семейные эмоциональные коммуникации А. Б. Холмогоровой и др.; опросник для диагностики типа привязанности к матери Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой и Р. В. Кадырова; метод анкетирования, представленный частью методики «Ранний опыт отношения в семье» в адаптации Р. В. Кадырова. В результате установлено, что существуют различия между ранним детским опытом у людей с патологическим, нормальным перфекционизмом и с его отсутствием. Выявлено, что для патологических перфекционистов более свойственны такие типы привязанности, как избегающий и дезорганизованный, а также их ранний детский опыт более неблагоприятен по сравнению с другими группами.

Ключевые слова: перфекционизм, ранний детский опыт, привязанность к матери, патологический перфекционизм, нормальный перфекционизм, амбивалентный перфекционизм

Цитирование: Токарь У. А., Капустина Т. В. Ретроспективная оценка раннего детского опыта отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 312–325. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-312-325>

Поступила в редакцию 28.08.2025. Принята после рецензирования 26.11.2025. Принята в печать 15.12.2025.

original article

Early Childhood Family Experiences in Individuals with Pathological Perfectionism

Ulyana A. Tokar

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 7523-1659

<https://orcid.org/0009-0002-0172-5604>

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 5756-0326

<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Scopus Author ID: 57188637910

12_archetypesplus@mail.ru

Abstract: Perfectionism is still subject to discussions regarding its ambivalent nature. Pathological perfectionism is experienced as an inability to fully enjoy life or achieve success, ultimately affecting the well-being and causing psychological issues. Pathological perfectionism is often associated with negative early childhood experience, including the mother–child attachment, but this correlation remains understudied. This article describes the early childhood experience of family relationships in people with pathological perfectionism, expanding scientific knowledge on the topic and facilitating the psychological counselling of patients with pathological perfectionism. The total sample comprised 175 participants aged 18–42 years (129 females, 46 males). The following research instruments were employed: Differential Test of Perfectionism (A. A. Zolotareva); Family Emotional Communications (A. B. Kholmogorova *et al.*); Questionnaire of Mother–Child Attachment (T. V. Kapustina *et al.*); Early Family Experience (adapted by R. V. Kadyrov). The results demonstrated strong correlations between the early childhood experiences and pathological, normal, and non-pathological perfectionism. Pathological perfectionists had experienced avoidant and disorganized mother–child attachment, and their early childhood experiences tended to be more unfavorable, compared to other groups.

Keywords: perfectionism, early childhood experiences, mother–child attachment, pathological perfectionism, normal perfectionism, ambivalent perfectionism

Citation: Tokar U. A., Kapustina T. V. Early Childhood Family Experiences in Individuals with Pathological Perfectionism. *SibScript*, 2026, 28(2): 312–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-312-325>

Received 28 Aug 2025. Accepted after peer review 26 Nov 2025. Accepted for publication 15 Dec 2025.

Введение

Феномен патологического перфекционизма обширно исследуется специалистами, поскольку обладает как адаптивными, так и дезадаптивными для человека последствиями, а также оказывает сильное влияние на личность и ее деятельность. В современных исследованиях применяются различные обозначения типов перфекционизма, например, в работах М. V. С. Coutinho и соавторов, С. L. Noble и соавторов, опирающихся на модель Р. Слейни, используются понятия *дезадаптивный* и *адаптивный* для обозначения форм перфекционизма [Coutinho *et al.* 2022; Noble *et al.* 2014]. Другие зарубежные авторы называют данные типы *здоровым* и *нездоровым* перфекционизмом [James *et al.* 2015; Slof-Op't Landt *et al.* 2016]. Отечественные авторы в своих работах задействуют иное название форм феномена, выделяя *конструктивный*

и *деструктивный* перфекционизм, *положительный* и *отрицательный* перфекционизм [Филясова 2021; Цацулин, Холмогорова 2024]. А. Ю. Куфлевский, Г. Ю. Масенко придерживаются концепции нормального / патологического / амбивалентного или отсутствующего перфекционизма [Куфлевский 2018; Масенко 2019], опираясь на определения автора методики диагностики перфекционизма А. А. Золотаревой:

- *нормальные перфекционисты* – люди, для которых существуют идеально-реальные эталоны себя и своей деятельности, склонны идти на риск для достижения целей, при этом безоговорочно принимать реальность, что позволяет им отказаться от недостижимых вершин,
- *патологические перфекционисты* – люди, которые преследуют идею тотального совершенства,

ими обесцениваются достижения, отходящие от их заданного эталона,

- *амбивалентные перфекционисты* – люди, сочетающие в себе как здоровое, так и болезненное совершенство, их отношение к идее самосовершенствования нестабильно и меняется,
- *не перфекционисты* – люди, равнодушные к идее самосовершенствования, предпочитают вести спокойную и размеренную жизнь [Золотарева 2019].

Исходя из анализа работ авторов, использующих различные обозначения для форм перфекционизма, заключено, что многие из обозначений являются синонимами по своим определениям, например, адаптивный, нормальный, активный, положительный можно отнести к описанию одного и того же феномена перфекционизма, который адаптивно влияет на индивида в его взаимодействии со средой. Обратная сторона феномена синонимично может описываться разными терминами – дезадаптивный, патологический, нездоровый, отрицательный – и при этом подчеркивать одно и то же свойство данного типа, заключающееся в дезадаптирующем влиянии на жизнь человека.

На основе этого был выбран подход А. А. Золотаревой для обозначения перфекционизма (нормального / патологического / амбивалентного / отсутствующего), в связи с чем патологический перфекционизм определяется в данной работе как болезненное влечение к совершенству, при котором люди устанавливают недостижимые или неразумные личные стандарты [Золотарева 2019]. Важно учитывать, что существенным фактором, который может влиять на формирование у индивида патологического перфекционизма, выступает ранний детский опыт, включающий тип привязанности к матери. Такие выводы подтверждаются эмпирическими и научными данными о том, что поведение родителей и характер их взаимоотношений с ребенком являются предполагаемой основой для развития патологического перфекционизма [Коваль, Колпакова 2023; Лаврова 2021; Теплова, Шевчук 2021; Chen et al. 2019].

Ранний детский опыт отношений в данной работе авторы рассматривают как особенность взаимоотношений между членами семьи, пережитые события в детстве, оказывающие влияние на формирование личности ребенка. Данный период длится от рождения и до подросткового возраста [Яценко,

Капустина 2019]. В этот период создается основа для развития личности, закладываются основные личностные черты, формируется личностный тип, поэтому важно для выявления причин развития патологического перфекционизма рассматривать именно этот период с его событиями и характеристиками. Например, благополучное формирование привязанности у ребенка в раннем детстве способствует успешной организации коммуникации и гармоничной социализации в более взрослом возрасте [Куфтяк и др. 2021]. Таким образом, для рассмотрения раннего детского опыта были взяты следующие феномены – тип привязанности к матери, поскольку первичный опыт взаимоотношений и безопасности младенец получает через мать [Скорик 2018], феномен семейных эмоциональных коммуникация (СЭК).

Актуальность работы обусловлена тем, что, во-первых, патологический перфекционизм как феномен переживается личностью в невозможности в полной мере получать удовольствие от жизни и невозможности достижения даже маленьких успехов, что негативно сказывается на функционировании личности и чаще приводит к психологическим проблемам. Во-вторых, феномен перфекционизма все еще подвергается дискуссиям относительно его амбивалентной природы, поскольку может как нести в себе отрицательное воздействие на человека, так и включать нормальные тенденции проявления личности, а исследование раннего детского опыта у людей с патологическим перфекционизмом поможет внести ясность в разграничение этих форм. В-третьих, малое количество исследований по теме раннего детского опыта отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом предполагает необходимость изучения данной темы для расширения научных знаний и использования ее в работе с людьми, которые сталкиваются с трудностями в своем поведении из-за данного феномена. Исходя из этого, важно исследовать ранний детский опыт отношений в семье у людей с проявлениями патологического перфекционизма.

Цель – описать ранний детский опыт отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что ранний детский опыт отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом отличается от раннего детского опыта отношений в семье у людей с нормальным перфекционизмом или без него.

Методы и материалы

В данной работе используются методы согласно классификации Б. Г. Ананьева. Среди организационных методов выбран сравнительный. Из эмпирических методов используются психодиагностические – метод тестирования представлен следующими методиками:

- 1) Дифференциальный тест перфекционизма А. А. Золотаревой [Золотарева 2019];
- 2) Семейные эмоциональные коммуникации А. Б. Холмогоровой и др. [Холмогорова и др. 2016];
- 3) опросник для диагностики типа привязанности к матери Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой и Р. В. Кадырова, основывающийся на ретроспективной оценке своей привязанности к матери [Капустина и др. 2025];
- 4) метод анкетирования, представленный частью методики «Ранний опыт отношения в семье» в адаптации Р. В. Кадырова, позволяющий респондентам дать ретроспективную оценку своего раннего детского опыта [Кадыров 2020].

Для обработки данных использовались критерий Краскела-Уоллиса, точный критерий Фишера и медианный тест. Для интерпретации данных применен структурный метод.

Выборку данного исследования составили 129 женщин и 46 мужчин в возрасте 18–42 лет, проживающих на территории г. Владивостока и г. Хабаровска. Из них 98 человек имеют среднее общее образование, 52 – высшее образование, 17 – основное общее, 8 – среднее профессиональное. Данный возрастной диапазон был выбран, поскольку возраст для исследования патологического перфекционизма не играет существенной роли, т. к. современные исследователи отмечают, что в случае с дезадаптивным перфекционизмом завышенные стандарты и неудовлетворенность своими результатами не изменяются с возрастом.

Результаты

На первом этапе исследования общая выборка была разделена на 3 группы в зависимости от преобладающего типа перфекционизма. Так как амбивалентный тип перфекционизма в выборке был выявлен лишь у 2 из 175 человек, было решено провести разделение по группам без учета данного типа. В связи с этим выборка поделилась следующим образом:

- 1) нет перфекционизма (n = 106),
- 2) патологический (n = 45),
- 3) нормальный (n = 22).

На втором этапе исследования, используя критерий Фишера, были выявлены различия при попарном сравнении частоты встречаемости разных типов привязанности между группой патологического перфекционизма и группой с отсутствием перфекционизма (при уровне значимости менее 0,05) (табл. 1). Значимые различия были получены только в сравнении группы, не имеющей перфекционизма, с группой патологического перфекционизма. Было статистически установлено, что надежный тип привязанности к матери больше характерен для группы с отсутствием перфекционизма, чем для группы с патологическим типом перфекционизма, что соответствует представлениям о благополучности раннего детского опыта отношений у людей, не имеющих признаков патологического феномена. Можно предположить, что надежный тип привязанности к матери дает человеку основу для ощущения безопасности среды и отношений между людьми, такие люди обладают положительным образом себя, что способствует большей удовлетворенности, получаемой ими от жизни, создает почву для принятия собственных сил и возможностей реального уровня, что позволяет им ставить адекватные цели и не требовать от себя грандиозных результатов.

Различия, установленные относительно амбивалентного типа привязанности к матери, показали, что данный тип привязанности наиболее характерен для людей, не имеющих перфекционизма, чем для людей с патологическим типом феномена (табл. 1). Это соответствует более благополучной

Табл. 1. Частота встречаемости разных типов привязанности к матери в группах с отсутствием перфекционизма и патологическим перфекционизмом, точный критерий Фишера

Tab. 1. Types of mother-child attachment in groups without (pathological) perfectionism, Fisher's Exact Test

Тип привязанности	Частота встречаемости		φ	p
	НетП (n = 106)	ПП (n = 45)		
Надежный	18	2	2,4	0,021
Амбивалентный	49	11	2,62	0,003
Избегающий	24	18	2,07	0,019
Дезорганизованный	15	14	2,3	0,01

Прим.: НетП – нет перфекционизма; ПП – патологический перфекционизм.

картине детского опыта отношений в семье у людей с отсутствием перфекционизма, поскольку данный тип содержит в себе черты и надежного типа привязанности, поскольку никто из общества не может быть защищен от детской травматизации в аспекте привязанности к матери, что отражает достаточное соответствие реальному положению дел, ведь амбивалентный тип привязанности действительно имеет широкую распространенность среди населения, что подтверждается современными исследованиями.

Значимые различия выявлены по избегающему типу привязанности, который оказался более характерным для группы с патологическим перфекционизмом, чем для группы с отсутствием перфекционизма (табл. 1). Данные результаты могут быть объяснены с точки зрения качества пережитого раннего детского опыта. М. Г. Деина пишет, что дети с избегающим типом привязанности склонны к низкому уровню самооценки и выражению неуверенности в собственных силах. У таких людей преобладает мотивация избегания неудач и склонность к самоедству [Деина 2020]. Этими характеристиками обладает и патологический тип перфекционизма, для которого идея совершенства дороже, чем спокойный внутренний мир и принятие собственных неудач.

Дезорганизованный тип привязанности к матери более характерен для людей с патологическим перфекционизмом, чем для людей, не имеющих перфекционизма (табл. 1). Для людей с дезорганизованным типом привязанности свойственно использовать неадаптивные копинги, одним из которых является компенсация, опираясь на это можно предположить, что человек с дезорганизованным типом привязанности будет более склонен с патологическому перфекционизму из-за желаний компенсировать ощущение внутренней недостаточности [Капустина и др. 2025]. Так, в исследовании М. Г. Деиной было выявлено, что у детей с дезорганизованным типом привязанности преобладает низкий уровень самооценки [Деина 2020]. Из этого следует предположение об использовании патологического перфекционизма людьми с дезорганизованным типом привязанности как способа адаптации к среде на фоне негативных установок о ее небезопасности.

Статистически значимых результатов в группах сравнения патологического перфекционизма с нормальным перфекционизмом, а также нормального с отсутствием перфекционизма получено

не было (табл. 2, 3). Это может говорить о примерном равенстве распределения типов привязанности в данных группах, что может объясняться с точки зрения нахождения на рубеже нормального типа перфекционизма между патологическим типом и отсутствием феномена.

Таким образом, установлено, что надежный и амбивалентный типы привязанности больше характерны для группы, у которой перфекционизм отсутствует, чем для группы с патологическим типом перфекционизма, что соответствует более благополучной картине детского опыта отношений в семье у людей с отсутствием перфекционизма. А избегающий и дезорганизованный типы привязанности оказались более характерными

Табл. 2. Частота встречаемости разных типов привязанности к матери в группах с отсутствием перфекционизма и нормальным перфекционизмом, точный критерий Фишера

Tab. 2. Types of mother-child attachment in groups without perfectionism / normal perfectionism, Fisher's Exact Test

Тип привязанности	Частота встречаемости		φ	p
	НетП (n = 106)	НП (n = 22)		
Надежный	18	6	1,05	0,05
Амбивалентный	49	13	1,11	0,05
Избегающий	24	3	1,00	0,05
Дезорганизованный	15	0	3,28	0,05

Прим.: НетП – нет перфекционизма; НП – нормальный перфекционизм.

Табл. 3. Частота встречаемости разных типов привязанности к матери в группах с нормальным перфекционизмом и патологическим перфекционизмом, точный критерий Фишера

Tab. 3. Types of mother-child attachment in groups with normal / pathological perfectionism, Fisher's Exact Test

Тип привязанности	Частота встречаемости		φ	p
	НП (n = 22)	ПП (n = 45)		
Надежный	6	2	4,39	0,05
Амбивалентный	13	11	4,71	0,05
Избегающий	3	18	4,03	0,05
Дезорганизованный	0	14	7,76	0,05

Прим.: НП – нормальный перфекционизм; ПП – патологический перфекционизм.

для людей с патологическим перфекционизмом, чем для группы с отсутствием перфекционизма. Эти результаты согласуются и с результатами современных исследований, указывающих на более низкую самооценку и уверенность в своих силах у людей с данными типами привязанности, что прослеживается и в поведении людей с патологическим перфекционизмом.

Помимо привязанности важную роль в раннем детском опыте отношений играет устройство эмоционального взаимодействия между членами семьи. Поэтому на третьем этапе исследования, используя критерий Краскела-Уоллиса, были выявлены различия выраженности критериев семейных эмоциональных коммуникаций у трех групп. Значимые различия были получены по трем факторам: фактор *критика*, отражающий наличие или отсутствие критики в опыте ребенка со стороны значимых взрослых, *элиминирование эмоций*, обозначающий, насколько в семье респондента в раннем детстве присутствовало игнорирование проявления эмоций, или же запрет на их выражение, *внешнее благополучие*, свидетельствующий о фасадности семьи и выражении недоверия к людям. Значимые различия показал и общий балл по факторам семейных дисфункций, отражающий в целом психологическое благополучие семьи, в которой рос индивид (табл. 4).

По фактору *критика* были выявлены значимые различия, отражающие наибольшую его выраженность у людей с патологическим перфекционизмом ($Me = 11$), среднюю у группы с невыявленным перфекционизмом ($Me = 8$), тогда как из всех групп он менее характерен для нормального типа

($Me = 3$) (табл. 4). В. К. Потемкин и Ю. А. Филясова пишут о том, что отрицательный перфекционизм формируется в результате того, как детский опыт становится предметом насмешек и осуждения. Критически настроенные родители склонны подчеркивать и преувеличивать ошибки детей [Потемкин, Филясова 2021]. Группа с нормальным перфекционизмом, будучи менее подвержена неудовольствию от получаемых результатов, показала наименьший результат по шкале *критика*, что говорит о менее выраженном явлении критики со стороны родителя достижений ребенка. То есть в семье детей с нормальным перфекционизмом акцент больше смещен в сторону похвалы, нежели критики, что может влиять на будущую высокую адаптивность ребенка к неудачам. Группа, где не был выявлен перфекционизм, находится между вышеописанными группами по значениям ($Me = 8$), вероятно, из-за недостатка адаптивного компонента в их поведении, по сравнению с адаптивностью нормального перфекционизма. Отсюда можно предположить, что даже средняя доля критики в отношениях с ребенком связана с будущей демотивацией к установлению каких-либо высоко значимых целей.

Фактор *элиминирование эмоций*, отражающий игнорирование проявления эмоций или даже запрет на их проявление, значительно выше в группе людей с патологическим перфекционизмом ($Me = 9$), среднее значение занимает группа без перфекционизма ($Me = 7$), и самые низкие значения отражены в группе нормального перфекционизма ($Me = 4$) (табл. 4). Данное разделение может объясняться тем, что, как пишут В. К. Потемкин и Ю. А. Филясова, отрицательный перфекционизм формируется в результате переключения родительского внимания на фактические результаты детей [Потемкин, Филясова 2021]. Это может косвенно означать, что родители больше обращают свое внимание на факт успеха или же неудачи ребенка, чем на его эмоциональное состояние. Так, ребенок в раннем детском возрасте может принять данную иерархию ценностей за будущую основу для построения собственной жизни, и уже во взрослой жизни для него будет важнее, чего конкретно ему удалось достичь, а на то, какими психоэмоциональными усилиями это достигнуто, он не будет обращать внимания. Нормальный же тип перфекционизма отражает другое семейное отношение к проявлению эмоций, в опыте таких личностей элиминирование эмоций не выражено настолько сильно, а значит,

Табл. 4. Выраженность критерия перфекционизма и факторов опросника СЭК, $p < 0,05$

Tab. 4. Perfectionism criterion vs. Family Emotional Communications Questionnaire factors, $p < 0.05$

Факторы	N	Медиана		
		ПП	НетП	НП
Критика	26,06	11	8	3
Элиминирование эмоций	18,63	9	7	4
Внешнее благополучие	9,31	6	5	4
Общий балл семейных дисфункций	18,87	51	42	35

Прим.: НетП – нет перфекционизма; ПП – патологический перфекционизм; НП – нормальный перфекционизм.

факт принятия и разрешения проявлять свои переживания преобладал над их игнорированием, что, вероятно, дает таким людям опору для считывания и оценки своего реального состояния при достижении целей. Группа с отсутствием перфекционизма средне адаптивна в вопросе игнорирования собственных эмоций, что может сказываться на недооценивании такими личностями своих сил, что связано и с равнодушной установкой ими личных целей.

Различия по фактору *внешнее благополучие* отражают отрыв в 1 балл, но все же разница между группами прослеживается (табл. 4). Так, создание эффекта внешнего благополучия может иметь отношение к нормированию родителями социального поведения и остальной деятельности семьи, которое приводит к сужению границ допустимого поведения ребенка, способствуя формированию у последнего рамочного мышления [Потемкин, Филясова 2021; Филясова 2021]. Данное проявление больше описывает людей с патологическим перфекционизмом, тогда как нормальный перфекционизм обладает большей гибкостью в построении целей и отношении к своим результатам, что также относится к поведению. Между этими группами располагается группа с отсутствием перфекционизма, что отражает их пограничность в отношении рамок, касающихся внешнего благополучия, что подчеркивает их среднюю адаптивность.

Как итог, балл общих семейных дисфункций, значение которого отражает картину дисфункциональности родительских семей, подчеркивает аналогичное распределение значений при сравнении результатов в группах: больше семейных дисфункций – в группе патологического перфекционизма (Me = 51), меньше – с отсутствием перфекционизма (Me = 42), самое низкое значение – с нормальным перфекционизмом (Me = 35) (табл. 4). Полученные результаты отражают вышеописанные факторы взаимодействия в семье и показывают, что личность патологического перфекциониста формируется в более дисфункциональных условиях, а личность нормального перфекциониста – при меньшем количестве дисфункций в семье, что объясняет их качественное различие. Группа с отсутствием перфекционизма находится на рубеже между группой с патологическим и группой с нормальным типом перфекционизма, имея средний между ними показатель семейных дисфункций и отражая при этом среднюю адаптивность, по сравнению с остальными группами.

Помимо эмоциональных коммуникаций в раннем детском опыте можно выделить и другие критерии, которые отражают качество пережитого опыта в детстве. Эти критерии хорошо характеризует анкета раннего детского опыта отношений в семье. Статистическая обработка данных с помощью критерия Краскела-Уоллиса показала различия выраженности критериев раннего детского опыта отношений в семье в трех группах сравнения по 8 факторам.

По фактору *отторжение* были выявлены значимые различия, отражающие наибольшую его выраженность у людей с патологическим перфекционизмом (Me = 16), среднюю – у группы с невыявленным перфекционизмом (Me = 12), из всех групп он менее характерен для нормального типа (Me = 10) (табл. 5). Большая выраженность данного фактора у группы с патологическим перфекционизмом свидетельствует о наличии в раннем детском опыте таких людей ситуаций, когда они не чувствовали себя принятыми семьей, когда им не доставало тепла и принятия со стороны значимых взрослых. Как пишут Е. В. Голубева и О. Н. Истратова, неблагоприятный опыт отношений в родительской семье, безусловно, сказывается на будущем психологическом благополучии, а также способствует активизации психологических ресурсов ребенка по принципу компенсации [Голубева, Истратова 2018]. Это можно рассмотреть на примере феномена патологического перфекционизма, который при высоких показателях отторжения в семье может сказываться на личности ее побуждением старательно реализовываться в разных жизненных сферах и преуспевать за счет достижений. Наименьший показатель по шкале *отторжение* набрала группа с нормальным перфекционизмом, что указывает на меньшее содержания в опыте таких людей чувства отвергнутости в семье. Такие люди получили больше принятия от значимых взрослых, и это прослеживается в их нормальном перфекционизме, поскольку они не склонны компенсировать внутреннюю неустойчивость достижениями, а получают даже от маленьких свершений искреннее удовольствие. Группа с отсутствием перфекционизма показала среднее значение в сравнении с остальными группами, что указывает на средний уровень отторжения родителями личности такого ребенка. Однако даже средневыраженный компонент отвержения, вероятно, больше дезадаптирует, чем адаптирует такого человека к среде, ведь эти люди имеют меньше стремлений и склонны к более скромной размеренной жизни.

Табл. 5. Выраженность критерия перфекционизма и факторов анкеты «Ранний опыт отношения в семье», $p < 0,05$

Tab. 5. Perfectionism criterion vs. Early Family Relationship Questionnaire, $p < 0.05$

Факторы	N	Медиана		
		ПП	НетП	НП
Отторжение	21,39	16	12	10
Приятие	7,73	8	7	6
Наличие / отсутствие ласки	6,42	7	5	4
Позитивное / негативное подкрепление	25,06	12	9	7
Безусловная / обусловленная поддержка	20,37	10	8	7
Вербальное, физическое или сексуальное насилие	20,05	16	13	11
Чрезмерное внимание	6,31	5	5	5
Недостаток необходимого внимания, пренебрежение	10,44	12	10	10

Прим.: НетП – нет перфекционизма; ПП – патологический перфекционизм; НП – нормальный перфекционизм.

Фактор *приятие*, отражающий, насколько ребенок в семье чувствовал любовь и принятие, показал, что наименьшее количество такого опыта оказалось у группы с патологическим перфекционизмом ($Me = 8$), поскольку шкала является обратной. Средние значения снова оказались характерны для группы с отсутствием перфекционизма ($Me = 7$). Большую степень любви и принятие в детстве получила группа с нормальным перфекционизмом ($Me = 6$) (табл. 5). Данный фактор объясняется с точки зрения влияния наличия принятия со стороны значимых взрослых на психологическое благополучие и адаптацию ребенка. Группа с патологическим перфекционизмом менее адаптивна за счет напряжения, которое такие люди испытывают, пытаются скрыть собственные несовершенства. Это может свидетельствовать об острой нужде такой личности в принятии, которую она ищет через признание своих достоинств, вероятно, ожидая принятия через результаты и ее самой. Среднее значение у группы с отсутствием перфекционизма отражает большее принятие в раннем детском опыте, что благоприятнее влияет на адаптивность таких людей, позволяя им принимать себя такими, как есть, даже без достижений. Группа с нормальным перфекционизмом получила в детстве больше приятия, и это, вероятно,

дает им возможность, опираясь на этот опыт, принимать реальность собственных сил и ограничений, получая удовольствие от жизни.

Фактор *наличие / отсутствие ласки*, являющийся обратным, дополняет вышеописанную картину: у группы с патологическим перфекционизмом в раннем детском опыте было меньше ласки, чем у остальных групп ($Me = 7$) (табл. 5). С. Белянин отмечает, что родители детей-перфекционистов проявляют меньше любви и заботы к своим детям, что формирует в них тревогу и склонность обращать внимание на неудачи [Белянин 2016]. Группа с нормальным перфекционизмом обладает самой выраженной степенью опыта ласки в раннем детском возрасте ($Me = 4$), это дает право полагать, что получение благоприятного опыта безусловной любви в виде ласкового проявления родителей может быть связано с удовлетворенностью жизнью и переживанием самотождественности у таких личностей. Группа с отсутствием перфекционизма имеет близкий к группе нормального перфекционизма результат ($Me = 5$), что означает достаточное количество ласки в детстве у таких людей. Можно предположить, что полученная ласка в детстве для человека без перфекционизма способствует его внутреннему спокойствию и дает возможность получать от жизни удовольствие.

Фактор *позитивное / негативное подкрепление*, отражающий способ реагирования родителей на поведение ребенка, продемонстрировал следующие различия – в группе с патологическим перфекционизмом семейный опыт больше склоняется в сторону наказывающего воспитательного воздействия нежели в сторону поощрения желаемого поведения ($Me = 12$) (табл. 5), что подтверждается и исследованием С. Беянина, который отмечает, что в таких семьях, когда ребенок ошибается, родители выражают недовольство и наказывают его до тех пор, пока тот не исправится, не добьется успеха [Белянин 2016]. Подобный опыт может выражаться в феномене патологического перфекционизма уже у взрослого индивида через внутреннюю самокритику, страх новых неопределенных ситуаций и чувство разочарования в себе. В группе с отсутствием перфекционизма ($Me = 9$) негативного подкрепления, направленного на ребенка в родительской семье, было меньше, чем в группе с патологическим перфекционизмом, что, можно предположить, увеличивает их адаптивность и снижает уровень психологического неблагополучия. При этом стоит отметить

вероятное влияние данного фактора на аспект некоторого равнодушия к целям у таких личностей, т. е. негативное подкрепление в данном случае могло понизить в том числе уровень жизненных стремлений и притязаний. Для группы с нормальным перфекционизмом характерны наименьшее значение негативного подкрепления и большая склонность семьи таких людей в сторону одобрения и похвалы за желательное поведение ($M_e = 7$), что согласуется с восприятием этой группы жизненных проблем как вызовов и их уверенностью в собственных силах.

По фактору *вербальное, физическое или сексуальное насилие* были выявлены различия, указывающие на то, что в раннем детском опыте у группы с патологическим перфекционизмом было больше ситуаций насилия ($M_e = 16$) (табл. 5), чем в опыте других групп. Исследователи указывают, что насилие в современном мире относится к одному из главных предрасполагающих к перфекционизму факторов [Южакова, Басалаева 2018]. Ребенок, растущий в условиях, где насилие может быть использовано как способ регулирования его поведения, привыкает избегать нежелательного поведения, испытывает страх последствий за свои действия, что дезадаптирует его во взрослой жизни. Человек с патологическим перфекционизмом часто демонстрирует озабоченность ожиданием оценок других людей и заикливается на проблеме безупречности, что может косвенно подтверждать наличие уже интериоризированного страха получить наказание за совершенные ошибки. Группа с нормальным перфекционизмом демонстрирует самый низкий из всей выборки показатель по данному фактору ($M_e = 11$). Наименьшее количество пережитых ситуаций насилия в детстве может говорить о большей безопасности среды, в которой находился такой ребенок, что давало ему ощущение большей удовлетворенности жизнью. Нормальный перфекционизм как феномен, адаптирующий человека к жизни, помогает такому индивиду действовать более свободно и уверенно, поскольку страха наказания у него будет намного меньше, чем у индивида с патологическим перфекционизмом, который в своем опыте чаще сталкивался с негативным подкреплением и насилием. Группа с отсутствием перфекционизма находится по значению данного фактора между остальными ($M_e = 13$), что отражает средний уровень выраженности насилия в детстве у таких людей. Их меньшая амбициозность относительно постановки целей может объясняться наличием большего количества

насильственных наказаний в детстве, что не вгоняет такого человека в напряженное состояние компенсации, но и не вызывает желания активизироваться и ставить амбициозные цели.

Фактор *чрезмерное внимание* продемонстрировал одинаковые средние показатели для всех групп (табл. 5), что является средним показателем шкалы, а значит для всех групп характерно среднестатистическое проявление внимания со стороны родителей, однако в сопоставлении данных с другими факторами четко прослеживается качественная разница получаемого внимания в детстве.

Фактор *недостаток необходимого внимания, пренебрежение* показал, что группе с патологическим перфекционизмом не хватало заботливого и участливого внимания, и что внимание, которое такие люди получали в детстве, больше склонялось к пренебрежительному, чем в остальных группах ($M_e = 12$) (табл. 5). Группам с нормальным перфекционизмом и отсутствием перфекционизма внимания от собственной семьи хватало, оно было более располагающим и участливым, такие люди чувствовали себя более принимаемыми в семье, что подтверждает и вышеописанный анализ других факторов. Полученное более качественное внимание позволяет во взрослом возрасте этим личностям быть более адаптивными и получать удовольствие от полученных результатов.

Помимо этого, в анкете раннего детского опыта отношений в семье есть свободные вопросы, не относящиеся к какому-либо фактору, которые предполагают качественный анализ пережитого респондентом раннего детского опыта. По полученным результатам стоит обратить внимание на качество взаимодействия в семье у людей с разными типами перфекционизма. Так, люди с патологическим перфекционизмом характеризуют отношения с родителями и родственниками как плохие, с отсутствием перфекционизма – как хорошие, а с нормальным перфекционизмом – как отличные. Стоит обратить внимание на то, какими прилагательными люди в разных группах описывают свои отношения с мамой и папой. Девушка с патологическим перфекционизмом охарактеризовала свои отношения с мамой как *критикующие, недоверительные, неласковые, гиперопекаемые, контролирующие, натянутые*, а об отношениях с отцом и вовсе высказалась коротко – *больше нейтральные, папа много работал*. В группах с отсутствием перфекционизма и нормальным перфекционизмом ответы о родителях

носят более положительный характер. Например, юноша с отсутствием перфекционизма высказывался об отношениях с матерью так: *теплые, добрые, строгие, трогательные, забавные*, а об отношениях с отцом: *веселые, инженерные, добрые, свободные, увлекательные*.

По ответам респондентов понятно, что больше принятия и поддержки в детстве получали люди с отсутствием перфекционизма и с нормальным перфекционизмом. Люди с патологическим перфекционизмом считают, что их опыт отношений с родителями плохо влияет на их настоящую взрослую жизнь, по сравнению с другими группами, где респонденты считают, что их опыт влияет на их взрослую жизнь хорошо. Стоит отметить, что на вопрос о детских желаниях респондент с нормальным перфекционизмом отвечает, что хотел бы: *1) Домик на дереве, 2) хомяк, 3) путешествие в любую страну*. Эти ответы отражают, что в детстве респондента базовые потребности были удовлетворены и ему оставалось время помечтать о простых детских желаниях-удовольствиях. Респондент с отсутствием перфекционизма отвечает на этот же вопрос следующим образом: *1) Меньше проблем со здоровьем, 2) Папа чаще бывает дома, и мы больше времени проводим вместе, 3) Позволить завести вторую кошку*. В его ответах прослеживается потребность в большем внимании со стороны отца, удовлетворения базовой потребности в здоровье, нужда в позволении со стороны родителей завести вторую кошку, это отражает уже менее благоприятную семейную динамику, чем в случае с ответами нормального перфекциониста. Ответ о детских желаниях у респондента с патологическим перфекционизмом содержал следующее: *1) Хотел домашнего крокодила, 2) Хотел больше играть в компьютер, 3) Хотел больше спать*, помимо свойственных детям желаний-удовольствий данный ответ содержит и информацию о неудовлетворенности в детстве респондента важной базовой потребности в качественном сне, что демонстрирует отличие раннего детского опыта данной группы от остальных.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ранний детский опыт отношений у людей с патологическим перфекционизмом имеет свои особенности и отличается от раннего детского опыта людей с нормальным перфекционизмом или без него. Зачастую он характеризуется ненадежными типами

привязанности, а именно избегающим и дезорганизованным. Безусловно, может быть вариант и амбивалентного типа привязанности, который сохраняет в себе опыт надежных взаимоотношений с матерью, однако все же у такой личности будут проследиваться перфекционистские установки и напряженное влечение к недостижимому идеалу в различных жизненных сферах. Семья человека с патологическим перфекционизмом чаще оказывала давление на ребенка, критикуя его поведение и полученные результаты. Эмоции ребенка в такой семье большую часть времени игнорировались или отвергались, поскольку родители больше обращали внимание на успехи или же неудачи, чем на эмоциональное состояние ребенка. Одной из характерных моделей поведения такой семьи в обществе является фасадность и попытка продемонстрировать внешнее благополучие. Также в детской семье патологического перфекциониста оказались более вероятны проявления таких факторов, как отторжение, недостаток приятия, склонность к отсутствию ласки, большой опыт негативного подкрепления, чем позитивного, более обусловленная семейная поддержка, высокая вероятность пережитого вербального / физического / сексуального насилия, проявление среднего количества внимания со стороны родителей и при этом недостаток необходимого внимания, склонность к пренебрежению ребенком. То есть личность с патологическим перфекционизмом в детстве больше чувствовала себя отвергнутой, непринятой, ей не хватало большей любви и ласки со стороны родителей. Описывая свой ранний детский опыт, люди с патологическим перфекционизмом отмечают, что их отношения с родителями были чаще плохими и критикующими. Такие люди считают, что их опыт отношений с родителями мог плохо повлиять на их взрослую жизнь. В их ответах прослеживается неудовлетворенность контактом с родителями, которая склонна продолжаться до сих пор в их жизни, когда они взаимодействуют со своей семьей. В детстве такие люди иногда даже не получали удовлетворения самых базовых потребностей, например, в безопасности или должном количестве сна, что еще раз подчеркивает выраженность пренебрежения ребенком в раннем детском опыте людей с патологическим перфекционизмом. Можно охарактеризовать ранний детский опыт отношений в семье у людей с патологическим перфекционизмом как более неблагоприятный, содержащий недостаток качественного принимающего внимания

от членов семьи, критику и высокую вероятность различных видов насилия. Можно предположить, что чем больше ранний детский опыт человека содержит не принимающей, критикующей семейной атмосферы, ситуаций насилия и пренебрежения, тем выше склонность индивида к проявлению черт патологического перфекционизма, а именно равнодушие к идее совершенства, установление для себя порой нереалистичных целей, недовольство собой и своими результатами. Безусловно, все это сказывается на удовлетворенности жизнью такого человека, и для патологического перфекциониста будет намного сложнее испытывать чувства самоидентичности, удовольствия даже от малых свершений, радости от жизни.

Люди с отсутствием перфекционизма отмечают, что их детский опыт благоприятно повлиял на их взрослую жизнь, чаще такие люди характеризуют отношения с родителями в более положительном ключе. Отсутствие перфекционизма само по себе носит характер равнодушия к идее совершенствования, и, как правило, такие люди ведут спокойную и размеренную жизнь, не увлекаясь идеей достигать каких-то особенных результатов, а если и вдохновятся на какое-то достижение, то при трудностях на пути к нему могут легко отказаться от поставленной цели, возвратившись к размеренному темпу жизни [Золотарева 2019]. Такой выбор вполне может быть своеобразным способом адаптации к среде вследствие вероятной нехватки поддержки со стороны семьи, ведь нельзя, рассматривая их детский опыт, назвать его самым благополучным в сравнении с другими группами, однако он все же является более благоприятным, чем у группы с патологическим перфекционизмом.

Также в процессе исследования были получены неожиданные результаты. Переходя к описанию раннего детского опыта отношений у людей с нормальным перфекционизмом, стоит отметить, что данная группа по большинству методик продемонстрировала наиболее благоприятные показатели, оценивающие ранний детский опыт. Это означает, что семейная атмосфера в раннем детстве у этой группы отличалась более комфортным для ребенка эмоциональным климатом, и у ребенка в такой системе была большая возможность получить позитивный опыт важных взаимоотношений с родителями и родственниками. Для нормального перфекционизма характерны разные варианты типа привязанности. Можно предположить, что

чем более ненадежным будет привязанность такого человека, тем больше он будет концентрироваться на достижениях, испытывать больше трудностей в межличностном общении, но качественно это не повлияет на получение удовольствия от любых результатов своей деятельности. Семейные дисфункции почти не выражены, а значит в опыте таких людей содержится минимальное количество отторжения семьей, больше опыта принятия и ласки. Родители в таких семьях больше хвалили и говорили о желаемом поведении ребенка, обязательно отмечая его и подкрепляя позитивным отношением. Поддержка для ребенка в такой семье была более доступна и реже зависела от каких-либо выполненных условий, т. е. ребенок мог заручиться поддержкой от родителей свободно и без препятствий. Нормальный перфекционист получал более теплое и принимающее со стороны родителей внимание, редко испытывая его недостаток. О своем семейном детском опыте группа с нормальным перфекционизмом высказывается наиболее положительно, чем остальные группы. Такие люди считают, что ранний детский опыт отношений в семье сказался на их взрослой жизни позитивно, хорошо. Они в большинстве своем указывают на то, что отношения с матерью и отцом были хорошими или даже отличными, описывая их позитивными прилагательными. В фантазиях таких детей чаще преобладают детские желания-удовольствия, по которым сразу понятно, что основные их потребности в детстве были удовлетворены и оставалось время на развлечения.

Таким образом, ранний детский опыт отношений у людей с нормальным перфекционизмом оказался наиболее благоприятным по сравнению с другими группами. Полученная большая доля принятия, ласки и позитивного подкрепления результатов в семье может быть связана с адаптивным стремлением к саморазвитию у таких личностей, получаемым удовольствием от проживаемой жизни и особым отношением к неудачам, отличающимся принятием собственных возможностей с довольно быстрым переключением на перестраивание планов и целей.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в практической деятельности психолога при работе с людьми, имеющими психологические проблемы, связанные с феноменом патологического перфекционизма, т. к. выявленные результаты показывают мишеневые точки при оказании психологической помощи клиенту.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: У. А. Токарь – проведение психологического исследования, обработка результатов исследования, применение статистических методов для анализа и синтеза данных исследования, интерпретация результатов, написание

статьи. Т. В. Капустина – проведение психологического исследования, применение статистических методов для анализа и синтеза данных исследования, написание и редактирование статьи, надзор и ответственность за планированием и выполнением исследовательской деятельности, утверждение статьи.

Contribution: U. A. Tokar performed the psychological study, processed the results, applied the statistical methods, interpreted the results, and wrote the manuscript. T. V. Kapustina conducted the psychological study, applied statistical methods, supervised the research, and wrote and proofread the manuscript.

Литература / References

- Белянин С. Репрезентация образа матери у лиц с патологическим перфекционизмом. *Векторы развития современной России. Гуманизм vs постгуманизм: XV Междунар. научн. конф. молодых ученых*. (Москва, 22–23 апреля 2016 г.) М.: Нестор-История, 2016. С. 109–114. [Belianin S. Representation of the mother's image in people with pathological perfectionism. *Vectors of development of modern Russia. Humanism vs Posthumanism: Proc. XV Intern. Sci. Conf. of Young Scientists, Moscow, 22–23 Apr 2016*. Moscow: Nestor-Istoriia, 2016, 109–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cydwsy>
- Голубева Е. В., Истратова О. Н. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2. С. 358–362. [Golubeva E. V., Istratova O. N. Experience of relations in the parental family as a predictor of psychological well-being in young people. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(2): 358–362. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xulhln>
- Деина М. Г. Особенности самооценки детей дошкольного возраста с разным типом привязанности к матери. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 11-1. С. 164–166. [Deina M. G. Features of self-assessment of preschool children with different types of attachment to their mother. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, (11-1): 164–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hakvbt>
- Золотарева А. А. Диагностика перфекционизма. М.: Смысл, 2019. 92 с. [Zolotareva A. A. *Diagnosis of perfectionism*. Moscow: Smysl, 2019, 92. (In Russ.)]
- Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD). 2-е изд., перераб., и доп. М.: Юрайт, 2020. 644 с. [Kadyrov R. V. *Post-traumatic stress disorder (PTSD)*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2020, 644. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqixla>
- Капустина Т. В., Кадыров Р. В., Ильина И. С. Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 228–246. [Kapustina T. V., Kadyrov R. V., Ilina I. S. New diagnostic interview of mother-child attachment patterns. *SibScript*, 2025, 27(2): 228–246. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-228-246>
- Коваль О. В., Колпакова Д. Д. Мотивация детей младшего школьного возраста, обучающихся в спортивных школах, и перфекционизм их матерей. *Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов: XVI Междунар. науч. конф.* (Москва, 4–5 апреля 2023 г.) М.: ВШЭ, 2023. С. 54–57. [Koval O. V., Kolpakova D. D. Motivation of primary school children studying in sports schools and the perfectionism of their mothers. *Teenager in a megalopolis: Searching for questions and answers: Proc. XVI Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 4–5 Apr 2023. Moscow: HSE, 2023, 54–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgeikb>
- Куфлевский А. Ю. Патологический перфекционизм как фактор психологической дезадаптации. *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: LXI студенч. Междунар. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 18–28 января 2018 г.) Новосибирск: СибАК, 2018. Т. 1. С. 234–237. [Kuflevskiy A. Yu. Pathological perfectionism as a factor of psychological maladjustment. *Scientific community of students of the 21st century*.

- Humanities: Proc. LXI Student Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 18–28 Jan 2018. Novosibirsk: SibAK, 2018, vol. 1, 234–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqagak>
- Куфтяк Е. В., Магденко О. В., Задорова Ю. А. Привязанность к матери как предиктор психологического благополучия в младшем школьном возрасте. *Образование и наука*. 2021. Т. 23. № 7. С. 122–146. [Kuftyak E. V., Magdenko O. V., Zadorova Yu. A. Child's attachment to mother as a predictor of psychological well-being in primary school age. *Obrazovanie i Nauka*, 2021, 23(7): 122–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-7-122-146>
- Лаврова Н. А. Взаимосвязь между типом привязанности и нарушением пищевого поведения. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 1. С. 32–46. [Lavrova N. A. On correlation between insecure attachment and eating disorders. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*, 2021, (1): 32–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-1-32-46>
- Масенко Г. Ю. Влияние перфекционизма на психическое состояние и уверенность спортсменов. *Актуальные вопросы физической культуры и спорта*. 2019. № 21. С. 103–107. [Masenko G. Yu. Effects of perfectionism on mental status and confidence of athletes. *Aktualnye voprosy fizicheskoi kultury i sporta*, 2019, (21): 103–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lghpkw>
- Потемкин В. К., Филясова Ю. А. Диссеминация внутрисемейных отношений как фактор развития перфекционизма личности. *Социология*. 2021. № 3. С. 141–147. [Potemkin V. K., Filyasova Yu. A. Intra-family relations dissemination as a factor of personal perfectionism development. *Sotsiologiya*, 2021, (3): 141–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlmmwq>
- Скорик Е. Д. Влияние раннего опыта отношений привязанности с матерью на формирование личности и особенности построения социальных взаимоотношений взрослого человека. *Молодой ученый*. 2018. № 47. С. 317–320. [Skorik E. D. The influence of early mother–child attachment experiences on personality formation and social relationships in adults. *Molodoi uchenyi*, 2018, (47): 317–320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmzskz>
- Теплова Л. И., Шевчук А. А. Перфекционизм старших подростков и родительский стиль. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2021. Т. 21. № 2. С. 39–47. [Teplova L. I., Shevchuk A. A. Perfectionism of high school teenagers and parental style. *Voprosy psikhicheskogo zdorovia detei i podrostkov*, 2021, 21(2): 39–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fpllyd>
- Филясова Ю. А. Перфекционизм как тип социального поведения личности. *Социология*. 2021. № 1. С. 46–55. [Filyasova Yu. A. Perfectionism as a personal type of social behavior. *Sotsiologiya*, 2021, (1): 46–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dhuwlb>
- Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. [Kholmogorova A. B., Volikova S. V., Sorokova M. G. Standardization of the test "Family Emotional Communication". *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016, 24(4): 97–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>
- Цацулин Т. О., Холмогорова А. Б. Деструктивный перфекционизм и факторы-протекторы эмоционального благополучия студентов вузов. *Культурно-историческая психология*. 2024. Т. 20. № 2. С. 50–59. [Tsatsulin T. O., Kholmogorova A. B. Destructive perfectionism and protective factors of emotional well-being of university students. *Cultural-Historical Psychology*, 2024, 20(2): 50–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2024200206>
- Южакова И. О., Басалаева Н. В. Перфекционизм как результат завышенных социальных ожиданий. *Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 10 февраля 2018 г.)* Уфа: Аэтерна, 2018. Т. 2. С. 205–209. [Iuzhakova I. O., Basalaeva N. V. Perfectionism as a result of excessive social expectations. *Relevant issues of modern cognitive science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 10 Feb 2018*. Ufa: Aeterna, 2018, vol. 2, 205–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqjzrw>
- Яценко А. Е., Капустина Т. В. Роль раннего детского опыта в формировании личности, предрасположенной к онкологическим заболеваниям. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*. 2019. № 2. С. 39–41. [Iatsenko A. E., Kapustina T. V. The role of early childhood experience in the formation

- of a personality prone to cancer. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*, 2019, (2): 39–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgkjnu>
- Chen C., Hewitt P. L., Flett G. L. Adverse childhood experiences and multidimensional perfectionism in young adults. *Personality and Individual Differences*, 2019, 146(1): 53–57. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.03.042>
- Coutinho M. V. C., Menon A., Ahmed R. H., Fredricks-Lowman I. The association of perfectionism and active procrastination in college students. *Social Behavior and Personality*, 2022, 50(3): 82–89. <https://doi.org/10.2224/sbp.10611>
- James K., Verplanken B., Rimes K. A. Self-criticism as a mediator in the relationship between unhealthy perfectionism and distress. *Personality and Individual Differences*, 2015, 79: 123–128. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.030>
- Noble C. L., Ashby J. S., Gnilka P. B. Multidimensional perfectionism, coping, and depression: Differential prediction of depression symptoms by perfectionism type. *Journal of College Counseling*, 2014, 17(1): 80–94. <https://doi.org/10.1002/j.2161-1882.2014.00049.x>
- Slof-Op't Landt M. C. T., Claes L., van Furth E. F. Classifying eating disorders based on "healthy" and "unhealthy" perfectionism and impulsivity. *International Journal of Eating Disorders*, 2016, 49(7): 673–680. <https://doi.org/10.1002/eat.22557>

обзорная статья

eLibrary EDN: HHONLW

Психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационная состоятельность как система механизмов психологической адаптации: комплексный обзор от истории к современности

Филиппова Наталья Валерьевна

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, Саратов
eLibrary Author SPIN: 6009-6941
<https://orcid.org/0000-0002-3380-5935>
Scopus Author ID: 56557745300
natdoc@mail.ru

Ледванова Татьяна Юрьевна

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, Саратов
eLibrary Author SPIN: 7009-9794
<https://orcid.org/0000-0002-8985-8825>

Антонова Анастасия Александровна

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, Саратов
eLibrary Author SPIN: 8036-1617
<https://orcid.org/0000-0002-7806-3429>
Scopus Author ID: 57192959038

Барыльник Юлия Борисовна

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, Саратов
eLibrary Author SPIN: 9289-5648
<https://orcid.org/0000-0001-6837-5894>
Scopus Author ID: 56711949400

Аннотация: Несмотря на обширные исследования психологических защит, копинг-стратегий и антиципационной состоятельности, они изучаются преимущественно изолированно. Это создает теоретический пробел в понимании их системного взаимодействия как единого механизма психологической адаптации, что ограничивает возможности комплексной диагностики и коррекции. Новизна исследования заключается в том, что авторы предлагают оригинальную интегративную функционально-иерархическую модель, которая не просто перечисляет уровни адаптации (базовый – защиты, средний – копинг, высший – антиципация), а описывает систему принципов их динамического взаимодействия: компенсации, иерархической регуляции и динамического равновесия. Модель снимает ключевое противоречие между нейробиологическим «перекрытием» структур и функциональной иерархией и позволяет объяснить его через механизм компенсации. Целью работы является комплексный анализ современных данных о психологических защитах, копинг-стратегиях и антиципационной состоятельности как системе механизмов психологической адаптации и разработка на этой основе интегративной теоретической модели. Методология включает сравнительный анализ теоретических концепций, данных нейронаук, кросс-культурных и возрастных исследований. В результате на основе анализа выявлено, что нарушения адаптации (ригидность, диссоциация, дефицитарность) могут быть типологизированы как сбои в работе предложенной системы. Определены конкретные нейронные корреляты, культурные и возрастные особенности функционирования уровней модели. Сделан вывод, что предложенная модель служит рабочим теоретическим инструментом. Она задает новые направления для комплексной диагностики (сопоставительный анализ паттернов дисбаланса), дифференцированной психокоррекции (адресация к конкретным уровням системы) и перспективных исследований нейропластичности адаптационной системы в норме и патологии.

Ключевые слова: психологические защиты, копинг-поведение, совладание, антиципационная состоятельность, психологическая адаптация, стресс, неврозы, нейробиология, кросс-культурные исследования

Цитирование: Филиппова Н. В., Ледванова Т. Ю., Антонова А. А., Барыльник Ю. Б. Психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационная состоятельность как система механизмов психологической адаптации: комплексный обзор от истории к современности. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 326–339. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-326-339>

Поступила в редакцию 06.11.2025. Принята после рецензирования 19.01.2026. Принята в печать 09.02.2026.

review article

Psychological Defenses, Coping Strategies, and Anticipatory Consistency as Psychological Adaptation System: A Chronological Review

Natalia V. Filippova

Razumovsky Saratov State Medical University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 6009-6941

<https://orcid.org/0000-0002-3380-5935>

Scopus Author ID: 56557745300

natdoc@mail.ru

Anastasia A. Antonova

Razumovsky Saratov State Medical University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 8036-1617

<https://orcid.org/0000-0002-7806-3429>

Scopus Author ID: 57192959038

Yulia B. Baryl'nik

Razumovsky Saratov State Medical University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 9289-5648

<https://orcid.org/0000-0001-6837-5894>

Scopus Author ID: 56711949400

Tatyana Yu. Ledvanova

Razumovsky Saratov State Medical University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 7009-9794

<https://orcid.org/0000-0002-8985-8825>

Abstract: While psychological defenses, coping strategies, and anticipatory consistency are typically studied in isolation, this fragmentation creates a theoretical gap in understanding their systemic interaction as a unified mechanism of adaptation. This study addresses this limitation by proposing an original integrative functional-hierarchical model. The model defines a three-tier hierarchy: psychological defenses (basal level), coping strategies (intermediate level), and anticipatory competence (highest level). These components are linked through a dynamic system of principles, including compensation, hierarchical regulation, and dynamic equilibrium. By emphasizing the mechanism of compensation, the model resolves the long-standing contradiction between the neurobiological structural overlap and the functional hierarchy. Based on a methodology that spans comparative theoretical analysis, neuroscience, and cross-cultural developmental data, the review examines how adaptation disorders (rigidity, dissociation, and deficits) reveal specific neural correlates and socio-cultural variations. This new framework provides comprehensive diagnostics by identifying patterns of imbalance. Furthermore, it enables differentiated psychological interventions across multiple levels, marking a significant advancement in the study of neuroplasticity and systemic adaptation.

Keywords: psychological defenses, coping behavior, coping, anticipatory consistency, psychological adaptation, stress, neuroses, neurobiology, cross-cultural studies

Citation: Filippova N. V., Ledvanova T. Yu., Antonova A. A., Baryl'nik Yu. B. Psychological Defenses, Coping Strategies, and Anticipatory Consistency as Psychological Adaptation System: A Chronological Review. *SibScript*, 2026, 28(2): 326–339. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-326-339>

Received 6 Nov 2025. Accepted after peer review 19 Jan 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Актуальность исследования механизмов психологической адаптации обусловлена значительным ростом психоэмоциональных нагрузок в современном обществе. По данным Всемирной организации здравоохранения, распространенность непсихотических расстройств (тревожных, депрессивных, психосоматических) за последнее десятилетие увеличилась на 25–30 %¹. В этих условиях углубленное

изучение ресурсов психологической устойчивости становится не просто востребованным, а необходимым для разработки эффективных профилактических и коррекционных программ.

Психологическая адаптация – сложный системный процесс, обеспечивающий соответствие между требованиями среды и возможностями личности [Березин 1988: 134; Blake, Norton 2014: 560;

¹ International Classification of Diseases for mortality and morbidity statistics. 11th ed. Geneva: World Health Organization, 2022. P. 15.

Bowlby 1980: 287; Maslow 2023: 184; Reizenzein 2014: 334]. В современной психологии данный процесс рассматривается как полимодальный, где задействованы три взаимосвязанные, но качественно различные системы регуляции: бессознательные психологические защиты, осознанные копинг-стратегии и антиципационные механизмы, обеспечивающие предвосхищение будущих событий [Менделевич 2011: 204; Ничипоренко, Менделевич 2006: 55; Jung 1980: 79]. Несмотря на обширную историю изучения каждого из этих феноменов в отдельности, их совместное рассмотрение в рамках единой системы остается методологической проблемой. Интегративный подход, преодолевающий фрагментарность существующих исследований, открывает новые возможности не только для создания целостной картины психической регуляции, но и для понимания конкретных механизмов дезадаптации и проектирования комплексных психокоррекционных программ [Белорукова и др. 2008: 57; Чехлатый 2006: 20; Costa, McCrae 2008: 227].

Целью исследования является комплексный анализ современных научных данных о психологических защитах, копинг-стратегиях и антиципационной состоятельности как системе механизмов психологической адаптации и разработка на этой основе интегративной теоретической модели. Задачи:

- 1) систематизировать современные теоретические представления о психологических защитах, копинг-стратегиях и антиципационной состоятельности;
- 2) проанализировать нейробиологические основы изучаемых феноменов;
- 3) рассмотреть кросс-культурные и возрастные аспекты адаптационных механизмов;
- 4) разработать и теоретически обосновать интегративную модель взаимодействия механизмов адаптации, прояснив ее новизну по отношению к существующим иерархическим представлениям;
- 5) на основе модели выявить перспективные направления дальнейших исследований и конкретизировать пути ее практического применения в диагностике и психокоррекции.

Результаты

Теоретические основания исследования механизмов адаптации

Психологические защиты: от классических концепций к современной трактовке. Психологическая защита традиционно понимается как система

механизмов, направленных на минимизацию отрицательных переживаний, связанных с конфликтами, угрожающими целостности личности [Карвасарский 1990: 78]. В современной психологии этот процесс рассматривается как неотъемлемая часть адаптационного потенциала индивида, функционирующая в континууме от полной дезадаптации до успешного совладания.

Все защитные механизмы обладают двумя общими характеристиками: они действуют на неосознаваемом уровне и искажают, отрицают, трансформируют или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей [Грановская 2010: 112; Исаева 2008: 42]. Функции психологических защит амбивалентны. С одной стороны, они предохраняют самоуважение и снижают тревогу, предохраняя личность от восприятия психотравмирующей информации. С другой стороны, при ригидном закреплении они ведут к систематическому искажению реальности и дезинтеграции поведения [Plutchik 2003: 333].

Современные исследования позволили расширить классическую типологию защитных механизмов. Наряду с традиционными (отрицание, вытеснение, проекция, замещение, рационализация, регрессия, компенсация) выделяются и более сложные формы:

1. Интеллектуализация – преобразование аффективных переживаний в абстрактные, отстраненные размышления [Кондрашихина 2022: 67]. Этот механизм часто наблюдается у лиц с высоким уровнем образования и позволяет временно дистанцироваться от травмирующих переживаний.

2. Сублимация – преобразование социально неприемлемых импульсов в конструктивную деятельность [Фрейд 2023: 124]. В современной трактовке сублимация рассматривается как один из наиболее зрелых и продуктивных защитных механизмов.

3. Реактивное образование – замена неприемлемых мыслей, чувств или действий на противоположные [Freud 1992: 89]. Этот механизм требует значительных энергетических затрат и может приводить к ригидности поведения.

Современные исследования, опирающиеся на данные нейровизуализации, демонстрируют, что защиты – это не просто психологический феномен, но сложный психофизиологический процесс. Например, при работе механизма «вытеснения» наблюдается повышенная активность

дорсолатеральной префронтальной коры, подавляющей реакцию миндалины на негативные стимулы [LeDoux 1996: 205].

Копинг-стратегии: осознанное совладание со стрессом. В отличие от защит, копинг-поведение (от англ. *coping*) представляет собой осознанные усилия личности по преодолению стресса. Р. Лазарус и С. Фолькман определяют копинг как когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление требованиями, оцениваемыми как превышающие ресурсы личности [Лазарус 1970: 197; Lazarus, Folkman 1984: 141].

Классическая дихотомия Р. Лазаруса и С. Фолькмана разделяет копинг на два основных типа:

1. Проблемно-ориентированный копинг, направленный на разрешение стрессовой ситуации [Taylor et al. 2000: 421].

2. Эмоционально-ориентированный копинг, направленный на регуляцию эмоционального состояния [Greenberg 2015: 256; Kobasa 1979: 6; Lazarus, Folkman 1984: 150; Naragon-Gainey, Watson 2021; Weiner 2014: 358].

Восьмифакторная модель этих же авторов включает такие стратегии, как конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, запланированное решение проблемы и положительная переоценка [Lazarus, Folkman 1984: 155; Rogers 1961: 216; Rotter 1966: 21; Seligman 1998: 215].

В современной науке особого внимания заслуживает концепция *копинг-гибкости*, под которой понимается способность человека точно оценить степень контролируемости стрессовой ситуации и подбирать адекватную стратегию [Нартова-Бочавер 1997: 23; Bandura et al. 1997: 162; Nordbøe, Enmarker 2017: 554]. Исследования показывают, что низкая копинг-гибкость является более мощным предиктором дезадаптации, чем частота использования отдельных, даже «хороших» стратегий [Кружкова 2012: 42; Крюкова 2004: 78].

Современные исследования также выделяют третью форму копинга – смысло-ориентированное совладание, направленное на поиск личностного смысла в трудной ситуации и интеграцию травматичного опыта в общую картину жизни [Анцыферова 2004: 335; Foa et al. 2007: 54].

Антиципационная состоятельность: когнитивный ресурс управления будущим. Способность антиципировать, т. е. действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным

упреждением в отношении ожидаемых событий, является, по мнению Б. Ф. Ломова и Е. Н. Суркова, ведущим звеном в регуляции поведения [Ломов, Сурков 1980: 125]. В современной когнитивной науке антиципация рассматривается как ключевой компонент прогностического функционирования мозга – парадигмы, согласно которой мозг постоянно генерирует и обновляет модель будущего [Пантелеева 2019: 283; Реруш 2003: 134; Steindl, Jonas 2012: 1157].

Антиципационная состоятельность рассматривается как устойчивая способность личности, формирующаяся в деятельности и позволяющая адекватно прогнозировать развитие событий и собственное поведение в широком спектре жизненных ситуаций [Абитов 2013: 87; Боровкова, Ничипоренко 2013: 125; Ничипоренко, Менделевич 2006; Сумина, Ничипоренко 2007: 24; Miller 2003; Skinner 1965: 319]. Согласно антиципационной концепции невротогенеза В. Д. Менделевича, дезадаптация возникает вследствие антиципационной несостоятельности – неспособности личности предвосхищать ход событий во фрустрирующих ситуациях [Граница 2020: 32; Менделевич 2011: 112; Тимуца 2020: 95].

Эмпирически это подтверждается преобладанием у лиц с невротическими расстройствами моновариантного (прогнозирование только одного желаемого исхода) или поливариантного (растворение прогноза в множестве маловероятных вариантов) типов вероятностного прогнозирования, в отличие от здоровых лиц, склонных к выдвиганию 2–3 высоковероятных сценариев [Менделевич 2011: 115; Овчинников и др. 2016].

Нейробиологические основы механизмов адаптации

Углубление понимания биологических основ механизмов психологической адаптации стало возможным благодаря стремительному развитию современных нейронаук [Porges 2007: 132]. Такие методы, как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) и электроэнцефалография (ЭЭГ), позволяют не только локализовать активность мозга, но и выявить устойчивые нейронные корреляты защитных, совладающих и антиципационных процессов, переводя психологические конструкты в плоскость измеряемых физиологических явлений [McEwen 2006: 374].

Нейронные сети психологических защит. Современные исследования однозначно демонстрируют,

что различные защитные механизмы не являются единым психологическим феноменом с общей локализацией, а задействуют дифференцированные нейронные сети. Так, примитивные защиты (например, отрицание, проекция) преимущественно связаны с гиперактивацией лимбической системы, в частности миндалина, на фоне сниженного контроля со стороны префронтальной коры [Davidson 2022: 72]. В противоположность этому более зрелые и когнитивно-опосредованные защиты (рационализация, интеллектуализация) ассоциируются с повышенной активностью структур, отвечающих за контроль и высшие когнитивные функции, – дорсолатеральной префронтальной коры и передней поясной коры [Anderson et al. 2004: 233].

Особый интерес в этом контексте представляет нейробиология вытеснения. Исследование М. К. Андерсона и его коллег предоставляет убедительные доказательства того, что успешное вытеснение произвольных воспоминаний сопровождается специфическим паттерном мозговой активности: повышением активности дорсолатеральной префронтальной коры при одновременном подавлении активности гиппокампа [Ibid.: 234]. Эти данные позволяют утверждать, что вытеснение представляет собой активный, энергозатратный процесс целенаправленного подавления, требующий участия систем когнитивного контроля, а не пассивное забывание или сбой памяти.

Нейробиология копинг-поведения. Копинг-поведение, будучи осознанным и целенаправленным, также имеет четкие нейробиологические основания. Проблемно-ориентированный копинг, направленный на изменение стрессовой ситуации, связан с активацией обширной сети исполнительного контроля, в которую входят дорсолатеральная префронтальная кора (планирование, принятие решений), теменная кора (рабочая память, пространственная ориентация) и передняя поясная кора (мониторинг конфликта и ошибок) [Comras et al. 2001: 97]. В свою очередь, эмоционально-ориентированный копинг, нацеленный на регуляцию аффективного состояния, задействует иные структуры: вентромедиальную префронтальную кору и островковую долю, которые критически важны для осознания, оценки и управления эмоциональными переживаниями [Gross 2001: 216].

Ключевым аспектом эффективного совладания является копинг-гибкость – способность адекватно переключаться между стратегиями.

Нейробиологические исследования указывают на центральную роль передней поясной коры в обеспечении этой гибкости, поскольку данная структура отвечает за оценку изменений в среде и адаптивную коррекцию поведенческих ответов [Cheng et al. 2014: 1597].

Нейронные основы антиципации. Способность к антиципации, или прогностическому функционированию, обеспечивается слаженной работой распределенной сети мозговых структур, каждая из которых вносит свой уникальный вклад в процесс предвосхищения. Префронтальная кора отвечает за построение планов и сценариев, гиппокамп предоставляет доступ к релевантному прошлому опыту, базальные ганглии участвуют в процедурном прогнозировании и формировании ожиданий, а мозжечок обеспечивает точное временное прогнозирование [Damasio 2008: 78].

Эффективность антиципации определяется не только активностью отдельных зон, но и качеством их взаимодействия. Исследования с использованием фМРТ показывают, что лица с высокой антиципационной состоятельностью отличаются более эффективной функциональной связностью между префронтальной корой и гиппокампом. Эта усиленная связь позволяет более продуктивно извлекать и интегрировать прошлый опыт для построения точных моделей будущего, что является нейробиологической основой прогностической компетентности [Cacioppo et al. 2010: 684].

Кросс-культурные аспекты адаптационных механизмов

Проявление и эффективность механизмов психологической адаптации не являются универсальными, а глубоко укоренены в культурном контексте. Сравнительные исследования последовательно выявляют, что как базовые формы защит и совладания, так и их социальная приемлемость и результативность варьируются в зависимости от системы культурных ценностей, норм и практик.

Культурные особенности психологических защит. Выбор и частота использования тех или иных психологических защит демонстрируют выраженную культурную специфику, отражая базовые ценности общества. В культурах коллективистского типа, где на первый план выходят ценности групповой гармонии, взаимозависимости и сохранения лица, более распространены защиты, направленные на избегание открытых конфликтов и поддержание социального

единства: отрицание межличностных противоречий, проекция негатива на внешние группы, альтруистическая сублимация [Hofstede 1980: 234]. Напротив, в индивидуалистических культурах, поощряющих автономию, личные достижения и самовыражение, чаще наблюдаются защиты, защищающие именно индивидуальное Я: рационализация собственных поступков, интеллектуализация переживаний, компенсация личных недостатков [Ibid.: 167].

Особый интерес представляют данные по российской культуре, которая, как показывают исследования, часто демонстрирует синтез коллективистских и индивидуалистических паттернов. В этом контексте отмечается преобладание таких защит, как проекция и рационализация, что, возможно, отражает сложный процесс адаптации к быстро меняющимся социальным условиям и ценностным конфликтам [Грановская 2010: 89].

Культурные вариации копинг-стратегий.

Культурный контекст задает не только рамки допустимого, но и «репертуар» эффективных стратегий совладания. Для коллективистских культур характерен акцент на копинг-стратегиях, ориентированных на социальные ресурсы: активный поиск и принятие социальной поддержки, открытое выражение эмоций в кругу близких, делегирование принятия решений группе или авторитетным фигурам [Lazarus, Folkman 1984: 369]. В индивидуалистических культурах доминирующими становятся стратегии, фокусирующиеся на личной активности и контроле: самостоятельное проблемно-ориентированное совладание, принятие на себя ответственности за решение, эмоциональный самоконтроль и сдержанность [Folkman 2008: 7; Lazarus, Folkman 1984: 278].

Яркой иллюстрацией этого различия стали исследования адаптации во время пандемии COVID-19. Было установлено, что стратегии избегания, часто считающиеся малоадаптивными, в коллективистских культурах могли быть более социально приемлемыми и, следовательно, психологически менее дезадаптивными, чем в культурах, где ценятся прямое противостояние проблеме и личный контроль [Крюкова и др. 2020: 128].

Культурные особенности антиципации. Культура влияет и на высшие когнитивные процессы, такие как антиципация, формируя специфическую «временную перспективу». В культурах с долгосрочной ориентацией, таких как китайская или японская (где ценятся упорство, бережливость и ориентация

на будущие rewards), развита способность к долгосрочному прогнозированию, стратегическому планированию и отсроченному вознаграждению [Hofstede 1980: 145]. В культурах с краткосрочной ориентацией (например, в США), где больше внимания уделяется настоящему моменту, традициям и быстрым результатам, более развиты навыки краткосрочного ситуативного прогнозирования и оперативного реагирования на меняющиеся обстоятельства.

Понимание этих глубинных культурных различий имеет прямое практическое значение для межкультурной психотерапии и консультирования. Эффективность терапевтических интервенций, направленных на развитие тех или иных адаптационных механизмов, напрямую зависит от их соответствия культурным ожиданиям и ценностям клиента.

Возрастные особенности адаптационных механизмов

Динамика развития и функционирования механизмов психологической адаптации носит выраженный возрастной характер, отражая общие закономерности когнитивного, эмоционального и социального созревания личности, а также последующие инволюционные процессы.

Детский и подростковый возраст. Ранние этапы онтогенеза характеризуются доминированием наиболее простых, непосредственных форм адаптации. В детском возрасте в связи с незрелостью лобных отделов коры и систем когнитивного контроля преобладают примитивные психологические защиты, такие как отрицание неприятной реальности, проекция своих импульсов на других и уход в мир фантазирования [Вассерман и др. 2014]. По мере интеллектуального развития и социализации происходит постепенный переход к более сложным, когнитивно-опосредованным защитам: рационализации, интеллектуализации и сублимации.

Аналогичная динамика наблюдается и в развитии копинг-поведения. Копинг-стратегии ребенка изначально носят пассивно-зависимый характер и в значительной степени ориентированы на регуляцию эмоций с помощью взрослых [Compas et al. 2001: 112]. Подростковый возраст знаменуется *копинг-бумом* – бурным развитием активного, проблемно-ориентированного совладания, что напрямую связано с когнитивным скачком (развитием формально-логического мышления), ростом стремления к автономии и расширением поведенческого репертуара [Ibid.].

Антиципационная состоятельность начинает формироваться уже в дошкольном возрасте, однако качественный скачок в ее развитии происходит именно в подростковый период. Этот прогресс напрямую коррелирует с анатомо-физиологическим созреванием префронтальной коры головного мозга, ответственной за планирование, прогнозирование и контроль импульсов [Регуш 2003: 156].

Зрелый возраст. Период зрелости (условно 30–50 лет) можно считать оптимумом функционирования системы психологической адаптации. Для этого этапа характерно достижение баланса и максимальной гибкости всех ее компонентов. Исследования показывают, что в этом возрасте наблюдается оптимальное сочетание зрелых, социально приемлемых защитных механизмов, широкого и сбалансированного репертуара копинг-стратегий и высокого уровня антиципационной состоятельности [Vaillant 1977].

Ключевой особенностью адаптации в зрелости становится ситуативная гибкость – способность не просто иметь в арсенале разнообразные механизмы, но и адекватно (в соответствии с контекстом) переключаться между ними, используя то защиту, то активное совладание, то упреждающее планирование [Ibid.]. Эта интегративная способность является залогом устойчивости перед лицом разнообразных жизненных вызовов.

Пожилый возраст. В пожилом и старческом возрасте в функционировании системы адаптации начинают преобладать инволюционные тенденции, хотя индивидуальные различия в этот период особенно велики. Наблюдается определенная регрессия к более ранним формам реагирования: увеличивается доля примитивных защитных механизмов, таких как проекция и регрессия, что может быть связано как с нейрокогнитивными изменениями, так и с изменением социальной позиции [Ibid.]. В копинг-поведении на первый план нередко выходят стратегии избегания и эмоционально-ориентированного совладания, в то время как активное проблемно-ориентированное копинг-поведение может требовать больше усилий [Erikson, Erikson 1998: 87; Nolen-Hoeksema 1991].

Антиципационная состоятельность в норме снижается, что обусловлено возрастными изменениями в префронтальной коре, замедлением когнитивных процессов и снижением когнитивной гибкости [Регуш 2003: 256]. Но важно подчеркнуть, что это общая тенденция, а не неизбежная закономерность.

Значительное число пожилых людей благодаря накопленному жизненному опыту (кристаллизованному интеллекту), компенсаторным стратегиям и сохраненной мотивации демонстрируют высокую адаптационную способность, успешно справляясь с возрастными задачами.

Интегративная модель взаимодействия механизмов адаптации: теоретическое обоснование и структурно-функциональный анализ

Теоретико-методологические предпосылки и новизна модели. Анализ современных исследований, представленный в предыдущих разделах, обнажает существенный теоретический пробел: при обилии данных об отдельных адаптационных механизмах отсутствует целостная схема, описывающая принципы их взаимодействия как системы. Существующие иерархические типологии (например, континуум зрелости защит по Дж. Вэйлланту или уровни совладания) чаще носят описательно-классификационный характер, но не раскрывают динамических принципов функционирования системы в условиях меняющихся требований среды и ресурсов личности. Для преодоления этой ограниченности в данной работе предлагается интегративная функционально-иерархическая модель. Ее ключевое отличие и научная новизна заключаются не в простом перечислении уровней, а в описании системы принципов (компенсации, иерархической регуляции, динамического равновесия), которые определяют взаимодействие уровней и объясняют специфические формы дезадаптации как сбоя в этой системе. Методологической основой модели выступил синтез системного подхода, идей об уровнях психической регуляции [Ломов, Сурков 1980: 78; Casierro et al. 2010: 679] и данных нейронаук, позволяющих соотносить функциональные уровни с работой определенных мозговых сетей.

Структура модели: обоснование иерархии и снятие противоречия. Модель постулирует трехуровневую иерархию, где основанием для выделения уровней служит не абсолютная «сложность» нейронного субстрата, а функциональная ориентация во времени и доминирующий режим работы (автоматический / произвольный). Отметим, что нейробиологическое «перекрытие» структур не отменяет функциональной иерархии.

Базовый уровень – психологические защиты. Данный уровень определяется своей функцией – обеспечение

экстренного снижения психологического напряжения через бессознательное искажение реальности [Грановская 2010: 112] в ситуациях, когда другие способы регуляции недоступны или неэффективны. Он преимущественно связан с реактивным, а не проактивным режимом работы. Важно подчеркнуть, что включение в этот уровень таких «сложных» защит, как вытеснение, активность которых действительно связана с префронтальной корой [Anderson et al. 2004: 233], не противоречит иерархии. Их «сложность» означает не принадлежность к высшему уровню, а использование ресурсов высших (префронтальных) структур для обслуживания базовой, по сути, задачи – немедленного отведения угрозы от сознания. Таким образом, нейробиологическое «перекрытие» отражает не недостаток модели, а ключевой принцип ее работы: высшие структуры могут рекрутироваться для обслуживания низших функций в условиях дефицита ресурсов или высокой интенсивности угрозы (принцип компенсации).

Средний уровень – копинг-стратегии. Этот уровень функционально ориентирован на активное, преимущественно осознанное управление текущими стрессовыми ситуациями через их преобразование или изменение отношения к ним [Белорукова и др. 2008: 261; Крюкова 2004: 89]. Его работа развернута во времени «здесь и сейчас» и требует мобилизации когнитивных и поведенческих ресурсов.

Высший уровень – антиципационная состоятельность. Критерием выделения этого уровня является его проактивная, упреждающая функция. Он обеспечивает прогнозирование будущих событий и заблаговременную подготовку к ним [Ломов, Сурков 1980: 78; Пантелеева 2019: 283], стремясь предотвратить возникновение ситуаций, требующих экстренной мобилизации нижележащих уровней. Именно эта проактивная, превентивная функция, а не просто «сложность», определяет его высший статус в иерархии.

Предлагаемая модель графически представлена на рисунке. Данная схема визуализирует трехуровневую иерархию, где уровни соединены двусторонними стрелками, символизирующими динамическое взаимодействие. Особенностью данной схемы является частичное нейробиологическое перекрытие уровней (в частности, общая вовлеченность префронтальной коры в работу высшего и части базового уровня), что отражает реальную сложность организации мозга.

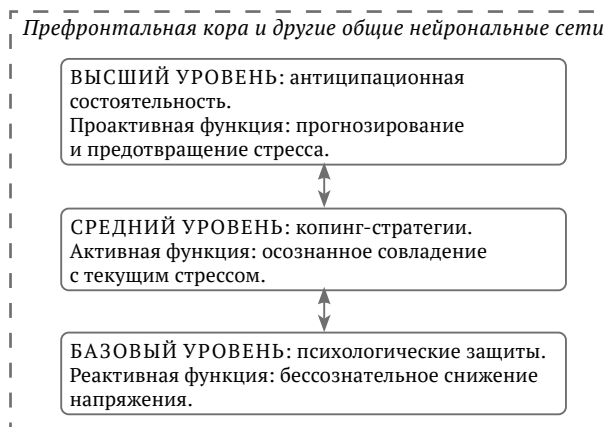

Рис. Интегративная модель взаимодействия механизмов адаптации
Fig. Interaction of adaptation mechanisms: integrative model

Функционирование системы: углубленная проработка принципов взаимодействия. Предложенные принципы описывают не статичное расположение элементов, а логику динамических отношений внутри системы, что и составляет суть интегративного подхода.

Согласно *принципу иерархической регуляции*, высшие уровни оказывают регулирующее влияние на низшие [Cacioppo et al. 2010: 679]. В контексте модели принцип реализуется не через прямое осознанное управление бессознательными защитами (что действительно невозможно), а опосредованно, через изменение контекста. Высокая антиципационная состоятельность позволяет избегать или смягчать потенциально фрустрирующие ситуации, тем самым сокращая частоту и интенсивность триггеров, активирующих базовый уровень. Регулирующее влияние осуществляется превентивно, через контроль входа в систему, а не через прямое управление ее внутренними, бессознательными операциями.

Принцип компенсации фиксирует обратную зависимость: недостаточная эффективность высших уровней компенсируется активацией низших [Carver, Scheier 2014: 296]. Этот принцип напрямую вытекает из функциональной логики модели: если проактивное прогнозирование (высший уровень) невозможно или ошибочно, а активное совладание (средний уровень) исчерпало ресурсы или неэффективно, система, стремясь сохранить гомеостаз, автоматически переключается на «аварийный» режим работы – бессознательные защиты. Компенсация, таким образом, является системным ответом на сбой «вышележащих» функций.

Принцип динамического равновесия подчеркивает, что система стремится к оптимальному соотношению между различными механизмами адаптации в зависимости от требований ситуации и ресурсов личности [Vaillant 1977]. Нормальная адаптация характеризуется гибкостью – способностью использовать весь спектр механизмов адекватно контексту. Длительная фиксация на одном уровне независимо от ситуации свидетельствует о нарушении этого равновесия.

Клинико-психологические индикаторы дезадаптации: скорректированный анализ. С позиции модели, дезадаптация есть результат стойкого нарушения описанных принципов взаимодействия. Предложенная типология позволяет перейти от описания симптомов к анализу лежащих в их основе системных сбоях.

Ригидность – фиксация на определенном уровне адаптационных механизмов независимо от изменений ситуации [Ibid.]. Например, ригидное использование примитивных защит (базовый уровень) в ситуациях, допускающих анализ и планирование (высший уровень) или активное решение (средний уровень). Это нарушение принципа динамического равновесия.

Диссоциация – разрыв между уровнями системы, когда высшие и низшие механизмы функционируют несогласованно². Более корректным примером является ситуация, когда формально развитые копинг-навыки (средний уровень) «отключены» в стрессовой ситуации, которая мгновенно «сбрасывает» человека на уровень примитивных защит при полной невозможности задействовать прогностические способности. Это демонстрирует не отсутствие антиципации, а ее функциональный коллапс под давлением аффекта, что соответствует клинической картине диссоциативных и пограничных состояний.

Дефицитарность – недостаточное развитие одного или нескольких уровней системы³. Классический пример – дефицит копинг-стратегий (средний уровень) при относительно сохранной антиципационной состоятельности. Человек может предвидеть проблемы, но не имеет поведенческих инструментов для их решения, что приводит к тревожной предвосхищающей беспомощности и росту нагрузки на защиты.

Практическое применение и перспективы исследований: от теоретической модели к конкретным инструментам

Диагностический контур: методология комплексной оценки системы. Применение интегративной модели кардинально меняет подход к диагностике, смещая фокус с изолированного измерения отдельных конструктов на оценку состояния и взаимодействия всей системы. Перечисляемые методики приобретают новый смысл в рамках общего протокола: для оценки базового уровня (защиты): опросник Плутчика-Келлермана-Конте (LSI) и др. [Пантеев, Жилина 2009: 69; Plutchik et al. 1979: 232]; для исследования среднего уровня (копинг): опросник способов совладания (WCQ), копинг-тест Лазаруса [Крюкова, Куфтяк 2007: 98; Endler, Parker 1999: 67]; для оценки высшего уровня (антиципация): методика «Антиципационная состоятельность» В. Д. Менделевича [Ничипоренко, Менделевич 2006: 59].

Однако ключевым диагностическим шагом становится не просто сбор данных по всем уровням, а их сопоставительный анализ для выявления конкретных паттернов дисбаланса. Например, сочетание высоких показателей по примитивным защитах с низкими баллами по антиципации и проблемно-ориентированному копингу будет указывать на дефицитарность высшего и среднего уровня с компенсаторной гиперфункцией базового. Именно такой связующий анализ, адекватно отражающий принципы компенсации и динамического равновесия, и является воплощением интегративного подхода в диагностике [Вассерман, Щелкова 2003: 112; Клиническая психология 2002: 852; Рубинштейн 2015: 529].

Психокоррекционный контур: дифференциация мишеней на основе модели. Модель служит картой для планирования психотерапевтического вмешательства, где разные направления терапии адресуются к разным «слабым» звеньям системы.

Когнитивно-бихевиоральные подходы, направленные на развитие копинг-навыков и коррекцию дисфункциональных убеждений [Beck A. 1991: 134; Beck J. 2020: 216; James 1950: 128; Kagan 1994: 127], являются основным инструментом укрепления среднего уровня. Техники решения проблем и когнитивной реструктуризации [Kahneman 2011: 395;

² Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. American Psychiatric Association Arlington, 2022. P. 213.

³ Ibid. P. 234.

Linehan 1993: 382] напрямую развивают ресурсы среднего уровня.

Психодинамическая терапия, фокусирующаяся на осознании и трансформации защитных механизмов [Freud 1992: 156; Kessler 1997: 206; Turiano et al. 2025], работает с базовым уровнем, стремясь сделать его более гибким и зрелым, что косвенно снижает его компенсаторную нагрузку и высвобождает ресурсы для высших уровней.

Тренинги антиципационной компетентности, направленные на развитие способности к прогнозированию и планированию [Ломов, Сурков 1980: 178] через сценарный анализ [Kirkham et al. 2025], представляют собой целевое вмешательство на высшем, проактивном уровне. Их задача – усилить превентивную функцию системы, что является наиболее эффективной стратегией профилактики дезадаптации.

Перспективные направления исследований, заданные логикой модели. Модель не только обобщает, но и генерирует новые исследовательские вопросы, требующие междисциплинарной проверки.

Изучение нейропластичности адаптационной системы – проверка того, как вмешательства, направленные на разные уровни (копинг-тренинг, терапия защит), изменяют не только поведение, но и функциональную связность между соответствующими нейронными сетями [Damasio 2008: 195].

Цифровизация диагностики и коррекции – создание инструментов, которые операционализируют принципы модели, автоматически вычисляя индексы баланса / дисбаланса между уровнями на основе комплексного тестирования [Ekman 2004: 213].

Культурно-специфические модели адаптации – исследование того, как культурные нормы модифицируют «оптимальное» динамическое равновесие между уровнями (например, допустимый удельный вес социально-ориентированного копинга) [Hofstede 1980: 234].

Лонгитюдные исследования – отслеживание траекторий развития системы адаптации для выявления критических периодов и факторов, влияющих на становление ее устойчивого баланса [Регуш 2003].

Литература / References

Абитов И. Р. Особенности совладания со стрессом в норме и при психосоматических и невротических расстройствах. *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 1. С. 86–96. [Abitov I. R. Peculiarities of coping with stress by healthy persons and patients with psychosomatic and neurotic disorders. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2013, 34(1): 86–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puzohx>

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что психологические защиты, копинг-стратегии и антиципационная состоятельность образуют функциональную систему, а не набор изолированных процессов. Новизна предложенной интегративной модели заключается в описании принципов (компенсации, иерархической регуляции, динамического равновесия), которые объясняют взаимодействие уровней и дают системное объяснение формам дезадаптации (ригидность, диссоциация, дефицитарность). Модель позволяет снять кажущееся противоречие между нейробиологическим «перекрытием» структур и функциональной иерархией, рассматривая первое как механизм реализации принципа компенсации. Таким образом, модель служит не просто схемой, а рабочим теоретическим инструментом, задающим конкретные направления для комплексной диагностики, дифференцированной психокоррекции и перспективных междисциплинарных исследований в области психологической адаптации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. В. Филиппова – концептуализация, работа с данными, написание черновика, пересмотр и редактирование. Т. Ю. Ледванова – визуализация, написание черновика, пересмотр и редактирование. А. А. Антонова – работа с данными, написание черновика. Ю. Б. Барыльник – концептуализация.

Contribution: N. V. Filippova provided the concept definition, data management, manuscript drafting, and proofreading. T. Yu. Ledvanova was responsible for the visualization, manuscript drafting, and proofreading. A. A. Antonova managed the data and drafted the manuscript. Yu. B. Barylnik developed the research concept.

- Анцыферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия. In: Анцыферова Л. И. *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. М.: ИП РАН, 2004. С. 328–349. [Antsyferova L. I. Psychology of everyday life: The personal life-world and the techniques of its existence. In: Antsyferova L. I. *Personality development and problems of gerontopsychology*. Moscow: IP RAS, 2004, 328–349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/skpxhd>
- Белорукова Н. О., Билецкая М. П., Бодров В. А. и др. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы. М.: ИП РАН, 2008. 474 с. [Belorukova N. O., Biletskaya M. P., Bodrov V. A. et al. *Coping behavior. Current status and prospects*. Moscow: IP RAS, 2008, 474. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvnxuh>
- Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 267 с. [Berezin F. B. *Mental and psychophysiological adaptation of man*. Leningrad: Nauka, 1988, 267. (In Russ.)]
- Боровкова Е. Ю., Ничипоренко Н. П. Специфика взаимосвязей личностных особенностей и совладающего поведения матерей, имеющих детей с хроническими или острыми заболеваниями (в сравнительном аспекте). *Актуальные проблемы психологического знания*. 2013. № 1. С. 122–129. [Borovkova E. Yu., Nichiporenko N. P. The peculiarities of interconnection of personal traits and responsible behavior of mothers having children with chronic and acute diseases (a comparative aspect). *Actual problems of psychological knowledge*, 2013, (1): 122–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pynnil>
- Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика. М.: Академия, 2003. 736 с. [Wasserman L. I., Shchelkova O. Y. *Medical psychodiagnostics*. Moscow: Akademiia, 2003, 736. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlfwup>
- Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю., Дубинина Е. А. Медицинская психодиагностика: современная методология исследования и интеграционные процессы в психологии и медицине. *Медицинская психология в России*. 2014. № 4. [Wasserman L. I., Shchelkova O. Yu., Dubinina E. A. Medical psychodiagnostics: Modern research methodology and integration processes in psychology and medicine. *Medical psychology in Russia*, 2014, (4). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjohkz>
- Граница А. С. Модель взаимосвязей антиципационной состоятельности и интуитивности при неврозогенезе. *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии*. 2020. № 2. С. 31–36. [Granitsa A. S. Model of correlation between anticipatory consistency and intuitiveness in the development of neuroses. *Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 2020, (2): 31–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33920/med-01-2002-04>
- Грановская Р. М. Психологическая защита. СПб.: Речь, 2010. 476 с. [Granovskaya R. M. *Psychological defense*. St. Petersburg: Rech, 2010, 476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyalsf>
- Исаева Е. Р. Механизмы психологической адаптации личности: современные подходы к исследованию копинга и психологической защиты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 2. С. 40–46. [Isaeva E. R. Mechanisms of psychological adaptation of the individual: Modern approaches to the study of coping and psychological defense. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiia. Sotsiologiia. Pedagogika*, 2008, (2): 40–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okkffp>
- Карвасарский Б. Д. Неврозы. М.: Медицина, 1990. 576 с. [Karvasarskiy B. D. *Neuroses*. Moscow: Medicine, 1990, 576. (In Russ.)]
- Клиническая психология, ред. М. Перре, У. Бауман. СПб.: Питер, 2002. 1312 с. [Clinical psychology, eds. Perrez M., Bauman U. St. Petersburg: Piter, 2002, 1312. (In Russ.)]
- Кондрашихина О. А. Дифференциальная психология. 2-е изд., перераб. и доп. Севастополь: СевГУ, 2022. 305 с. [Kondrashikhina O. A. *Differential psychology*. 2nd ed. Sevastopol: SevSU, 2022, 305. (In Russ.)]
- Кружкова О. В. Психологическая защита и совладание: феноменологическое соотношение и структура. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 5. № 1. С. 36–47. [Kruzhkova O. V. Psychological defense and coping: Phenomenological relationship and structure. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, 5(1): 36–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjhcvs>
- Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Avantitul, 2004. 344 с. [Kryukova T. L. *Psychology of coping behavior*. Kostroma: Avantitul, 2004, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfpxlv>
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П., Шипова Н. С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19. *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 4. С. 120–134. [Kryukova T. L., Ekimchik O. A., Opekina T. P., Shipova N. S. Stress and coping in a self-isolated family during COVID-19 pandemic. *Social Psychology and Society*, 2020, 11(4): 120–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409>

- Крюкова Т. Л., Куфтыак Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–112. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of coping methods (adapted WCQ method). *Journal of Practical Psychologist*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygcfyx>
- Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования. *Эмоциональный стресс*, ред. Л. Леви, В. Н. Мясичев. Л.: Медицина, 1970. С. 178–208. [Lazarus R. Stress theory and psychophysiological research. *Emotional stress*, eds. Levi L., Myasishchev V. N. Leningrad: Meditsina, 1970, 178–208. (In Russ.)]
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 279 с. [Lomov B. F., Surkov E. N. *Anticipation in the structure of activity*. Moscow: Nauka, 1980, 279. (In Russ.)]
- Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. Казань: Медицина, 2011. 288 с. [Mendelevich V. D. *Anticipatory mechanisms of neurosis genesis*. Kazan: Medicine, 2011, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmcmuh>
- Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30. [Nartova-Bochaver S. K. Coping behavior in the system of concepts of personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1997, 18(5): 20–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rctpbh>
- Ничипоренко Н. П., Менделевич В. Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования. *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 5. С. 50–59. [Nichiporenko N. P., Mendelevich V. D. Anticipation abilities phenomenon as a subject of psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2006, 27(5): 50–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvczsl>
- Овчинников А. А., Султанова А. Н., Войтова А. С. Взаимосвязь механизмов антиципации, психологической защиты и копинга у психосоматических больных. *Медицина и образование в Сибири*. 2016. № 3. [Ovchinnikov A. A., Sultanova A. N., Voitova A. S. Interrelation of anticipation mechanisms, psychological protection and coping at psychosomatic patients. *Meditsina i obrazovanie v Sibiri*, 2016, (3). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yipcwd>
- Пантелеева Г. В. Определение термина антиципация в отечественной психологии. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2019. № 8. С. 282–288. [Panteleeva G. V. Definition of the term anticipation in Russian psychology. *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*, 2019, (8): 282–288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cpultm>
- Пантеев С. Р., Жилина Е. Ю. Методика диагностики защитных механизмов личности. *Вестник московского ун-та. Серия 14: Психология*. 2009. № 1. С. 67–80. [Pantileev S. R., Zhilina E. Yu. Diagnostic method for personality defence mechanisms. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2009, (1): 67–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxzolb>
- Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с. [Regush L. A. *Psychology of forecasting: Successes in understanding the future*. St. Petersburg: Rech, 2003, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rswtmb>
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 713 с. [Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nksakp>
- Сумина Н. Е., Ничипоренко Н. П. Взаимосвязь антиципационной состоятельности с личностными свойствами. *Российский психологический журнал*. 2007. Т. 4. № 4. С. 22–29. [Sumina N. E., Nichiporenko N. P. Interconnection between anticipation consistency and personality properties. *Russian Psychological Journal*, 2007, 4(4): 22–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohlppv>
- Тимуца Д. Р. Взаимосвязь антиципационных способностей и копинг-стратегий у пациентов со смешанными тревожным и депрессивным расстройством. *Неврологический вестник*. 2020. Т. 52. № 4. С. 93–96. [Timutsa D. R. Interconnection of anticipation abilities and coping strategies in patients with mixed anxiety and depressive disorder. *Neurology Bulletin*, 2020, 52(4): 93–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/nb48958>
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука-Аттикус, 2023. 384 с. [Freud Z. *The psychopathology of everyday life*. Moscow: Azbuka-Atticus, 2023, 384. (In Russ.)]
- Чехлатый Е. И. Характеристика копинг-ресурсов у больных неврозами с тревожно-фобическим синдромом и их влияние на механизмы совладания. *Вестник психотерапии*. 2006. № 16. С. 20–31. [Chekhlaty E. I. Coping resources in neurotics with anxiety-phobic syndrome and their influence on the coping mechanisms. *The Bulletin of Psychotherapy*, 2006, (16): 20–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jukbsb>

- Anderson M. C., Ochsner K. N., Kuhl B., Cooper J., Robertson E., Gabrieli S. W., Glover G. H., Gabrieli J. D. E. Neural systems underlying the suppression of unwanted memories. *Science*, 2004, 303(5655): 232–235. <https://doi.org/10.1126/science.1089504>
- Bandura A., Freeman W. H., Lightsey R. Self-efficacy: The exercise of control. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 1997, 13(2): 158–166. <https://doi.org/10.1891/0889-8391.13.2.158>
- Beck A. T. *Cognitive therapy and the emotional disorders*. New York: Penguin, 1991, 356.
- Beck J. S. *Cognitive behavior therapy: Basics and beyond*. New York: Guilford, 2020, 414.
- Blake J., Norton C. L. Examining the relationship between hope and attachment: A meta-analysis. *Psychology*, 2014, 5(6): 556–565. <https://doi.org/10.4236/psych.2014.56065>
- Bowlby J. *Attachment and loss. Vol. 3: Loss, sadness and depression*. New York: Basic Books, 1980, 472.
- Cacioppo J. T., Berntson G. G., Decety J. Social neuroscience and its relationship to social psychology. *Social Cognition*, 2010, 28(6): 675–685. <https://doi.org/10.1521/soco.2010.28.6.675>
- Carver C. S., Scheier M. F. Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 2014, 18(6): 293–299. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2014.02.003>
- Cheng C., Lau H.-P. B., Chan M.-P. S. Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, 140(6): 1582–1607. <https://doi.org/10.1037/a0037913>
- Compas B. E., Connor-Smith J. K., Saltzman H., Thomsen A. H., Wadsworth M. E. Coping with stress during childhood and adolescence: Problems, progress, and potential in theory and research. *Psychological Bulletin*, 2001, 127(1): 87–127. <https://doi.org/10.1037//0033-2909.127.1.87>
- Costa P. T., McCrae R. R. The NEO inventories. *Personality assessment*, eds. Archer R. P., Smith S. R., New York: Routledge, 2008, 213–245.
- Damasio A. R. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. Random House, 2008, 352.
- Davidson R. J. Anxiety and affective style: Role of prefrontal cortex and amygdala. *Biological Psychiatry*, 2002, 51(1): 68–80. [https://doi.org/10.1016/s0006-3223\(01\)01328-2](https://doi.org/10.1016/s0006-3223(01)01328-2)
- Ekman P. *Emotions revealed: Recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life*. New York: Henry Holt and Company, 2004, 274.
- Endler N. S., Parker J. D. A. *Coping inventory for stressful situations (CISS): Manual*. 2nd ed. Toronto: Multi-Health Systems, 1999, 234.
- Erikson E. H., Erikson J. M. *The life cycle completed*. New York: W. W. Norton & Company, 1998, 144.
- Foa E. B., Hembree E., Rothbaum B. O. *Prolonged exposure therapy for PTSD: Emotional processing of traumatic experiences*. New York: Oxford University Press, 2007, 160.
- Folkman S. The case for positive emotions in the stress process. *Anxiety, Stress, & Coping*, 2008, 21(1): 3–14. <https://doi.org/10.1080/10615800701740457>
- Freud A. *The ego and the mechanisms of defence*. London: Karnac Books, 1992, 204.
- Greenberg L. S. *Emotion-focused therapy: Coaching clients to work through their feelings*. Washington: American Psychological Association, 2015, 411.
- Gross J. J. Emotion regulation in adulthood: Timing is everything. *Current Directions in Psychological Science*, 2001, 10(6): 214–219. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00152>
- Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage, 1980, 445.
- James W. *The principles of psychology*. New York: Dover, 1950, 689.
- Jung C. G. *The archetypes and the collective unconscious*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1980, 451.
- Kagan J. *Galen's prophecy: Temperament in human nature*. New York: Basic Books, 1994, 376.
- Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011, 512.
- Kessler R. C. The effects of stressful life events on depression. *Annual Review of Psychology*, 1997, 48: 191–214. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.48.1.191>
- Kirkham R., Liu C., Wulundari T., Aidman E., Yucel M., Wiley J., Albertella L. Emotion regulation and coping in active military personnel: A systematic review. *Stress Health*, 2025, 41(3). <https://doi.org/10.1002/smi.70036>
- Kobasa S. C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1979, 37(1): 1–11. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.37.1.1>
- Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer, 1984, 456.

- LeDoux J. E. *The emotional brain: The mysterious underpinnings of emotional life*. New York: Simon & Schuster, 1996, 384.
- Linehan M. M. *Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder*. New York: Guilford, 1993, 558.
- Maslow A. H. *Motivation and personality*. New York: Prabhat Prakashan, 2023, 379.
- McEwen B. S. Protective and damaging effects of stress mediators: Central role of the brain. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2006, 8(4): 367–381. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2006.8.4/bmcewen>
- Miller G. A. The cognitive revolution: A historical perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 2003, 7(3): 141–144. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00029-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00029-9)
- Naragon-Gainey K., Watson D. Positive affectivity: The disposition to experience pleasurable emotional states. *The Oxford handbook of positive psychology*, eds. Lopez S. J., Edwards L., Marques S. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2021, 297–308.
- Nolen-Hoeksema S. Responses to depression and their effects on the duration of depressive episodes. *Journal of abnormal psychology*, 1991, 100(4): 569–582. <https://doi.org/10.1037//0021-843x.100.4.569>
- Nordbøe C., Enmarker I. The benefits of person-centered clinical supervision in municipal healthcare – employees' experience. *Open journal of nursing*, 2017, 7(5): 548–560. <https://doi.org/10.4236/ojn.2017.75042>
- Plutchik R. *Emotions and life: Perspectives from psychology, biology, and evolution*. Washington, DC: American psychological association, 2003, 381.
- Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. A structural theory of ego defenses and emotions. *Emotions in personality and psychopathology*, ed. Izard C. E. New York: Plenum Press, 1979, 227–257. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-2892-6_9
- Porges S. W. The polyvagal perspective. *Biological psychology*, 2007, 74(2): 116–143. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2006.06.009>
- Reisenzein R. The attributional approach to emotion and motivation: Introduction to a special section of emotion review. *Emotion Review*, 2014, 6(4): 332–335. <https://doi.org/10.1177/1754073914534508>
- Rogers C. R. *On becoming a person*. Boston: Houghton Mifflin, 1961, 334.
- Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*, 1966, 80(1): 1–28. <https://doi.org/10.1037/h0092976>
- Seligman M. E. P. *Learned optimism*. New York: Pocket Books, 1998, 319.
- Skinner B. F. *Science and human behavior*. New York: Free Press, 1965, 461.
- Steindl C., Jonas E. What reasons might the other one have? – Perspective taking to reduce psychological reactance in individualists and collectivists. *Psychology*, 2012, 3(12A): 1153–1160. <https://doi.org/10.4236/psych.2012.312A170>
- Taylor S. E., Klein L. C., Lewis B. P., Gruenewald T. L., Gurung R. A. R., Updegraff J. A. Biobehavioral responses to stress in females: Tend-and-befriend, not fight-or-flight. *Psychological Review*, 2000, 107(3): 411–429. <https://doi.org/10.1037//0033-295X.107.3.411>
- Turiaco F., Iannuzzo F., Lombardo C., Clementi V., Mento C., Drago A., Bruno A., Muscatello M. R. A., Pandolfo G. Role of early trauma on defense mechanisms and coping strategies in personality disorders. *Medicina*, 2025, 61(7). <https://doi.org/10.3390/medicina61071162>
- Vaillant G. E. *Adaptation to life*. Boston: Little, Brown, 1977, 396.
- Weiner B. The attribution approach to emotion and motivation: History, hypotheses, home runs, headaches / heartaches. *Emotion Review*, 2014, 6(4): 353–361. <https://doi.org/10.1177/1754073914534502>

обзорная статья

eLibrary EDN: H SXINU

Проблема критериев успешности обучения студентов в вузе: транспективный анализ

Бохан Татьяна Геннадьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2891-7745

<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

Scopus Author ID: 56820133000

Силаева Анна Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 7582-7990

<https://orcid.org/0000-0003-2251-5200>

Scopus Author ID: 57207571308

Шабаловская Марина Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 5949-5444

<https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

Scopus Author ID: 57193768514

Терехина Ольга Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2726-3340

<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

Scopus Author ID: 57194090204

doterekhina@mail.ru

Аннотация: Успешность обучения студентов в вузе является показателем качества образования и их готовности к выполнению профессиональных задач во всех сферах общественной жизни. Цель – выявить закономерное изменение в научных представлениях о критериях учебной успешности и перспектив их определения в соответствии с современными тенденциями развития науки и общества с помощью транспективного анализа. С позиции классической научной рациональности акцентируется внимание преимущественно на объективных показателях успеваемости обучающегося (полнота и глубина знаний, скорость и точность выполнения заданий), игнорируются индивидуальность, особенности восприятия материала, мотивация, темперамент и предпочтения в обучении, учебная успешность измеряется в основном академическими показателями. Этап неклассической научной рациональности рассматривает многоуровневые саморегулирующиеся системы, поведение которых определяется как внешними, так и внутренними причинами и приводит к идее собственной активности человека. Становятся важны личностные, субъектные и деятельностные характеристики студентов в процессе их профессионально-личностного становления. К критериям успешности студента относят активность, саморегуляцию, способность к рефлексии, осмысленности, возможность к проектированию и целеобразованию, критичность мышления, самостоятельность. В постнеклассической научной парадигме предмет исследования – открытые человекообразные системы. Многомерный мир студента в образовательной среде отражен в целях, ценностях, переживаниях, он подвижный, так как человек постоянно развивается, приобретает новые знания и перерабатывает старые, формируя уникальное представление о мире. Среди акмеологических инвариантов и критериев успешности предлагаются толерантность к неопределенности, инновационный потенциал личности, самоэффективность и вовлеченность в образовательное пространство. Образ мира студентов представляет собой находящуюся в процессе становления систему, включающую пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики, а темпоральные, когнитивные, метакогнитивные и операциональные мерности отражают формирование их индивидуального когнитивного образовательного пространства.

Ключевые слова: критерии успешности обучения, обучение в вузе, транспективный анализ, этапы научной рациональности, объект обучения, субъектно-деятельностный подход, саморегуляция, образ мира студента, ценностно-смысловые ориентиры, индивидуальное образовательное пространство

Цитирование: Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Силаева А. В., Терехина О. В. Проблема критериев успешности обучения студентов в вузе: транспективный анализ. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 340–360. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-340-360>

Поступила в редакцию 30.12.2025. Принята после рецензирования 27.01.2026. Принята в печать 09.02.2026.

review article

Success Criteria in University Education: A Transsperspective Analysis

Tatiana G. Bokhan

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 2891-7745
<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>
Scopus Author ID: 56820133000

Anna V. Silaeva

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 7582-7990
<https://orcid.org/0000-0003-2251-5200>
Scopus Author ID: 57207571308

Marina V. Shabalovskaya

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 5949-5444
<https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>
Scopus Author ID: 57193768514

Olga V. Terekhina

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 2726-3340
<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>
Scopus Author ID: 57194090204
doterekhina@mail.ru

Abstract: Academic success indicates the high quality of university education and the readiness of students for professional tasks in society. However, criteria and factors of academic success remain understudied. The authors used the method of transsperspective analysis to trace the evolution of scientific ideas regarding these criteria. Classical scientific rationality focused on such objective indicators of academic achievement as knowledge acquisition and performance while ignoring personality, perception, motivation, temperament, and preferences, i.e., academic success was measured solely by academic achievements. The non-classical stage of scientific rationality considered multilevel self-regulating systems dependent on both external and internal causes, concentrating on the idea of personal agency. Subjectivity, personal traits, and activity became important characteristics of professional and personal development. The criteria for academic success expanded to include activity, self-regulation, reflection, comprehension, goal-setting, critical thinking, and independence. The post-non-classical scientific paradigm brings forward human-scale systems, where the multidimensional world of a student in academic environment is reflected in goals, values, and experiences. This world is flexible and mobile because students develop while acquiring new knowledge and processing the old one to form a unique worldview. Contemporary acmeological invariants and academic success criteria include tolerance to uncertainty, personal innovative potential, self-sufficiency, and academic involvement. The student's image of the world is a system in the process of formation, including spatial-temporal and value-semantic characteristics while temporal, cognitive, metacognitive, and operational dimensions reflect the formation of the student's own cognitive academic environment.

Keywords: criteria for academic success, university education, transsperspective analysis, stages of scientific rationality, object of study, subject-activity approach, self-regulation, student's world image, value-semantic guidelines, personal academic environment

Citation: Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Silaeva A. V., Terekhina O. V. Success Criteria in University Education: A Transsperspective Analysis. *SibScript*, 2026, 28(2): 340–360. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-340-360>

Received 30 Dec 2025. Accepted after peer review 27 Jan 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Успешность обучения студентов в высшем учебном заведении является показателем качества образования и их готовности к выполнению профессиональных задач во всех сферах общественной жизни государства [Зенцова, Рихтер 2025; Kassab et al. 2024]. В связи с этим возникает исследовательский интерес к проблеме критериев и факторов успешности обучения в вузе, что позволило бы совершенствовать

условия образования, тем самым повышая его качество. Ориентирами для их определения всегда являлись актуальные вызовы времени и задачи развития страны на современном историческом этапе, что подчеркивает непреходящий характер данной проблемы. Об этом свидетельствует существующее на сегодняшний день в зарубежной и отечественной литературе многообразие определений понятий

успех и учебная успешность, а также подходов, выделяющих критерии и факторы успешности обучения. Указанное отражает сложность и многогранность такого психологического феномена, как *успешность обучения студентов в вузе*, и культурно-историческую обусловленность его критериев.

Понятие *успех* в большинстве определений связано с достижением целей или результатами деятельности, которые имеют значение как для самого человека, так и для общества. В связи с этим исследователи выделяют внешние (объективные) и внутренние (субъективные) критерии успеха [Самоукина 2003; Тульчинский 2022]. Субъективный аспект понятия *успех* включает различные психологические критерии – внутреннюю удовлетворенность, гармонию, самореализацию и позитивное отношение к жизни, зависящие от личных ценностей и мировоззрения человека. Е. М. Корж предлагает объединить эти два аспекта, обосновывая свою позицию тем, что личное и социальное, внутреннее и внешнее неразрывно связаны и влияют друг на друга [Корж 2008]. Таким образом, понятие *успех* интерпретировалось в логике конкретных методологических подходов как результат той научной рациональности, которой пользовались исследователи в понимании и объяснении психологической реальности. Эти формы мышления в качестве объективного факта представлены в науке триадой *классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм* [Степин 2003]. «Классицизм апеллирует к тому, "что есть", что уже стало, существует как факт, открыть который, описать и объяснить полагает своей задачей. Неклассицизм переключил внимание исследователей со ставшего на становящееся ("здесь и теперь")... Постнеклассицизм делает своим предметом *процесс становления* – закономерное (а потому прогрессивное) усложнение системной организации, свойственное, прежде всего, открытым системам» [Клочко 2005: 68].

Учитывая, что «современное состояние психологии характеризуется тем, что она стоит на пороге решения глобальных методологических проблем, связанных с переходом на новый уровень системного изучения психологической реальности» [Клочко 2005: 78], цель статьи – выявить закономерное изменение в научных представлениях о критериях учебной успешности и перспективы их определения в соответствии с современными тенденциями развития науки и общества с помощью трансспективного анализа. Он был предложен В. Е. Клочко

и реализован в ряде теоретических исследований [Бохан 2019; Логинова и др. 2021; Лукьянов, Кириллюк 2024; Нелюбин 2024]. Транспективный анализ понимается как методологически оправданное средство познания, адекватное постнеклассическому идеалу рациональности. По мнению В. Е. Клочко, данный анализ можно применить «к истории психологии, открывая движение науки как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами, становление, превращение в научную систему» [Клочко 2005: 43]. Транспективный анализ представляет собой не просто подход к исследованию развивающегося явления, но и принцип изучения явления в процессе его становления, т. е. закономерного усложнения системной организации, который свойственен сложным целостностям (открытым системам) [Клочко, Галажинский 2009].

Результаты

Критерии успешности обучения студентов в вузе: этап классической научной рациональности

Этап классический научной рациональности (XVII–XX вв.) – период, когда в образовании доминировал идеал объективности и предметности в научном познании; соответствует механической картине мира [Степин 2013]. Объект исследования – простая система, свойства которой определялись свойствами ее элементов. При этом объект был лишен внутренних или субъективных желаний, стремлений, размышлений, намерений, которые могли бы повлиять на результаты. Объяснение и описание должно было включать только характеристики объекта (все остальное – отказ от идеала объективности познания) и опираться на два основных принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) ее фундаментальных постулатов [Макарова и др. 2025]. Помимо них выделяли предметоцентризм; изоляционизм; противопоставление субъекта объекту; предсказуемость, непосредственность, сообразность, детерминацию; приоритет естественно-научной методологии; интерес к ставшему [Бохан 2019], что позволяло рассматривать идеал как абсолютно истинное и однозначное соответствующее объекту знание. Из двух альтернатив истиной могла быть только одна, а метод построения теорий – обобщение опытных фактов [Макарова и др. 2025], «правильная» методология приводит к построению правильной картины мира (единственно верной), изменчивость и вариативность не допускаются [Иванова и др. 2022; Schurz, Hertwig 2019].

Познание представляло собой наблюдение за объектом и выявление его сущностных связей, установку на исследование объектов и их закономерностей. Объективность исследования порождалась логикой разума, тождественной логике мира, т. е. они максимально соответствовали изучаемой действительности. Рефлексия над познавательной деятельностью сводилась к выявлению объекта исследования и субъекта, осуществляющего познавательную деятельность [Макарова и др. 2025]. С точки зрения представлений об объекте исследования на классическом этапе развития науки изучались простые системы (отдельные объекты), в которых субъект дистанцирован от объекта, и описывался динамический тип взаимодействия причинных цепей. На данном этапе разрабатывались модели жесткой детерминации, исключительно однозначный линейный характер зависимых причинно-следственных связей. Так, учеными подчеркивалось, что любые изменения, которые происходят с объектами, целиком определяются внешними причинами и условиями, т. к. сами объекты не обладают активным началом [Погожина 2016; Schurz 2021].

Классическая рациональность проявляется в классическом стиле мышления, в рамках которого сформировалась наука в современном смысле этого слова. При этом для формирования общего представления о характеристике данного типа понимания важно раскрыть основные черты классического стиля мышления: антиавторитарность; фундаментализм; кумулятивизм; сведение обоснованности и объективности знания к его истинности; исключительно классическое истолкование истины; отказ от неуниверсальных способов научного обоснования (обращение к традициям, здравому смыслу, авторитетам, интуиции, вере, моде, вкусу и другим ориентирам, без которых невозможны социальные и гуманитарные науки); универсальное требование всеобщей математизации знания и строгих определений и др. [Ивин 2011; Киященко 2023]. Необходимо учитывать, что знание, полученное на одном этапе классического развития науки, не исчезает при наступлении неклассического этапа, а обретает определенные границы и используется для решения конкретных исследовательских и практических проблем [Иванова и др. 2022].

Раскрывая поставленную проблему исследования и принимая во внимание, что к настоящему моменту общепсихологическая теория успешности еще не сложилась [Дворецкая, Лощакова 2016],

важно определить, как разные психологические направления на этапе классической научной рациональности интерпретировали понятие *успех* [Пирятинский 2025]. В психоаналитической теории З. Фрейда, которая основана на клинической практике, успех рассматривается как удовлетворение желаний, победа над родителем противоположного пола, как попытка преодоления внутренней неудовлетворенности. Успех – это мера ценности и привязка самооценки к достижениям, которая формирует внутреннюю пустоту и тревожность [Гиюева 2014].

А. Адлер более явно рассуждал об успехе и критериях его достижения [по: Панкратова 2011: 40], считал, что в основе стремления к превосходству и успешности лежит сформировавшийся в детстве комплекс неполноценности, при котором стремление к позитивному переживанию чувства компетентности стимулирует различные виды деятельности, в которых возможен реальный или мнимый успех [Адлер 2021]. В классической психоаналитической теории успех не выступает самостоятельным предметом исследования и рассматривается в картине невротического расстройства личности, где он выполняет различные функции (защиты, компенсации, символа, способа разрешения личностных задач) и анализируется через призму заметных достижений как исторических личностей, так и современных деятелей. При этом стремление к превосходству и успешности тесно связаны и способствуют непрерывному развитию и совершенствованию личности в социальном контексте [Гиюева 2014].

В социокультурной теории К. Хорни стремление к власти, престижу, успеху рассматривается в качестве невротического стремления к успокоению, избавлению от тревоги [Хорни 2025]. Э. Фромм, в свою очередь, отмечал, что на первый план выступает рыночный характер, для которого достижение успеха является важной жизненной ценностью, а личностный фактор всегда играет решающую роль [Фромм 2010]. В транзактном анализе Э. Берна успех трактуется как высокие результаты в важном для человека деле [по: Панкратова 2011: 40–41].

В социобиохевиористическом подходе успех связан с социальными факторами и *научением через наблюдение*. Так, наблюдая за каким-либо образцом поведения, человек приобретает символический образ моделируемой деятельности, который служит ориентиром для построения собственных форм

поведения, т. е., наблюдая модели успешного поведения, человек обучается быть успешным [Панкратова 2011: 41]. Биологически ориентированные теории одаренности усматривают основу успеха в генетически заложенных особенностях (интеллект, способности и пр.) человека [Рикель 2012]. Основатель бихевиоризма Э. Торндайк определял понятие *успех* в психологии через принцип *проб, ошибок и случайного успеха*, который предполагает, что человек постоянно пробует совершать действия, ошибается и достигает успеха случайно. Таким образом, действия, приводящие к успеху, со временем становятся все более точными [Корнетов 2022].

Что касается сферы педагогики, то в парадигме классической рациональности, которую иногда можно наблюдать и в настоящем, образование было направлено на поиски общих методов, способов и закономерностей воспитания, единой системы и общих правил [Худайбергенов, Абдураззакова 2019]. В контексте классического типа рациональности основной целью образования была подготовка подрастающего поколения к жизни и труду. Педагогический процесс представлял собой простую систему, в которой педагог всех учил всему, при этом обучаемый являлся объектом педагогического воздействия и демонстрировал усвоенные знания в виде ответной репродуктивной деятельности [Борисова 2010; Федотова 2017]. Знания, умения и навыки, наряду с готовностью к обучению и мотивацией, задавались врожденными способностями либо производными от способностей (на что человек способен, к тому он и готов, то он и делает), в связи с чем предполагалась абсолютная обучаемость [Меськов, Мамченко 2011].

При этом классический подход не был ориентирован на учет психологических особенностей студента. Так, исследование психолога А. А. Нагорняк указывает на одностороннее развитие интеллектуальной, эмоциональной, мотивационной и других сфер психики студента под влиянием обучения в вузе [Нагорняк 2013]. С позиции классической рациональности для оценки успешности обучения в вузе используются объективные критерии, которые отражают уровень знаний, умений и навыков студентов, а также успешность выполнения учебных действий. Такой подход предполагает, что успешность обучения – это соответствие знаний и умений студента тем критериям, которые предъявляются ему в данной системе обучения [Мамаева 2008]. Однако практически любая учебная деятельность включает

самостоятельные работы студентов. Их цель – отработать навыки и развить способность учащегося самостоятельно организовывать свою деятельность [Юрк 2023], которая зависит от его индивидуальных психологических особенностей [Permana, Suwarjo 2022].

В контексте классической рациональности отмечаются существенные недостатки: происходит одностороннее развитие лишь отдельных свойств и качеств психики, отдельных профессионально важных компонентов личности, и почти не реализуются закономерности развития студентов, что не соответствует во многих случаях потребностям молодых людей в профессиональном и личностном становлении как специалистов. При этом преподаватели вузов, придерживающиеся описываемого подхода, не имеют четких представлений о том, каким образом возможно изменить процесс обучения в соответствии с психологическими возрастными особенностями студентов для реализации закономерностей их развития и обеспечения современной подготовки будущих специалистов согласно вызовам и требованиям времени [Нагорняк 2013; Панкратова, Рогова 2012]. Также следует отметить, что с точки зрения классической рациональности оценка успешности обучения в вузе ограничена, даже несмотря на то, что учитываются полнота и глубина знаний, способность к обобщению, системность, конкретность, быстрота и своевременное выполнение заданий, основные качества умственной деятельности.

Основная проблема классического средо-ориентированного подхода состоит в противоречиях, вызванных используемым в нем методологическим аппаратом классической рациональности, который не пригоден для описания сред, включающих самоорганизующиеся рефлексивные элементы и системы, к которым относятся человек и социально-коммуникативные отношения [Артюхина и др. 2019]. Однако такие важные для профессиональной реализации и активного члена общества качества, как метакогнитивные навыки, способность к командной работе, устойчивость к стрессу, творческое и критическое мышление, гражданская позиция, способность проявлять инициативу и брать ответственность за собственное обучение и т.д., остаются вне зоны внимания и оценки такого подхода. При этом современная жизнь требует переосмысления подходов к пониманию успешности с учетом культурно-исторических традиций российского общества и образования, в том числе

с опорой на экзистенциальные ценности [Дворецкая, Лощакова 2016; Zellweger, Zenger 2023]. Таким образом, с одной стороны, студент все годы учебной деятельности может быть объектом обучения (брать, что дают), что и предполагает классический подход, но с другой – это лишает его субъектности в контексте собственного обучения [Котова 2022], что отрицательно сказывается на перспективах его дальнейшего становления и развития.

Критерии успешности обучения студентов в вузе: этап неклассической научной рациональности

Переход на этап неклассической науки обусловлен сменой принципа причинного детерминизма, лежащего в основе классического мышления, на принцип взаимодействия [Бохан 2019]. Рассматриваются уже не отдельные объекты, а многоуровневые саморегулирующиеся системы, поведение которых определяется не всецело внешними причинами, как в моделях жесткой детерминации (этап классической научной рациональности), а совокупностью внешних воздействий и взаимодействием элементов внутри системы и носит статистический характер. Объект познания не дистанцирован от субъекта, а относителен средств и содержания познавательной деятельности [Погожина 2016].

Неклассический способ мышления объясняет природу психического через понимание внутреннего и внешнего и выводит на идею собственной активности человека. Однако, как отмечает В. Е. Ключко, оно все еще возвращает к вопросу о локализации объективной реальности, подталкивая мысль к тому, что именно она является «источником реальности мира человека, отражаясь органами чувств» [Ключко 2005: 132].

Руководствуясь неклассическим мышлением при изучении психологических феноменов, исследователи опираются на принцип единства субъективного и объективного в попытке преодоления дихотомии внешнего и внутреннего, субъекта и объекта через введение опосредующих факторов, которыми в различных подходах выступили знак, деятельность, когнитивные схемы и процессы [Бохан 2019].

Методологической основой психологических исследований на данном уровне системности науки послужили: культурно-историческая теория Л. С. Выготского, теория деятельности А. Н. Леонтьева, теория единства сознания и деятельности С. Л. Рубинштейна, концепция психологии отношений А. Ф. Лазурского – В. М. Мясищева,

комплексная теория человека Б. Г. Ананьева. В работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна учение рассматривается как приобретение знаний, умений, навыков и выступает в противовес развитию, под которым подразумевается приобретение способностей и новых качеств. В этом случае под *успешностью обучения* будет пониматься то, насколько эффективно, быстро учащиеся приобретают новые умения, знания, навыки и насколько эффективно они могут их применять.

Понятие *учебная успешность* как комплексный показатель, в отличие от простой *успеваемости* (оценок), активно разрабатывали и вводили советские педагоги и психологи Б. Г. Ананьев, Ю. К. Бабанский, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др., изучая ее как результат взаимодействия внутренних и внешних факторов и выделяя в ней психологические аспекты, связанные с развитием. Б. Г. Ананьев определяет учебную успешность как «оптимальный баланс между темпом обучения, степенью напряженности, индивидуальным стилем учебной деятельности, уровнем усердия и усилий, необходимых для достижения поставленных целей» [Ананьев 1980: 196]. Ю. К. Бабанский указывает на «реальные учебные возможности личности», подразумевающие под собой «единое сочетание внутренних и внешних факторов, которые оказывают влияние на личность и определяют учебный потенциал конкретного обучающегося» [Бабанский 1989: 98]. В. Я. Ляудис подчеркивает, что успешность обучения «предполагает непрерывное развитие и положительную динамику различных показателей качества и результативности, охватывающих не только накопление знаний и навыков, но и личностный рост, ...успешную социализацию, а также интеграцию в общество и формирование социальной компетентности» обучающегося [Ляудис 1992]. Учебную успешность стали рассматривать как многокомпонентный феномен, который включает когнитивные, эмоциональные и ценностные аспекты [Гребнева 2011].

Субъектно-деятельностный подход к исследованию личности, активно развивающийся на данном уровне системности науки в отечественной психологии (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская, А. И. Крупнов, А. К. Осницкий, О. А. Конопкин, В. О. Татенко, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко и др.), опирается на принцип активности, согласно которому личность обладает свойствами инициативы,

свободы выбора и характеризуется избирательным поведением. Субъектность понимается как «своего рода самоопределение...; как саморегуляция» [Селезнева 2015: 50]. Среди составляющих субъектности выделяют самоэффективность, сохранение интереса и стараний, локус контроля, ориентацию на мастерство, метакогнитивную саморегуляцию, саморегулируемое обучение и ориентацию на будущее [Zeiser et al. 2018]. Исходя из этого, учебно-профессиональная деятельность приобретает новую направленность и новое содержание, ориентированное на будущее. Кроме того, возрастают требования к процессам саморегуляции произвольной активности студентов. Процессы планирования и программирования учебной подготовки, учет значимых условий обучения, оценивание результатов своей деятельности, а также соответствующие регуляторно-личностные качества, такие как самостоятельность, инициативность, гибкость, приобретают первостепенное значение [Моросанова, Сагиев 1994]. В связи с этим профессиональное становление молодых людей существенным образом зависит от их собственной активности и сформированности субъектной позиции [Слободчиков, Цукерман 1996].

В рамках учебной деятельности акцент делается на саморегуляцию студентов, которая представляет собой систему самостоятельной организации обучающимися своих действий, направленных на самообучение и самовоспитание и эффективное функционирование в учебном процессе [Мерикова 2024; Cho, Shen 2013]. По мнению Ю. А. Ишмуратовой и В. И. Моросановой, для успешного обучения крайне важно формирование эффективного регуляторного стиля [Ишмуратова, Моросанова 2021].

Для человека как субъекта особенно существенно сознание, потому что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели (цели деятельности, общения, созерцания и других видов активности). Как утверждал В. В. Знаков, способность к рефлексии, направленной на себя, – ключ к превращению человека в субъекта. Субъект – это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания [Знаков 2003]. Согласно субъектному подходу, в качестве определяющих характеристик субъекта можно выделить сознание, целеполагание, ответственность, инициативу, самостоятельность, возможность проектирования,

предвидения будущего, регуляцию деятельности, внутреннюю детерминацию, т.е. все то, что фиксирует наличие позиции по отношению к миру, к другим людям, к себе и позволяет быть активным творцом своей жизни и достигать успехов в разных сферах, в том числе учебно-профессиональной. Сформированная субъектность студентов является одной из ключевых характеристик успешного обучения в вузе [Захарова, Вилкова 2020; Фишман 2019]. Развитие субъектной позиции студента сопровождается расширением спектра его ценностного отношения к обучению и раскрывается в профессионально-ориентированной деятельности [Емельянова и др. 2023].

Как отметил В. В. Краевский, на этапе неклассической научной рациональности в педагогической науке и практике наблюдается переход от рецептивно-отражательного подхода к конструктивно-деятельностному [Краевский 2001]. Первый подразумевает знаниевый подход или знаниевую парадигму – претворение в образовании классической парадигмы. Образовательная эффективность знаниевого подхода к тому времени перестала удовлетворять запросные потребности общества [Лескова 2021]. Как следствие, стали активно развиваться новые подходы к обучению: субъектный, личностно-ориентированный, проблемный, исследовательский, проектный, компетентностный и пр. Если знаниевый подход позволял студенту только наблюдать объекты на картине, то новые подходы позволяют эти объекты не только наблюдать, но и исследовать, интерпретировать. Таким образом, в неклассической парадигме науки содержание образования включается в субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и студента, в контексте которого реализуется возможность инициировать у студента процессы смыслообразования как выявления того скрытого, но уже имеющегося смысла, который содержит образец. Смыслообразование обеспечивает субъектную присвоенность предмета учебной деятельности и тем самым позволяет решить главную задачу обучения в неклассике – «учить студентов мыслить и действовать методами, категориями науки, видеть свою область знаний и профессиональную деятельность глазами исследователя» [Макарова 2011: 33].

В конце XX в. было установлено, что и преподаватель должен быть субъектом, в том числе для того, чтобы способствовать развитию субъектности у студентов [Вачков 2014]. Как отмечает О. Г. Хмелева,

задачей преподавателя в неклассической парадигме науки является помощь каждому студенту в осмыслении собственного учения, учет субъектной позиции обучающихся [Хмелева 2007]. Задача студентов – осмыслить свое учение, найти максимально удобные, продуктивные для себя способы его осуществления, понять структурные и функциональные связи внутри изучаемых наук.

Смена образовательных ориентиров в связи с активизацией гуманистической традиции в образовании означала возникновение новых педагогических концепций, нацеленных на разработку технологии становления творчески активной, духовно развитой и самостоятельной личности [Гульянц 2009; Кузнецова, Омельченко 2017]. Так, в рамках личностно-ориентированного подхода к обучению появилось создание условий, необходимых для раскрытия и целенаправленного развития личностных черт учащегося, его личностного отношения к миру, к деятельности, к себе. Личностно-ориентированная педагогическая ситуация понимается как «особый педагогический механизм, который ставит воспитанника (*прим. авторов* – учащегося) в новые условия, трансформирующие привычный ход его жизнедеятельности, востребующие от него новую модель поведения, чему предшествует рефлексия, осмысление, переосмысление сложившейся ситуации» [Сериков 1994: 89].

Развитие компетентностного подхода в профессиональном образовании выдвигает на первый план формирование у студентов набора ключевых компетенций, которые они будут в дальнейшем применять для успешной деятельности в определенной профессиональной области [Останина, Птицына 2019]. Смысл данного подхода состоит в том, чтобы развить у студентов способность к самостоятельному решению проблем в разных видах и сферах деятельности; создать условия для формирования опыта, необходимого для самостоятельного решения коммуникативных, познавательных, нравственных, организационных вопросов. В работе Н. В. Козловой и соавторов выделены характеристики и диагностические признаки психолого-акмеологического наблюдения проявлений основных компетенций студентов вуза [Козлова и др. 2007]. На основании данных признаков можно оценить развитие активности студента в процессе учебно-профессиональной деятельности. К ним относятся: готовность к получению знаний; активность и энергичность при выполнении

заданий; готовность к выполнению заданий повышенной сложности; стремление к познанию и самопознанию; умение планировать и реализовывать цели деятельности; настойчивость в достижении цели; оценка результатов своей деятельности; гибкость, способность к творчеству; проявление инициативы; склонность к самоконтролю; открытость к сотрудничеству с участниками образовательного процесса.

Таким образом, к основным критериям успешности обучения студентов на данном этапе научной рациональности можно отнести мотивацию к достижению целей, рефлексию и самостоятельность, критичность мышления, способность к осознанной саморегуляции, участие в дискуссиях и коллективных проектах, применение полученных знаний на практике и демонстрацию компетентности в применении инструментов анализа ситуаций.

Однако, как отмечает И. А. Лескова, образование остается объекто-ориентированным. Все усилия по-прежнему направлены не на решение проблем субъектов обучения, а на проблемы обучения, т. к. субъектная присвоенность предмета изучения – это тоже проблема обучения. Например, цель компетентностного подхода – научить применению знаний, формируя профессиональные и общекультурные компетенции посредством решения ситуационных учебных заданий. Цель деятельностного подхода – содействовать овладению способами действий, используя в качестве механизма обучения управление деятельностью. Представленные цели показывают, что приоритетом по-прежнему является не тот, кто обучается, а то, чему обучаем. Как следствие, сохраняется отношение к человеку как материалу [Лескова 2021].

Критерии успешности обучения студентов в вузе: этап постнеклассической научной рациональности

Сегодня в списке приоритетов развития образования в России стоит освоение системы знаний, формирующих постнеклассическую картину мира, формирование научного стиля мышления, целостного мировосприятия и мировоззрения, адекватного реальной действительности [Колышева, Левина 2023], которые требуют от специалистов-практиков и ученых в области образования обращения к постнеклассической методологии как к шагу, позволяющему редуцировать проблемы инструментов управления образовательными системами, переходящих

к новому содержанию образования [Бахмутский, Савиных 2024], в том числе преодолеть ограниченность классических и неклассических подходов в определении критериев успешности обучения.

Предметом исследования в науке, которая оказалась способной выйти за пределы идеалов классической и неклассической рациональности и осваивать парадигмальные установки постнеклассического уровня, являются открытые саморазвивающиеся самоорганизующиеся системы. В постнеклассике человек существует только в движении, в непрерывном процессе саморазвития, а два условия жизни (меняющийся мир и меняющийся человек) взаимосвязаны: не только человек меняется под воздействием изменяющегося мира, но и сам мир меняется под воздействием человека, т.к. в значительной степени им и создается. То есть внутренний динамичный мир как бы наложен на строго объективный, превращая его из обезличенного пространства в смысловое [Клочко и др. 2015].

В логике системной антропологической психологии как научного направления, которое осознанно осваивает методологические установки постнеклассического уровня, ученые на примере образовательного пространства высших учебных заведений, выступающих классическими учреждениями со строгими академическими знаниями, показывают, что пространство обучения является общим для участников процесса, знания – объективными, но то, какое место конкретный человек займет в системе этих знаний, будет зависеть только от него самого, ведь реальный мир становится пространством для реализации человека. В связи с этим он выделяет в нем те структуры, которые готовы отвечать его целям. Многомерный мир отражен в целях, ценностях, переживаниях, он подвижный, т.к. человек постоянно развивается, приобретает новые знания и перерабатывает старые, формируя уникальное представление о мире [Баланев и др. 2024b].

Следуя идеалам постнеклассической научной рациональности, исследователи в качестве проявлений механизмов саморазвития и самоорганизации человека стали рассматривать направленность, устойчивость и избирательность процесса самоосуществления, выступающего формой реализации способности человека к изменению социальных условий жизни в соответствии с собственной логикой развития, как перевода присущих человеку возможностей в действительность, определяя

жизненное самоосуществление как продукт самоорганизации психологической системы [Логина и др. 2021]. Жизненное самоосуществление (усложнение системной организации человека) – процесс перевода возможности в действительность, в котором и обнаруживается дисбаланс между образом жизни и образом мира, являющимся источником развития человека. Постоянное разрешение этого противоречия и есть наполненная жизнь человека [Баланев и др. 2024b].

Согласно современным тенденциям в образовании ценностные ориентации должны определять смысл и содержание образования. Ценностные ориентации вырабатываются в деятельности на основе личного опыта, мировоззрения, переживаний, уровня образования, профессиональных требований, профессиональных норм и предписаний. В основе разработки образовательных и профессиональных стандартов, учебных программ, а также в определении критериев успешности обучения лежат ценностно-смысловые основы профессии [Анимова и др. 2022]. В процессах самоосуществления открывается особая психологическая реальность, характеризующаяся обретением ценностно-смыслового содержания собственной жизни. Способность решать задачи на «смысл и ценность бытия» для молодых людей, которые обучаются в вузе, рассматривается как эффективное условие формирования рефлексивной позиции по отношению к собственному жизнетворчеству [Богомаз и др. 2018].

Несмотря на обозначенные приоритеты и тенденции развития образования, современное российское образование переживает сложный и противоречивый период. Это обусловлено, во-первых, утратой стабильного социального идеала, а во-вторых, изменением ценностей образования и осознанием его полипарадигмальности. Переход от знаниевоориентированной парадигмы образования к ценностно-смысловой требует от человека развития способности функционировать в постоянно меняющемся процессе, повышать уровень готовности к социальному выбору, развития профессиональной мобильности в ситуациях социальной и профессиональной неопределенности [Бабина 2014]. Следовательно, сложившаяся ситуация в образовании заставляет студента переоценить ценностно-смысловые ориентиры образовательной деятельности и индивидуальной траектории личностно-профессионального развития. С этих позиций многомерность пространства отразится в том, как и в какой степени обучающийся

готов реализовать себя в данной образовательной среде, наделять академическим или личностным, эмоциональным или рациональным смыслом, добавить к знаниям личный опыт или остаться закрытым перед знаниями, потому что в данном временном сегменте они противоречат личному опыту и создают ситуацию напряжения, наложить на академическую среду свои творческие умения и открыть в образовательном пространстве помимо профессиональных знаний место для развития иных талантов, расширить социальный круг или провести границу между личной жизнью и образованием [Баланев и др. 2024b]. В итоге образовательное пространство может иметь большое количество мерностей, чья размерность, динамика развития и временная постановка будут зависеть только от открытости системы и смыслов, которые конкретный студент вкладывает в свою многомерную реальность, что и будет определять успешность обучения студента.

Структура образовательной среды не является статичной, она постоянно обновляется и видоизменяется под воздействием внешних факторов (сред), компоненты взаимодействуют друг с другом и взаимовлияют друг на друга. В результате их взаимодействия с индивидом происходит становление личности [Артюхина и др. 2019]. Таким образом, образовательная среда позволяет усвоить правила самоорганизации самой себя и социальных систем, но только в том случае, если педагогическое взаимодействие направлено на развитие и активизацию личностных структур сознания: критичность, мотивирование, рефлексия, коллизийность, опосредование, автономность и пр., т. е. на самоактуализацию личности студента и ориентированность на процесс самоорганизации личности средствами своих внутренних ресурсов, требующих внешней инициативы [Курейчик, Писаренко 2014].

С точки зрения постнеклассической парадигмы науки цель преподавателя в высшем учебном заведении заключается в подготовке высококвалифицированного специалиста, заинтересованного в самозменении, раскрытии самого себя, способного самостоятельно создавать значимые продукты собственной профессиональной деятельности. В образовательном процессе поведение самого преподавателя и его ценности являются частью педагогической практики, они транслируются на учащихся, связаны с соотношением их ценностно-смысловых ожиданий от профессии [Maulana et al. 2015; Veugelers, Vedder 2003], а сама педагогическая интеракция выступает

системообразующим элементом процесса самоорганизации. По завершении изучения конкретного учебного предмета каждый обучающийся расширяет свою профессиональную картину мира, упорядочивает ее, создает в ней новые измерения, становясь готовым к профессиональной самореализации [Кузнецова, Омельченко 2017].

Обучающийся, на которого направлена деятельность в образовательной среде, изменяет среду, и чем больше обучающийся влияет на цели, содержание и ход своего образования в образовательной среде, тем большее влияние она на него оказывает [Артюхина и др. 2019]. Научить человека жить в быстроменяющемся потоке информации, обеспечить условия обретения широкого базового образования, позволяющего ставить и решать задачи самообразования и самореализации личности – главные цели современного образования. Это позволяет человеку брать ответственность за любой свой выбор на себя, актуализировать свой опыт в соответствии с требованиями ситуации, переходить от внешнего локуса контроля к внутреннему и наоборот [Бабина 2014].

Жизненное самоосуществление человека характеризует степень его открытости к миру и задает направление движения психологической системы, переводя ее на качественно новый уровень. Устойчивость жизненного мира человека позволяет удерживать целостность системы человек – мир за счет открытости новым возможностям, которые в процессе деятельности (в том числе образовательной) переходят в действительность. Конструктивный характер проявления устойчивости жизненного мира человека определяет особенности следующих характеристик: способность к решению творческих задач; соответствие возможностей человека степени его ответственности за реализацию этих возможностей; ценностное отношение к жизни; наличие перспектив дальнейшего движения; отсутствие недостатка ресурса (собственного потенциала, условий среды) для разрешения противоречий между образом мира и образом жизни [Баланев и др. 2024b; Логинова 2021].

С этой точки зрения среди наиболее часто выделяемых учеными акмеологических инвариантов в постнеклассической модели специалиста предлагаются толерантность к неопределенности как способность принимать решения и размышлять над проблемой, даже если не известны все факты и возможные последствия, и способность

испытывать позитивные эмоции в новых, неструктурированных, неоднозначных ситуациях, воспринимая их не как угрожающие, а как такие, которые содержат вызов [Манеров и др. 2007; Степанова, Зеер 2019] и инновационный потенциал личности [Буравлева, Богомаз 2020]. Таким образом, развитие инновативных качеств современной вузовской молодежи может определять успешность обучения в вузе. Параметрами инновативных качеств является наличие целей, способность к системной рефлексии, ориентация на настоящее во временной перспективе и межличностный эмоциональный интеллект [Перикова и др. 2020], риск ради успеха, креативность, ориентация на будущее, открытость опыту, способность человека видеть и ставить цели, планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств, проявлять волевые качества и настойчивость, идти к достижению результата [Атаманова, Богомаз 2021; Литвина и др. 2021] и критический стиль мышления [Суроедова 2021].

Интерес к студенту как открытой самоорганизующейся системе привел к изучению самореализации как проявлению саморазвития, обеспечивающему человеку смысл и ценность собственно человеческого существования [Бохан и др. 2022; Галажинский 2006] и рассматриваемому как многомерное динамическое психологическое образование, которое детерминировано комплексом психологических и социальных факторов, обеспечивающих успешность самоосуществления и самосовершенствования личности [Кудинов, Кулишевская 2019]. В результате ученые обратились к такому феномену, как *самоэффективность* (воспринимаемая субъектом собственная эффективность в той или иной области), которая позволяет личности выстраивать более устойчивые жизненные стратегии на будущее, быть конструктивной в решении текущих жизненных задач. Отмечается, что поддерживающая образовательная среда (наличие внешних и внутренних ресурсов, социальных связей) может способствовать развитию самоэффективности студента, тем самым повышая уверенность в своих силах и, следовательно, вероятность быть более гибким и открытым в новых условиях (в том числе и в стрессовых ситуациях), что будет способствовать поднятию уровня устойчивости жизненного мира [Баланев и др. 2024b].

Другим феноменом, который тесно связан с наличием продуктивных жизненных ориентаций, способностью к самоорганизации и самодетерминации, высокой самоэффективностью, является

вовлеченность в образовательное пространство, которая может быть в общем виде определена как состояние, формирующееся при условии соответствия человека и среды и имеющее несколько уровней (в зависимости от глубины): вовлеченность как актуальное состояние; вовлеченность на уровне мотивации и ценностей; вовлеченность как интегральная характеристика жизнедеятельности человека [Павлова, Краснорядцева 2021]. Исследования самоэффективности в образовательной деятельности показывают, что она усиливает мотивацию и целеустремленность, способствует преодолению трудностей в процессе обучения, связана с большей настойчивостью, стремлением достигать более высоких результатов в обучении [Дьячук 2024].

С опорой на объяснительный потенциал концептуальных построений этапа постнеклассической научной рациональности представителями школы системной антропологической психологии изучается образ мира студентов вуза, который представляет собой находящуюся в процессе становления систему, включающую пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики. В разработанной Р. О. Балабашук с соавторами модели к пространственным характеристикам образа мира студентов отнесена система идентичности личности, очерчивающая ее социально-психологическую территорию; временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений студентов о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам; ценностно-смысловыми характеристиками являются ценностные ориентации личности, их осознанность, внутреннее принятие и реализованность в жизни, а также общая осмысленность жизни и осмысленность своего прошлого, настоящего и будущего [Балабашук и др. 2020].

В течение длительного времени коллективом ученых Томской научной психологической школы проводятся исследования когнитивно-ноэтического потенциала формирования индивидуальной образовательной траектории студентов. В результате их работы представлена модель конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* в виде взаимосвязанных факторов, отражающих специфику многомерной связи параметров измерения таких содержательных мерностей, как темпоральные (эмоциональная фиксация на событиях, рационализация периодов времени жизнеосуществления, сбалансированность модальных оценок),

когнитивные (континуальность принятия решения, когнитивная гибкость), метакогнитивные (динамические: мотивационное самоопределение, перцепция, имагинация, эмоция; структурные: символический, конструктивный, концептуальный и ценностно-смысловой уровни) и операциональные (совокупность когнитивных процессов). Кроме того, учеными обсуждаются возможности психолого-образовательного содействия развитию готовности и способности молодежи к формированию своего индивидуального образовательного пространства [Баланев и др. 2022; 2024а; Бредун и др. 2020; Краснорядцева и др. 2024].

Таким образом, описанные характеристики позволяют выделить в контексте данного этапа научной рациональности основные критерии успешности обучения студентов, выступающие системными качествами, обеспечивающими самоорганизацию открытой системы в образовательной среде, которые становятся доминирующими в списке приоритетов развития современного образования. Однако в то же время и другие виды системных объектов не исчезли из образовательного пространства, поэтому классическая и неклассическая философия образования не исчерпали свой потенциал и эффективность в пределах своей научной рациональности [Артюхина и др. 2019].

Заключение

Подходы к определению критериев успешности обучения студентов в вузе, рассматриваемые с позиции классической рациональности, характеризуются рядом существенных ограничений:

- односторонняя направленность, не позволяющая учитывать ряд важных компетенций современного специалиста (креативность, лидерские качества, коммуникабельность, гибкость мышления, адаптацию к изменениям и т. д.), а акцентирующая внимание преимущественно на объективных показателях успеваемости (полнота и глубина знаний, скорость и точность выполнения заданий и пр.);
- игнорирование индивидуальности, когда студенты рассматриваются как однородная группа, не позволяет учитывать особенности восприятия материала, мотивацию, темперамент и предпочтения в обучении отдельного учащегося, что может приводить к недооценке потребностей, возможностей и потенциала каждого субъекта обучения;
- стандартные методы измерения успешности не учитывают метакогнитивные навыки, позволяющие студентам осознавать и контролировать собственные познавательные процессы, что играет важную роль в самоорганизации и эффективности обучения;
- современные образовательные программы должны готовить студентов к условиям неопределенности и вызовам со стороны экономики и рынка труда, в то время как классические методы больше направлены на воспроизводство накопленных знаний и освоение существующих технологий;
- успех в классическом подходе измеряется в основном академическими показателями, но такая ограниченная оценка компетенций не позволяет подготовить выпускников к реальной трудовой деятельности, что особенно важно в условиях актуального спроса на мягкие навыки, позволяющие успешно взаимодействовать и добиваться успеха в любой сфере.

Несмотря на значимость классических концепций в формировании научных основ, в том числе в образовательной деятельности, настоящие требуют расширения горизонтов понимания успешности, включающих не только когнитивную сферу, но и эмоциональные, мотивационные компоненты, метакогнитивные навыки, умение работать в команде, проявлять инициативу и адаптироваться к стрессовым ситуациям.

Неклассический этап научной рациональности рассматривает многоуровневые саморегулирующиеся системы, поведение которых определяется как внешними, так и внутренними причинами, и приводит к идее собственной активности человека. Становятся важны личностные, субъектные и деятельностные характеристики студентов в процессе их профессионально-личностного становления. Саморегуляция выступает одним из критериев успешности студентов, которая проявляется в самостоятельности, инициативности, гибкости, способности планировать, программировать, оценивать результаты своей деятельности. Субъектная позиция студента становится индикатором взаимодействия внешнего и внутреннего, социального и индивидуального в человеке [Бегидова, Поддубная 2012]. Неклассическое понимание образования заключается в том, что оно рассматривается не только через призму процесса, результата и системы,

но и активного участия субъекта в нем, т. е. как деятельность и ценность [Перминова 2009]. С развитием субъектного, личностно-ориентированного, исследовательского, проектного, компетентностного подходов к обучению успешность обучения стала рассматриваться с позиции того, насколько эффективно и быстро учащиеся приобретают новые умения, знания, навыки, насколько эффективно они могут их применять. Таким образом, к критериям успешности студента в вузе на неклассическом этапе можно отнести активность, саморегуляцию, способность к рефлексии, осмысленности, возможность к проектированию и целеобразованию, критичность мышления, самостоятельность.

Постнеклассическая научная парадигма предполагает другое представление о механизмах саморазвития, которое свойственно открытым человекообразным системам, живущим в постоянном обмене со средой, и для которых развитие является способом устойчивого существования [Баланев и др. 2024b]. Базовое допущение постнеклассической картины мира о самоактивности бытия, где реальность – это не внешняя и независимая от человека данность, а процесс, в котором человек – участник построения самоорганизующейся реальности [Лескова 2021], рассматривает человека и порожаемое им жизненное пространство в единстве [Galazhinsky, Klochko 2012]. Человек неограниченно открыт различным воздействиям и, будучи незавершенным существом, способен к постоянному саморазвитию. Многомерный мир студента в образовательной среде отражен в целях, ценностях, переживаниях, он подвижный, т. к. человек постоянно развивается, приобретает новые знания и перерабатывает старые, формируя уникальное представление о мире.

Переход от знаниево-ориентированной парадигмы образования к ценностно-смысловой требует от студента развития способности функционировать в постоянно меняющемся процессе, повышать уровень готовности к социальному выбору, развития профессиональной мобильности в ситуациях социальной и профессиональной неопределенности. Многомерность пространства отразится в том, как и в какой степени обучающийся готов реализовать себя в данной образовательной среде, наделять академическим или личностным, эмоциональным или рациональным смыслом, добавить к знаниям личный опыт и остаться открытым перед знаниями.

Среди наиболее часто выделяемых учеными акмеологических инвариантов и критериев успешности предлагаются толерантность к неопределенности, инновационный потенциал личности, самоэффективность, которая позволяет личности выстраивать более устойчивые жизненные стратегии на будущее, быть конструктивной в решении текущих жизненных задач, и вовлеченность в образовательное пространство. Образ мира студентов вуза представляет собой находящуюся в процессе становления систему, включающую пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики, а темпоральные, когнитивные, метакогнитивные и операциональные мерности отражают формирование индивидуального когнитивного образовательного пространства учащихся.

Проведенный анализ закономерного изменения в научных представлениях о критериях учебной успешности и перспектив их определения в соответствии с современными тенденциями развития науки и общества позволит более эффективно использовать диагностический инструментарий и комплекс психолого-методического обеспечения как для оценки и прогнозирования успешности обучения студентов на конкретных этапах обучения, определения траекторий их успешности на протяжении всего обучения в вузе и профессиональной успешности после окончания образовательного учреждения, выявления дефицитов в системных характеристиках, приводящих к проблемам в обучении, так и для разработки и внедрения в практику образовательного процесса специальной системы мер психолого-педагогической поддержки эффективного становления целостной системы характеристик образа мира студентов, осуществления профориентационной работы для эффективного выбора направления профессиональной подготовки, оптимизации и индивидуализации образовательного процесса, создания реальных возможностей для выстраивания и конструирования индивидуального пространства в процессе профессиональной подготовки.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. Г. Бохан – концептуализация, написание Введения, редактирование статьи. А. В. Силаева – написание статьи, формулирование выводов. М. В. Шабаловская – написание статьи, формулирование выводов. О. В. Терехина – написание статьи, подготовка окончательной редакции текста. **Contribution:** T. G. Bokhan developed the research concept, drafted the introduction, and proofread the manuscript. A. V. Silaeva drafted the manuscript

and formulated the conclusions. M. V. Shabalovskaya drafted the manuscript and formulated the conclusions. O. V. Terekhina drafted and proofread the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Funding: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

Литература / References

- Адлер А. Наука жить. СПб.: Питер, 2021. 240 с. [Adler A. *The science of living*. St. Petersburg: Piter, 2021, 240. (In Russ.)]
- Ананьев Б. Г. Психология педагогической оценки. Избранные психологические труды. М.: Педагогика. 1980. Т. 2. 288 с. [Ananyev B. G. *Psychology of pedagogical assessment. Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1980, vol. 2, 288. (In Russ.)]
- Ансимова Н. П., Ледовская Т. В., Солянин Н. Э. Ценностно-смысловая основа педагогической деятельности: сравнительный анализ отношения педагогов и учащихся педагогических классов. *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27. № 1. С. 37–51. [Ansimova N. P., Ledovskaya T. V., Solynin N. E. The value foundations of pedagogical activity: A comparative analysis of the position of teachers and pedagogical class pupils. *Psychological Science and Education*, 2022, 27(1): 37–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2022270104>
- Артюхина М. С., Артюхин О. И., Усимова Д. Ю. Современная образовательная среда в контексте постнеклассической научной парадигмы. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62-2. С. 21–24. [Artyukhina M. S., Artyukhin O. I., Usimova D. Yu. The modern educational environment in the context of a post-nonclassical scientific paradigm. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2019, (62-2): 21–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxusqp>
- Атаманова И. В., Богомаз С. А. Ценностные и деятельностные ориентации вузовской молодежи: выбор между безопасностью и инновационностью. *Science for Education Today*. 2021. Т. 11. № 1. С. 59–74. [Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Value and activity-based orientations of university students: The choice between safety and innovativeness. *Science for Education Today*, 2021, 11(1): 59–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2101.04>
- Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с. [Babansky Yu. K. *Selected pedagogical works*. Moscow: Pedagogika, 1989, 560. (In Russ.)]
- Бабина А. А. Ценностно-смысловые основы современного образовательного процесса: постановка проблемы. *Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.)* Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 3. С. 25–28. [Babina A. A. Value and axiological foundations of the modern educational process: Problem setting. *Relevant issues of the sociology of youth, culture, education, and management: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 28 Feb 2014. Ekaterinburg: UrFU, 2014, vol. 3, 25–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnfrzd>
- Балабашук Р. О., Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 3. С. 714–726. [Balabashchuk R. O., Yanitskiy M. S., Seryu A. V., Braun O. A., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhayeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. Transformation of space-temporal and value-semantic components of the image of the world during the university studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 714–726. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726>

- Баланев Д. Ю., Бредун Е. В., Ваулина Т. А., Еремина Е. В., Кабрин В. И., Лукьянов О. В., Краснорядцева О. М., Подойнищина М. А. Психологические ресурсы построения индивидуального образовательного пространства. Томск: ТГУ, 2024а. 154 с. [Balanev D. Yu., Bredun E. V., Vaulina T. A., Eremina E. V., Kabrin V. I., Lukyanov O. V., Krasnoryadtseva O. M., Podoinitsina M. A. *Psychological resources for building an individual educational space*. Tomsk: TSU, 2024a, 154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfaebf>
- Баланев Д. Ю., Бредун Е. В., Подойнищина М. А. Системно-антропологические проекции общепсихологических феноменов: понятийная идентификация. Томск: ТГУ, 2024б. 116 с. [Balanev D. Yu., Bredun E. V., Podoinitsina M. A. *System-anthropological projections of general psychological phenomena: Conceptual identification*. Tomsk: TSU, 2024b, 116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/byndnr>
- Баланев Д. Ю., Кабрин В. И., Лукьянов О. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А., Бредун Е. В. Когнитивное индивидуальное образовательное пространство: технологии изучения и построения стратегий конструирования. Томск: ТГУ, 2022. 234 с. [Balanev D. Yu., Kabrin V. I., Lukyanov O. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A., Bredun E. V. *Cognitive individual educational space: Technologies for studying and building design strategies*. Tomsk: TSU, 2022, 234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqaslu>
- Бахмутский А. Е., Савиных Г. П. Постнеклассическая парадигма развития внутренних систем оценки качества общего образования. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2024. № 212. С. 20–30. [Bakhmutskiy A. E., Savinykh G. P. The post-non-classical paradigm of the development of internal quality assessment systems in general education. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2024, (212): 20–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-212-20-30>
- Бегидова С. Н., Поддубная Т. Н. Профессиональная субъектная позиция как составляющая профессионального развития студента. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2012. № 2. С. 17–24. [Begidova S. N., Poddubnaya T. N. Professional subject position as a component of the students professional development. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Pedagogy and Psychology"*, 2012, (2): 17–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdeant>
- Богомаз С. А., Ключко В. Е., Краснорядцева О. М., Подойнищина М. А. Стратегии самоосуществления у студенческой молодежи. *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 49–58. [Bogomaz S. A., Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M., Podoinitsina M. A. Strategies of self-realization in students. *Voprosy Psichologii*, 2018, (1): 49–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lartlv>
- Борисова Н. В. Образовательные технологии как объект педагогического выбора в условиях реализации компетентного подхода. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2010. 98 с. [Borisova N. V. *Educational technologies as an object of pedagogical choice in the context of implementing the competence approach*. Moscow: Issled. tsentr problem kachestva podgot. spetsialistov, 2010, 98. (In Russ.)]
- Бохан Т. Г. Психология стресса: системный подход. Томск: ТГУ, 2019. 139 с. [Bokhan T. G. *Psychology of stress: A systematic approach*. Tomsk: TSU, 2019, 139. (In Russ.)]
- Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Терехина О. В. К вопросу оснований психологического сопровождения образования иностранных студентов с позиции антропо-системного подхода в психологии. *Научно-педагогическое обозрение*. 2022. № 5. С. 158–168. [Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Terekhina O. V. To the question of the bases of psychological support of education among foreign students from the position of the anthropo-system approach in psychology. *Pedagogical Review*, 2022, (5): 158–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-5-158-168>
- Бредун Е. В., Баланев Д. Ю., Ваулина Т. А., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Темпоральные особенности студентов как когнитивные диагностические характеристики: контекст адаптивного образования. *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17. № 1. С. 60–73. [Bredun E. V., Balanev D. Yu., Vaulina T. A., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Temporal characteristics of students as cognitive diagnostic characteristics: The context of adaptive education. *Russian Psychological Journal*, 2020, 17(1): 60–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.5>
- Буравлева Н. А., Богомаз С. А. Личностные особенности студентов как прогностические характеристики их готовности к инновационной деятельности. *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 76. С. 155–180. [Buravleva N. A., Bogomaz S. A. Personal characteristics of students as predictors of their readiness to innovate. *Siberian Psychological Journal*, 2020, (76): 155–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/76/10>

- Вачков И. В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 2. С. 36–50. [Vachkov I. V. Polysubject interaction in instructional environment. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, 11(2): 36–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twhxmb>
- Галажинский Э. В. Психологические основания изучения полноты и качества процессов самореализации личности. *Сибирский психологический журнал*. 2006. № 24. С. 70–76. [Galazhinsky E. V. Investigating personal self-realization quality and completeness: The psychological bases. *Siberian Psychological Journal*, 2006, (24): 70–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knvdit>
- Гюева Е. П. Феномен успеха в воззрениях классиков психоанализа и гештальтпсихологии. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Gioeva E. P. The phenomenon of success in the opinions of the classics of psychoanalysis and gestalt psychology. *Modern Problems of Science and Education*, 2014, (6). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15797> (дата обращения: 28.05.2025). <https://elibrary.ru/tgcrir>
- Гребнева Д. М. Учебная успешность как процесс и результат педагогического взаимодействия. *Педагогическое образование в России*. 2011. № 1. С. 251–254. [Grebneva D. M. Educational success as a process and result of pedagogical cooperation. *Pedagogical Education in Russia*, 2011, (1): 51–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndkiaz>
- Гульянц С. М. Сущность личностно-ориентированного подхода в обучении с точки зрения современных образовательных концепций. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2009. № 2. С. 40–52. [Gulyants S. M. Essence of a person-oriented approach in training from the point of view of modern educational concepts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (2): 40–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbxcif>
- Дворецкая М. Я., Лощакова А. Б. Образ успешности в современных психологических исследованиях. *Мир науки*. 2016. Т. 4. № 2. [Dvoretzkaya M. Ya., Loshchakova A. B. Image of successfulness in the modern psychological research. *Mir Nauki*, 2016, 4(2). (In Russ.)] URL: <http://mir-nauki.com/PDF/09PSMN216.pdf> (дата обращения: 30.05.2025). <https://elibrary.ru/wcjarv>
- Дьячук А. Индивидуальные предикторы академической успешности студентов. *Современная аналитика образования*. 2024. № 2. С. 198–220. [Dyachuk A. Individual predictors of student academic success. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*, 2024, (2): 198–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gmpwpz>
- Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. Субъектная позиция студента как условие успешности профессионального обучения. *Высшее образование в России*. 2023. Т. 33. № 5. С. 9–30. [Emelyanova I. N., Teplyakova O. A., Teplyakov D. O. The student's subjective position as a condition for success in mastering a profession. *Higher Education in Russia*, 2023, 33(5): 9–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-5-9-30>
- Захарова У. С., Вилкова К. А. Субъектность студентов в условиях очного и дистанционного обучения: взгляд преподавателей. *Современная зарубежная психология*. 2020. Т. 9. № 3. С. 87–96. [Zakharova U. S., Vilkoval K. A. Student agency in traditional and distance learning from their instructors' perspective. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020, 9(3): 87–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090308>
- Зенцова И. М., Рихтер Т. В. Сравнительная характеристика уровня готовности студентов технических и педагогических вузов к осуществлению профессиональной деятельности. *Science for Education Today*. 2025. Т. 15. № 3. С. 139–158. [Zentsoval I. M., Richter T. V. Comparative characteristics of readiness to conduct professional activities among students of technical and pedagogical universities. *Science for Education Today*, 2025, 15(3): 139–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.07>
- Знаков В. В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия. *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 2. С. 95–106. [Znakov V. V. Psychology of the subject as methodology of human existence understanding. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2003, 24(2): 95–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooxwth>
- Иванова Е. О., Кларин М. В., Осмоловская И. М. Современная дидактика: состояние и точки роста. М.: ИСРО РАО, 2022. 165 с. [Ivanov E. O., Klarin M. V., Osmolovskaya I. M. *Modern didactics: State and growth points*. Moscow: ISED RAO, 2022, 165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fpufvj>
- Ивин А. А. Классический стиль мышления Нового времени. *Философский журнал*. 2011. № 2. С. 24–42. [Ivin A. A. The classical mode of thinking in the Modern age. *Philosophy Journal*, 2011, (2): 24–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfpyov>

- Ишмуратова Ю. А., Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как ресурс решения профессиональных задач у студентов и профессионалов. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 3. С. 129–141. [Ishmuratova Yu. A., Morosanova V. I. Conscious self-regulation as a resource for solving professional tasks in students and professionals. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, (3): 129–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-129-141>
- Киященко Л. А. Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2023. 748 с. [Kiyashchenko L. A. *Science and the phenomenon of man in the era of civilizational macro-shift*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2023, 748. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/978-5-88230-495-8>
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: Developing personal mental space*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpeuv>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 325. С. 146–151. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V. Innovative potential of a personality: System anthropological context. *Tomsk State University Journal*, 2009, (325): 146–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhqtzl>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: Framework of categories. *Siberian Psychological Journal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
- Козлова Н. В., Берестнева О. Г., Сивицкая Л. А. Образовательный потенциал акмеологии. Томск: Оптимум, 2007. 144 с. [Kozlova N. V., Berestneva O. G., Sivitskaya L. A. *The academic potential of acmeology*. Tomsk: Optimum, 2007, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnmqyd>
- Кольшева Т. А., Левина С. В. Педагогические условия совершенствования естественнонаучного образования студентов – будущих учителей на этапе постнеклассической науки. *Самарский научный вестник*. 2023. Т. 12. № 4. С. 219–223. [Kolyshcheva T. A., Levina S. V. Pedagogical conditions for improving the natural science education of students – future teachers at the stage of post-non-classical science. *Samara Journal of Science*, 2023, 12(4): 219–223. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55355/snv2023124307>
- Корж Е. М. Некоторые критерии оценки достижения жизненного успеха. *Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования*. 2008. № 1. С. 31–47. [Korz E. M. Criteria for assessing life success. *Sovremennaya Sotsialnaya Psikhologiya: Teoreticheskie Podkhody i Prikladnye Issledovaniya*, 2008, (1): 31–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msngup>
- Корнетов Г. Б. Психологическая педагогика Эдварда Ли Торндайка. Статья 4. Коннекционизм американского исследователя. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2022. № 5. С. 20–30. [Kornetov G. B. Psychological pedagogy of Edward Lee Thorndike. Article 4. Connectionism of the American researcher. *Innovatsionnye Proekty i Programmy v Obrazovanii*, 2022, (5): 20–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzjbbo>
- Котова С. С. Технологии самоорганизации и саморазвития. Екатеринбург: РГППУ, 2022. 195 с. [Kotova S. S. *Technologies of self-organization and self-development*. Ekaterinburg: RSVPU, 2022, 195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gnvtcs>
- Краевский В. В. Методология педагогики. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2001. 243 с. [Kraevsky V. V. *Methodology of pedagogy*. Cheboksary: Chuvash University, 2001, 243. (In Russ.)]
- Краснорядцева О. М., Еремина Е. В., Подойницина М. А. Доминирующие стратегии решения сенсомоторных задач у студентов с разным опытом использования когнитивного ресурса. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 5. С. 701–713. [Krasnoryadtseva O. M., Eremina E. V., Podoinitsina M. A. Dominant strategies for solving sensorimotor tasks in students with different cognitive resource experience. *SibScript*, 2024, 26(5): 701–713. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-701-713>

- Кудинов С. И., Кулишевская И. В. Особенности самореализации студентов с разными типами стратегий поведения. *Психолого-педагогический поиск*. 2019. № 2. С. 62–70. [Kudinov S. I., Kulishevskaya I. V. Peculiarities of self-actualization of students with different behavioral strategies. *Psychological and Pedagogical Search Academic Journal*, 2019, (2): 62–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akfjmd>
- Кузнецова А. Я., Омельченко Е. А. Современные парадигмы образования в контексте теории научных революций. *Концепт*. 2017. № 11. С. 24–33. [Kuznetsova A. Ya., Omelchenko E. A. Modern paradigms of education in the context of the theory of scientific revolutions. *Concept*, 2017, (11): 215–224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24422/MCITO.2017.11.8152>
- Курейчик В. М., Писаренко В. И. Синергетический подход в педагогическом проектировании образовательной среды вуза. *Открытое образование*. 2014. № 3. С. 55–62. [Kureychik V. M., Pisarenko V. I. The synergetic approach in pedagogical design of the higher school education environment. *Open Education*, 2014, (3): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sexkut>
- Лескова И. А. Шаги к постнеклассической методологии высшего образования (логико-смысловой подход). *Педагогика и просвещение*. 2021. № 1. С. 81–102. [Leskova I. A. Steps towards a post-nonclassical methodology of higher education (logical-semantic approach). *Pedagogika i Prosveshchenie*, 2021, (1): 81–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2021.1.34084>
- Литвина С. А., Муравьева О. И., Атаманова И. В., Богомаз С. А. Психологические предикторы инновативности как интегральной личностной характеристики. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 79. С. 74–88. [Litvina S. A., Muravyova O. I., Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Psychological predictors of innovativeness as an integral personal characteristic. *Siberian Psychological Journal*, 2021, (79): 74–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/79/5>
- Логинова И. О., Живаева Ю. В., Стоянова Е. И. Устойчивость жизненного мира человека как характеристика его самоосуществления. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2021. 140 с. [Loginova I. O., Zhivaeva Yu. V., Stoyanova E. I. *Stability of the human life world as a characteristic of his self-realization*. Krasnoyarsk: Reshetnev University, 2021, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dluugj>
- Лукьянов О. В., Кирилюк М. И. Дополнения категориального аппарата системно-антропологической психологии. *Сибирский психологический журнал*. 2024. № 94. С. 173–186. [Lukyanov O. V., Kirilyuk M. I. Broadening of category frameworks in systemic anthropological psychology. *Siberian Psychological Journal*, 2024, (94): 173–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/94/10>
- Ляудис В. Я. Инновационное обучение и наука: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1992. 51 с. [Lyaudis V. Ya. *Innovative education and science: Scientific and analytical review*. Moscow: INION, 1992, 51. (In Russ.)]
- Макарова Н. С. Трансформация дидактики высшей школы. Омск: ОмГПУ, 2011. 180 с. [Makarova N. S. *Transformation of higher school didactics*. Omsk: OmSPU, 2011, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xasacv>
- Макарова Н. С., Дука Н. А., Чекалева Н. В. Дидактика высшей школы. От классических оснований к постнеклассическим перспективам. 2-е изд. М.: Юрайт, 2025. 172 с. [Makarova N. S. *Higher education didactics: From classical foundations to post-non-classical perspectives*. Moscow: Iurait, 2025, 172. (In Russ.)]
- Мамаева И. А. Методика оценки успешности обучения студентов. *Современные проблемы науки и образования*. 2008. № 4. С. 85–86. [Mamaeva I. A. Methodology for assessing student learning success. *Modern Problems of Science and Education*, 2008, (4): 85–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iymbzx>
- Манеров Д. Х., Королева Н. Н., Богдановская И. М. Методология постнеклассической психологии и подготовка практических психологов. *Вестник практической психологии образования*. 2007. № 4. С. 56–60. [Manerov D. Kh., Koroleva N. N., Bogdanovskaya I. M. Methodology of post-non-classical psychology and training of practical psychologists. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2007, (4): 56–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wijrad>
- Мерикова М. А. На пути к успеху: мотивация и ресурсы саморегуляции как предикторы академической успешности студентов. *Психолого-педагогические исследования*. 2024. Т. 16. № 1. С. 39–57. [Merikova M. A. On the path to success: The influence of motivation and self-regulation resources on the academic achievements of university students. *Psychological-Educational Studies*, 2024, 16(1): 39–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160103>

- Меськов В. С., Мамченко А. А. Когнитивно-компетентностная парадигма образования. *Школьные технологии*. 2011. № 3. С. 46–62. [Meskov V. S., Mamchenko A. A. Cognitive and competence education paradigm. *Shkolnye tekhnologii*, 2011, (3): 46–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oeerol>
- Моросанова В. И., Сагиев Р. Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов. *Вопросы психологии*. 1994. № 5. С. 134–140. [Morosanova V. I. Diagnostics of individual-style features of self-regulation in students' academic activities. *Voprosy Psichologii*, 1994, (5): 134–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbgbxv>
- Нагорняк А. А. Современные подходы к организации процесса обучения в вузе. *Успехи современного естествознания*. 2013. № 5. С. 75–77. [Nagorniak A. A. Modern approaches to organizing the educational process at university. *Uspekhi Sovremennogo Estestvoznaniia*, 2013, (5): 75–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qanwgr>
- Нелюбин Н. И. Методы исследования мышления в трансперспективе становления отечественной психологии. *Психология человека в образовании*. 2024. Т. 6. № 3. С. 349–361. [Nelyubin N. I. The methods of the research of thinking in the perspective of the development of Russian psychology. *Psychology in Education*, 2024, 6(3): 349–361. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-3-349-361>
- Останина С. А., Птицына Е. В. Компетентностный подход к обучению студентов вуза в условиях реализации образовательных стандартов третьего поколения. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7. № 5. [Ostanina S. A., Ptitsyna E. V. Competence approach to teaching university students in conditions implementation of educational standards of the third generation. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2019, 7(5). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN519.pdf> (accessed 30 May 2025). <https://elibrary.ru/ycwogq>
- Павлова Е. В., Краснорядцева О. М. Ресурс вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека и образовательной среды. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 81. С. 52–78. [Pavlova E. V., Krasnoryadtseva O. M. Resource of involvement as a psychological characteristic of the correspondence degree between a person and the educational environment. *Siberian Psychological Journal*, 2021, (81): 52–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267081/81/3>
- Панкратова И. А., Рогова Е. Е. Особенности связи профессиональной направленности и представлений об успешной профессиональной деятельности студентов. *Наукоедение*. 2012. № 3. [Pankratova I. A., Rogova E. E. Especially due professional orientation and understanding of the successful career of students. *Naukovedenie*, 2012, (3). (In Russ.)] URL: <https://naukovedenie.ru/sbornik12/12-62.pdf> (accessed 28 May 2025). <https://elibrary.ru/pvuzjj>
- Панкратова И. Л. Подходы к изучению категории успеха в зарубежной психологии. *Психология инновационного профессионально-образовательного пространства человека*: 10-я Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24 ноября 2011 г.) Екатеринбург: РГППУ, 2011. С. 40–44. [Pankratova I. A. Approaches to the study of the category of success in foreign psychology. *Psychology of innovative professional and personal academic space*: Proc. 10th Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 24 Nov 2011. Ekaterinburg: RSPPU, 2011, 40–44. (In Russ.)] URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/19058/1/pipo_2011_10.pdf (accessed 30 May 2025).
- Перикова Е. И., Атаманова И. В., Богомаз С. А. Инновативность личности: исследование параметров психологической системы деятельности вузовской молодежи. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17. № 4. С. 719–736. [Perikova E. I., Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Innovativeness of personality: A study of parameters of psychological system of activity of university youth. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, 17(4): 719–736. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-719-736>
- Перминова Л. М. От классических к постнеклассическим представлениям в дидактике и обучении. *Педагогика*. 2009. № 8. С. 7–14. [Perminova L. M. From classical to post-non-classical concepts in didactics and teaching. *Pedagogika*, 2009, (8): 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzxwln>
- Пирятинский А. Р. Академическая успешность обучающихся как индикатор образовательных результатов. *Молодой ученый*. 2025. № 22. С. 643–647. [Piriatsinskii A. R. Academic success of students as an indicator of educational results. *Molodoi Uchenyi*, 2025, (22): 643–647. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lkxihw>
- Погожина И. Н. Модели взаимосвязи обучения и развития психики в культурно-историческом и деятельностном подходах. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2016. Т. 8. № 3. С. 16–31. [Pogozhina I. N. The models of relationship between training and psyche development in cultural-historical

- and activity approaches. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2016, 8(3): 16–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080302>
- Рикель А. М. Некоторые аспекты социально-психологической проблематики успеха. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2012. № 1. С. 41–48. [Rikel' A. M. Some aspects of the socio-psychological problems of success. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2012, (1): 41–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyidff>
- Самоукина Н. В. Психология профессиональной деятельности. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 220 с. [Samoukina N. V. *Psychology of professional activity*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxfzbt>
- Селезнева М. В. Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2015. № 2. С. 47–53. [Selezneva M. V. The comparative analysis of the terms "subject" and "agency" in the foreign psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2015, (2): 47–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvlanz>
- Сериков В. В. Личностно-ориентированный подход в образовании: концепция и технологии. Волгоград: Перемена, 1994. 152 с. [Serikov V. V. *A student-centered approach to education: Concept and technologies*. Volgograd: Peremena, 1994, 152. (In Russ.)]
- Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития. *Вопросы психологии*. 1996. № 5. С. 38–50. [Slobodchikov V. I., Tsukerman G. A. Integral periodization of general mental development. *Voprosy Psychologii*, 1996, (5): 38–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thohlV>
- Степанова Л. Н., Зеер Э. Ф. Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов. *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 8. С. 65–89. [Stepanova L. N., Zeer E. F. Soft skills as predictors of students' life self-fulfillment. *The Education and Science Journal*, 2019, 21(8): 65–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-65-89>
- Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17. [Stepin V. S. Self-developing systems and post-non-classical rationality. *Voprosy Filosofii*, 2003, (8): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooauxx>
- Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма. *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45–59. [Stepin V. S. Types of scientific rationality and the synergetic paradigm. *Slozhnost. Razum. Postneklassika*, 2013, (4): 45–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syrgqd>
- Суроедова Е. А. Стили мышления как предикторы психологической готовности студентов к инновационной деятельности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2021. Т. 18. № 2. С. 19–30. [Suroedova E. A. Thinking styles as predictors of psychological readiness of students for innovative activities. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, 18(2): 19–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.2>
- Тулчинский Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетея, 2022. 820 с. [Tulchinskii G. L. *Philosophy of action: Self-determination in modern society*. St. Petersburg: Aleteia, 2022, 820. (In Russ.)]
- Федотова В. С. Дискурсивный анализ парадигм образования на современном этапе: становление новой парадигмы образования. *Современная наука: теоретические, практические и инновационные аспекты развития*, отв. ред. О. П. Чигишева. Ростов н/Д: ООО МИЦ «Научное сотрудничество», 2017. Т. 1. С. 150–184. [Fedotova V. S. Discursive analysis of educational paradigms at the present stage: The formation of a new educational paradigm. *Modern science: Theoretical, practical, and innovative aspects of development*, ed. Chigisheva O. P. Rostov-on-Don: OOO MITS "Nauchnoe sotrudnichestvo", 2017, vol. 1, 150–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgynfv>
- Фишман Б. Е. О субъектности студента вуза в образовательной деятельности. *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. № 5. С. 145–154. [Fishman B. E. About subjectivity of a university student in educational activity. *Higher Education in Russia*, 2019, 28(5): 145–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-145-154>
- Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: Литрес, 2010. 153 с. [Fromm E. *Psychoanalysis and religion*. Moscow: Litres, 2010, 153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzrhl>

- Хмелева О. Г. Интеграция постнеклассической науки и педагогического образования. *Знание. Понимание. Умение*. 2007. № 3. С. 30–33. [Khmeleva O. G. The integration of post-non-classical science and pedagogical education. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2007, (3): 30–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pivxah>
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Акад. проект, 2025. 232 с. [Horney K. *The neurotic personality of our time*. Moscow: Akad. proekt, 2025, 232. (In Russ.)]
- Худайберганов Р. Х., Абдураззакова Д. А. Классическая и неклассическая рациональности философии в парадигме системы образования. *Проблемы науки*. 2019. № 1. С. 61–62 [Khudaiberганov R. Kh., Abdurazzakova D. A. Classical and non-classical rationality of philosophy in the paradigm of the education system. *Problemy nauki*, 2019, (1): 61–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuvhzz>
- Юрк В. М. Основы научных исследований при разработке энерго- и ресурсосберегающих процессов в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Екатеринбург: УрФУ, 2023. 172 с. [Yurk V. M. *Fundamentals of scientific research in the development of energy- and resource-saving processes in chemical engineering, petrochemistry and biotechnology*. Ekaterinburg: UrFU, 2023, 172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mejvoy>
- Cho M.-H., Shen D. Self-regulation in online learning. *Distance Education*, 2013, 34(3): 290–301. <https://doi.org/10.1080/01587919.2013.835770>
- Galazhinsky E. V., Klochko V. E. System anthropological psychology: Methodological foundations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2012, 5: 81–98. <https://doi.org/10.11621/PIR.2012.0005>
- Kassab S. E., Rathan R., Taylor D. C. M., Hamdy H. The impact of the educational environment on student engagement and academic performance in health professions education. *BMC Medical Education*, 2024, 24(1). <https://doi.org/10.1186/s12909-024-06270-9>
- Maulana R., Helms-Lorenz M., Van de Grift W. Pupils' perceptions of teaching behaviour: Evaluation of an instrument and importance for academic motivation in Indonesian secondary education. *International Journal of Educational Research*, 2015, 69: 98–112. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2014.11.002>
- Permana H., Suwarjo S. Psychodrama techniques to improve academic self-efficacy in Madrasah Aliyah students. *Al-Ishlah: Jurnal Pendidikan*, 2022, 14(4): 6773–6782. <https://doi.org/10.35445/alishlah.v14i4.2288>
- Schurz G. Why classical logic is privileged: Justification of logics based on translatability. *Synthese*, 2021, 199(5-6): 13067–13094. <https://doi.org/10.1007/s11229-021-03367-2>
- Schurz G., Hertwig R. Cognitive success: A consequentialist account of rationality in cognition. *Topics in Cognitive Science*, 2019, 11(1): 7–36. <https://doi.org/10.1111/tops.12410>
- Veugelers W., Vedder P. Values in teaching. *Teachers and Teaching*, 2003, 9(4): 377–389. <https://doi.org/10.1080/1354060032000097262>
- Zeiser K., Scholz C., Cirks V. *Maximizing Student agency implementing and measuring student-centered learning practices*. Boston; Washington, DC; Oakland: American Institutes for Research, 2018, 56.
- Zellweger T., Zenger T. Entrepreneurs as scientists: A pragmatist approach to producing value out of uncertainty. *Academy of Management Review*, 2023, 48(3): 379–408. <https://elibrary.ru/ybpttu>

оригинальная статья

eLibrary EDN: HIAJMA

Особенности проявления гелотофобии в студенческой среде вуза

Брель Елена Юрьевна

Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе высшего образования Российской академии образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Зяткова Екатерина Олеговна

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9900-1106

zyatkova-katya@mail.ru

Аннотация: Исследование проявлений гелотофобии в образовательной среде является актуальным для понимания феноменов страха, его причин и последствий для будущих специалистов. Цель – выявить особенности проявления гелотофобии у студентов высших учебных заведений. Выявлено, что для обучающихся значимую роль играет то, как они выглядят в глазах окружающих (гелотофобичное самовосприятие). Кроме этого, установлено, что группа девушек наиболее остро переживает ситуации, связанные с социальным взаимодействием, и наиболее остро реагирует на них (гелотофобичное социальное реагирование). Помимо гелотофобии, также выявлены и другие страхи, связанные с социальным взаимодействием, и навязчивые мысли, которые оказывают негативное влияние на процесс обучения, межличностное взаимодействие в системе *студент – преподаватель, студент – студент*, что обуславливает неблагоприятный прогноз формирования личностно-профессиональных качеств будущих специалистов. В результате разработаны рекомендации для студентов и преподавателей. Первые рекомендации ориентированы на гармонизацию эмоционально-поведенческих реакций в социально значимых ситуациях, комфортного пребывания в образовательной среде и достижения академических успехов. Вторые, адресованные преподавателям, предназначены для формирования понимания природы страха обучающихся и своевременного адекватного реагирования с целью улучшения академической успеваемости студентов.

Ключевые слова: гелотофобия, социофобия, атихифобия, руминация, эритрофобия, глоссофобия, скопофобия, самопрезентация

Цитирование: Брель Е. Ю., Зяткова Е. О. Особенности проявления гелотофобии в студенческой среде вуза. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 361–371. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-361-371>

Поступила в редакцию 06.09.2025. Принята после рецензирования 10.12.2025. Принята в печать 15.12.2025.

original article

Gelotophobia in University Students

Elena Yu. Brel

Federal Resource Center for Psychological Services in Higher Education, Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Ekaterina O. Zyatkova

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9900-1106

zyatkova-katya@mail.ru

Abstract: Gelotophobia is the pathological fear of being laughed at. Gelotophobic self-perception refers to how individuals with this phobia view themselves in relation to others and the social world. A study of its manifestations in the academic environment helps in understanding the phenomenon of this fear, its causes, and its consequences for future specialists. Gelotophobic self-perception is particularly significant for university students. Female students tend to experience social interaction more acutely and respond accordingly, demonstrating a so-called gelotophobic social reaction. This, along with other social anxieties and obsessive thoughts, has an adverse effect on academic achievement and interpersonal peer-to-peer or student-to-professor communication. In the long run, it may lead to the underdevelopment of personal and professional qualities. This article introduces a set of recommendations for both faculty members and students. The latter focus on harmonizing emotional

and behavioral reactions in socially significant situations and fostering a comfortable academic environment to achieve success. The former help faculty develop an understanding of the nature of gelotophobia to provide a timely response, ultimately improving students' overall performance.

Keywords: gelotophobia, social phobia, atychiphobia, rumination, erythrophobia, glossophobia, scopophobia, self-presentation

Citation: Brel E. Yu., Zyatkova E. O. Gelotophobia in University Students. *SibScript*, 2026, 28(2): 361–371. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-361-371>

Received 6 Sep 2025. Accepted after peer review 10 Dec 2025. Accepted for publication 15 Dec 2025.

Введение

Традиционно психология юмора изучала преимущественно положительные аспекты влияния юмора и смеха на физическое и психологическое состояние. Юмор является универсальным средством гармонизации межличностных отношений и присутствует во всех сферах жизнедеятельности человека. Наличие чувства юмора не только способствует положительному влиянию на других людей, содействует в разрешении конфликтных ситуаций и улучшении межличностного общения, но и является эффективным способом психологической защиты. Юмор и смех снижают чувствительность к боли, помогают справиться с гневом и агрессией, позволяют преодолеть тревогу и стресс, адаптироваться в экстремальных условиях и в целом повышают уровень удовлетворенности жизнью. Помимо этого, юмор включает в себя остроумие как интеллектуальный компонент, эмоциональное удовольствие, а также физиологические и поведенческие составляющие. Чувство юмора может быть по-разному концептуализировано: 1) как привычный паттерн поведения (склонность часто шутить, смеяться и др.); 2) как способность генерировать юмор, развлекать других шутками, понимать и запоминать шутки и т.д.; 3) как черта характера; 4) как эстетическая реакция (получение удовольствия от юмора); 5) как установка (положительное отношение к юмору и веселым людям); 6) как мировоззрение; 7) как стратегия совладания или защитный механизм [Джелиева, Быдтаева 2021; Иванова 2017: 59; Иванова и др. 2016: 162; Мартин 2009: 229].

Юмор и смех ученые рассматривают как с позиции положительного влияния на когнитивные процессы человека, так и с позиции реакции человека на них.

Так, впервые страх, связанный со смехом, был отмечен в рамках исследования социальной фобии более ста лет назад французским психиатром

П. Хартенбергом. Он отмечал, что таким людям не хватает уверенности в себе, и они не в состоянии инициировать социальные взаимодействия из-за чувства страха и стыда, которые возникают только в присутствии других (в социальных ситуациях, последствиями которых может стать стремление к социальной изоляции). Проявления социофобии сопровождаются изменениями физиологического состояния человека (учащенное сердцебиение, озноб, гипервентиляция, головокружение, потливость и т.д.) и нарушениями психических функций (снижение чувствительности, проблемы с концентрацией внимания, нарушения суждений и умозаключений и др.). Одной из главных причин возникновения социальной фобии является страх насмешек, связанный со страхом самораскрытия и выражением своего мнения [Иванова и др. 2016: 162; Fairbrother 2002: 1293, 1296].

В дальнейшем, в середине 1990-х гг., немецкий психотерапевт М. Титце отметил и описал на клиническом уровне страх насмешки, который также рассматривал в контексте социофобии, и выявил, что данный страх крайне негативно влияет на социальную жизнь человека. Впоследствии он дал определение этому страху – *гелотофобия*. Особенностью человека с выраженной гелотофобией является специфический внешний вид, словно неживой, а его лицо – это маска. Такие люди пытаются контролировать свои спонтанные движения рук и ног. Впоследствии их внешность приобретает «деревянный вид», который М. Титце назвал *синдромом Пиноккио* и выделил его в качестве одного из ключевых признаков гелотофобии. Кроме того, к типичному проявлению гелотофобии исследователь относит *агелотичное состояние*, связанное с неспособностью гелотофобов получать позитивные эмоции от смеха. М. Титце утверждал, что гелотофобия, как правило, возникает из-за повторяющихся

травмирующих переживаний, связанных с насмешками или унижением в детстве и юности [Titze 1996; 2014]. Эти травматические переживания вызваны конкретными условиями детства, особенностями межличностного взаимодействия родителей и детей на ранних этапах развития. Во взрослом возрасте выраженность гелотофобии может быть связана с интенсивными травматическими переживаниями насмешек, связанных с детством. Помимо этого, развитие данного страха приводит к различным последствиям, таким как социальная изоляция, низкая социальная компетентность, недоверие к юмору и смеху [Platt, Forabosco 2011; Platt et al. 2010: 36; Titze 1996; 2014: 13–14; Titze, Kühn 2014: 142].

В дальнейших исследованиях гелотофобии Р. Т. Проер и В. Рух предложили рассматривать гелотофобию не только с позиции клинической психологии, но и с позиции психологии индивидуальных различий и разработали методический аппарат диагностики гелотофобии [Proyer, Ruch 2010]. Ученые также выделили два критерия различия гелотофобии как патологического страха и страха быть осмеянным – *реалистичная* (страх имеет основания, т. е. те, кто боится быть осмеянным и часто подвергались насмешкам) и *чистая* (безосновательный страх, т. е. те, кто боится быть объектом насмешки без видимых причин и при этом не часто подвергались насмешкам) гелотофобия [Иванова, Иванова 2019: 142; Иванова и др. 2016: 163; Platt et al. 2010: 36; Proyer, Ruch 2010: 56].

Гелотофобы воспринимают себя смешными в глазах окружающих и проявляют почти параноидальную чувствительность к смеху, т. к. они интерпретируют улыбку и доброжелательный смех как злонамеренную форму насмешки, которая выражает презрение в их адрес. Эта неправильная атрибуция, связанная с юмором, может нарушить социальную интеграцию, поскольку гелотофобы считают, что каждый их шаг высмеивается. При этом юмор у людей с гелотофобией часто носит агрессивный характер, они не способны использовать его в качестве копинга и могут шутить только в присутствии близких. Смех гелотофобов зачастую неуместный и неестественный, они смеются как бы против воли [Климова, Кравченко 2022: 94; Brauer, Proyer 2020; Brauer et al. 2020; Torres-Marín et al. 2017].

При проявлениях гелотофобии отмечаются затруднения в установлении зрительного контакта, эмоциональная напряженность и телесная несостоятельность, неуклюжие позы. Т. Платт отмечает,

что восприятие смеха связано с антисоциальным явлением, т. е. в ситуациях общения, когда используется смех, гелотофобы интерпретируют его как критическое отношение к себе [Platt 2021]. Также отмечается, что гелотофобия является реакцией как на смех, так и на шутку [Просыпкина, Троицкий 2017: 206; Platt 2021]. К. Эдвардс с соавторами категоризировали гелотофобию как страх негативной оценки (когнитивный аспект); страх и избегание ситуаций социального взаимодействия (поведенческий аспект); социальную тревожность в целом [Edwards et al. 2010: 97].

При гелотофобии основное внимание уделяется самоидентичности, закреплению убеждения гелотофоба в собственной нелепости, его подозрению, что другие постоянно ищут в нем доказательства его чужаковости. Гелотофобы особенно чувствительны к впечатлениям, которые они производят на других. Их высокая концентрация при необходимости самопрезентации и озабоченность ею вызывают бдительное самонаблюдение и строгий самоконтроль, чтобы избежать «смешного» впечатления у окружающих, а также, возможно, приводят к защитному стилю самопрезентации (избегание социального неодобрения). Перспектива я – объект оценивания основывается на дисфункциональных убеждениях о восприятии себя как *неловкого*. Самофокусированное внимание формирует у гелотофоба отрицательное подкрепление, дает ошибочное подтверждение предположений о том, как другие воспринимают и оценивают его. Поэтому он внимательно относится к своему внешнему виду и поведению, чтобы не давать никаких рациональных оснований для негативных суждений, т. е. контролирует и воспроизводит действия, которые предпринимаются для передачи образа себя партнерам по взаимодействию [Сагалакова, Стоянова 2015: 76; Edwards et al. 2010: 95; Radomska, Tomczak 2010: 192; Ruch et al. 2014].

Обучение в вузе тесно связано с социальным взаимодействием. Условия образовательной среды предъявляют повышенные требования к личностным ресурсам студентов. В случае истощения этих ресурсов формируются негативные состояния, деформирующие мотивационную сферу студентов в процессе профессионального самоопределения и влияющие на их жизнеспособность в целом. Ведь студенческий возраст является сензитивным периодом для развития социогенных потенциалов человека, где высшее образование оказывает огромное

влияние на психику и развитие личности. В качестве психологического фундамента личности будущего профессионала выступают базовые характеристики: личностная направленность, поведенческая гибкость и профессиональная компетентность. Затруднения в интерпретации положительных сторон смеха могут восприниматься как пугающие и вызывать чувство стыда. Впоследствии это может приводить к отчуждению от образовательного процесса, провоцировать развитие у студентов симптомов дидактогений, что также затрудняет учебный процесс [Богомазова, Байгужина 2022: 6; Жигинас 2009: 11, 62; Майнулов и др. 2020: 6; Bledsoe, Baskin 2014: 34].

Таким образом, актуальность исследования гелотофобии в образовательной среде заключается в необходимости понимания причин ее развития, т. к. страх перед смехом может ограничивать возможности студентов в развитии необходимых коммуникативных навыков, приводя к снижению академической успеваемости и ухудшению психоэмоционального состояния. Исследование гелотофобии помогает не только выявлять особенности ее проявления у студентов, но и разрабатывать программы психологического сопровождения в целях создания благоприятных условий для обучения и повышения удовлетворенности образовательным процессом.

Цель – выявить особенности проявления гелотофобии у студентов высших учебных заведений. Задачи:

- 1) установить состояние научной проблемы гелотофобии в психологических исследованиях;
- 2) определить распространенность и особенности проявления гелотофобии в студенческой среде;
- 3) исследовать взаимообусловленность гелотофобии со спектром сходных состояний;
- 4) разработать рекомендации для преподавателей и студентов, обозначить ведущие технологии снижения проблем, связанных с гелотофобией.

Методы и материалы

Общий объем выборки составил 254 студента г. Томска разных факультетов и курсов в возрасте от 17 до 25 лет, из них 144 – юноши и 110 – девушки ($M = 19,35$, $SD = 1,69$). Однако в исследовательскую группу вошли только те студенты, которые набрали, а также превысили нормативные результаты порога среднего балла гелотофобии (2,5), предложенного Р. Т. Проьером и В. Рухом [Proyer, Ruch 2010].

Итоговая выборка составила 105 студентов г. Томска очной формы обучения с разным направлением подготовки в возрасте от 17 до 25 лет, из них 53 – юноши, 52 – девушки ($M = 19,21$, $SD = 1,68$). При проведении психодиагностических процедур использовались тестовые материалы на бумажных носителях. Студентам предоставлялась информация о процедуре исследования, его цели, инструкции к каждой методике в письменной и устной форме.

Психодиагностический метод включал:

5. Тестирование студентов на оценку выраженности страха оказаться объектом насмешки с использованием специализированного инструмента – шкалы гелотофобии GELOPH-15 [Proyer, Ruch 2010] русской адаптации Е. А. Стефаненко [Стефаненко и др. 2011].

6. Авторская анкета, направленная на оценку наличия фобических состояний и руминаций, структурированная по принципу семантического дифференциала и основанная на биполярном шкалировании. Анкета состоит из 24 пунктов, которые включают вопросы, отражающие иррациональный страх, связанный с социальным взаимодействием (социофобия), деструктивный страх перед неудачей (атихифобия), навязчивые негативные мысли, относящиеся к событиям прошлого или будущего (руминация), боязнь покраснеть на людях (эритрофобия), боязнь публичных выступлений (глоссофобия), боязнь обратить на себя внимание и пристальных взглядов (скопофобия, или скоптофобия). Каждая из данных шкал косвенно относится к гелотофобии, т. к. они имеют сходные с ней психофизиологические реакции и могут в ней проявляться.

Анализ данных проводился с помощью статистического пакета Statistica 10. Также использованы описательная статистика, частотный анализ, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента.

Результаты

В ходе анализа распространенности гелотофобии с использованием нормативных результатов порога среднего балла у 67 % испытуемых зафиксирована пограничная выраженность гелотофобии (2–2,5 балла), у 30 % – легкая (2,5–3 балла) и у 3 % – выраженная (3–3,5 балла). Кроме того, результаты по таким субшкалам опросника гелотофобии, выделенным М. Д. Лампертом с соавторами [Lampert et al. 2010: 206–207], как *гелотофобичное социальное реагирование* и *гелотофобичное*

самовосприятие, показали некоторые особенности ее проявления. В первом случае у 54 % опрошенных студентов выявлена пограничная выраженность гелотофобии, у 27 % – легкая, у 4 % – выраженная. Во втором – у 59 % испытуемых отмечается пограничная выраженность гелотофобии, у 29 % – легкая, у 5 % – выраженная и у 4 % – экстремальная. Таким образом, гелотофобичное самовосприятие наиболее распространено среди студентов, вследствие чего формируется склонность к избеганию ситуаций, наносящих ущерб их самооценке. Полученные нами данные согласуются с более ранними исследованиями [Зятькова, Стоянова 2022].

В качестве дополнительного исследования страха насмешки использовали частотный анализ по опроснику GELOPH-15, который осуществлялся следующим образом: были подсчитаны общие баллы по двум категориям ответа, определяющим согласие и несогласие с предложенными утверждениями. Далее рассчитали частоту согласия с каждым пунктом и среднее значение этих пунктов по одновыборочному *t*-критерию Стьюдента. Следует отметить, что полученные данные по пунктам опросника относятся к субшкале *гелотофобичное самовосприятие* (табл. 1).

Следующим шагом исследования являлось проведение частотного анализа и выявление среднего значения ответов студентов по шкалам анкеты (табл. 2). Так, в исследуемой выборке респондентов наибольшая частота положительных ответов приходится на шкалу:

1. Руминаций (83 %), для которых характерны негативные навязчивые мысли, т.е. человек постоянно возвращается к негативным событиям прошлого либо к возможным неудачам в будущем, в его сознании происходит фиксация на реальных или предстоящих проблемах, но никак не на поиске конструктивных решений.

2. Социофобии (73 %), связанной с проявлением страха социального взаимодействия или ситуаций, предполагающих непосредственное межличностное взаимодействие, в основе которых (как и у гелотофобии) лежит страх негативной оценки со стороны окружающих.

3. Глоссофобии (71 %), которая непосредственно связана с выраженным страхом выступления на публике. Этот страх может быть настолько сильным, что для индивида серьезным испытанием станет просто попытка выразить свои мысли в кругу небольшого количества людей или даже перед хорошо знакомыми слушателями. Обычно такой индивид отличается выраженной застенчивостью, в его характере присутствуют нерешительность и робость. Этот страх не избирателен, а постоянен при пребывании на публике.

4. Скопофобии (67 %), характеризующейся страхом обратить на себя внимание, боязнью пристальных взглядов. Степень проявления может различаться: некоторые боятся посторонних взглядов, другие отказываются выходить на улицу – у них возникает желание убежать. В студенческой группе это может выражаться в нежелании публично выступать перед аудиторией, поскольку страх возникает при одной мысли, что кто-то будет на них смотреть.

Все вышеописанные фобии имеют схожие симптомокомплексы и проявления и могут быть взаимосвязаны между собой.

Сравнительный анализ по шкале GELOPH-15 групп юношей и девушек с помощью *U*-критерия Манна-Уитни показал, что данные статистически значимо не различаются. При этом по результатам проведения сравнительного анализа по *U*-критерию Манна-Уитни по каждому пункту опросника обнаружены статистически значимые данные, представленные в таблице 3. Выделенные пункты

Табл. 1. Частотное распределение и средние значения по пунктам опросника гелотофобии, составляющим субшкалы самовосприятия

Tab. 1. Gelotophobia questionnaire results and self-perception subscales, frequency distribution and mean values

Утверждение	Наибольшая частота ответов, %	Ср. зн., $p < 0,001$
Пункт 2: Я стараюсь уклоняться от публичных выступлений, потому что мне кажется, что другие люди почувствуют мою неуверенность и будут насмехаться надо мной	54	2,51
Пункт 6: Я контролирую себя, чтобы ненароком не попасть в неприятную, досадную ситуацию и не стать из-за этого объектом насмешки	72	2,83
Пункт 7: Мне кажется, что на других я произвожу странное впечатление	71	2,79

Табл. 2. Частотное распределение и средние значения по шкалам авторской анкеты
Tab. 2. Author's questionnaire scales: frequency distribution and mean scores

Фобические состояния	Частота ответов, %		
	отрицательных	положительных	Ср. зн., $p < 0,001$
Руминации	14	83	4,56
Социофобия	21	73	2,88
Атихифобия	48	45	-0,47
Эритрофобия	56	34	-1,99
Глоссофобия	23	71	3,16
Скопофобия	21	67	2,53

Табл. 3. Результаты сравнительного анализа по пунктам опросника гелотофобии
Tab. 3. Comparative analysis of gelotophobia questionnaire responses

Утверждение	Юноши		Девушки		U	p
	M	SD	M	SD		
Пункт 9: Если однажды где-нибудь я вел себя особенно неловко, я стараюсь избегать этого места	2,22	0,72	2,58	0,86	1086	0,02
Пункт 12: Мне требуется очень много времени, чтобы прийти в себя после шутки в свой адрес (насмешки)	1,83	0,69	2,23	0,83	1044,5	0,01

относятся к субшкалам *гелотофобичное социальное реагирование*.

Также следует отметить, что выявлены статистически значимые различия между группами юношей и девушек по выраженности социофобии ($U = 965,500$, $p = 0,01$) и глоссофобии ($U = 1016,500$, $p = 0,02$). Так, среди девушек эти фобии наиболее распространены. Это свидетельствует о том, что девушки наиболее остро переживают ситуации, связанные с социальным взаимодействием, и наиболее остро реагируют на них.

Далее проведен корреляционный анализ с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена

между результатами, полученными по опроснику GELOPH-15, и показателями анкеты. Анализ взаимосвязей в выборке испытуемых позволил выделить прямую взаимосвязь гелотофобии, а также двух субшкал – *гелотофобичное социальное реагирование* и *гелотофобичное самовосприятие* с руминацией, социофобией, атихифобией, эритрофобией, глоссофобией, скопофобией (табл. 4).

Таким образом, при выраженной гелотофобии у студентов проявляются негативные навязчивые мысли, страх негативной оценки со стороны окружающих, страх публичных выступлений, страх испытать неудачу.

Табл. 4. Корреляционная связь гелотофобии со шкалами авторской анкеты
Tab. 4. Gelotophobia questionnaire results vs. author's questionnaire scales

Опросник GELOPH-15 \ Фобические состояния	Руминации	Социофобия	Атихифобия	Эритрофобия	Глоссофобия	Скопофобия
Гелотофобия	0,267*	0,408*	0,395*	0,373*	0,347*	0,256*
Гелотофобичное социальное реагирование	0,201*	0,311*	0,341*	0,262*	0,172	0,211*
Гелотофобичное самовосприятие	0,225*	0,360*	0,337*	0,369*	0,448*	0,249*

Прим.: * – $p < 0,05$.

Обсуждение

Образовательный процесс связан с формированием необходимых компетенций, умением использовать свои навыки и знания, а также умением оперировать академическим языком. Важно уточнить, что академическая деятельность студентов имеет непосредственное влияние на их эмоциональную, поведенческую, мотивационную сферу, поскольку обучение в вузе является новым этапом жизнедеятельности человека, связанным с профессиональным становлением личности, в ходе которого молодые люди применяют на себя новую социальную роль – роль студента.

Процесс обучения в вузе является именно той платформой, которая связана с ситуациями оценивания себя и своих знаний, что, в свою очередь, может спровоцировать появление страха в социально значимых ситуациях и последующую реакцию избегания этих ситуаций. Страх может проявляться в виде различных эмоциональных реакций. Наиболее провоцирующими страх ситуациями являются те, которые предполагают коммуникацию не только со сверстниками, но и преподавателями, самопрезентацию себя, умение выражать свои мысли и вступить в дискуссию.

Результаты исследования показывают, что у студентов в образовательной среде четко выражено проявление гелотофобии, которое может характеризоваться негативными поведенческими реакциями, связанными с нарушениями коммуникативной сферы, восприятием собственной нелепости и неадекватностью поведения в ситуациях осмеяния. Однако следует отметить, что, наряду с общими показателями проявления страха, основной акцент смещается на гелотофобичное самовосприятие, где основную роль играет жесткий контроль себя, своих действий и эмоционально-поведенческих реакций в ситуациях, связанных с восприятием своего имиджа и того впечатления, которое они производят на окружающих.

В ходе сравнительного анализа по шкале GELOPH-15 групп юношей и девушек по каждому пункту опросника получены неравнозначные результаты. Так, выделенные нами пункты (табл. 3) относятся к субшкале *гелотофобичное социальное реагирование*, которое преимущественно характерно для женской выборки. Поскольку значимую роль в восприятии мира в юношеском возрасте играет то социальное пространство, в котором существуют молодые люди [Абдиева 2021: 32], то и в социально

значимых ситуациях наиболее ярко прослеживаются поведенческие и эмоциональные реакции на конкретные события, связанные с восприятием юмора.

Данные, отраженные в таблицах 2 и 4, свидетельствуют о том, что образовательный процесс представляет собой постоянное столкновение с различного рода социальными ситуациями, которые сопровождаются негативными переживаниями, связанными со страхом осмеяния, публичного выступления, социального взаимодействия и др. Одним из наиболее распространенных страхов является страх академического неуспеха. Студенты могут быть настолько озабочены своими учебными неудачами, что стремятся избегать включения в любую ситуацию, связанную с необходимостью стремления к успеху. Такое реагирование может проявляться, например, в виде систематических пропусков контрольных занятий.

Такие студенты могут неверно интерпретировать положительный смех в образовательном процессе, расценивая его как насмешку. Это касается случаев, когда преподаватели или другие студенты, участвующие в коммуникативной деятельности, дают обучающемуся комментарии в юмористической форме. Такие студенты стараются быть слишком тихими на занятиях, предпочитают занимать последние ряды в аудитории, стараются быть более незаметными и по возможности избегать участия в дискуссиях изучаемой темы [Bledsoe, Baskin 2014: 34].

Преподаватель, который считает, что юмор и смех по отношению к студенту являются лучшим средством снятия напряжения и способствуют комфортному обучению, на самом деле может провоцировать развитие социальных страхов у некоторых обучающихся, что, в свою очередь, следует рассматривать как барьер в получении профессиональных навыков. Поэтому понимание страха, его причин выступает значимым фактором успеха в системе образования. Психологическое сопровождение обучающихся группы риска является необходимым условием развития личности для становления профессионального самосознания.

На начальном этапе развития гелотофобии, когда существенную роль играет негативный собственный опыт либо опыт, связанный с наблюдением осмеяния других, важно выстроить стратегии сопровождения и методы психологической помощи с целью препятствия формированию декомпенсации. В связи

с этим можно выделить следующие задачи психологической помощи обучающимся с выраженной гелотофобией:

1. Разъяснение управляемости потенциальной тревожной ситуации.

2. Обучение навыкам саморегуляции.

3. Обучение навыкам адаптации к социальным ситуациям и конструктивному общению с окружающими. Для этого могут быть использованы различные способы, например:

- тренинги по развитию коммуникативных навыков;
- психотерапевтические техники по умению адекватно и безболезненно реагировать на критику и смеяться над собой;
- психотерапевтические техники по выявлению и проработыванию дисфункциональных мыслей и установок.

4. Формирование эффективных и приемлемых средств с целью самостоятельного поиска решений в преодолении возникающих проблем.

Также авторами сформулированы психологические рекомендации, основанные на практике работы с социальными страхами. Они позволят оптимизировать взаимодействие в системах *преподаватель – студент, студент – студент*.

Рекомендации для студентов:

1. Выступая перед аудиторией, необходимо сфокусировать свое внимание на тех, кто наиболее внимательно слушает, либо на нейтральном объекте (стене позади аудитории). Это поможет снизить эмоциональное напряжение, стабилизировать состояние.

2. Важно описать (устно или письменно) собственный негативный опыт, включая сопутствующие психофизиологические и эмоциональные реакции на ситуацию. Это поможет понять причины и природу страха, а также будет мотивировать других к вербализации собственного опыта.

3. Вычленение и работа с иррациональными мыслями. Как правило, данная работа выстраивается совместно с психологом, но возможно и самостоятельно научиться рефлексировать над своими установками, оценивать их реалистичность. Это поможет выявить негативные мысли, которые влияют на поведение и эмоциональное состояние с дальнейшей проработкой четкого алгоритма своих действий.

4. Для трансформации негативных мыслей в позитивные рекомендуется практиковать аффирмацию и визуализацию: *У меня не получится, я не могу этого сделать, все будет надо мной смеяться на Я смогу*

это сделать, я уже делал это раньше, и никто не смеялся и т.д.

5. Рекомендуется практиковать техники расслабления и дыхательные упражнения с последующим их применением в стрессовых ситуациях с целью снижения мышечного, психоэмоционального напряжения, нормализации своего состояния.

6. Групповая работа над домашним заданием. Возможна организация работы в парах, в группе, в результате чего будет снижаться страх перед аудиторией и преподавателем, т.к. в этом случае студенты будут чувствовать поддержку друг друга, а также смогут понять ключевые аспекты изучаемой дисциплины и обсудить их между собой.

Рекомендации для преподавателей:

1. Важно понимать, что некоторые страхи студентов могут быть связаны с факторами, не относящимися конкретно к процессу обучения. Страх может выступать предиктором жизненных препятствий, вследствие чего может страдать академическая успеваемость. В связи с этим необходимо понять причину возникновения страха.

2. Создание благоприятной среды и позитивного отношения ко всем обучающимся. Благоприятная среда может способствовать укреплению доверительного отношения и препятствовать возникновению коммуникативных барьеров.

3. Включение активных стратегий обучения в свою преподавательскую программу. Данное обучение способствует групповой активности и сплоченности, обеспечивает ощущение сотрудничества.

4. Организация групповой работы в аудитории в микрогруппах, когда происходит разделение ответственности и снижается страх перед аудиторией и преподавателем. В этом случае студенты будут чувствовать поддержку друг друга.

5. Рекомендуется приводить примеры собственного негативного опыта, акцентируя при этом внимание аудитории на ключевых моментах своего рассказа. Таким способом преподаватель разъяснит природу своего страха, поделится собственным способом совладания с ним и вовлечет студентов в дискуссию.

6. В процессе обучения целесообразно использовать юмор в отношении себя, тем самым демонстрируя положительное отношение к смеху. Это поможет разрядить обстановку, снизить эмоциональное напряжение.

В образовательной среде страх насмешки в различных социальных ситуациях оказывает негативное

влияние не только на жизнедеятельность студента, но и на его профессионализацию, а также на реализацию жизненных планов. Фактически поступление и обучение в вузе приводит к полной смене привычного образа жизни, происходит вхождение в новую, непривычную обстановку, становление нового социального статуса. Все это способствует процессу адаптации к новым условиям жизнедеятельности [Маклаков 2012].

Заключение

Среди студентов отмечается высокая распространенность гелотофобии, и наибольшее число респондентов испытывают страх насмешки, связанный с восприятием собственного образа со стороны окружающих (гелотофобичное самовосприятие). Также установлено, что страх насмешки, который связан с восприятием социального контекста и реагированием на него (гелотофобичное социальное реагирование), больше характерен для студентов-девушек.

Большинство обучающихся фокусируются на негативных навязчивых мыслях (руминации), испытывают страх, связанный с социальным взаимодействием (социофобия), публичными выступлениями (глоссофобия), и страх оказаться в центре внимания (скопофобия), что может стать серьезным препятствием в достижении академических успехов.

Выявлена взаимосвязь между гелотофобией и шкалами авторской анкеты, где восприятие смеха студентами в образовательном пространстве может восприниматься крайне болезненно и сопровождаться негативными эмоциями, связанными со страхом публичных выступлений, социальных контактов, испытать неудачу и др. В данном аспекте прослеживается связь с опасением быть оцененным или воспринятым в негативном ключе, показаться нелепым либо смешным в глазах окружающих. Также выявлена негативизация в отношении прошлых или будущих неудач со стремлением к избеганию травмирующих ситуаций.

Студенты становятся более уязвимы к социально значимым ситуациям, т.к. в период адаптации к новой академической среде ослабевают их защитные

механизмы и представляются неадекватными обычными модели поведения. Поэтому особое значение имеет психологическое сопровождение студентов с выраженной гелотофобией в образовательной среде, т.е. деятельность, направленная на преодоление проявлений гелотофобии для достижения высоких образовательных результатов. Как следствие, сформулированы психологические рекомендации для преподавателей и студентов. Студентам предлагается осваивать техники регуляции эмоционального состояния, анализировать собственные реакции на ситуации, связанные с насмешками, и развивать навыки активного общения. Преподавателям – формировать благоприятную среду обучения, учитывая индивидуальный опыт студентов, демонстрировать положительное отношение к смеху, уделять особое внимание активному вовлечению студентов в совместную деятельность, стимулирующую групповую динамику и сотрудничество.

Таким образом, для изучения причин и последствий возникновения гелотофобии среди студентов в высшем учебном заведении, а также для эффективного решения данной проблемы важно создать поддерживающую образовательную среду, которая направлена на формирование устойчивых и эффективных моделей поведения в межличностном взаимодействии и снижение уровня страха обучающихся перед возможным осмеянием, для профессионального становления будущих специалистов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Абдиева Г. И. Возрастные особенности юношеского периода. *Архивариус*. 2021. Т. 7. № 3. С. 31–33. [Abdieva G. I. Some age features of the youth period. *Archivarius*, 2021, 7(3): 31–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hdhtuv>

- Богомазова К. О., Байгужина О. В. Социальная тревога и психологическая атмосфера в группе как корреляты жизнеспособности студентов различных профилей подготовки. *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 5–15. [Bogomazova K. O., Baiguzhina O. V. Social anxiety and psychological climate as indicators of vitality in students of different education fields. *Psychology. Psychophysiology*, 2022, 15(1): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojungz>
- Джелиева З. Т., Быдтаева Э. Л. Юмор как средство успешной коммуникации. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 4. [Dzhelieva Z. T., Bydtaeva E. L. Humor as a means of successful communication. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2021, 9(4). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PSMN421.pdf> (дата обращения: 19.02.2025). <https://elibrary.ru/faykau>
- Жигинас Н. В. Психическое здоровье студентов. Томск: ТГПУ, 2009. 180 с. [Zhiginas N. V. *Mental health of students*. Tomsk: TSPU, 2009, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qludib>
- Зятыкова Е. О., Стоянова И. Я. Проявления гелотофобии в образовательной среде как предиктора нарушения адаптации. *Мир человека в фокусе психологических метапрактик: VIII Сиб. психол. форум (Международ. науч. конф.) (Томск, 21–22 ноября 2022 г.)* Томск: ТГУ, 2022. С. 45–46. [Zyatkova E. O., Stoyanova I. Ya. Manifestations of gelotophobia in the educational environment as a predictor of adaptation disorders. *The human world in the focus of psychological meta-practices: Proc. VIII Siberian Psychol. Forum (Intern. Sci. Conf.)*, Tomsk, 21–22 Nov 2022. Tomsk: TSU, 2022, 45–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvfoth>
- Иванова Е. М. Идеи классических отечественных мыслителей о юморе и смехе и современная психология юмора. *Studia Culturae*. 2017. № 31. С. 57–74. [Ivanova E. M. Classic domestic thinkers' ideas on humor and laughter and modern psychology of humor. *Studia Culturae*, 2017, (31): 57–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yldsip>
- Иванова Е. М., Макогон И. К., Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н., Проер Р., Рух В. Русскоязычная адаптация опросника гелотофобии, гелотофилии и катагеластиица PhoPhiKat. *Вопросы психологии*. 2016. № 2. С. 162–171. [Ivanova E. M., Makogon I. K., Stefanenko E. A., Enikolopov S. N., Proyer R.T., Ruch V. Russian-language adaptation of the PhoPhiKat questionnaire of gelotophobia, gelotophilia, and catagelasticism. *Voprosy Psychologii*, 2016, (2): 162–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wializ>
- Иванова П. О., Иванова Е. М. Апробация русскоязычной версии опросника сценариев дружелюбного подшучивания и агрессивного высмеивания (ОСПВ) Т. Платт. *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 2. С. 140–158. [Ivanova P. O., Ivanova E. M. Russian Approbation of the ridicule teasing scenario questionnaire (RTQ) of T. Platt. *Clinical Psychology and Special Education*, 2019, 8(2): 140–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080208>
- Климова К. К., Кравченко Ю. Е. Особенности распознавания эмоций и управления ими при гелотофобии. *Клиническая и специальная психология*. 2022. Т. 11. № 4. С. 92–113. [Klimova K. K., Kravchenko Yu. E. Understanding and managing emotions in gelotophobia. *Clinical Psychology and Special Education*, 2022, 11(4): 92–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110404>
- Маклаков А. Г. Теоретические и методологические основы организации психологического сопровождения образовательного процесса в вузе. *Психология XXI века: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2012 г.)* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 20–30. [Maklakov A. G. Theoretical and methodological foundations of the organization of psychological support of the educational process at the university. *Psychology of the 21st century: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 28–30 Nov 2012. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2012, 20–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siofmr>
- Мануйлов Г. В., Горелова Г. Г., Ященко Е. Ф. Особенности эмпатии и рефлексии личности на разных этапах учебной деятельности. *Психология. Психофизиология*. 2020. Т. 13. № 1. С. 5–13. [Manuilov G. V., Gorelova G. G., Yashchenko E. F. The features of empathy and reflection in a person at different stages of education. *Psychology. Psychophysiology*, 2020, 13(1): 5–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/jpps200101>
- Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. 478 с. [Martin R. *The Psychology of Humor*. St. Petersburg: Piter, 2009, 478. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxvbw1>
- Просыпкина В. О., Троицкий С. А. Круглый стол «Социальные исследования юмора и смеха: основные направления, перспективы, терминология и методология». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 3. С. 205–210. [Prosypkina V. O., Troitskiy S. A. Round table "Social studies of humor and laughter:

- Main directions, perspectives, terminology and methodology". *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2017, 20(3): 205–210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxgavj>
- Сагалакова О. А., Стоянова И. Я. Когнитивно-перцептивная избирательность и регуляция социальной тревоги в ситуациях оценивания. *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 3-1. С. 75–80. [Sagalakova O. A., Stoyanova I. Ya. Cognitive-perceptual selectivity and regulation of social anxiety in evaluation situations. *Izvestiya of Altai State University*, 2015, (3-1): 75–80. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.1-13](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.1-13)
- Стефаненко Е. А., Иванова Е. М., Ениколопов С. Н., Пройер Р., Рух В. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии. *Психологический журнал*. 2011. Т. 32. № 2. С. 94–108. [Stefanenko E. A., Ivanova E. M., Enikolopov S. N., Proyer R., Ruch W. The fear of being laughed at diagnostics: Russian adaptation of Gelotophobia Questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2011, 32(2): 94–108.] <https://elibrary.ru/ntjyqn>
- Bledsoe T. S., Baskin J. J. Recognizing student fear: The elephant in the classroom. *College Teaching*, 2014, 62(1): 32–41. <https://doi.org/10.1080/87567555.2013.831022>
- Brauer K., Proyer R. T. Is it me or the circumstances? Examining the relationships between individual differences in causal attributions and dispositions toward ridicule and being laughed at. *Personality and Individual Differences*, 2020, 165. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110135>
- Brauer K., Proyer R. T., Ruch W. Extending the study of gelotophobia, gelotophilia, and katagelasticism in romantic life toward romantic attachment. *Journal of Individual Differences*, 2020, 41(2). <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000307>
- Edwards K. R., Martin R. A., Dozois J. A. The fear of being laughed at, social anxiety, and memories of being teased during childhood. *Psychological Test and Assessment Modeling*, 2010, 52(1): 94–107.
- Fairbrother H. The treatment of social phobia – 100 years ago. *Behavior Research and Therapy*, 2002, 40(11): 1291–1304. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(01\)00139-5](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(01)00139-5)
- Lampert M. D., Isaacson K. L., Lyttle J. Cross-cultural variation in gelotophobia within the United States. *Psychological Test and Assessment Modeling*, 2010, 52(2): 202–216.
- Platt T. Extreme gelotophobia: Affective and physical responses to ridicule and teasing. *Current Psychology*, 2021, 40(2): 6076–6084. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00510-8>
- Platt T., Forabosco G. Gelotophobia: The fear of being laughed at. *Humor and health promotion*, ed. Gremigni P. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2011, chpt 12, 229–252.
- Platt T., Ruch W., Proyer R. T. A lifetime of fear of being laughed at. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie*, 2010, 43: 36–41. <https://doi.org/10.1007/s00391-009-0083-z>
- Proyer R. T., Ruch W. Dispositions towards ridicule and being laughed at: Current research on gelotophobia, gelotophilia, and Katagelasticism. *Psychological Test and Assessment Modeling*, 2010, 52(1): 49–59.
- Radomska A., Tomczak J. Gelotophobia, self-presentation styles, and psychological gender. *Psychological Test and Assessment Modeling*, 2010, 52(2): 191–201.
- Ruch W., Hofmann J., Platt T., Proyer R. T. The state-of-the art in gelotophobia research: A review and some theoretical extensions. *Humor*, 2014, 27(1): 23–45. <https://doi.org/10.1515/humor-2013-0046>
- Titze M. Shame and gelotophobia: Notes and comments on important human feelings. *Dialoghi adleriani*, 2014, (2): 7–37.
- Titze M. The Pinocchio complex: Overcoming the fear of laughter. *Humor & Health Journal*, 1996, 5(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/281424961_The_Pinocchio_Complex_Overcoming_the_fear_of_laughter (accessed 19 Feb 2025).
- Titze M., Kühn R. When laughter causes shame: The path to gelotophobia. *Psychology of shame: New research*, ed. Lockhart K. G. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2014, 141–156.
- Torres-Marín J., Carretero-Dios H., Acosta A., Lupiáñez J. Eye contact and fear of being laughed at in a gaze discrimination task. *Frontiers in Psychology*, 2017, (8). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01954>

оригинальная статья

eLibrary EDN: IXXQHN

Психологическая готовность старшеклассников к единому государственному экзамену: типология, осознаваемые и неосознаваемые ресурсы

Котельникова Анастасия Владимировна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 7493-6708

<https://orcid.org/0000-0002-9605-557X>

Scopus Author ID: 57194742733

pav-kotelnikov@yandex.ru

Зенцова Наталья Игоревна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1776-5244

<https://orcid.org/0000-0002-4097-8885>

Scopus Author ID: 60368931200

Сыркин Леонид Давидович

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8475-5755

<https://orcid.org/0000-0001-8279-7911>

Scopus Author ID: 6603382449

Аннотация: Единый государственный экзамен (ЕГЭ) признан в современных исследованиях мощным стрессором, негативно влияющим на психосоматическое здоровье. Ключевая проблема заключается в ограниченности методов оценки психологической готовности, основанных исключительно на самоотчетах, которые часто искажаются защитными механизмами психики. Данное исследование преодолевает этот методологический разрыв за счет анализа, интегрирующего осознаваемые (анкета «Психологическая готовность учащихся к ОГЭ и ЕГЭ» М. Ю. Чибисовой) и неосознаваемые (Цветовой тест отношений А. М. Эткинда) компоненты психологической готовности. Цель – выявить типологические профили готовности к ЕГЭ через кластерный анализ с последующей оценкой их ресурсного обеспечения. На выборке из 232 московских старшеклассников верифицирована трехфакторная структура анкеты, объясняющая 67,3 % совокупной дисперсии: умение справляться с тревогой (45,3 %), важность успешной сдачи ЕГЭ (13,1 %), знания о процедуре экзамена (8,9 %). Кластерный анализ выявил четыре дискретных профиля старшеклассников с точки зрения их психологической готовности: сбалансированно готовые (30,2 %), высоко мотивированные с дефицитом эмоциональной регуляции (21,6 %), с завышенной самооценкой ресурсов (34,1 %) и с заниженной самооценкой (14,1 %). Принципиальным результатом стало обнаружение значимого расхождения между самоотчетами и проективными данными. Проективная диагностика выявила универсальное эмоциональное отторжение ЕГЭ у 69,8 % учащихся, что подтверждает высокий уровень стрессового воздействия; дефицит инструментальных ресурсов у групп с дисгармоничной самооценкой; критическую роль семейной поддержки в адаптивном с точки зрения психологической готовности профиле старшеклассников. Исследование доказывает необходимость дополнения традиционной диагностики проективными методами для разработки адресных программ психологического сопровождения. Перспективным направлением является валидация выявленной типологии на региональных выборках.

Ключевые слова: стресс, экзаменационный стресс, единый государственный экзамен, ресурсы совладания, психологическая готовность, проективные методы, кластерный анализ, психическое здоровье подростков, осознаваемые компоненты готовности, неосознаваемые компоненты готовности, типологические профили готовности

Цитирование: Котельникова А. В., Сыркин Л. Д., Зенцова Н. И. Психологическая готовность старшеклассников к единому государственному экзамену: типология, осознаваемые и неосознаваемые ресурсы. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 372–384. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-372-384>

Поступила в редакцию 16.08.2025. Принята после рецензирования 21.10.2025. Принята в печать 27.10.2025.

original article

Psychological Readiness for Unified State Exam in High School Students: Typology, Conscious and Unconscious Resources

Anastasia V. Kotelnikova

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 7493-6708

<https://orcid.org/0000-0002-9605-557X>

Scopus Author ID: 57194742733

pav-kotelnikov@yandex.ru

Natalia I. Zentsova

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1776-5244

<https://orcid.org/0000-0002-4097-8885>

Scopus Author ID: 60368931200

Leonid D. Syrkin

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8475-5755

<https://orcid.org/0000-0001-8279-7911>

Scopus Author ID: 6603382449

Abstract: The Unified State Exam is a powerful stressor that negatively impacts the psychosomatic health of high school students. However, assessment approaches usually rely solely on self-report data, which are often distorted by psychological defense mechanisms. This study bridges this methodological gap by employing an integrated analysis of both conscious (M. Yu. Chibisova's *Questionnaire of Psychological Readiness for State Exams*) and unconscious (A. M. Etkind's *Color Relationship Test*) components of psychological readiness. The typological profiles of readiness for the Unified State Exam were identified through cluster analysis, followed by resource provision evaluation. The sample included 232 high school students from Moscow. The research verified a three-factor questionnaire structure, explaining 67.3% of total variance: Anxiety Management Skills (45.3%), Perceived Importance of Success (13.1%), and Exam Procedure Knowledge (8.9%). The cluster analysis revealed four distinct profiles: balanced readiness (30.2%); highly motivated readiness with emotional regulation deficits (21.6%); readiness with overestimated resource capacity (34.1%); readiness with underestimated resource capacity (14.1%). Critically, significant discrepancies between self-reports and projective data emerged in 35.7% cases. Projective diagnostics revealed a pervasive emotional rejection of the Unified State Exam (69.8%), confirming high stress impact. Students with distorted self-assessment demonstrated instrumental resource deficits. Family support was crucial for the group with adaptive readiness profile. Traditional diagnostics should be supplemented with projective methods to develop targeted psychological support programs. Validation of this typology across regional populations represents a promising research direction.

Keywords: stress, examination stress, Unified State Exam, coping resources, psychological readiness, projective methods, cluster analysis, mental health in adolescence, conscious components of readiness, unconscious components of readiness, typological readiness profiles

Citation: Kotelnikova A. V., Syrkin L. D., Zentsova N. I. Psychological Readiness for Unified State Exam in High School Students: Typology, Conscious and Unconscious Resources. *SibScript*, 2026, 28(2): 372–384. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-372-384>

Received 16 Aug 2025. Accepted after peer review 21 Oct 2025. Accepted for publication 27 Oct 2025.

Введение

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) остается мощным стрессовым фактором в жизни современных старшеклассников, оказывая значимое влияние не только на их академическую успешность,

но и на психологическое благополучие и соматическое здоровье [Дмитренко 2021; Лимасова 2022; Сазонова 2020; Сидорова, Малькова 2024]. В отличие от традиционных экзаменов прошлого,

ЕГЭ характеризуется уникальной совокупностью стрессогенных факторов: пролонгированностью подготовки, начинающейся за годы до события и создающей состояние хронического напряжения [Батыршина, Иванова 2019; Габдуллина 2019; Шацкова 2021; Pivovarova, Gorodnichev 2007]; унификацией и обезличенностью процедуры, порождающей ощущение бессилия и невозможности повлиять на результат [Михальская, Игнатович 2022; Сазонова 2020]; высокой социальной значимостью, нагруженной родительскими ожиданиями и установкой на обязательность высшего образования [Михальская, Игнатович 2022; Синягина, Богачева 2015]. Эта совокупность факторов создает для подростков, и без того переживающих в этот возрастной период кризис самоопределения, экстремальную психологическую ситуацию [Баранова, Савина 2019; Михальская, Игнатович 2022; Щепланова, Петрова 2021].

Многочисленные исследования подтверждают высокую распространенность негативных психофизиологических последствий подготовки к ЕГЭ: повышенная утомляемость, снижение работоспособности, эмоциональная лабильность, рост тревожности и невротизации, вплоть до дезадаптивных реакций и рисков для психосоматического здоровья [Бубнова, Терещенко 2017; Дмитренко 2021; Омарова, Сайбулаева 2024; Хасанова, Молчанова 2018].

Совладание с таким интенсивным и длительным стрессом требует мобилизации значительных ресурсов разного рода: как психологических [Дударева, Люкшина 2018; Иванова 2021; Ослон и др. 2022; Смородина 2021], так и физических [Encarnação et al. 2025]. Однако актуальность психологического сопровождения [Сидорова, Малькова 2024] сталкивается с серьезной проблемой: неадекватностью самоотчета подростков о своем состоянии. Высокий уровень тревоги часто не осознается или маскируется защитными механизмами – от отрицания значимости экзамена и бравады до самоуничтожения и катастрофизации [Баранова, Савина 2019; Лимасова 2022]. Традиционные методы оценки готовности, основанные на самоотчетах (анкеты, опросники), в этой ситуации могут давать искаженную картину, не отражающую реальных ресурсов и глубины стрессовых переживаний – психологическая помощь, основанная лишь на осознаваемых представлениях подростков о своей готовности и тревоге, рискует быть неэффективной или направленной не на истинные дефициты.

Таким образом, возникает ключевая проблема исследования: существующие подходы к оценке психологической готовности к ЕГЭ, опирающиеся преимущественно на осознаваемые самоотчеты старшеклассников, не учитывают глубинные (неосознаваемые) аспекты их эмоционального отношения к экзамену и структуру реально доступных психологических ресурсов. Это затрудняет разработку адресных и эффективных программ психолого-педагогического сопровождения и профилактики экзаменационного стресса, направленных на сохранение психологического и соматического здоровья старшеклассников.

Цель данного исследования – выявить типологические профили готовности к ЕГЭ через кластерный анализ с последующей оценкой их ресурсного обеспечения. Проверялась гипотеза о наличии различий между осознаваемым и неосознаваемым уровнем оценки старшеклассниками готовности к ЕГЭ и вкладе выявленных различий в построение соответствующей типологии. Задачи:

- содержательно верифицировать факторную структуру самоотчетного психодиагностического инструмента, предназначенного для измерения осознаваемого уровня отношения старшеклассников к ЕГЭ;
- выделить и описать типологические профили старшеклассников, основанные на их самоотчетах о готовности к ЕГЭ;
- сопоставить данные, отражающие осознаваемый и неосознаваемый уровни психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ.

Методы и материалы

В исследование было включено 232 ученика старшей школы (10-е и 11-е классы) ГБОУ г. Москвы «Школа № 1512 имени Героя Советского Союза Алии Молдагуловой» в период подготовки к ЕГЭ 2024–2025 учебного года. Среди них было 50,8 % учеников 10-х классов, 49,2 % учеников 11-х классов; 67,8 % девушек, 32,2 % юношей.

Выборка исследования была сформирована как репрезентативная для генеральной совокупности типичных старшеклассников, готовящихся к ЕГЭ. Поскольку доля учащихся, имеющих льготы при поступлении (олимпиадников и др.), в общей популяции невелика, и их образовательная ситуация является нетипичной [Тихомирова и др. 2024], их включение в анализ было бы методологически некорректным из-за недостаточного размера

подвыборки. Поэтому в фокусе данного исследования находится психологическая готовность к ЕГЭ у подавляющего большинства выпускников, которые сдают экзамен на общих основаниях.

С методологической точки зрения исследование исходит из предположения о том, что психологическая готовность к ЕГЭ имеет двухуровневую структуру: осознаваемый уровень – это доступные рефлексии и рациональные оценки старшеклассников, фиксируемые с помощью самоотчетов, эти данные уязвимы для действия защитных механизмов Эго, направленных на снижение тревоги (например, иллюзия контроля или самоуничижение), и потому могут не отражать реальной картины ресурсов [Кузнецова, Гуткевич 2024]; неосознаваемый уровень – это глубинные, эмоционально-смысловые отношения, которые могут быть верифицированы с помощью проективных методов, позволяющих обойти психологические защиты и выявить подлинное эмоциональное отношение к экзамену, а также истинную структуру значимых ресурсов и дефицитов.

Опрос респондентов проводился с учетом их добровольного информированного согласия и на условиях анонимности. Перед началом работы с каждым проводилась беседа, разъясняющая цели и задачи исследования. Для оптимизации процедуры была разработана Google Форма, в которую были внесены интерактивные макеты методик. Использовались следующие методики:

1. Анкета «Психологическая готовность учащихся к ОГЭ и ЕГЭ» [Чибисова 2009] предназначена для исследования представлений старшеклассников о готовности к ЕГЭ; самоотчет носит ориентировочный характер, данные об актуальных психометрических характеристиках отсутствуют. Содержит 13 утверждений, касающихся различных сторон предстоящего экзамена, свое отношение к которым респондентам предлагается высказать, пользуясь 10-балльной шкалой, где 1 – совершенно не согласен, 10 – абсолютно согласен.

2. Цветовой тест отношений (ЦТО) – проективная методика, предназначенная для исследования неосознаваемых компонентов отношений, в том числе к ЕГЭ [Эткинд 1980]. Выполняется в два этапа: на первом необходимо проранжировать цветовой ряд, состоящий из карточек Теста Люшера в порядке приятности, на втором – указать цветовую ассоциацию для каждого из предъявляемых словесных стимулов, отражающих основные эмоции (интерес, радость, удивление, гнев, отвращение, презрение,

стыд, печаль, вина, смущение, горе); эмоционально значимые для старшеклассников слова-стимулы *любовь, поступление в институт, отношения с родителями, конфликт* и пр.; отношение к ЕГЭ. При обработке результатов каждому из вербальных стимулов присваивается порядковый номер в соответствии с тем, какую именно позицию занимает ассоциируемый цвет в цветовой раскладке первого этапа, при этом цвета, находящиеся на первой и второй позициях, отражают зону эмоционального принятия (Э+), на последних двух – зону эмоционального отвержения (Э–), промежуточных – амбивалентного отношения к данному стимулу.

Математико-статистическая обработка данных производилась в программном пакете Статистика 10.0. Использовались анализ данных описательной статистики, факторный, кластерный, дисперсионный анализ, анализ значимости различий в уровне выраженности количественного признака в независимых группах. Выявленные закономерности считались статистически значимыми при достижении уровня $p \leq 0,05$.

Результаты

Результаты анкеты «Психологическая готовность учащихся к ОГЭ и ЕГЭ» были подвергнуты процедуре факторного анализа по методу главных компонент, вращение Варимакс с нормализацией Кайзера. Найденное решение содержало три фактора, объясняющих 67,3 % дисперсии исходной матрицы данных: умение справляться с тревогой (45,3 %), важность успешной сдачи ЕГЭ (13,1 %), знания о том, как устроен ЕГЭ (8,9 %). Результаты представлены в таблице 1.

Найденное факторное решение отражает структуру субъективных представлений о готовности к сдаче ЕГЭ и включает в себя оценку старшеклассниками собственных ресурсов в части навыков эмоциональной саморегуляции (умение справляться с тревогой) и понимания механизмов достижения успеха (знания о том, как устроен ЕГЭ), а также личностной значимости и уровня притязаний в отношении сдачи ЕГЭ (важность успешной сдачи ЕГЭ). В каждый из выделенных факторов (субшкал) содержательно вошли по три пункта анкеты, при этом выделились три буферных вопроса с незначительными нагрузками: Полагаю, что смогу правильно распределить время и силы во время ЕГЭ; Я понимаю, какие мои качества могут мне помочь при сдаче ЕГЭ; Чувствую, что сдать этот экзамен

Табл. 1. Факторная структура представлений старшеклассников о психологической готовности к сдаче ЕГЭ
 Tab. 1. High school students' perceptions of psychological readiness for Unified State Exam: factor structure

Утверждения анкеты	Умение справляться с тревогой	Важность успешной сдачи ЕГЭ	Знания о том, как устроен ЕГЭ
Я хорошо представляю, как проходит ЕГЭ	-0,24	-0,18	0,49*
Полагаю, что смогу правильно распределить время и силы во время ЕГЭ	0,09	-0,07	0,17
Я знаю, какие задания необходимо выполнить, чтобы получить желаемую оценку	-0,12	-0,04	0,33*
Считаю, что результаты ЕГЭ важны для моего будущего	-0,17	0,51*	-0,03
Я волнуюсь, когда думаю о предстоящем экзамене	-0,43*	0,17	0,25
Считаю, что могу сдать ЕГЭ на высокую оценку	0,14	0,23*	-0,05
Я знаю, как можно успокоиться в трудной ситуации	0,25*	-0,06	-0,01
Я понимаю, какие мои качества могут мне помочь при сдаче ЕГЭ	0,16	0,16	0,00
Думаю, что смогу справиться с тревогой на экзамене	0,27*	-0,03	-0,05
Я достаточно много знаю про ЕГЭ	-0,11	-0,04	0,34*
Чувствую, что сдать этот экзамен мне по силам	0,16	0,12	-0,01
Думаю, что у ЕГЭ есть свои преимущества	0,06	0,47*	-0,17
Собственные значения факторов (% объясненной дисперсии)	45,3	13,1	8,9

Прим.: знаком * обозначены нагрузки фактор-образующих утверждений анкеты.

Note: an asterisk * indicates the factor loads of the factor-forming items in the questionnaire.

мне по силам. Каждый из этих пунктов так или иначе оценивает самооценку старшеклассниками наличия / отсутствия различного рода ресурсов (навыки тайм-менеджмента, личностные качества, уверенность в себе) – можно предположить, что данные характеристики не оказывают существенного влияния на формирование общих представлений о готовности к сдаче ЕГЭ. Наиболее существенным, объяснившим максимальный процент исходной дисперсии данных (45,3 %) оказался фактор **умение справиться с тревогой**, что подтверждает необходимость сосредоточения коррекционных и профилактических усилий на обучении старшеклассников навыкам эмоциональной саморегуляции.

С учетом инвертированности (пункт *Я волнуюсь, когда думаю о предстоящем экзамене* вошел в фактор **умение справиться с тревогой** с отрицательным знаком) эмпирические данные анкеты были пересчитаны в рамках выделенной факторной структуры. После этого был вычислен коэффициент синхронной надежности как средняя корреляция каждого пункта субшкалы с общим баллом, который для выделенных факторов составил 0,82; 0,71 и 0,35 соответственно. Затем

были разработаны тестовые нормативы: максимально возможное количество баллов, которое может набрать респондент по субшкалам, состоящим из трех пунктов, – 30, минимальное – 3; в терминах уровневой градации количественная интерпретация выглядит следующим образом: от 3 до 8 баллов – низкий, от 9 до 21 балла – средний, от 22 до 30 баллов – высокий уровни выраженности представлений старшеклассников о том или ином параметре психологической готовности к ЕГЭ.

На этом этапе работы для оценки конструктивной валидности методики были исследованы различия в уровне выраженности выделенных факторов среди групп старшеклассников 10-х и 11-х классов. Известно, что обучающиеся 10-х и 11-х классов находятся в различных ситуациях обучения [Москвичева, Калимуллин 2009] – в результате анализа значимости различий с использованием t-критерия Стьюдента были ожидаемо зафиксированы различия по фактору **знания о том, как устроен ЕГЭ** ($t = -4,26; p = 0,0001$), ученики 10-х классов достоверно менее информированы по сравнению с учениками 11-х классов ($21,6 \pm 6,1$ балла в сопоставлении с $24,9 \pm 5,5$ балла). По факторам **умение справиться с тревогой**

и важность успешной сдачи ЕГЭ упомянутые различия отсутствовали ($p > 0,05$). С учетом описанного результата при дальнейшем анализе обследованная выборка постулировалась как гомогенная.

Задача по выделению и описанию типологических профилей старшеклассников, основанных на их самоотчетах о готовности к ЕГЭ, решалась с помощью кластерного анализа. Визуальный анализ дендрограммы, полученной в результате применения к данным самоотчета респондентов метода иерархического дерева по методу полной связи (мера близости – квадрат евклидова расстояния), показал, что в общей выборке обследованных старшеклассников ($n = 232$) достаточно четко выделяются 4 кластера – результаты представлены на рисунке 1.

Для проверки качества кластеризации выполнен дисперсионный анализ, свидетельствующий о статистической достоверности решения для всех анализируемых факторов:

- умение справляться с тревогой – $F = 200,3$; $p = 0,0001$;
- важность успешной сдачи ЕГЭ – $F = 83,6$; $p = 0,0001$;
- знания о том, как устроен ЕГЭ – $F = 87,8$; $p = 0,0001$.

На рисунке 2 представлены типологические профили психологической готовности к ЕГЭ в выделенных кластерах: диаграмма отражает средние значения в баллах, по данным анкеты «Психологическая готовность учащихся к ОГЭ и ЕГЭ». I кластер ($n = 33$) характеризуется заявленным низким уровнем умения справляться с тревогой, средним уровнем понимания важности успешной сдачи ЕГЭ и средней информированностью о структуре и механизмах

сдачи ЕГЭ; во II кластере ($n = 79$) отмечается средний уровень умения справляться с тревогой и понимания важности успешной сдачи ЕГЭ при высокой информированности о структуре и механизмах сдачи ЕГЭ; в III кластере ($n = 50$) – высокий уровень умения справляться с тревогой при среднем уровне понимания важности успешной сдачи ЕГЭ и информированности о его механизмах; в IV кластере ($n = 70$) – высокий уровень выраженности всех показателей.

При сопоставлении описанных результатов, отражающих осознаваемый уровень психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ, с данными по методике ЦТО были выявлены расхождения. Так, заявленное респондентами I кластера неумение справляться с тревогой опровергается одним из количественных показателей методики ЦТО (количество компенсаторных реакций в ответ на стресс или внутренний конфликт в первичном цветовом выборе по Люшеру): среднее количество таких реакций в I кластере достоверно не отличается от IV кластера ($p = 0,61$), респонденты которого заявляют о высоком уровне своего умения справляться с тревогой ($3,7 \pm 3,2$ балла в I кластере по сравнению с $3,4 \pm 3,3$ – в IV кластере). При этом респонденты, вошедшие во II и III кластер, по анализируемому показателю не отличаются друг от друга ($p = 0,86$), однако достоверно отличаются от IV кластера ($p = 0,005$) и на уровне статистической тенденции – от I кластера ($p = 0,08$), среднее значение компенсаторных реакций в ответ на стресс в этих группах составляет $4,9 \pm 3,5$ балла и $4,9 \pm 4,0$ балла, что позволяет сделать вывод о недостаточности ресурсов для преодоления тревожных состояний именно в этих группах обследованных старшеклассников (II и III кластеры).

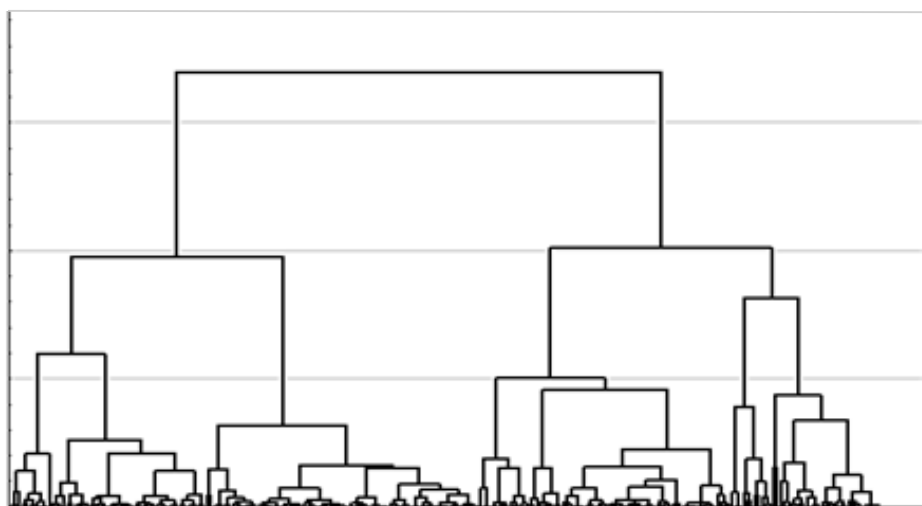
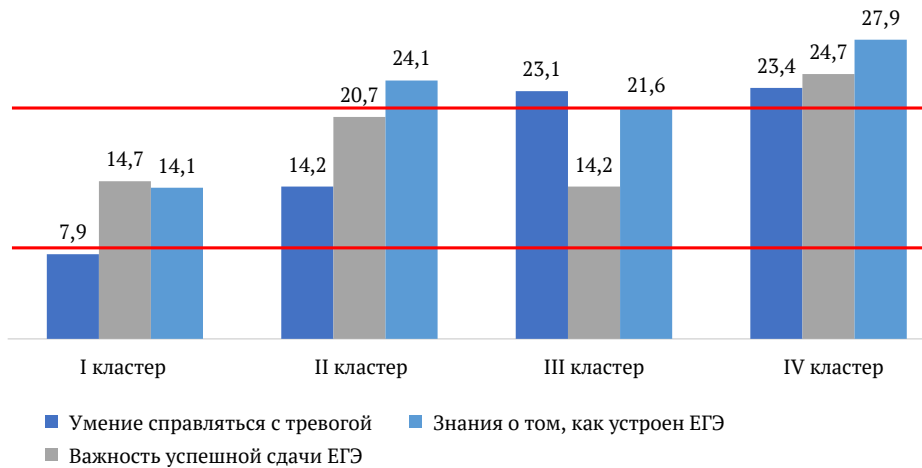

Рис. 1. Результаты кластеризации данных, отражающих осознаваемый уровень психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ
Fig. 1. Conscious level of psychological readiness for Unified State Exam in high school students: data clustering

Прим.: красными линиями обозначены границы уровней интерпретации (низкий, средний, высокий уровень выраженности).
Note: the red lines indicate the boundaries between the low, medium, and high levels.

Рис. 2. Типологические профили психологической готовности к ЕГЭ

Fig. 2. Typological profiles of psychological readiness for Unified State Exam

Таким образом, респонденты, вошедшие в III кластер и по данным самоотчета заявляющие о высоком уровне умения справляться с тревогой, вероятно, демонстрируют защитные паттерны реагирования, основанные на переоценке собственных возможностей; респонденты I кластера, заявляющие о минимальном умении справляться с тревогой, – на недооценке таковых. Обращает на себя внимание при этом отсутствие достоверных различий между I и III кластерами по фактору **важность успешной сдачи ЕГЭ** ($p = 0,61$) при достоверных отличиях от высокомотивированных, осознающих важность сдачи ЕГЭ респондентов II ($p = 0,0001$ – по сравнению с I и III) и IV ($p = 0,0001$ – по сравнению с I и III) кластеров. Возможно, в данном случае точкой приложения психокоррекционных усилий может стать развитие рефлексивной способности старшеклассников адекватно оценивать свое эмоциональное состояние и ресурсы (включая мотивационные) в контексте экзамена, а также целенаправленное формирование значимого отношения к ЕГЭ.

Среди прочих показателей, характеризующих неосознаваемый уровень психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ, отдельного внимания заслуживает эмоциональная валентность (принятие / отторжение) слов-стимулов, отражающих репертуар доступных психологических ресурсов, жизненных приоритетов и ценностей обследованных старшеклассников. Анализ выполнялся следующим образом: был произведен подсчет частоты встречаемости слов в зоне Э+ и в зоне Э– в выделенных кластерах; далее путем деления частоты отторжения на частоту принятия был получен коэффициент принятия для каждого стимула. Количественное

значение этого коэффициента до 0,5 включительно интерпретировалось как зона Э+, от 0,5 до 1,5 – амбивалентное отношение, более 1,5 – Э–. Результаты представлены в таблице 2.

При анализе данных видны, прежде всего, различия в количестве слов-стимулов в зоне Э+ респондентов различных кластеров: для III кластера их число составило 7, что практически вдвое меньше, чем аналогичный показатель IV (15 слов) и II (13 слов), и в полтора – по сравнению с I (10 слов) кластером. Данный факт позволяет рассуждать о широкой представленности психологических ресурсов у старшеклассников, вошедших во II и IV, и напротив, их ограниченности у респондентов III кластера.

С содержательной точки зрения представляется важным отметить сходство и различия в кластерах. Слова-стимулы *я сам(а), радость, дружба и интерес* находятся в зоне Э+ у всех обследованных старшеклассников, что отражает наличие универсальных для данного возраста базовых психологических ресурсов, связанных с самоидентичностью, позитивным аффектом, социальными связями и познавательной активностью.

Ключевые различия между кластерами проявляются в структуре ресурсов, непосредственно связанных с экзаменационной ситуацией и будущей самореализацией.

Для I кластера характерно принятие инструментальных ценностей (карьера, поддержка, поступление в институт) при одновременном отсутствии эмоционального принятия взаимоотношений с родителями и самого будущего. Это создает двойной дефицит: конфликт между конкретной целью (вуз) и общей неопределенностью в отношении будущего, а также

Табл. 2. Содержание зоны эмоционального принятия в кластерах старшеклассников с различной психологической готовностью к сдаче ЕГЭ, величина коэффициента принятия

Tab. 2. Content of emotional acceptance zone in clusters of high school students with different levels of psychological readiness for Unified State Exam, acceptance rate

Слова-стимулы	I кластер (n = 33)	II кластер (n = 79)	III кластер (n = 50)	IV кластер (n = 70)
Взаимоотношения с родителями	–	0,13	0,32	0,03
Будущее	–	0,45	0,41	0,08
Я сам(а)	0,13	0,04	0,19	0,10
Карьера	0,23	0,46	–	0,14
Поддержка	0,11	0,22	–	0,17
Дружба	0,25	0,29	0,37	0,17
Настоящее	0,31	0,22	–	0,18
Радость	0,19	0,23	0,36	0,21
Поступление в институт	0,30	–	–	0,21
Свободное время	0,42	0,27	0,30	0,22
Деньги	–	0,46	–	0,27
Интерес	0,19	0,37	0,43	0,27
Удивление	–	0,52	–	0,38
Оценка за экзамен	–	–	–	0,45
Любовь	0,13	0,24	–	0,50

нехватку родительской поддержки. Данный профиль сочетается с декларируемой низкой самооценкой при объективно среднем уровне стресса.

III кластер обнаруживает наиболее ограниченный ресурсный профиль: помимо универсальных ценностей, эмоционально принимаются лишь свободное время и абстрактное будущее при полном отсутствии ресурсов достижения и поддержки. Это контрастирует с заявленной высокой уверенностью в преодолении тревоги и подтверждает гипотезу о защитной переоценке возможностей на фоне объективно высокого стресса ($4,9 \pm 4,0$) и низкой ценности ЕГЭ.

II кластер демонстрирует сбалансированный профиль с ориентацией на будущее и познание, включая уникальные ценности удивление и деньги, что отражает открытость опыту и практическую ориентированность. Несмотря на повышенный стресс ($4,9 \pm 3,5$), их ресурсная база более адаптивна для преодоления трудностей.

IV кластер обладает максимально интегрированным ресурсным профилем с акцентом на семейные отношения (взаимоотношения с родителями), образовательные цели (поступление, карьера) и будущее. Эта гармоничная структура соответствует высоким самооценочным показателям готовности и минимальному стрессу ($3,4 \pm 3,3$).

Помимо структуры доступных ресурсов, ключевым индикатором неосознаваемого отношения к экзамену является эмоциональная валентность концепта ЕГЭ (позиция в зоне Э+ / Э–) и характер его цветовых ассоциаций. Систематизация этих показателей выявляет следующие закономерности:

- у большинства старшеклассников преобладает негативное восприятие – во всех кластерах, кроме IV, концепт ЕГЭ находится в зоне эмоционального отторжения (коэффициент принятия в I и II кластерах = 2,0; в III = 1,7), что свидетельствует о глубоко укорененном негативном отношении к экзамену на неосознаваемом уровне у большинства старшеклассников; семантика цветовых выборов при этом отражает напряжение, тревогу, истощение, негатив (серый, черный, коричневый, фиолетовый цвета): для I кластера – 60,6 %, для II – 53,1 %, для III – 58,0 % случаев;
- наличие среди обследованных старшеклассников большой доли лиц с активной реакцией на стресс подтверждается частотой выбора красного цвета в качестве ассоциации с ЕГЭ: для I кластера – 27,4 %, для II – 22,8 %, для IV – 22,8 % случаев; известно, что красный цвет часто интерпретируется как символ

напряжения, борьбы, агрессии или чрезмерной активации – его присутствие может указывать на восприятие ЕГЭ как вызова, требующего мобилизации сил, но потенциально ведущего к истощению или конфликтности, особенно на фоне общего негативного фона;

- в IV кластере выявляется принципиально иное, амбивалентно принимающее отношение (коэффициент = 0,75), отражающее более сложное и интегрированное восприятие ЕГЭ, что подтверждается значительным разнообразием цветовых ассоциаций: наряду с признанием трудностей (35,7 % – тревожные цвета) и активной реакцией (в 22,8 % случаев – выбор красного цвета), здесь присутствуют ассоциации со спокойствием и уверенностью (синий цвет ассоциирован в 21,4 % случаев) и оптимизмом, надеждой или стабильностью (выбор желтого / зеленого составляет 20,0 %) – указанное разнообразие, сочетающее различные аспекты, полностью согласуется с их богатым ресурсным профилем, высокой осознаваемой готовностью и низким объективным стрессом, характеризуя наиболее адаптивное и сбалансированное отношение к экзамену.

Обсуждение

Комплексный анализ психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ подтверждает имеющийся в литературе тезис о ЕГЭ как мощном, универсально воспринимаемом стрессоре [Батыршина, Иванова 2019; Михальская, Игнатович 2022]. Выявленное преобладание негативных цветовых ассоциаций, семантически описывающих напряжение, тревогу, истощение, и его устойчивое позиционирование в зоне эмоционального отторжения у большинства обследованных старшеклассников (69,8 %) согласуется с данными о высокой распространенности негативных психофизиологических последствий подготовки к экзамену [Дмитренко 2021; Хасанова, Молчанова 2018]. Это, в свою очередь, свидетельствует о глубоко укорененном негативном фоне восприятия экзаменационной процедуры и подчеркивает ее экстремальный характер для психики подростков [Баранова, Савина 2019; Михальская, Игнатович 2022].

Наиболее значимым аспектом исследования стало выявление существенного расхождения между осознаваемыми самоотчетами старшеклассников о своей готовности (особенно в части умения

справляться с тревогой) и объективными показателями их стрессового состояния, оцененными с помощью проективной методики ЦТО. В ходе анализа было выявлено, что у каждого третьего из обследованных старшеклассников (30,2 %) эмоциональная валентность восприятия ЕГЭ соответствует зоне амбивалентного принятия. Обнаруженная вариативность в восприятии экзаменационной ситуации, наряду с различиями в осознаваемой степени готовности, привела к пониманию необходимости более детального изучения внутренней неоднородности группы старшеклассников, что и стало возможным благодаря применению кластерного анализа.

Выделенная на основе самоотчетов типология и ее соотнесение с глубинными ресурсами, диагностированными с помощью проективной методики, позволили выявить важные закономерности ресурсного обеспечения разных профилей психологической готовности к ЕГЭ. Группа с наиболее адаптивным профилем (IV кластер), демонстрирующая высокие осознаваемые показатели готовности, низкий объективный стресс и амбивалентно-принимающее отношение к ЕГЭ, характеризовалась и наиболее богатой, интегрированной ресурсной базой на неосознаваемом уровне, включающей принятие отношений с родителями, будущего, карьеры, поддержки и поступления в институт. Это согласуется с идеей о важности семейной поддержки в снижении экзаменационного стресса [Синягина, Богачева 2015]. Напротив, III кластер, несмотря на декларативно высокую уверенность в совладании с тревогой, обладал самым бедным ресурсным профилем (ограниченным универсальными ценностями, свободным временем и абстрактным будущим) при отсутствии принятия инструментальных и социальных ресурсов, связанных с достижениями и поддержкой, что объясняет защитный характер их самоотчета. Группа I кластера, заявляющая о низкой готовности, но обладающая объективно средним стрессом, показала принятие инструментальных ценностей и ориентацию на будущее (карьера, поддержка, поступление), однако при отсутствии принятия взаимоотношений с родителями и самого будущего, что указывает на внутренний конфликт и дефицит ключевого социального ресурса. Эти различия подчеркивают сложность и неоднородность феномена психологической готовности к ЕГЭ и важность учета как осознаваемых, так и неосознаваемых аспектов при оценке ресурсов старшеклассников.

Заключение

В процессе исследования проведена эмпирическая верификация методики диагностики психологической готовности старшеклассников к ОГЭ и ЕГЭ [Чибисова 2009]: исследована факторная структура, разработаны количественные нормативы, показаны удовлетворительные психометрические характеристики (надежность оценки представлений респондентов о собственном умении справляться с тревогой и понимания важности успешной сдачи ЕГЭ) – методика может быть использована как с исследовательскими целями, так и в рамках индивидуальной диагностики.

Необходимо отметить, что при использовании самоотчетной диагностики психологической готовности старшеклассников к ЕГЭ следует учитывать факт существования достоверных различий между осознаваемыми и неосознаваемыми аспектами изучаемой характеристики:

- наиболее сбалансированным состоянием и гармоничными ресурсами обладают старшеклассники, продемонстрировавшие высокий уровень умения справляться с тревогой, понимания важности успешной сдачи ЕГЭ и знаний о том, как устроен ЕГЭ – специфическое психологическое сопровождение в данном случае не требуется (с количественной точки зрения группа составляет 30,2 %, т. е. каждый третий);
- близким по уровню психологической готовности являются старшеклассники, демонстрирующие средний уровень умения справляться с тревогой и высокий (или средний на границе с высоким) уровень понимания важности успешной сдачи ЕГЭ – точкой приложения психокоррекционных усилий при составлении программ психологического сопровождения является обучение навыкам эмоциональной саморегуляции (с количественной точки зрения группа составляет 21,6 %, т. е. каждый четвертый из обследованных старшеклассников);
- в психологическом сопровождении нуждаются старшеклассники, психологическая готовность к сдаче ЕГЭ которых, по данным анкеты, характеризуется завышенным (высокий уровень – с количественной точки зрения данная группа составляет 34,1 %) или заниженным (низкий уровень – 14,1 %) представлением о собственном умении справляться с тревогой при средних или низких показателях понимания важности успешной сдачи

ЕГЭ – основной фокус психокоррекционной работы в данном случае необходимо сосредоточить на объективизации и стабилизации самооценки и повышении мотивации к успешной сдаче государственного экзамена, приведении к оптимальным значениям уверенности в собственных силах, расширении репертуара совладающих ресурсов.

Ограничениями настоящего исследования и одновременно перспективами дальнейших разработок являются ограниченность выборки учащимися одной московской школы, что не позволяет в полной мере экстраполировать результаты на все регионы России и различные типы образовательных учреждений, а также отсутствие лонгитюдного компонента, который позволил бы проследить динамику психологической готовности и ее компонентов на протяжении всего периода подготовки к ЕГЭ. Кроме того, в качестве ограничений может быть рассмотрено отсутствие в обследованной выборке учащихся 9-х классов, чье восприятие ЕГЭ может иметь качественные отличия.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность администрации ГБОУ г. Москвы «Школа № 1512 имени Героя Советского Союза Алии Молдагуловой» за возможность проведения исследования, а также лично ученице 10 «П» (психолого-педагогического) класса Котельниковой Таисии за помощь в сборе материала.

Acknowledgements: The authors are grateful to the administration of School No. 1512, Moscow, for supporting the research, and express their sincere thanks to Taisia Kotelnikova for her assistance in data collection.

Литература / References

- Баранова В. А., Савина О. О. Проблемы совладания с экстремальной ситуацией при подготовке к ЕГЭ. *Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие*: V Междунар. науч. конф. (Кострома, 26–28 сентября 2019 г.) Кострома: КГУ, 2019. Т. 2. С. 244–248. [Baranova V. A., Savina O. O. The problems of coping with the extreme situation to prepare for the final examination. *Psychology of stress and coping: Challenges, resources, and well-being*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Kostroma, 26–28 Sep 2019. Kostroma: KSU, 2019, vol. 2, 244–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uazprx>
- Батыршина А. Р., Иванова Т. М. Динамика стресса учащихся в условиях подготовки и сдачи ОГЭ и ЕГЭ: постановка проблемы. *Гуманизация образования*. 2019. № 6. С. 125–137. [Batyrshtina A. R., Ivanova T. M. Dynamics of stress of students in the conditions of preparation and passing the BSE and USE: The statement of the problem. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2019, (6): 125–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/egpmri>
- Бубнова И. С., Терещенко А. Г. Обеспечение социально-психологической безопасности образовательной среды школы посредством профилактики суицидов в период подготовки к ЕГЭ. *Казанский педагогический журнал*. 2017. № 4. С. 116–130. [Bubnova I. S., Tereshchenko A. G. Ensuring social and psychological security of school learning environment with the means of preventing suicides during preparation for state examinations. *Kazan Pedagogical Journal*, 2017, (4): 116–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhzobr>
- Габдуллина Э. М. Динамика стрессовых переживаний обучающихся в период подготовки к итоговым экзаменам. *Наука через призму времени*. 2019. № 5. С. 197–200. [Gabdullina E. M. Dynamics of students' stress experiences during preparation for final exams. *Nauka cherez prizmu vremeni*, 2019, (5): 197–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtceiz>
- Дмитренко В. С. Психолого-педагогические условия сохранения психологического здоровья старшеклассников в процессе подготовки к ЕГЭ. *Актуальные проблемы здоровьесбережения в современном обществе*: III Всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 7 октября 2021 г.) Курск: ЮЗГУ, 2021. С. 31–34. [Dmitrenko V. S. Psychological and pedagogical conditions for maintaining the psychological health of high school students in preparation for the Unified State Exam. *Current issues of health preservation in modern society*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kursk, 7 Oct 2021. Kursk: SWSU, 2021, 31–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqjzpn>
- Дударева А. В., Люкшина Д. С. Стратегии совладающего поведения у лицеистов при подготовке к ЕГЭ. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*. 2018. № 3. С. 25–28. [Dudareva A. V., Lyukshina D. S. Coping strategies for lyceum students preparing for the Unified State Exam. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*, 2018, (3): 25–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypetbj>
- Иванова И. П. Стрессоустойчивость старшеклассников и ее характеристика. *Приоритетные направления психолого-педагогической деятельности в современной образовательной среде*: Всерос. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 21 октября 2021 г.) Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2021. С. 136–142. [Ivanova I. P. Stress resistance of high school students and its characteristics. *Priority areas of psychological and pedagogical activity in the modern educational environment*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, 21 Oct 2021. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2021, 136–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aobjme>
- Кузнецова Ю. В., Гуткевич Е. В. К исследованию взаимосвязи психологических защит и факторов психосоциального стресса в современной зарубежной науке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2024. Т. 14. № 2. С. 278–292. [Kuznetsova Yu. V., Gutkevich E. V. Toward the study of the relationship between psychological defenses and psychosocial stress factors in modern foreign science. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, 14(2): 156–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hedxjs>
- Лимасова С. П. Влияние ЕГЭ на возникновение суицидального поведения у подростков. *Всероссийские студенческие Ломоносовские чтения*: Всерос. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 17 февраля 2022 г.) Петрозаводск: Новая Наука, 2022. С. 307–313. [Limasova S. P. The impact of the unified state exam on the occurrence of suicidal behavior in adolescents. *All-Russian student Lomonosov readings*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 17 Feb 2022. Petrozavodsk: Novaia nauka, 2022, 307–313. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ngggz1>
- Михальская Д. С., Игнатович С. С. Стрессогенные факторы, воздействующие на выпускников в процессе подготовки к единому государственному экзамену. *Педагогика: история, перспективы*. 2022. Т. 5. № 6. С. 54–81. [Mikhalskaya D. S., Ignatovich S. S. Stressogenic factors affecting graduates in preparation for the unified state examination. *Pedagogy: history, prospects*, 2022, 5(6): 54–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfunbr>

- Москвичева Н. Л., Калимуллин А. Н. Становление самостоятельности старшеклассников в образовательной среде современной школы. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2009. Т. 5. № 1. С. 240–248. [Moskvicheva N. L., Kalimullin A. N. Development of independence of high school students in the educational environment of a modern school. *Zdorovie – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*, 2009, 5(1): 240–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqsggl>
- Омарова Л. М., Сайбулаева Д. Г. Исследование и профилактика уровня тревожности школьников выпускных классов в ситуации экзаменационного стресса. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 39. № 4. С. 129–138. [Omarova L. M., Saibulaeva D. G. Research and prevention of anxiety levels in high school students under exam stress. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2024, 39(4): 129–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/asdxzs>
- Ослон В. Н., Прокопьева Л. М., Колесникова У. В. Активность образа жизни, субъективное здоровье и субъективное благополучие детей старшего подросткового и юношеского возраста в Российской Федерации. *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27. № 6. С. 116–129. [Oslon V. N., Prokopeva L. M., Kolesnikova U. V. Relationship of lifestyle activity, subjective health and subjective well-being of adolescent children in the Russia. *Psychological Science and Education*, 2022, 27(6): 116–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2022270609>
- Сазонова А. Е. Обратная сторона ЕГЭ. *Современная школа в условиях реализации национального проекта «Образование»*: Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 11–12 декабря 2019 г.) Ставрополь: Библиотека А. Миллера, 2020. С. 179–181. [Sazonova A. E. The other side of the Unified State Exam. *The modern school in the context of the implementation of the national project Education*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, 11–12 Dec 2019. Stavropol: A. Miller Library, 2020, 179–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlejqm>
- Сидорова Т. Н., Малькова Т. А. Роль психологической поддержки в снижении экзаменационного стресса и тревожности у учащихся старших классов. *Казанская наука*. 2024. № 1. С. 37–41. [Sidorova T. N., Malkova T. A. The role of psychological support in reducing exam stress and anxiety among senior school students. *Kazan Science*, 2024, (1): 37–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tssnar>
- Синягина Н. Ю., Богачева Т. Ю. Семейный клуб. Экзамены – не стресс, а путь к новым победам и свершениям. *Образование личности*. 2015. № 2. С. 60–64. [Sinyagina N. Yu., Bogacheva T. Yu. Family club. Exams are not just stress, but a way to the new victories and achievements. *Obrazovanie lichnosti*, 2015, (2): 60–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcqrm1>
- Смородина М. Б. Экзаменационный стресс участников ЕГЭ и пути его преодоления. *Российская наука в современном мире: XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 31 мая 2021 г.) М.: Актуальность.РФ, 2021. С. 209–212. [Smorodina M. B. Examination stress of Unified State Exam participants and ways to overcome it. *Russian Science in the Modern World*: Proc. XXXVIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 31 May 2021. Moscow: Aktualnost.RF, 2021, 209–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/odppcv>
- Тихомирова Т. Н., Басюк В. С., Исмагулина В. И., Зинченко Е. В., Матяш Н. В., Овсянникова О. А., Пилипенко С. А., Поникарова И. Д., Сахарова Т. Н., Случ Н. А., Малых С. Б. Психологическое благополучие и образовательные результаты студентов с различными стратегиями поступления в вуз. *Психологическая наука и образование*. 2024. Т. 29. № 6. С. 35–53. [Tikhomirova T. N., Basyuk V. S., Ismatullina V. I., Zinchenko E. V., Matyash N. V., Ovsyannikova O. A., Pilipenko S. A., Ponikarova I. D., Sakharova T. N., Sluch N. A., Malykh S. B. Well-being and educational outcomes across student with different university admission strategies. *Psychological Science and Education*, 2024, 29(6): 35–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2024290603>
- Хасанова Г. З., Молчанова М. Н. Влияние экзаменационного стресса на продуктивность жизнедеятельности обучающихся в период подготовки к ОГЭ и ЕГЭ. *Теория и практика современной науки*. 2018. № 5. С. 1119–1121. [Khasanova G. Z., Molchanova M. N. Influence of examination stress on the productivity of students' life during the preparation for the OGE and EGE. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2018, (5): 1119–1121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uymuaf>
- Чибисова М. Ю. Психологическая подготовка к ЕГЭ: работа с учащимися, педагогами, родителями. М.: Генезис, 2009. 184 с. [Chibisova M. Yu. *Psychological preparation for the Unified State Exam: Working with students, teachers, and parents*. Moscow: Genesis, 2009, 184. (In Russ.)]

- Шацкова А. А. Ретроспективный анализ переживаний студентов экзаменационного стресса на ЕГЭ. *За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: 2-я Всерос. молодежная науч. конф.* (Курск, 4 июня 2021 г.) Курск: ЮЗГУ, 2021. Т. 2. С. 248–251. [Shatskova A. A. A retrospective analysis of students' experiences of exam stress during the Unified State Exam. *The future is ours: Young scientists' perspectives on the innovative development of society: Proc. 2nd All-Russian Youth Scientific Conf., Kursk, 4 Jun 2021.* Kursk: SWSU, 2021, vol. 2, 248–251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ihwqzm>
- Щебланова Е. И., Петрова С. О. Современные зарубежные исследования тревожности интеллектуально одаренных школьников. *Современная зарубежная психология.* 2021. Т. 10. № 4. С. 97–106. [Shcheblanova E. I., Petrova S. O. Modern foreign researches of anxiety in intellectually gifted school children. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2021, 10(4): 97–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100409>
- Эткинд А. М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. *Социально-психологические исследования в психоневрологии*, ред. Е. Ф. Бажин. Л.: Ленингр. н.-и. психоневрол. ин-т, 1980. С. 110–114. [Etkind A. M. The color test of relationships and its application in the study of patients with neuroses. *Social psychological studies in psychoneurology*, ed. Bazhin E. F. Leningrad: Leningrad Scientific-Institute of Psychoneurology, 1980, 110–114. (In Russ.)]
- Encarnação S., Teixeira J. E., Forte P., Leite L. B., Sortwell A., Branquinho L., Ferraz R., Afonso P., Vaz P., Monteiro A. M. Hierarchical clustering of the pre-exam anxiety levels in physically inactive and active adolescent students from 56 countries: An observational study using PISA program data. *Frontiers in Sports and Active Living*, 2025, 7. <https://doi.org/10.3389/fspor.2025.1509959>
- Pivovarova E. A., Gorodnichev R. M. Influence of the unified state examination on the functional state in high school students. *Human Physiology*, 2007, 33(4): 502–504. (In Russ.)] <https://doi.org/10.1134/S0362119707040202>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JAWYGK

Личностная готовность будущих дефектологов к работе в новых и приграничных регионах России

Сорокоумова Светлана Николаевна

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, Рязань

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, Москва

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5355-9260

<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

Scopus Author ID: 57190566098

Ларикова Эльвира Николаевна

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Россия, Нижний Новгород

Центр психолого-педагогической помощи «Съесть_слона», Россия, Бор

eLibrary Author SPIN: 5351-7178

<https://orcid.org/0009-0002-5750-3824>

larikova01@yandex.ru

Аннотация: Представлен теоретический анализ по проблеме формирования личностной готовности у студентов-дефектологов к труду на новых и приграничных территориях Российской Федерации. Обеспечение новых территорий квалифицированными дефектологами сегодня является задачей стратегической важности, непосредственно влияющей на социальное благополучие граждан. Работа в приграничных регионах, находящихся в непосредственной близости от зоны специальной военной операции, предъявляет особые требования к специалистам: дефектологу в этих условиях необходимо совмещать коррекционную работу с компетенциями в области психологической помощи. Цель – выявить сущность и определить оптимальные пути формирования личностной готовности будущих дефектологов к профессиональной деятельности в новых и приграничных регионах Российской Федерации. На основе теоретического анализа описана структура личностной готовности и определен диагностический комплекс с опорой на ее структурные компоненты: мотивационно-ценностный, когнитивный, операционно-деятельностный и рефлексивно-оценочный. В работе представлены результаты эксперимента, в которых отражены особенности личностной готовности будущих дефектологов к профессиональной деятельности в новых регионах России. Статья обобщает результаты исследования личностной готовности будущих дефектологов, определяя ее ключевые компоненты и предлагая пути их целенаправленного формирования для работы в условиях новых территорий.

Ключевые слова: личностная готовность, будущие дефектологи, готовность к труду, приграничные регионы, личность дефектолога, профессиональные компетенции, новые и приграничные территории Российской Федерации

Цитирование: Сорокоумова С. Н., Ларикова Э. Н. Личностная готовность будущих дефектологов к работе в новых и приграничных регионах России. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 385–396. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-385-396>

Поступила в редакцию 07.12.2025. Принята после рецензирования 03.02.2026. Принята в печать 09.02.2026.

original article

Personal Readiness of Pre-Service Speech Pathologists for Professional Activity in Russia's New Frontier Regions

Svetlana N. Sorokoumova

The Academy of the FPS of Russia, Russia, Ryazan
 Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Russia, Moscow
 Moscow Aviation Institute (National Research University),
 Russia, Moscow
 eLibrary Author SPIN: 3355-9260
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>
 Scopus Author ID: 57190566098

Elvira N. Larikova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
 Russia, Nizhny Novgorod
 Center for Psychological and Pedagogical Assistance Eat_an_Elephant,
 Russia, Bor
 eLibrary Author SPIN: 5351-7178
<https://orcid.org/0009-0002-5750-3824>
larikova01@yandex.ru

Abstract: Personal readiness is a diagnostic framework that relies on the following structural components: motivational-value, cognitive, operational-activity, and reflective-evaluative. This article provides a theoretical analysis of the development of students' personal readiness for professional activity in Russia's new frontier regions. Providing these new regions with qualified speech therapists is a strategic priority, directly impacting the social well-being of citizens. Since the frontier regions are in close proximity to the special military operation zone, therapists often find their roles expanding to include both speech correction and psychological aid. The experiment highlighted the personal readiness of pre-service speech therapists for professional activities in Russia's frontier regions, making it possible to design a roadmap to help students acquire the resilience and professional skills needed for work in high-stress, volatile settings.

Keywords: personal readiness, pre-service speech pathologist, readiness for professional activity, frontier regions, personality of speech pathologist, professional competencies, new and border territories of the Russian Federation

Citation: Sorokoumova S. N., Larikova E. N. Personal Readiness of Pre-Service Speech Pathologists for Professional Activity in Russia's New Frontier Regions. *SibScript*, 2026, 28(2): 385–396. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-385-396>

Received 7 Dec 2025. Accepted after peer review 3 Feb 2026. Accepted for publication 9 Feb 2026.

Введение

Вхождение новых субъектов в состав Российской Федерации – это не только политический и экономический процесс, но и масштабная гуманитарная миссия, важнейшей задачей которой является обеспечение доступности и качества образования для всех категорий граждан, включая детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью. За годы конфликта система специального образования на новых территориях могла быть разрушена или функционировала в изоляции. В настоящее время требуется не просто ее восстановление, а реконструкция и интеграция в единое образовательное пространство России. Подчеркнем, что дефектолог становится ключевой фигурой в этом процессе.

Подготовка кадров для работы на новых территориях является вопросом национальной безопасности и социальной стабильности, что соответствует

стратегическим целям развития РФ. Одной из ключевых особенностей новых и приграничных регионов России в современное время является то, что эти регионы наиболее близки территориально к зоне проведения специальной военной операции (СВО). А дети и взрослые, проживающие в зонах военных действий и поствоенных конфликтов, часто имеют не только врожденные или ранее приобретенные нарушения, но и психогенные травмы [Огнева, Болховитина 2024; Сеттаров и др. 2018]. Это требует от дефектолога умения работать с последствиями посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), тревожностью, нарушениями поведения и коммуникации, которые наслаиваются на основной дефект. Родители детей с ОВЗ также находятся в состоянии стресса, они могут быть беженцами, которые потеряли социальные связи и ресурсы, и тогда дефектолог должен уметь работать

не только с ребенком, но и с кризисной семьей, оказывая ей психолого-педагогическую поддержку. Современные исследования эмоционального состояния специалистов, работающих в приграничье, выявили у них повышенный уровень тревожности и нервно-психического напряжения, поэтому для адаптации к работе в экстремальных условиях для будущих дефектологов критически важным будет применение *адаптивных копинг-стратегий* [Ляхова и др. 2024; Реутов и др. 2023]. На новых территориях сохраняются свои культурные и языковые особенности, которые также необходимо учитывать дефектологу в своей работе.

Существующая сеть дефектологических кадров на новых территориях РФ сегодня крайне недостаточна и зачастую сама нуждается в методологической и методической поддержке со стороны специалистов России. С целью поддержки и развития дефектологической помощи в новых регионах требуется целевая подготовка специалистов, готовых туда отправиться.

Личностная готовность будущего дефектолога к работе – это целостная система, объединяющая в себе качества человека на уровне индивида, личности и духовности. Такая готовность мобилизует внутренние ресурсы специалиста, что позволяет ему успешно адаптироваться к различным профессиональным ситуациям и регулировать свои эмоциональные состояния в соответствии с рабочими задачами.

Существующие образовательные программы подготовки дефектологов в современной России не в полной мере учитывают специфику работы в условиях поствоенного урегулирования, а также с травмированными детьми и находятся в процессе интеграции новых образовательных систем. Отсутствуют целостные модели и технологии формирования личностной готовности студентов к работе в столь сложных условиях, что и создает научную проблему, требующую решения.

Цель работы – выявить сущность и определить оптимальные пути формирования личностной готовности будущих дефектологов к профессиональной деятельности в новых и приграничных регионах Российской Федерации.

Объект исследования – будущие дефектологи в контексте их профессионального развития. Предмет – личностная готовность будущих дефектологов к профессиональной деятельности в специфических условиях новых и приграничных территорий, а также целенаправленная ее мотивация.

Теоретико-методологическая основа исследования проблемы формирования личностной готовности будущих дефектологов базируется на синтезе двух взаимодополняющих направлений: психологических теорий личности и компетентностного подхода в профессиональном становлении.

Методологическим ядром нашего исследования выступают: культурно-историческая теория Л. С. Выготского и теория деятельности А. Н. Леонтьева. Культурно-историческая теория доказывает, что высшие психические функции и личность специалиста формируются через присвоение им культурного опыта и ценностей в процессе социального взаимодействия [Бирич 2016]. Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, личность дефектолога рождается и проявляется в его деятельности [Леонтьев 1975]. Для будущего дефектолога это означает, что его личностная готовность к труду на новых и приграничных территориях РФ формируется через единство его внешней (практика, семинары, взаимодействие с коллегами и родителями) и внутренней (рефлексия, самооценка, выработка ценностных ориентаций) деятельности.

Также процесс становления личностной готовности будущего дефектолога к труду имеет социально опосредованный характер и раскрывается в теории персонализации А. В. Петровского, где личность студента-дефектолога формируется в референтной для него группе (сокурсники, преподаватели, профессиональное сообщество) через совместную деятельность, общие цели и ценности данной группы, которые впоследствии становятся внутренними убеждениями самого будущего специалиста [Семенов 2014].

Концепция отношений В. Н. Мясищева определяет личность будущего дефектолога как систему его избирательных отношений к миру, себе и профессиональной деятельности [Абульханова-Славская и др. 2018].

Ключевой движущей силой развития личности будущих дефектологов выступает иерархия их потребностей, описанная в гуманистической психологии А. Маслоу. Стремление к самоактуализации, профессиональному призванию и осмысленному служению (*если не я, то кто же*) является высшим уровнем мотивации, достижимым при удовлетворении базовых потребностей в безопасности, принятии и уважении [Фассахова и др. 2018].

Сущность профессионально-личностной готовности как сложного системного образования

раскрывается в рамках системогенетического подхода. Согласно этому подходу, готовность представляет собой интеграцию способностей индивида, компетенций субъекта деятельности и качеств личности, которые регулируют и направляют профессиональную деятельность [Шадриков 2010].

Научная рефлексия личностных качеств дефектолога имеет длительную историю. С. Д. Забрамная и Л. И. Романова доказали, что ключевые профессиональные качества поддаются целенаправленному формированию в вузе [Забрамная, Романова 1978]. Дальнейшее развитие концепций профессиональной деятельности актуализировало гуманистический подход, выделив в качестве ядра такие личностные характеристики, как эмпатия, толерантность и деонтологическая ориентированность [Назарова, Пенин 2021]. В результате систематизации требований к специалисту его компетентность была определена как интегративное трехкомпонентное образование [Яковлева 2009], включающее:

- ценностно-смысловой компонент (гуманизм, мотивация помощи);
- профессионально-личностный компонент (эмоциональная устойчивость, эмпатия, когнитивная гибкость);
- профессионально-деятельностный компонент (диагностические, коррекционно-развивающие и иные компетенции, регламентированные ФГОС).

Особое значение в изучении профессионального портрета дефектолога уделяется внутренней, просоциальной мотивации помощи, которая, на наш взгляд, является фундаментом для работы со сложными случаями нарушений развития [Хекхаузен 2003]. Отметим, что вопросы формирования профессиональной компетентности дефектологов освещаются в работах многих ученых [Алмазова, Соловьева 2018; Ларикова, Сорокоумова 2022; 2024; Назарова 2004; Филатова 2015; Шилова и др. 2019; 2021].

Таким образом, личностная готовность будущего дефектолога к работе на новых территориях РФ понимается нами как динамическая, многоуровневая система, возникающая в результате непрерывного взаимодействия внутренних потенциалов личности (ее потребностей, способностей, отношений) и внешних социально-культурных условий (образовательной среды, профессионального сообщества, культурных норм).

Методы и материалы

Экспериментальная часть исследования проводилась на базе Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. В выборку вошли 348 студентов-второкурсников (19–20 лет) кафедры специального образования, обучающихся по направлениям «Олигофренопедагогика», «Логопедия» и «Специальная психология»: экспериментальная группа (ЭГ) – 170 человек; контрольная группа (КГ) – 178 человек.

В результате анализа научной литературы по проблеме были выделены следующие структурные компоненты личностной готовности будущих дефектологов к работе на новых территориях России: мотивационно-ценностный, когнитивный, операционно-деятельностный и рефлексивно-оценочный [Сорокоумова, Ларикова 2025]. Далее на основе предложенной структуры был разработан диагностический комплекс для изучения данных компонентов личностной готовности к труду на новых территориях РФ. Так, для диагностики мотивационно-ценностного компонента нами применялись: методика В. Э. Мильмана, позволившая проанализировать мотивационную структуру личности будущих дефектологов через оценку их общежитической и рабочей направленности [Бабина и др. 1990], и опросник Ю. М. Орлова для оценки уровня потребности в достижении успеха как стремления к высоким профессиональным результатам [Елисеев 2003: 427–428; Практикум по возрастной психологии 2002: 512–513]. Для диагностики когнитивного компонента личностной готовности использовалась методика «Определение типа мышления» (модификация опросника Г. В. Резапкиной [Резапкина 2005]), направленная на оценку развития базовых типов мышления и общего уровня креативности будущих дефектологов, а также шкала толерантности к неопределенности С. Баднера [Kornilova, Chumakova 2014]. С целью изучения операционно-деятельностного компонента личностной готовности студентов-дефектологов к работе на новых территориях РФ нами были выбраны опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС) [Водопьянова 2009] и шкала развитости эмпатийных тенденций И. М. Юсупова [Юсупов 1995]. Для диагностики рефлексивно-оценочного компонента применялся опросник рефлексивности А. В. Карпова, измеряющий уровень развития

рефлексии у будущих дефектологов как устойчивого личностного свойства [Карпов 2003].

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью количественного, качественного и статистического анализа (критерий Пирсона) для обеспечения достоверности результатов.

Результаты

Профессиональные мотивы, лежащие в основе ценностных ориентаций дефектолога, определяют его личностную готовность к работе. Детерминирующая роль мотивационной составляющей в профессиональной деятельности дефектолога подтверждается исследованием I. Pancasila и коллег, в котором установлено, что базовым стимулом является актуализация личностных потребностей и мотивов [Pancasila et al. 2020].

При изучении мотивационной сферы будущих дефектологов следует проанализировать соотношения между идеальным и реальным мотивами. Существенные расхождения между ними интерпретируются нами как специфические психологические состояния: внутренний конфликт и внутренний вакуум. Состояние внутреннего конфликта характеризуется высоким уровнем нереализованных устремлений, что порождает фрустрацию и неудовлетворенность актуальной потребности. Состояние внутреннего вакуума возникает, когда деятельность осуществляется без внутреннего желания, при низкой ценности мотива. Следствием этого является эмоциональное пресыщение, обесценивание деятельности и утрата ее смысла.

Используя методику В. Э. Мильмана, мы изучили потребности и активности студентов-дефектологов по семи ключевым сферам мотивационной направленности: *жизнеобеспечение, комфорт, социальный статус, общение, общая активность, творческая активность и общая полезность*. Согласно полученным результатам, наибольшие показатели состояния вакуума наблюдаются в сферах *социальный статус* (ЭГ – 36 %; КГ – 22 %) и *общение* (ЭГ – 35 %; КГ – 16 %). Это позволяет утверждать, что данные аспекты жизни будущих дефектологов в наибольшей степени подвержены обесцениванию и перенасыщению. Несмотря на обладание статусом студента и участие в многочисленных коммуникациях, эта деятельность не воспринимается ими как значимая и желанная, превращаясь в рутину. Высокие показатели вакуума также зафиксированы по шкале *общественная полезность* (ЭГ – 20 %; КГ – 21 %),

что свидетельствует о выполнении соответствующей деятельности скорее в силу обязанности или внешнего давления, нежели по внутреннему убеждению и личной заинтересованности.

Анализ состояния внутреннего конфликта выявил небольшой рост напряженности по шкалам *комфорт* (ЭГ – 9 %; КГ – 8 %) и *жизнеобеспечение* (ЭГ – 6 %; КГ – 7 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что именно эти базовые, витальные потребности являются наиболее фрустрированными. Резкий контраст между высокими устремлениями к безопасности, стабильности и комфорту и их реализацией в действительности порождает у студентов-дефектологов значительное психоэмоциональное напряжение и ощущение тревоги.

Семь ключевых сфер мотивационной направленности студентов-дефектологов, используемых в методике В. Э. Мильмана, условно можно разделить на два направления мотивации: общежитийскую и рабочую. В таблице был рассчитан средний балл общежитийской и рабочей направленности мотивационной сферы будущих дефектологов (табл.).

Исходя из таблицы, в общежитийской сфере более выражены базовые потребности, такие как *жизнеобеспечение, комфорт и общение*. Уровень общей активности будущих дефектологов также несколько выше в этой сфере, чем в рабочей. Напротив, рабочая мотивация демонстрирует качественно иную направленность, и наиболее значимое преимущество здесь наблюдается в сфере творчества, потребность в котором существенно выше, чем в общежитийской сфере. Кроме того, будущие специалисты проявляют значительно более высокую потребность в социальной полезности в контексте будущей профессиональной деятельности.

Полученные результаты свидетельствуют о явном различии социально-психологической направленности мотивации. Общежитийская ориентация характеризуется фокусом на социальные аспекты и комфорт, что, вероятно, отражает возрастные особенности юношеского периода, связанные с социализацией и установлением социального статуса. В то же время рабочая мотивация ориентирована на самореализацию и продуктивность. Исключительно высокие показатели по творческой активности и социальной полезности указывают на стремление студентов-дефектологов к профессиональному росту, реализации потенциала и принесению пользы обществу.

В международных исследованиях основное внимание уделяется мотивации достижения успеха

Табл. Результаты исследования общежитейской и рабочей направленности мотивационной сферы будущих дефектологов, баллы

Tab. Motivation in pre-service speech pathologists: lifestyle and professional orientation, points

Ключевые сферы мотивации	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Общежитейская мотивация	Рабочая мотивация	Общежитейская мотивация	Рабочая мотивация
Жизнеобеспечение	14,6	13,7	15,0	13,9
Комфорт	17,5	15,3	17,9	15,3
Социальный статус	13,2	11,5	12,9	11,8
Общение	17,1	15,0	17,5	15,4
Общая активность	13,1	11,8	12,9	11,5
Творческая активность	13,0	17,3	13,5	17,5
Общая полезность	10,3	15,5	10,0	15,8

как ключу к профессиональному становлению [Aslan, Kirikkanat 2013; Elliot, Hulleman 2017; Filipkowski, Derbis 2023; Khamidova, Usmanova 2024]. В нашем исследовании также изучена потребность в достижении успеха у студентов дефектологического профиля. Результаты оценки распределились по трем группам в соответствии с их уровнем мотивации. Основной костяк (68 %) – это студенты со средним уровнем мотивации, которые представляют собой надежную опору профессии. Они стремятся к реалистичным целям, выбирают задачи умеренной сложности и стабильно эффективны при наличии обратной связи. Студенты-дефектологи с высоким уровнем мотивации (26 %) демонстрируют выраженную целеустремленность, готовность к вызовам и настойчивость в решении сложных задач. Именно из них, вероятнее всего, сформируется будущая элита профессии: новаторы, эксперты и руководители, способные вывести дефектологию на новый уровень, в том числе на территории новых регионов РФ. Группа риска (6 %) – студенты с низким уровнем мотивации. Отсутствие у них стремления к достижениям и склонность к рутине создают риск формального подхода к работе, и это может привести к быстрому выгоранию и неэффективной профессиональной деятельности.

Еще одним важным структурным компонентом профессионально-личностной готовности учителя-дефектолога к работе в новых регионах РФ выступает профессиональное мышление, представляющее собой систему когнитивных операций, направленных на осуществление психолого-педагогической диагностики и последующее проектирование

коррекционного маршрута для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Исследование выявило как сильные стороны, так и критический дефицит в структуре мышления будущих дефектологов. Согласно результатам, наглядно-образное мышление преобладает у большинства будущих дефектологов: его показатели сосредоточены на высоком (ЭГ – 61 %; КГ – 60 %) и среднем уровнях (ЭГ – 34 %; КГ – 35 %). Наглядно-образное мышление позволяет эффективно визуализировать учебный процесс, создавать пособия и работать с образами (артикуляция, жесты). Высокая креативность (высокий уровень: ЭГ – 55 %; КГ – 57 % и средний уровень: ЭГ – 43 %; КГ – 42 %) является ключевой компетенцией для разработки индивидуальных методик, адаптации материалов и нестандартного решения педагогических задач, особенно в условиях ограниченного ресурса методических материалов. Развитое предметно-действенное мышление (высокий уровень: ЭГ – 49 %; КГ – 50 % и средний уровень: ЭГ – 49 %; КГ – 46 %) студентов-дефектологов обеспечивает эффективную работу через манипуляции с предметами, что критически важно для развития моторных и бытовых навыков у детей. Хорошее словесно-логическое мышление будущих дефектологов (высокий уровень: ЭГ – 46 %; КГ – 46 % и средний уровень: ЭГ – 49 %; КГ – 48 %) служит основой для диагностики, формулировки заключений и структурированной коммуникации с коллегами и родителями в профессиональной деятельности. Также по результатам исследования определяется низкое абстрактно-символическое мышление студентов-дефектологов, где более половины выборки демонстрируют

его низкий уровень развития (ЭГ – 54 %; КГ – 56 %). Это снижает понимание студентами теоретических моделей и систем (буквы, цифры, правила) с риском ограничить профессиональную деятельность будущих дефектологов простыми манипуляциями без глубинного анализа нарушений.

Толерантность к неопределенности или когнитивная гибкость представляет собой интегральную способность будущего дефектолога сохранять профессиональную эффективность в ситуациях с неполной информацией, проявляя адаптивность. Диагностика толерантности к неопределенности выявила у будущих дефектологов в целом благоприятную картину, где распределение по уровням выглядит следующим образом: низкий уровень практически отсутствует (ЭГ – 0 %; КГ – 1 %), средний уровень продемонстрировали чуть меньше половины студентов (ЭГ – 46 %; КГ – 45 %), а высокий уровень показали более половины опрошенных в обеих группах (ЭГ – 54 %; КГ – 54 %). Полученные результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство студентов-дефектологов обладает развитой способностью работать в условиях нехватки информации и непредсказуемости. Практически полное отсутствие низких показателей позволяет утверждать, что выборка в целом психологически готова к принятию решений в неоднозначных ситуациях, что является одним из ключевых требований для работы в новых регионах России.

Еще один важный компонент личностной готовности будущих дефектологов к работе на новых территориях России – их психологическая устойчивость и владение копинг-стратегиями [Сорокоумова, Ларикова 2024]. Сводный анализ стратегий совладания со стрессом у будущих дефектологов показал распределение по группам используемых ими копингов.

Так, в группе когнитивных копингов наиболее выражена стратегия *снижения значимости проблемы* (ЭГ – 16; КГ – 17 баллов), и здесь мы видим способность будущих дефектологов минимизировать давление стресса без драматизации. Умеренные показатели стратегий *самоодобрения* (ЭГ – 15; КГ – 14 баллов) и *самооправдания* (ЭГ – 15; КГ – 16 баллов) отражают самооценку будущих дефектологов и их способность сохранять самоуважение без самообмана.

В группе копингов сохранения эмоционально-физического баланса отмечаются высокие показатели стратегии *психомышечной релаксации* (ЭГ – 19; КГ – 17 баллов), *отвлечения* (ЭГ – 18; КГ – 18 баллов)

и *замещения* (ЭГ – 17; КГ – 18 баллов). Данные копинг-стратегии становятся необходимыми навыками для будущих дефектологов с целью восстановления их собственных ресурсов. Навык *самоутверждения* (ЭГ – 17; КГ – 18 баллов), также имеющий высокие показатели, отражает основу профессиональной уверенности будущих дефектологов.

В группе активных стратегий, ориентированных на проблему, лидируют копинги *контроля над ситуацией* (ЭГ – 20; КГ – 21 балл) и *самоконтроля* (ЭГ – 20; КГ – 20 баллов), что отражает ориентацию будущих дефектологов на анализ и решение возникающих проблем. Развитая стратегия *позитивной самомотивации* студентов-дефектологов (ЭГ – 19; КГ – 20 баллов) демонстрирует их оптимистичный подход к преодолению различных трудностей.

Показатели использования будущими дефектологами деструктивных копингов значительно ниже показателей других шкал. Минимальные значения стратегий *бегства* (ЭГ – 13; КГ – 13 баллов), *беспомощности* (ЭГ – 12; КГ – 11 баллов), *самообвинения* (ЭГ – 13; КГ – 13 баллов) демонстрируют отсутствие у студентов-дефектологов склонности к пассивности и изоляции. Крайне низкие показатели *агрессии* (ЭГ – 13; КГ – 12 баллов) и *приема лекарств* (ЭГ – 7; КГ – 6 баллов) также указывают на зрелые методы саморегуляции будущих дефектологов.

Следующим этапом нашего исследования является анализ эмпатии будущих дефектологов. Несмотря на то что эмпатия основана на эмоциональной восприимчивости, в профессиональном контексте критическое значение приобретает ее практическое применение. Речь идет о способности не просто понимать состояние другого человека, но и преобразовывать это понимание в выбор и реализацию соответствующих профессиональных методик – техник общения, коррекции и психологической поддержки. В связи с этим эмпатию по праву мы рассматриваем в качестве элемента операционно-деятельностного компонента личностной готовности к работе на новых территориях РФ.

Результаты диагностики эмпатии показали схожую картину в обеих группах: у большинства студентов (ЭГ – 83 %; КГ – 80 %) ее уровень соответствует норме. Данный результат закономерен для представителей помогающей профессии и свидетельствует о том, что выбор специализации в целом коррелирует с развитыми социально-эмоциональными компетенциями. Вместе с тем наличие студентов с низким (ЭГ – 14 %; КГ – 15 %)

и высоким (ЭГ – 3 %; КГ – 5 %) уровнем эмпатии указывает на неоднородность выборки. Это, в свою очередь, позволяет выделить потенциальные проблемные зоны в подготовке кадров. Низкие показатели вызывают обеспокоенность в отношении их будущей профессиональной эффективности, в то время как незначительная доля высоких значений позволяет говорить о дефиците выраженных эмпатических способностей в общей массе обучающихся.

Рефлексивно-оценочный компонент личностной готовности к труду в новых регионах Российской Федерации основывается на профессиональном самосознании студента-дефектолога. Его сущность заключается в динамическом саморазвитии и интеграции профессиональных ценностей и смыслов в личностную структуру. Развитое самосознание помогает будущему специалисту объединить разные стороны личности в целостный образ *Я-профессионал*.

По результатам исследования способности к рефлексии у будущих дефектологов наиболее тревожным является полное отсутствие студентов с высоким уровнем рефлексивности и в экспериментальной, и в контрольной группах. Подавляющее большинство обучающихся демонстрируют средний уровень рефлексивности (ЭГ – 76 %; КГ – 74 %). Хотя данный результат ожидаем, он является недостаточным для профессии, требующей постоянного личностного участия. Средний уровень характеризуется констатирующей рефлексией: студенты способны проанализировать завершённое действие по заданному алгоритму, сопоставив его с образцом или рекомендацией преподавателя. Однако такой анализ ситуативен, поверхностен и не ведет к глубинным трансформациям профессионального Я. Критическую озабоченность вызывает значительная доля студентов-дефектологов с низким уровнем рефлексивности (ЭГ – 24 %; КГ – 26 %), это подразумевает отсутствие устойчивой потребности в самоанализе, что приводит к формальному выполнению профессиональных задач.

Заключение

На основании проведенного исследования было установлено, что мотивационный компонент личностной готовности студентов-дефектологов представлен двунаправленностью мотивов: в рабочей мотивации преобладают мотивы творческой активности и социальной полезности, а в общежитической

направленности – *комфорт и общение*. Мотивация достижения успеха у будущих дефектологов в большей степени сформирована, однако 6 % студентов представляют группу риска и имеют низкий уровень потребности в успешной деятельности.

Когнитивный компонент личностной готовности будущих дефектологов к труду в новых регионах России отражает как сильные стороны, так и критический дефицит. У будущих дефектологов преобладает высоко развитое наглядно-образное, предметно-действенное и словесно-логическое мышление, а также креативность. Это обеспечивает эффективность в визуализации, практической работе и решении педагогических задач. Высокая когнитивная гибкость или толерантность к неопределенности свидетельствует о готовности будущих дефектологов работать в условиях нехватки информации и непредсказуемости. Однако слабо развитое абстрактно-символическое мышление студентов (более 50 % студентов) ограничивает их способность к пониманию теоретических моделей и системному анализу нарушений, рискуя свести профессиональную деятельность к простым манипуляциям.

Операционально-деятельностный компонент личностной готовности к труду в новых регионах РФ представлен двумя наиболее значимыми, на наш взгляд, навыками: сформированностью адаптивных копинг-стратегий и эмпатией. По результатам исследования установлено, что будущие дефектологи демонстрируют зрелый профиль совладающего поведения с преобладанием активных проблемно-ориентированных стратегий. Отметим, что выявленный ресурс позволяет говорить о хорошей психологической готовности к профессии. Хотя у большинства студентов-дефектологов уровень эмпатии в норме, крайне мало будущих дефектологов с высоким уровнем эмпатических способностей, что указывает на некий дефицит этого ключевого для помогающей профессии качества в его выраженной форме.

Наиболее тревожный результат получен в диагностике рефлексивно-оценочного компонента личностной готовности, где мы наблюдаем полное отсутствие студентов с высоким уровнем рефлексивности. Преобладание среднего уровня рефлексивной способности означает склонность у будущих дефектологов к ситуативному, шаблонному анализу, при этом каждый четвертый студент по результатам диагностики имеет низкий уровень рефлексии, что ведет к формализму в работе и отсутствию потребности в самоанализе.

Оптимальные пути формирования личностной готовности должны быть направлены на преодоление выявленных противоречий и включать в себя трансформацию «вакуума» в «ресурс» через смещение акцента с формального выполнения обязанностей на личностный смысл и значимость профессиональной деятельности. Создание ситуаций успеха и значимости, т. е. активное вовлечение будущих дефектологов в профессиональное сообщество, где их вклад признается и ценится, позволит преодолеть внутренний вакуум в сфере социального статуса и общения.

Рекомендуется целенаправленное развитие абстрактно-символического мышления через внедрение в учебный процесс специальных модулей и заданий, ориентированных на анализ теоретических моделей, построение гипотез о структуре дефекта и проектирование долгосрочных коррекционных маршрутов, опираясь при этом на развитое наглядно-образное мышление и креативность.

Необходимо также развивать операционально-деятельностный компонент личностной готовности будущих дефектологов от нормы к мастерству. Мы предлагаем организовывать тренинги, направленные не просто на понимание эмоций, а на отработку навыков операциональной эмпатии, т. е. перевода эмпатического понимания в конкретные профессиональные техники и решения в условиях стресса. Кроме этого, следует закреплять адаптивное копинг-поведения через моделирование в учебном процессе профессиональных стрессовых и неопределенных ситуаций, характерных для новых территорий РФ, и отрабатывать использование

конструктивных стратегий совладания. С целью развития рефлексивности у будущих дефектологов необходимо внедрять систему рефлексивных дневников и проведение посттворческих разборов, где акцент ставится не на отчете – что сделал, а на анализе – почему я поступил так, какие мои установки повлияли на решение, как это изменило меня как специалиста.

Наиболее эффективным является модульный подход в подготовке, где сквозной линией через все дисциплины и виды практик проходит формирование недостающих и усиление имеющихся компетенций, с обязательным психолого-педагогическим сопровождением, аналогичным подготовке для работы в экстремальных условиях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. Н. Сорокоумова – критический анализ, методология, формализованный анализ данных. Э. Н. Ларикова – теоретический анализ литературы, проведение эмпирического исследования, обработка и описание результатов.

Contribution: S. N. Sorokoumova provided the critical analysis, methodology development, and formalized data analysis. E. N. Larikova wrote the review, conducted the empirical study, and processed the results.

Литература / References

- Абульханова-Славская К. А., Славская А. Н., Леванова Е. А., Пушкарева Т. В. Теория личности В. Н. Мясищева. *Мир образования – образование в мире*. 2018. № 4. С. 58–66. [Abulkhanova-Slavskaya K. A., Slavskaya A. N., Levanova E. A., Pushkareva T. V. V. N. Myasishchev's personality theory. *The World of Education – Education in the World*, 2018, (4): 58–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sctbrg>
- Алмазова А. А., Соловьева Т. А. Значение идей Л. С. Выготского для системы специального образования и подготовки педагогов-дефектологов в высшей школе. *Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология*: Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 4 декабря 2018 г.) Саранск: МГПИ, 2018. С. 287–291. [Almazova A. A., Solovyova T. A. The importance of ideas L. S. Vygotsky for the system of special education and training of teachers-defectologists in higher school. *Integration of science and education in the 21st century: Psychology, pedagogy, and speech pathology*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saransk, 4 Dec 2018. Saransk: MSPI, 2018, 287–291. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dslhqu>
- Бабина В. С., Дукаревич М. З., Еникополов С. Н. и др. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. 159 с. [Babina V. S., Dukarevich M. Z., Enikopolov S. N. et al. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-Regulation*. Moscow: MSU, 1990, 159. (In Russ.)]

- Бирич И. А. Культурно-историческая концепция Л. С. Выготского в свете психологии развития личности: антропологические горизонты. *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. 2016. № 4. С. 21–29. [Birich I. A. L. S. Vygotsky's cultural-historical concept in the light of psychology of the development of personality: Anthropological horizons. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2016, (4): 21–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbsczf>
- Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 329 с. [Vodopyanova N. E. *Psychodiagnostics of stress*. St. Petersburg: Piter, 2009, 329. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxvsdn>
- Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003. 508 с. [Eliseev O. P. *Workshop on personality psychology*. St. Petersburg: Piter, 2003, 508. (In Russ.)]
- Забрамная С. Д., Романова Л. И. Об организации изучения учащихся вспомогательной школы. *Дефектология*. 1978. № 5. С. 34–37. [Zabramnaya S. D., Romanova L. I. Organizing the study of students in a specialized school. *Defectology*, 1978, (5): 34–37. (In Russ.)]
- Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57. [Karpov A. V. Reflectiveness as a mental quality and the method to diagnose it. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2003, 24(5): 45–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooybsn>
- Ларикова Э. Н., Сорокоумова С. Н. Профессиональная подготовка современных дефектологов. *Проблемы общества, науки и образования в условиях геополитической турбулентности*: Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 31 марта – 3 апреля 2024 г.) Казань: КФУ, 2024. С. 30–33. [Larikova E. N., Sorokoumova S. N. Professional training of modern defectologists. *Problems of society, science, and education in the context of geopolitical turbulence*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 31 Mar – 3 Apr 2024. Kazan: KFU, 2024, 30–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnmwif>
- Ларикова Э. Н., Сорокоумова С. Н. Формирование профессиональных антиципаций студентов-дефектологов через призму их смысложизненных ориентаций. *Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения»*. 2022. № 1-3. С. 208–213. [Larikova E. N., Sorokoumova S. N. Formation of professional expectations of students-defectologists through the prism of their life-meaning orientations. *Osovskie pedagogicheskie chteniia "Obrazovanie v sovremennom mire: Novoe vremia – novye resheniia"*, 2022, (1-3): 208–213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mdvzeg>
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 352 с. [Leontiev A. N. *Activity, consciousness, personality*. Moscow: Politizdat, 1975, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjuelz>
- Ляхова Ж. Г., Ковтун Ю. Ю., Кучерявенко И. А. Изучение особенностей эмоционального состояния специалистов, работающих в приграничном с зоной СВО регионе. *Научно-педагогическое обозрение*. 2024. № 4. С. 142–150. [Lyakhova Zh. G., Kovtun Yu. Yu., Kucheryavenko I. A. Studying the characteristics of the emotional state of employees of construction sector enterprises working in the region bordering the military conflict zone. *Pedagogical Review*, 2024, (4): 142–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-4-142-150>
- Назарова Н. М. Профессиональная деятельность и личность педагога системы специального образования. In: Аксенова Л. И., Архипов Б. А., Белякова Л. И. и др. *Специальная педагогика*. М.: Академия, 2004. С. 157–162. [Nazarova N. M. Professional activity and personality of a teacher of the special education system. In: Aksenova L. I., Arkhipov B. A., Belyakova L. I. et al. *Special pedagogy*. Moscow: Academia, 2004, 157–162. (In Russ.)]
- Назарова Н. М., Пенин Г. Н. Специальная педагогика. Т. 1. История специальной педагогики. М.: Инфра-М, 2021. 357 с. [Nazarova N. M., Penin G. N. *Special pedagogy. Vol. 1. History of special pedagogy*. Moscow: Infra-M, 2021, 357. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/1078993>
- Огнева В. В., Болховитина Т. С. Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности. *Via in tempore. История. Политология*. 2024. Т. 51. № 4. С. 1035–1043. [Ogneva V. V., Bolkhovitina T. S. The Russian border area in the context of the special military operation: Current aspects of ensuring national security. *Via in tempore. History and political science*, 2024, 51(4): 1035–1043. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043>
- Практикум по возрастной психологии, ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Речь, 2002. 694 с. [Workshop on developmental psychology, eds. Golovey L. A., Rybalko E. F. 2nd ed. St. Petersburg: Rech, 2002, 694. (In Russ.)]

- Резапкина Г. В. Психология и выбор профессии. М.: Генезис, 2005. 208 с. [Rezapkina G. V. *Psychology and choice of profession*. Moscow: Genesis, 2005, 208. (In Russ.)]
- Реутов Е. В., Гармашев А. А., Полухин О. Н., Реутова М. Н. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции. *Власть*. 2023. Т. 31. № 4. С. 86–94. [Reutov E. V., Garmashev A. A., Polukhin O. N., Reutova M. N. Transformation of the perception of security problems in the border region under the conditions of a special military operation. *Vlast*, 2023, 31(4): 86–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695>
- Семенов И. Н. Персонология жизнестворчества А. В. Петровского и развитие истории и теории общей и социальной психологии и педагогики (к 90-летию со дня рождения). *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2014. № 6. С. 10–48. [Semenov I. N. Personology of creating life in works of A. V. Petrovskii and the development of the history and theory of general and social psychology and pedagogy (the 90th anniversary of his birth). *Psychology. Historical-critical reviews and current researches*, 2014, (6): 10–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thsvtz>
- Сеттаров И. А., Синица Д. А., Инамова С. Т., Юнусов Д. М., Касимов З. Боевая психическая травма и посттравматическое стрессовое расстройство: причины, последствия, профилактика. *Sciences of Europe*. 2018. № 26-1. С. 58–63. [Settarov I. A., Sinitza D. A., Inamova S. T., Yunusov D. M., Kasimov Z. Combat trauma and post-traumatic stress disorder: Causes, consequences, prevention. *Sciences of Europe*, 2018, (26-1): 58–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uortqk>
- Сорокоумова С. Н., Ларикова Э. Н. Мотивационно-ценностный компонент профессионально-личностной готовности будущих дефектологов. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2025. Т. 16. № 2. С. 375–396. [Sorokoumova S. N., Larikova E. N. Motivational and value component of professional and personal readiness of future defectologists. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2025, 16(2): 375–396. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-2-708>
- Сорокоумова С. Н., Ларикова Э. Н. Формирование адаптивных копинг-стратегий у студентов-дефектологов в вузе средствами групповой решение-фокусированной психологической работы. *Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Международной научно-практической конференции*. 2024. № 12. С. 84–90. [Sorokoumova S. N., Larikova E. N. Formation of adaptive coping strategies among students of speech pathologists at the university by means of group decision-focused psychological work. *Personality in culture and education: Psychological support, development, socialization: Proceedings of the international scientific and practical conference*, 2024, (12): 84–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ekpbpc>
- Фассахова Г. Р., Гатауллина Р. В., Чумарова Л. Г. Абрахам Маслоу и его гуманистические идеи. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-2. С. 369–372. [Fassakhova G. R., Gataullina R. V., Chumarova L. G. Abraham Maslow and his humanistic ideas. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, (58-2): 369–372. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzjarn>
- Филатова И. А. Деонтологическая компетентность будущих педагогов-дефектологов. *Специальное образование*. 2015. № 2. С. 105–115. [Filatova I. A. Deontological competence of future teachers-defectologist. *Special education*, 2015, (2): 105–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uborox>
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с. [Heckhausen H. *Motivation and activity*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003, 860. (In Russ.)]
- Шадриков В. Д. Вопросы психологической теории способностей. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 3. С. 41–56. [Shadrikov V. D. The problems of psychological theory of abilities. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2010, 7(3): 41–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qozclv>
- Шилова Е. А., Закрепина А. В., Стребелева Е. А. Изучение профессионально-личностных качеств универсального свойства как основания готовности будущего педагога-дефектолога к профессиональной деятельности. *Специальное образование*. 2021. № 2. С. 159–169. [Shilova E. A., Zakrepina A. V., Strebeleva E. A. Professional-personal qualities of a universal nature as a basis of preparation of the future teacher-defectologist to professional activity. *Special education*, 2021, (2): 159–169. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-6993_2021_02_12

- Шилова Е. А., Закрепина А. В., Стребелева Е. А. Исследование педагогического контекста диагностической компетенции учителя-дефектолога. *Интеграция образования*. 2019. Т. 23. № 3. С. 458–474. [Shilova E. A., Zakrepina A. V., Strebeleva E. A. Study of the pedagogical context of the diagnostic competence of special education teachers / rehabilitators. *Integration of education*, 2019, 23(3): 458–474. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.458-474>
- Юсупов И. М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1995. 252 с. [Yusupov I. M. *Psychology of empathy: Theory and application*. Dr. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 1995, 252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugyqlh>
- Яковлева И. М. Формирование профессионально-ценностных ориентаций будущих учителей-олигофренопедагогов. *Сибирский педагогический журнал*. 2009. № 4. С. 158–166. [Yakovleva I. M. Formation of vocational counsellings-valuable of the future teachers of mental disability. *Siberian Pedagogical Journal*, 2009, (4): 158–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldhdup>
- Aslan A. E., Kirikkanat B. Achievement and motivation: A different perspective on familiar concepts. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 106: 308–316. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.036>
- Elliot A. J., Hulleman C. S. Achievement goals. *Handbook of competence and motivation: Theory and application*, eds. Elliot A. J., Dwek C. S., Yeager D. S. 2nd ed. New York: The Guilford Press, 2017, 43–60.
- Filipkowski J., Derbis R. Are we happy with our work in globalization? Globalization experience, achievement motivation, and job seniority as predictors of work satisfaction in a group of office workers. *Globalization and Health*, 2023, 19. <https://doi.org/10.1186/s12992-023-00941-w>
- Khamidova S. A., Usmanova E. S. The importance of psychological culture for modern society. *Science and Innovation*, 2024, 3(1): 137–140. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10514885>
- Kornilova T. V., Chumakova M. A. Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology*, 2014, 7(1): 92–110. <https://elibrary.ru/sekyux>
- Pancasila I., Haryono S., Sulisty B. A. Effects of work motivation and leadership toward work satisfaction and employee performance: Evidence from Indonesia. *Journal of Asian Finance Economics Business*, 2020, 7(6): 387–397. <https://doi.org/10.13106/jafeb.2020.vol7.no6.387>

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературные редакторы – Молокова Ксения Игоревна,
Старикова Людмила Семеновна, Федькина Анна Петровна
Корректор – Старикова Людмила Семеновна.

Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.

Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editors – Ksenia I. Molokova, Lyudmila S. Starikova,
Anna P. Fedkina.

Proof-reader – Lyudmila S. Starikova

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 13.04.2026.

Дата выхода в свет 14.05.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 26,27. Уч.-изд. л. – 22.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

